ISSN 2077-8325

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

№3 (85)-2024

ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА

UNIVERSITY
BULLETIN

РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

Основан в 2002 г.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (85) – 2024 г.

Душанбе – 2024

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

UNIVERSITY BULLETIN

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 (85) – 2024 г.

Dushanbe – 2024

ISSN – 2077-8325
Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Файзулло Машраб Курбонали, доктор экономических наук
Редакционная коллегия:
Русакова Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
заместитель главного редактора журнала
Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:
Шамбезода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук (Таджикистан)
Салимов Рустам Давлатович, доктор филологических наук (Таджикистан)
Искандарова Дилоро Мукаддасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)
Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)
Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)
Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)
Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)
Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)
Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:
Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)
Комилов Сироджиддин Джалалиддинович, доктор экономических наук (Таджикистан)
Амонова Дильбар Сабхоновна, доктор экономических наук (Таджикистан)
Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)
Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)
Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)
Ташбаева Рано Гайбуллаевна, кандидат экономических наук (Узбекистан)

Редактор:	Р.В.Баратова
Технический редактор:	Г.Х.Ташматова
Перевод на английский язык:	С.У.Тагаева
Перевод на таджикский язык:	Р.Р.Раджабова
Компьютерная верстка:	Н.Р.Тохиров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан
Свидетельство о регистрации №275/ЖР-97 от 08 февраля 2023 года.
Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации
Подписной индекс журнала 77691
Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, улица М. Турсунзаде, д.30
тел: (+992 44) 620 42 34; 620 42 11
www.rtsu.tj
vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) ежеквартально публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики и филологии. Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена по месту его работы (требования к рецензированию см. на сайте РТСУ).

Авторы представляют свои работы в электронной и печатной версиях, оформленные в соответствии с требованиями, установленными Правилами для авторов.

Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

К рукописи статьи обязательно прилагается справка о прохождении через систему «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 70%.

Общий объем статьи без аннотации, ключевых слов и списка литературы – не менее 10 страниц, но не более 14 страниц.

В структурные элементы статьи входят (в порядке расположения): УДК, название статьи, ФИО автора/авторов (полностью) с указанием ученой степени, ученого звания (при наличии), должности, названия структурного подразделения, учреждения/организации, почтового адреса с индексом, номера телефона и E-mail; аннотация (150-200 слов) на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

Аннотация должна ясно излагать содержание статьи и быть пригодной для публикации отдельно от статьи. В аннотации необходимо кратко описать актуальность рассматриваемой проблемы, цель работы, элементы новизны, результаты исследования и общий вывод.

Статья должна носить проблемный характер, в ней должны отражаться научная новизна проблемы или новизна подходов к её решению, знание автором научных достижений в этой области, результаты исследования и чётко сформулированные выводы. Необходимо соблюдать точность цитирования, фактологическую достоверность, научный стиль изложения, ясность и последовательность выражения суждений (мыслей).

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатуры приводятся сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет) (далее – РТСУ).

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

В списке должно быть представлено не менее 10 наименовании только научной литературы, в том числе не менее 5 источников, опубликованных за последние 5 лет. При-

ветствуются материалы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях и за рубежом. Самоцитирование, использование учебников и учебных пособий строго ограничено. Список литературы располагается в алфавитном порядке, сначала указываются работы на русском языке, далее литература на иностранных языках. Работы отечественных ученых, опубликованные на таджикском языке, приводятся в переводе на русский язык в общем перечне с русскоязычными источниками с указанием языка оригинала (на тадж.яз.). В список литературы не должны включаться работы, ссылки на которые отсутствуют в тексте статьи.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитированная страница (напр.: [7, с.20]).

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Ответственность за достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и текст аннотации на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

Страницы статьи должны иметь сквозную нумерацию. Рукопись должна быть тщательно выверена и отредактирована автором.

Ответственный секретарь редакционной коллегии может самостоятельно отправить рукопись на доработку в случае, если её оформление не соответствует установленным правилам оформления.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные поправки, не искажающие основное содержание статьи.

Статьи, не отвечающие правилам оформления, к рассмотрению не принимаются, рукописи не возвращаются.

Доработанный вариант статьи с её электронной версией возвращается в редакцию вместе с первоначальной версией не позднее, чем через две недели после получения замечаний. В случае нарушения указанного срока, а также повторного обнаружения ошибок и недоработок дата опубликования статьи переносится на более поздний срок.

Датой поступления считается день поступления окончательного варианта текста статьи.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 13

• **ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Джабборова М.Т. Глагольные фразеологические единицы русского языка и явление интерференции в речи студентов-билингвов 16
Слободчиков И.М. Текст и подтекст: метафоры сказок Х.К.Андерсена 25
Султанова Р.М. Воссоздание семантики устойчивых словосочетаний в языке-реципиенте 32
Антанович Н.А. Билингвизм в языковой политике: политологические аспекты исследования (на примере Республики Беларусь) 44
Давлатмирова М.Б. Этнолингвокультурные особенности отражения символики чисел в памирских языках 56
Воробьев В.В., Колесникова Л.Н. Коммуникативная лингвокультурология в обучении РКИ 66
Брагина М.А., Левина В.Н., Иванова С.С. Лингвостилистические способы репрезентации философских категорий в цикле Ю.В.Бондарева «Мгновения» 77
Норов М.Б. Некоторые положительные черты семейного национального уклада в «Воспоминаниях» С.Айни 89
Дуктова Л.Г. Рецепция национальных кодов в индивидуально-авторской парадигме (на примере эпических произведений современных белорусских писателей) 101
Салоев А.Т., Калинина Ю.М., Свешникова О.А. Лингвокультурологический анализ этикетных форм благодарности в разных языках и культурах (на примере русского и таджикского языков) 118
Половникова А.Ю., Куриленко В.Б. Семантический анализ концепта «*Любовь*» в поэзии рубежа XX-XXI вв. с использованием компьютерных (цифровых) методов описания языка 130
Рустамзода Ш.Р. Сравнительный анализ внутренней формы фразеологизмов: ключ к культурной картине мира (на материале «Бустон» Саади Шерози и фразеологизмов английского языка) 144
Кобылко Я. Речевая деятельность как дихотомия языка и речи: анализ фразы Л.В.Щербы «Глокая куздра…» 158
Дуктова Л.Г., Шарапова Е.В. Современные тенденции и направления развития научной коммуникации 169
Астахова Я.А. Специфика употребления синтаксического фразеологизма *(с)даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* в диалогической речи 189
Сайфуллаева З.А. К проблеме периодизации персидско-таджикской литературы 200
Шарипов В.А. Лексические стилистические средства в русском переводе «Шахнаме» Фирдоуси 210
Давлатов М.А. Когнитивная лингвистика в новой парадигме: от изучения природы языка к производственным приложениям для искусственного интеллекта 220

Слуцкая Л.В. Язык как фактор идентичности и консолидации в цифровом пространстве 231
Сохибназарбекова Р.М. Специфика освещения женской тематики на страницах газеты «Овози тоджик» (20-е гг. XX века) 240
Лонцкая М.А. Проблема грамматического статуса возвратного перфективного пассива в русском языке 252
Пшеничникова А.Ю. Гастрономическая лексика Аргентины 263
Хакимов А.А. Роль СМИ в формировании стереотипов в молодежной среде 270

- **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Кодирзода Д.Б., Махмудов Ф.И., Кодирова М.Д. Концептуальные основы изучения сущности и содержания банковских продуктов в условиях рынка 283
Баринов М.А. Формирование инновационных территориальных кластеров в регионах Центрального Федерального округа 300
Ниёзов Д.С. Оценка конкурентоспособности предприятий розничной торговли на основе метода анализа иерархии 313
Сангинов Н.С. Ситуационный подход к поиску малозатратного механизма балансирования спроса на квалифицированные кадры и их предложения 325
Фозилханов Д.О., Салиева Х.Ш. Совершенстование инвестиционной деятельности инновационных проектов в сфере услуг в Республике Таджикистан 336

CONTENTS

Preface 13

- **PHILOLOGICAL SCIENCES**

Jabborova M.T. Verbal phraseological units of the Russian language and the phenomenon of interference in the speech of bilingual students 16
Slobodchikov I.M. Text and subtext: metaphors of H.C.Andersen's fairy tales 25
Sultanova R.M. Recreation of the semantics of set phrases in the recipient language 32
Antanovich N.A. Bilinguism in language politics: politological aspects of research (on the example of the Republic of Belarus) 44
Davlatmirova M.B. Ethnolinguistic and cultural peculiarities of number symbolism reflection in pamir languages 56
Vorobyov V.V., Kolesnikova L.N. Communicative linguocultural study in teaching Russian as a foreign language 66
Bragina M.A., Levina V.N., Ivanova S.S. Linguostylistic methods of representing philosophical categories in the cycle "Moments» by Yu.V.Bondarev 77
Norov M.B. Some positive features of the family national way of life in Aini's «Memoirs» 89
Duktova L.G. Reception of national codes in the individual-author paradigm (Based on the example of epic works of modern Belarusian writers) 101
Saloev A.T., Kalinina Yu.M., Svhnikova Ol.A. Linguoculturological analysis of etiquette forms of gratitude in different languages and cultures (based on the example of Russian and Tajik languages) 118
Polovnikova A.Yu., Kurilenko V.B. Semantic analysis of the concept "*Love*" in poetry of the turn of the 20th-21st centuries with the use of computer (digital) methods of language description 130
Rustamzoda Sh.R. Comparative analysis of the internal form of phraseological units: the key to the cultural picture of the world (based on Saadi's «Buston» and English phraseological units) 144
Kobylko Ya. Speech activity as a dichotomy of language and speech: analysis of L.V.Shcherba's phrase "Glokaya kuzdra..." 158
Duktova L.G., Sharapova A.V. Current trends and directions in the development of scientific communication 169
Astakhova Ya.A. Specificity of using syntactic phraseological unit (*с)даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* in dialogical speech 189
Saifullaeva Z.A. To the problem of periodization of Persian-Tajik literature 200
Sharipov V.A. Lexical stylistic means in the Russian translation of Firdausi's "Shahname" 210
Davlatov M.A. Cognitive linguistics in the new paradigm: from studying the nature of language to industria applications for artificial intelligence 220
Slutskaya L.V. Language as a factor of identity and consolidation in the digital space 231

Sohibnazarbekova R.M. Specificity of covering women's topics on the pages of the newspaper "Ovozi Tojik" (1920s of the XX century) 240
Lontskaya M.A. The problem of grammatical status of the reflexive perfective passive in the Russian language 252
Pshenichnikova A.Yu. Gastronomic vocabulary of Argentine 263
Khakimov A.A. The role of mass media in the formation of stereotypes among young people 270

- **ECONOMIC SCIENCES**

Kodirzoda D.B., Mahmudov F.I., Kodirova M.D. Conceptual framework for studying the essence and content of banking products in market conditions 283
Barinov M.A. Formation of innovative territorial clusters in the regions of the Central Federal District 300
Niyozov J.S. Assessment of competitiveness of retail trade enterprises based on the method of hierarchy analysis 313
Sanginov N.S. Situational approach to searching for a low-cost mechanism for balancing demand and supply for qualified personnel 325
Fozilkhanov D.O., Salieva Kh.Sh. Support of investment activities of innovative projects in the service sector in the Republic of Tajikistan 336

МУНДАРИҶА

Муқаддима 13

- **ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГӢ**

Ҷабборова М.Т. Воҳидҳои феълии фразеологии забони русӣ ва падидаи дохил шудан ба он дар нутқи донишҷӯёни дузабона 16
Слободчиков И.М. Матн ва зерматн: истиораҳои афсонаҳои Ҳ.К.Андерсен 25
Султонова Р.М. Таҷдиди маънои ибораҳои рехта дар забони қабулкунанда 32
Антанович Н.А. Билингвизм дар сиёсати забон: ҷанбаҳои сиёсатшиносии тадқиқот (дар мисоли Ҷумҳурии Беларус) 44
Давлатмирова М.Б. Хусусиятҳои мардумӣ, забонӣфарҳангии инъикоси рамзшиносии ададҳо дар забонҳои помирӣ 56
Воробев В.В., Колесникова Л.Н. Лингвокултурологияи коммуникативӣ дар таълими забони русӣ ҳамчун хориҷӣ 66
Брагина М.А., Левина В.Н., Иванова С.С. Усули забонию услубии муаррифии категорияҳои фалсафӣ дар силсилаи осори Ю.В.Бондарев «Лаҳзаҳо» 77
Норов М.Б. Баъзе ҷиҳатҳои мусбати шеваи миллии оиладорӣ дар «Ёддоштҳо»-и С.Айнӣ 89
Дуктова Л.Г. Қабул кардани рамзҳои миллӣ дар парадигмаи фардии муаллиф (дар мисоли асарҳои эпикии нависандагони муосири Беларус) 101
Салоев А.Т., Калинина Ю.М., Свешникова О.А. Таҳлили лингвофарҳангии шаклҳои этикети миннатдорӣ дар забону фарҳангҳои гуногун (дар мисоли забонҳои русӣ ва тоҷикӣ) 118
Половникова А.Ю., Куриленко В.Б. Тахлили семантикии консепти «Ишқ» дар ашъори давраи асрҳои XX-XXI бо истифодаи усулҳои компютерии (рақамии) тавсифи забон 130
Рустамзода Ш.Р. Таҳлили муқоисавии шакли дохилии фразеологизмҳо: калиди тасвири мадании ҷаҳон (дар маводи «Бӯстон» Саъдии Шерозӣ ва фразеологизмҳои забони англисӣ) 144
Кобилко Я. Фаъолияти нутқӣ ҳамчун дихотомияи забон ва сухан: таҳлили ибораи Л.В.Щерба «Глокая куздра...» 158
Дуктова Л.Г., Шарапова Е.В. Тамоюлҳои муосир ва самтҳои рушди робитаҳои илмӣ 169
Астахова Я.А. Хусусияти истифодаи воҳидҳои фразеологизмҳои синтаксисӣ *(в) таслим шудан[pst] pronpers[dat] ин пр[ном]* дар нутқҳои диалогӣ 189
Сайфуллоева З.А. Масъалаи даврабандии адабиёти форсу тоҷик 200
Шарипов В.А. Воситаҳои услубии луғавӣ дар тарҷумаи русии «Шоҳномаи» Фирдавсӣ 210
Давлатов М.А. Лингвистикаи когнитивӣ дар парадигмаи нав: аз омӯзиши табиати забон то замимаҳои истеҳсолӣ барои зеҳни сунъӣ 220
Слуская Л.В. Забон ҳамчун омили ҳувият ва муттаҳидӣ дар фазои рақамӣ 231

Соҳибназарбекова Р.М. Махсусиятҳои инъикоси масоили занон дар саҳифаи рӯзномаи “Овози тоҷик” (солҳои 1920-и асри XX) 240
Лонтская М.А. Проблемаи вазъи грамматикии пассиви баргардандаи перфективӣ дар забони руси 252
Пшеничникова А.Ю. Луғати гастрономии Аргентина 263
Ҳакимов А.А. Нақши вао дар ташаккули стереотипҳо дар муҳити ҷавонон 270

- **ИЛМҲОИ ИҚТИСОДӢ**

Қодирзода Д.Б., Махмудов Ф.И., Қодирова М.Д. Асосҳои консептуалии омӯзиши моҳият ва мазмуни маҳсулоти бонкӣ дар шароити бозор 283
Баринов М.А. Ташаккули кластерҳои инноватсионии ҳудудӣ дар минтақаҳои Ҳавзаи Марказии Федералӣ 300
Ниёзов Ҷ.С. Баҳодиҳии рақобатпазирии корхонахои савдои чакана бо усули таҳлили иерархия 313
Сангинов Н.С. Дарёфти механизми камхарҷи таъмини баробарвазнии талаботу пешниҳодот ба кадрҳои соҳибтахассус аз диди вазъӣ 325
Фозилхонов Д.О., Салиева Ҳ.Ш. Такмили фаъолияти сармоягузории лоиҳаҳои инноватсионӣ дар соҳаи хизматрасонӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон 336

Уважаемые читатели, дорогие друзья!

Мы рады отметить, что 2024 год был весьма плодотворным для российско-таджикского сотрудничества в сфере науки и образования, так как совместными усилиями преподавателей и сотрудников Внститута русского языка Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы и коллег из ведущих образовательных организаций Республики Таджикистан был реализован целый комплекс политематических проектов научно-образовательного, культурно-просветительского и общегуманитарного характера: серия научно-методических семинаров, просветительские телемосты и заседания киноклубов, профориентационные мероприятия для желающих получить качественное образование в России.

Учитывая высокую активность участников этих мероприятий, можно с уверенностью сказать, что популярность русского языка в Таджикистане возрастает с каждым годом. Русский язык продолжает играть важную роль в научно-образовательной и социально-экономической сферах Республики Таджикистан, являясь эффективным инструментом межнационального общения.

Представленные для специального выпуска журнала «Вестник университета» (РТСУ) материалы знакомят широкую научную общественность с различными направлениями современных исследований в области филологии. Следует отметить, что в этом году в подготовке выпуска приняли участие в том числе ведущие ученые из Республики Беларусь, которые представили результаты исследования такого феномена, как билингвизм, что важно для всех стран постсоветского пространства, а также затронули актуальную научную проблему функционирования языка как фактора идентичности и консолидации в цифровом пространстве.

Выражаем уверенность, что каждая статья специального выпуска журнала, подготовленного интернациональным научным коллективом, заслуживает самого серьезного прочтения и внимания, а также может вдохновить на создание и реализацию новых проектов по изучению русского языка и процессов межкультурной коммуникации.

Институт русского языка
Российского университета
дружбы народов
имени Патриса Лумумбы

Dear colleagues and dear friends!

We are pleased to note that 2024 was a very fruitful year for Russian-Tajik cooperation in the field of science and education, as a whole range of polythematic projects of scientific-educational, cultural-educational and humanitarian nature was implemented by the joint efforts of teachers and staff of the Institute of Russian Language of the People's Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba and colleagues from the leading educational institutions of the Republic of Tajikistan: a series of scientific-methodological seminars, educational teleconferences and film club meetings, and professional orientation events for those wishing to receive a quality education in Russia.

Taking into account the high activity of the participants of these events, it can be said with certainty that the popularity of the Russian language in Tajikistan increases every year. The Russian language continues to play an important role in the scientific-educational and social-economic spheres of the Republic of Tajikistan, being an effective instrument of international communication.

The materials presented for the special issue of the "University Bulletin" (RTSU) journal introduces the wider scientific community to various directions of modern research in the field of philology. It should be noted that this year, leading scientists from the Republic of Belarus took part in the preparation of the issue, including those who presented the results of the study of such a phenomenon as bilingualism, which is important for all countries of the post-Soviet space, and also touched on the current scientific problem of language functioning as a factor of identity and consolidation in the digital space.

We express our confidence that each article of the special issue of the journal, prepared by an international scientific team, deserves the most serious reading and attention, and may also inspire the creation and implementation of new projects for the study of the Russian language and the processes of intercultural communication.

Institute of Russian language
People's Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba

Хонандагони муҳтарам, дӯстони азиз!

Бо камоли хушнудӣ қайд менамоем, ки соли 2024 барои ҳамкориҳои Русия ва Тоҷикистон дар соҳаи илму маориф соли хеле пурсамар буд, зеро бо саъю кӯшиши муштараки омӯзгорон ва кормандони Донишкадаи забони русии Донишгоҳи дӯстии халқҳои Русия ба номи Патрис Лумумба ва ҳамкасбон аз ташкилотҳои пешқадами таълимии Ҷумҳурии Тоҷикистон як қатор лоиҳаҳои силсилаи илмию методии таълимии фаннӣ ва фарҳангӣ аз ҷумла, телеконференсияҳои таълимӣ ва вохӯриҳои клубҳои кино, чорабиниҳо оид ба роҳнамоии касб барои онҳое, ки мехоҳанд дар Русия таҳсилоти босифат гиранд амалӣ гардиданд.

Фаъолияти хуби иштирокчиёни ин чорабиниҳоро ба назар гирифта, метавон гуфт, ки маҳбубияти забони русӣ дар Тоҷикистон сол аз сол меафзояд. Забони русӣ дар соҳаҳои илму маориф ва иҷтимоию иқтисодии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун воситаи муассири муошират байни миллатҳо нақши муҳим бозида истодааст.

Маводҳое, ки ба шумораи махсуси маҷаллаи «Вестник университета» (Паёми донишгоҳ) (ДСРТ) пешниҳод шудаанд, аҳли ҷомеаи илмиро бо самтҳои гуногуни тадқиқоти муосир дар соҳаи филология шинос мекунанд. Қобили зикр аст, ки соли равон дар таҳияи ин масъала олимони варзидаи Ҷумҳурии Беларус иштирок намуда, натиҷаҳои таҳқиқоти чунин падидае ба мисли дузабонӣ, ки барои ҳамаи кишварҳои пасошӯравӣ муҳим аст, пешниҳод намуда, ба проблемаи илмии имрӯзаи фаъолияти забон ҳамчун омили ҳувият ва муттаҳидшавӣ дар фазои рақамӣ мудохила намуданд.

Мо итминон дорем, ки ҳар як мақолаи шумораи вижаи маҷалла, ки аз ҷониби як гурӯҳи тадқиқотии байналмилалӣ таҳия шудааст, сазовори мутолиа ва таваҷҷуҳи ҷиддӣ аст ва инчунин метавонад барои эҷод ва татбиқи лоиҳаҳои нав оид ба омӯзиши забони русӣ ва равандҳои муошират байнифарҳангӣ илҳом бахшад.

Институти забони русии
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
ба номи Патрис Лумумба

УДК 811.161.1’367.4:811.222.8’367.4

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РЕЧИ СТУДЕНТОВ-БИЛИНГВОВ

Джабборова Мархабо Тухтасуновна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (м.)

Актуальность проблематики исследования обусловлена тем, что трудности использования русских фразеологизмов и частые случаи интерференции в речи обучающихся связаны с типологическими особенностями родного таджикского и иностранного русского языка. Отмечается, что изучение фразеологизмов русского языка стимулирует интерес к нему, способствуя, таким образом, обогащению словарного запаса и практическому овладению русским языком. Выявлено, что при усвоении фразеологизмов русского языка трудности чаще всего возникают тогда, когда в их составе присутствуют компоненты с обозначением русских реалий, т.е. безэквивалентная лексика. В данном исследовании проанализированы глагольные фразеологизмы русского языка, их таджикские аналоги и таджикские соответствия. Показано, что проблемы при изучении русских фразеологизмов возникают при усвоении грамматических особенностей, не характерных для таджикского языка, к примеру, категории рода и падежа имени существительного или вида глагола в русском языке.

Ключевые слова: фразеологическая картина мира; обучающиеся-билингвы; интерференция; глагольная фразеология; безэквивалентная лексика; многозначность фразеологизмов; таджикские аналоги; фразеологические соответствия.

В языковой системе любого языка фразеологизмы занимают достойное место, представляя собой экспрессивный пласт языка. В лингвистике и дидактике давно доказано, что фразеологические единицы олицетворяют собой один из значимых источников обогащения лексики языка и пополнения словарного фонда, а усвоение их специфических свойств и умение уместно и грамотно подбирать и использовать в соответствии с речевой ситуацией является необходимым условием яркого, выразительного и точного высказывания.

Фразеологическое богатство русского языка огромно и бесценно. И тот, кто проявляет особый интерес к русскому языку, для кого значима русская речь, при том, что русский является для него иностранным языком, и кто уже овладел этой речью хорошо, тот действительно может ощутить особое удовлетворение от свободного пользования фразеологическим фондом русского языка, одновременно обогащаясь этическими и культурными ценностями носителей языка.

Приоритетные задачи обучения русскому языку как иностранному, как известно, неразрывно соприкасаются с тем, чтобы процессы овладения знаниями о построении и функционировании русского языка, изучения норм русского литературного языка и формирования умения пользоваться его богатейшими языковыми ресурсами, в частности, фразеологизмами, для передачи образного восприятия действительности, ознакомления с традициями и обычаями русского народа, сочетались с активным развитием не только речемыслительных и интеллектуальных, но и творческих способностей обучающихся-билингвов.

Перед тем, как рассмотреть вопрос о трудностях изучения русских фразеологизмов, необходимо обратить внимание на проблему характеристики используемых функционируемых языков: родного таджикского для носителей языка и иностранного русского как языка обучения, – так как основные сложности усвоения русского языка и частые случаи интерференции в русской речи таджикских билингвов связаны именно со спецификой данных языков.

Итак, исследуемые русский и таджикский языки, с одной стороны, генетически родственные, поскольку относятся к одной большой индоевропейской языковой семье, с другой – различаются типологическими свойствами, в частности, таджикский язык по типу не флективный, с признаками агглютинации, местами синтетический, но определяющийся как аналитический, в то же время язык обучения – русский характеризуется как флективный, синтетический, имеющий и аналитические показатели. Следовательно, можно констатировать, что сопоставляемые таджикский и русский являются разноструктурными языками в типологическом плане, и это является главными причинами различий в языковых системах двух анализируемых языков, которые приводят к допущению различных интерферентных ошибок.

Использование при обучении русскому языку фразеологического богатства русского языка, в том числе сопоставление фразеологических единиц русского и таджикского языков, определение их соответствий, полной эквивалентности и специфических особенностей, прежде всего, может стимулировать особый интерес к изучаемому русскому языку, так как обучение языку невозможно без знания фразеологии. А это, в свою очередь, будет способствовать не только обогащению словарного запаса и правильному практическому овладению русским языком в устной и письменной формах, но и формированию лингвокультурологической и социокультурной компетенций и, конечно же, в какой-то степени достижению полного продуктивного билингвизма, а именно, устранению сложности понимания русской речи и препятствий в свободной коммуникации на русском языке, которое посодействует социолингвистической компетенции - базовой составляющей коммуникативной компетенции.

В практике преподавания русского языка для того, чтобы привлечь внимание обучающихся-билингвов к изучению русского языка и вызвать желание как можно больше узнавать о нем, развивать их русскую речь и научить правильно и красиво говорить по-русски, работа с фразеологизмами на протяжении всего обучения в вузе, как, например, в практическом курсе русского языка, в курсе современного русского языка и межкультурной коммуникации, предполагает

изучение основных языковых особенностей фразеологических единиц и их функциональной специфики в речи. В этом и заложена главная задача изучения русской фразеологии обучающимися-билингвами – формирование учебно-языковых умений, способствующих развитию речи, закреплению полученных лингвистических знаний, а точнее исследованию грамматических признаков фразеологических единиц, характеристике их лексических и грамматических значений, толкованию семантики фразеологических оборотов и подбору таджикских эквивалентов, проведению работы с безэквивалентными компонентами в составе данных единиц и, наконец, уместному и правильному употреблению их в разных сферах применения, в первую очередь, в коммуникации.

Этим объясняется тот факт, что обеспечение систематического и целенаправленного подхода к выполнению комплекса работ по усвоению фразеологического фонда русского и таджикского языков в значительной степени способствует формированию и развитию логического мышления, что признаётся лингвистами и методистами важным направлением в обучении русскому языку.

С этой целью нужно содействовать формированию умений анализировать и сопоставлять фразеологические единицы для прочного их усвоения и обязательной семантизации, подбирать аналоги и определять «совпадения по составу, грамматической структуре и стилистической окраске» [1, с.92], наконец, классифицировать изучаемый материал для последующего формирования русского и таджикского фразеологического словаря, т.е. необходимо постоянно искать наиболее эффективные способы и приёмы овладения знаниями, пути формирования осознанных умений и навыков.

Учитывая то положение, что фразеология является относительно самостоятельной областью лингвистики, но тесно связана с лексикологией, «исследование фразеологических единиц осуществляется, во-первых, с рассмотрения их семантики; анализа явлений моносемии и полисемии, а также омонимии, синонимии, антонимии; во-вторых, определения происхождения исследуемых конструкций, изучения функционирования и отражения их в словарях» [4, с.267]. Изучение и закреплении материала о фразеологических конструкциях вызывает необходимость проведения различного вида упражнений для того, чтобы обучающиеся выполняли их разными способами. Для таджикского обучающегося трудно употреблять фразеологизм, если он не знает его семантику, в связи с этим объяснение значения фразеологической конструкции, страноведческое комментирование, рассмотрение составных компонентов фразеологизма могут способствовать закреплению сведений об исследуемых единицах [1, с.92].

Для повышения эффективности обучения русскому языку как иностранному рекомендуется интегрировать изучение фразеологизмов с другими разделами языкознания. Такой подход позволяет студентам глубже понять особенности функционирования фразеологических единиц в языке и научиться правильно использовать их в речи. В практическом курсе русского языка или на занятиях по современному русскому языку, например морфологии, изучение фразеологических оборотов можно совместить с изучением специфики частей речи.

Исследование системы русского глагола открывает широкие возможности для интеграции фразеологического материала в учебный процесс, поскольку, как считает академик В.В.Виноградов, «семантическая структура глагола более емка и гибка, чем всех других грамматических категорий. Это свойство глагола зависит от особенностей грамматического строя глагола" [3, с.339], поэтому глагольные фразеологические единицы, благодаря своей структурно-грамматической гибкости и способности могут легко сочетаться с другими частями речи [6, с.34] и представляют собой наиболее многочисленный и разнообразный пласт русской фразеологии [5, с.35].

Глагольные фразеологизмы русского языка охватывают широкий спектр значений, выражая различные действия, состояния и процессы. Семантика фразеологических единиц с глагольным компонентом, указывающих на физическое, эмоциональное и другие состояния человека, на переход из одного состояния в другое и пр., передается глаголами и глагольными словосочетаниями, которые являются их основными смысловыми компонентами, например: *«сводить на нет», «возлагать надежды», «выходить из себя», «поставить под удар».*

Для глагольных фразеологических единиц русского языка характерны следующие особые свойства: наличие глагола в качестве основного смыслового и грамматического центра устойчивого словосочетания, наличие и сохранение основным компонентом своих грамматических категорий (вид, время, наклонение, лицо и др.), а также способность выполнять функцию сказуемого в предложении [6, с.45].

В русском языке изучение глагольных фразеологизмов и использование их в речи представляет определенные трудности для студентов-билингвов. В качестве одной из основных проблем считается двойственная природа фразеологизмов, которая заключается в следующем: с одной стороны, данные конструкции, как и свободные словосочетания, состоят из отдельных слов, а вот с другой стороны, обладают целостным и не всегда прозрачным значением. Поэтому особенно сложными для понимания обучающихся оказываются фразеологические сращения (типа «*бить баклуши*» – *“даст болои даст монда шиштан”*), а иногда и единства, семантика которых не выводится из значений составляющих их компонентов [8, с.110-111].

В связи с этим студенты, изучающие русский язык как иностранный, часто испытывают трудности при интерпретации фразеологических сращений, а иногда и единств, пытаясь понять их значение путем дословного, подстрочного перевода отдельных сочетаний, не учитывая устойчивый и неразложимый характер этих выражений. В таких случаях для облегчения понимания идиоматических фразеологизмов билингвами рекомендуется использовать эквиваленты из родного языка обучающихся, если таковые имеются. В русском и таджикском языках можно найти множество примеров таких эквивалентов или соответствий, которые совпадают и по значению, и по стилистической окраске, хотя отличаются лексическим составом и структурой, а также и образностью.

По грамматической структуре таджикские аналоги русских фразеологизмов могут быть как совпадающими (их большинство), так и несовпадающими, как,

например, устойчивые сочетания, которые совпадают по этому признаку: *«вносить свой вклад» – «саҳми худро гузоштан», «попадаться на удочку» – «ба дом афтодан», «пускать пыль в глаза» – «ба чашм хок пошидан», «ломать голову» – «майна об кардан», «расхлебывать кашу”– «гиреҳро кушодан»*, «*держать ухо востро*» – «*гӯш ба қимор будан*» и др. или же несовпадающие: «*был таков*» – «*на пай на Ҳайдар*», «*валиться с ног*» – «*мадори пой хушк шуданаш*», «*водой не разольешь*» – «*як қулт обро бе ҳамдигар нахӯрдан*», «*делать нечего*» – «*илоҷ нест*» и пр.

Другой трудностью при изучении русской фразеологии для таджикских студентов является наличие в составе фразеологизмов безэквивалентной лексики, т.е. слов, обозначающих реалии русской культуры, которые не имеют прямых соответствий в таджикском языке. Например, русским фразеологизмам, имеющим в своем составе слова, выражающие исконно русские понятия *(«кулички», «задоринка», «полымя», «порожнее»*), в таджикских соответствиях использованы фразеологические конструкции с другой образной основой, например: “*оказаться у черта на куличках» – «дар пушти куҳи Қоф будан»,* «*переливать из пустого в порожнее*» – «*об дар ҳован кӯбидан*», «*попасть из огня да в полямя*» – «*аз барф гурехта ба борон дучор шадан*», «*идти без сучка без задоринки*» – «*бекаму кост, беайбу нуқс рафтан*» и др.

Сравнительный анализ глагольной фразеологии русского и таджикского языков выявляет наличие фразеологических пар, которые совпадают по значению, но имеют различия в компонентном составе. Эти различия могут проявляться в наличии общих и отличающихся компонентов, а также в отсутствии некоторых компонентов в одном из исследуемых языков. Исследование показало, что наиболее распространенным типом соответствий в фразеологических системах русского и таджикского языков являются устойчивые сочетания, имеющие один общий компонент, выраженный глаголом или именем, например: «*брать свои слова обратно*» – «*сухани худро гашта гирифтан*», «*бросать слова на ветер*» – «*суханҳои ҳавоӣ гуфтан*», «*вгонять в краску*» – «*пардаи руи касеро даррондан*», «*висеть на волоске*» – «*дар болои қил истодан*», «*водить за нос*» – «*бо ваъдаҳои дурӯғ касеро овора кардан*», «*вставать перед глазами*» – «*пеши назари касе омадан*», «*входить в привычку*» – «*ба ҳукми одат даромадан*», «*выносить сор из избы*» – «*гапи хонаро ба кӯча баровардан*», «*гнаться за двумя зайцами*» – «*бо як тир ду нишон заданӣ шудан», «действовать на нервы» – «ба асаби касе расидан», «задевать за живое» – «ба нафсонияти касе сахт расидан»* и т.д. Несовпадающие компоненты в таких парах обычно выражаются близкими по смыслу словами, что может вызывать трудности у студентов-билингвов при использовании русских фразеологизмов.

В некоторых случаях русским фразеологизмам соответствуют таджикские выражения, которые могут совпадать как по семантическим признакам, так и по лексическому составу, имея неравное количество компонентов. Это можно объяснить типологическими свойствами таджикского языка, в котором достаточно часто используются аналитические конструкции, сложно-именные и сложно-деепричастные формы глаголов в том числе.

Многозначность фразеологических единиц и расхождения в объеме значений между русскими и таджикскими фразеологизмами представляют собой еще одну проблему при изучении русской фразеологии таджикскими студентами. Часто русские фразеологизмы обладают более широким спектром значений по сравнению с их таджикскими аналогами. Например, фразеологизм "*разводить руками*" в русском языке может выражать как удивление, так и растерянность, в то время как в таджикском языке соответствующее выражение передает только значение удивления. Аналогичная ситуация наблюдается и с фразеологизмом "*сгущать краски*", который в русском языке может означать как преувеличение, так и намеренное искажение фактов в негативную сторону, в то время как в таджикском языке эквивалентное выражение передает только первое значение.

Многозначные фразеологизмы русского языка в аналогичных таджикских конструкциях имеют как совпадающие, так и не совпадающие значения. Например, фразеологическая единица «*поднимать на ноги*» имеет несколько значений в русском языке, включая "*вылечить", "воспитать*" и "*активизировать*". В таджикском языке существуют аналоги для первых трех значений, но отсутствуют эквиваленты для значений "*заставлять активно действовать*" и "*укрепить экономически*". В то же время, в таджикском языке данный фразеологизм имеет значения *«укрепить экономически»* и *«допускать к работе»,* которые отсутствуют в русских языке. Или же значения фразеологизма *«стать на ноги»* «оправиться от перенесенной болезни, несчастья» и «стать самостоятельным, занять твердое служебное, общественное положение» семантически аналогичны таджикскому варианту, но русского эквивалента значению *«стать богатым и обеспеченным»* нет.

Важно отметить, что явление многозначности русской фразеологии способствует подбору таджикских эквивалентов к каждому значению устойчивого словосочетания, и это затрудняет изучение фразеологизмов русского языка студентами-билингвами. Многие устойчивые сочетания русского языка, образованные по структурной схеме словосочетаний непредикативного характера, представляют собой сложный материал для обучающихся-билингвов. Фразеологизмам русского языка, построенным по модели «глагол + существительное», в таджикском языке эквивалентны словосочетания модели «существительное + глагол». Они представляют особую сложность для таджикских студентов, так как в таджикском языке аналогичные выражения чаще всего строятся именно по модели "существительное + глагол". Это связано с влиянием родного языка, которое приводит к тому, что студенты склонны использовать глагольный компонент фразеологизма в постпозиции.

Отсутствие в таджикском языке грамматических категорий рода и падежа существительных так же создает трудности при изучении русских глагольных фразеологизмов. Кроме того, сложности могут возникать из-за дистантного расположения компонентов фразеологизма в предложении, что не характерно для таджикского языка.

Вызывают трудности у таджикских студентов при изучении глагольных фразеологизмов и особенности функционирования грамматических категорий рус-

ских глаголов, в частности, категорий вида и времени. Например, русские глаголы, которые имеют обе формы вида, в составе фразеологизмов таджикского языке могут употребляться только в одной из форм, в то время как для глаголов таджикского языка грамматическая категория вида вообще не характерна.

Функционирование грамматических категорий вида и времени в русских глагольных фразеологизмах является той специфической областью, которая требует особого внимания при обучении языку как иностранному. Следовательно, комплексная методика обучения, учитывающая специфику усвоения глагольных фразеологических единиц студентами-билингвами, содействует преодолению интерференции и устранению связанных с ней трудностей.

Фразеологическая картина мира, благодаря своей яркости и эмоциональности, служит зеркалом национального менталитета русского и таджикского народов, отражая их культурные ценности, традиции и особенности мировосприятия. Таким образом, изучение фразеологизмов русского языка является важной составляющей процесса овладения языком и обогащения словарного запаса студентов-билингвов. Оно способствует не только развитию коммуникативных навыков и свободному владению русским языком, но и расширению кругозора, знакомству с культурным наследием русского и таджикского народов, а также формированию межкультурной компетенции. Как отмечал выдающийся педагог К.Д.Ушинский, «язык народа – это ключ к пониманию его характера и культуры». Билингвизм, возникающий в условиях межкультурного контакта, способствует повышению мотивации и стремления таджикских билингвов к овладению русским языком.

Высокий статус русского языка в современном Таджикистане, закрепленный в Конституции страны, подтверждает его роль как языка межнационального общения, науки, культуры, технологий и информации. Владение русским языком открывает перед гражданами нашей республики широкие возможности в сфере образования, трудоустройства, межкультурной коммуникации и личностного развития. Несмотря на то, что проблемы обучения русскому языку как иностранному не могут быть решены мгновенно, важно верить в возможность прогресса и продолжить работу над их устранением и преодолением, как говорил Норман Казинс: «Прорресс начинается с веры в то, что необходимое всегда возможно».

Литература

1. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учеб. пособие для преп. и студ. – М.: Изд-во РУДН, 2007. –185с.
2. Быстрова Е.А. Фразеологический словарь русского языка / Е.А.Быстрова, А.П.Окунева, Н.М.Шанский. – М.: Астрель, 2012. – 416 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М., 1972. – 614 с.
4. Воробьев В.В., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: учеб. пособие – М.: Ладомир, 2006. – 286 с.
5. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – 2-е изд., доп. – М., 2019. – 176с.

6. Зацепина К.Д. Изучение глагольных фразеологизмов на занятиях по русскому языку как иностранному [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. – 2015. – Вып. 5. – Режим доступа: http://hmbul.bmstu.ru/catalog/edu/phil/254.html
7. Маджидов Х.М. Фразеология современного таджикского языка. – Душанбе, 1982. – 103с. (на тадж. яз.).
8. Розенталь Д.Э. Современный русский язык. –9-е изд. / Д.Э.Розенталь, И.Б.Голуб, Теленкова М.А. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 448 с.
9. Шанский Н.М., Быстрова Е.А., Салихов С. 700 фразеологических оборотов русского языка. – М.: Русский язык, 1982. – 116с. (на тадж. яз.).

VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE PHENOMENON OF INTERFERENCE IN THE SPEECH OF BILINGUAL STUDENTS

Jabborova Marhabo Tukhtasunovna

Doctor of Philology,
professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (m.)

The actuality of the research problem is due to the fact that the difficulties in using Russian phraseological units and frequent cases of interference in the speech of students are associated with the typological features of the native Tajik and foreign Russian languages. It is noted that the study of phraseological units of the Russian language stimulates interest in it, thus contributing to the enrichment of vocabulary and practical mastery of the Russian language. It was revealed that mastering phraseological units of the Russian language, difficulties most often arise when they contain components denoting Russian realities, i.e. non-equivalent vocabulary. Verb phraseological units of the Russian language, their Tajik analogues and Tajik equivalents are studied in this paper. It is shown that problems in studying Russian phraseological units arise when mastering grammatical features that are not characteristic of the Tajik language, for example, the categories of gender and case of a noun or verb aspect in the Russian language.

Keywords: phraseological picture of the world; bilingual students; interference; verb phraseology; non-equivalent vocabulary; polysemy of phraseological units; Tajik analogues; phraseological correspondences.

ВОҲИДҲОИ ФЕЪЛИИ ФРАЗЕОЛОГИИ ЗАБОНИ РУСӢ ВА ПАДИДАИ ДОХИЛ ШУДАН БА ОН ДАР НУТҚИ ДОНИШҶӮЁНИ ДУЗАБОНА

Ҷабборова Марҳабо Тӯхтасуновна

Доктори илми филология,
профессори кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 08; (+992) 907 81 30 00 (м.)

Муваффақияти масъалаи тадқиқот аз он иборат аст, ки душвориҳои истифодаи воҳидҳои фразеологии русӣ ва зуд-зуд дахолат кардан ба нутқи донишҷӯён бо хусусиятҳои типологии забонҳои модарии тоҷикӣ ва русии хориҷӣ алоқаманд аст. Қайд карда мешавад, ки омӯзиши воҳидҳои фразеологии забони русӣ шавқу ҳавасро ба он бедор карда, бо ҳамин ба ғанӣ гардидани захираи луғат ва азхудкунии амалии забони русӣ мусоидат мекунад. Муайян карда шудааст, ки ҳангоми омӯзиши воҳидҳои фразеологии забони русӣ мушкилиҳо аксар вақт ҳангоми дарбар гирифтани ҷузъҳои воқеияти русӣ, яъне луғати ғайримуодил анҷом мепазирад. Дар ин таҳқиқот воҳидҳои фразеологии феълии забони русӣ, аналогҳои тоҷикии онҳо ва мувофиқати тоҷикии онҳо таҳлил карда мешавад. Нишон дода шудааст, ки дар омӯзиши воҳидҳои фразеологии русӣ хангоми азхуд намудани хусусиятҳои грамматикие, ки ба забони тоҷикӣ хос нестанд, масалан, категорияхои гендер ва ҳолати исм ё навъи феъл дар забони русӣ мушкилиҳо ба миён меоянд.

Калидвожаҳо: тасвири фразеологии ҷаҳон; донишҷӯёни дузабона; дахолат; фразеологияи феълӣ; луғати ғайриэквивалентӣ; бисёрмаъноии воҳидҳои фразеологӣ; аналогҳои тоҷикӣ; мувофиқати фразеологӣ.

УДК 821.113.4-32

ТЕКСТ И ПОДТЕКСТ: МЕТАФОРЫ СКАЗОК Х.К.АНДЕРСЕНА

Слободчиков Илья Михайлович

Доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры русистики, этноориентированной педагогики
и цифровой дидактики
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1500
slobodchikov_im@pfur.ru

Статья посвящена представлению о метафорах в контексте литературной сказки на примере сказок Х.К.Андерсена. Автор, представляя, анализируя категорию «метафора», рассматривает на примерах андерсеновских сюжетов возможности трансформации и интерпретации метафорических элементов. Статья является продолжением цикла работ, посвящённых исследованию подтекстов европейской литературной сказки.

Ключевые слова: метафора; подтекст; психологическая интерпретация; сказка; Х.К.Андерсен.

Метафора как троп, основанный на сравнении одного предмета или явления с другим на основе их сходства или контраста, является одним из ключевых инструментов художественной выразительности. В контексте литературоведения метафора рассматривается не только как стилистический прием, но и как способ познания и отражения действительности.

Метафоры в литературном произведении выполняют ряд важных функций:

1. Образная функция: создание ярких, запоминающихся образов.
2. Эмоционально-оценочная функция: передача авторского отношения к описываемым явлениям.
3. Познавательная функция: раскрытие новых аспектов привычных явлений.
4. Стилеобразующая функция: формирование уникального авторского стиля.
5. Текстообразующая функция: организация смысловой структуры текста.

Н.Ф.Крюкова в своём исследовании «Метафоризация и метафоричность как параметры рефлективного действования при продукции и рецепции текста» справедливо отмечает, что в современных трудах по метафоре можно выделить три основных взгляда на её лингвистическую природу:

- метафора как способ существования значения слова;
- метафора как явление синтаксической семантики;

• метафора как способ передачи смысла в коммуникативном акте.

В первом случае метафора рассматривается как лексикологическое явление. Такой подход является наиболее традиционным, поскольку наиболее тесно связан с представлением о языке как относительно автономной от речевой деятельности и стабильной системе. Соответственно, представители данного подхода считают, что метафора реализуется в структуре языкового значения слова. При втором подходе основное внимание уделяется метафорическому значению, возникающему при взаимодействии слов в структуре словосочетания и предложения. Он является наиболее распространённым: для него границы метафоры более широкие – она рассматривается на уровне синтаксической сочетаемости слов. Этот подход содержит больше динамизма. Третий подход – самый инновационный, поскольку рассматривает метафору как механизм формирования смысла высказывания в различных функциональных разновидностях речи. Для данного подхода метафора – это функционально-коммуникативное явление, реализующееся в высказывании / тексте. Первые два подхода обусловили развитие третьего, который можно назвать функционально-коммуникативным [1].

Нельзя не согласится с вышеуказанным исследователем и в том, что «…в основе всех взглядов на природу метафоры находится положение о метафорической природе мышления как такового. Наивысшее развитие метафорическое мышление получает в области словесного искусства как моделирующей системы, осваивающей все доступные человеку объекты бытия» [1].

В контексте сказочного жанра метафоры приобретают особое значение. Они не только обогащают художественную ткань повествования, но и служат средством выражения фантастического, волшебного начала. В сказках метафоры часто реализуются буквально, превращаясь в элементы сюжета и становясь движущей силой повествования. При этом, если говорить не о народной, но о литературной сказке, при том о европейской литературной сказке, мы обязаны указать на многосодержательность метафор и их исключительную объёмность, а ещё на безусловную – это обязательный элемент –драматическую наполненность. Иными словами, в тексте европейской литературной сказки – и встречаем мы это не только в текстах сказок Андерсена, но и у О.Уайльда, В.Гауфа, и в едва ли не в максимальной степени – в текстах Э.Т.Гофмана – метафора выполняет по сути роль «строительного материала» одновременно с ролью активатора и трансформатора содержания. Есть и ещё одно важное обстоятельство, связанное со смысловыми конструктами литературной сказки – именно метафора как таковая, является своеобразной точкой отсчёта реструктуризации сюжета.

Традиционно считается, что жизненный путь Х.К.Андерсена, полный трудностей и преодолений, оказал значительное влияние на его творчество. Родившись в бедной семье сапожника в Оденсе, Андерсен прошел долгий путь к признанию, что нашло отражение во многих его сказках. Мировоззрение Андерсена формировалось под влиянием романтизма, с его интересом к народному творчеству и индивидуальности художника. Также на него оказали влияние идеи Про-

свещения, что проявилось в дидактической направленности многих его произведений.

Всё вышесказанное верно, однако верно и другое – в немалой степени сюжеты сказок связаны с особенностями его воображения и фантазии, которые в свою очередь базируются на весьма специфических особенностях его личности, множественных страхах и фобиях и очень сложной невротическом конструкте поведения.

Обращаясь к нескольким наиболее известным сюжетам можно анализируя содержание метафоры увидеть конструкцию «без прикрас».

Сказка «Гадкий утенок». Центральная метафора сказки – трансформация и самопознание, она реализуется через образ утенка, превращающегося в прекрасного лебедя. Андерсен пишет: «Он не мог узнать себя в этом величественном создании. Как хорошо быть красивым и всеми любимым!» С одной стороны, это высказывание отсылает нас к судьбе самого автора – образ гадкого утёнка прямая проекция личности автора, с другой стороны, – «истинная цена» преображения – не просто желание от отчаяния, но и безусловная готовность к расставанию с жизнью – «Вон плывут эти красивые птицы, пойду к ним, пусть они меня заклюют» [2, с.9].

И именно эта готовность к смерти, пресуицид – является поворотным ключом к преображению, внутренняя уверенность в собственной ненужности, помноженная на готовность отказа от жизни, трансформируется в визуальную и действенную конструкцию рождая смысловой посыл – даже в самый глубокий колодец отчаянья способен пробиться луч тепла и света.

В «Снежной королеве» метафора холода, как снова – традиционно считается, используется для передачи идеи эмоциональной отчужденности. Осколок волшебного зеркала, попавший в сердце Кая, символизирует эмоциональную отрешённость, фактическую блокаду способности любить и сопереживать, но в то же время активируя способность учиться и, будем честны весьма специфически, но – совершенствоваться. Неслучайно, как я упоминал в одной из своих работ – зеркало тролля, согласно прямому переводу, показывало вещи в их истинном свете [3].

Ключом к открытию одной из центральных метафор сюжета является финальная реплика Снежной Королевы, которая, к слову сама по себе, символ не только холода, но и красоты и ещё многого, что вбирает в себя любой понастоящему сложный образ. Впрочем, всему своё время и о содержании и подтекстах трактовок образов речь ещё впереди, пока же – ключ – «я подарю тебе весь мир и коньки». Со мной можно спорить безусловно, но если за этой фразой не стоит понимания природы детства (читаем мальчишества), совмещённая с пониманием природы мира – значит главная героиня попросту напыщенна и глупа, что в контексте сюжета никаким образом невозможно.

О жертвенности, искуплении и запуске психодраматических механизмов личностной трансформации мы опять-таки, в своё время, поговорим отдельно, пока же метафора голоса как символа самовыражения играет ключевую роль в «Русалочке». Потеря голоса главной героиней в обмен на человеческие ноги

символизирует жертву, которую необходимо принести ради любви и мечты. Андерсен пишет: «Она почувствовала, будто острый меч пронзил ее насквозь», метафорически описывая боль утраты важной части себя, но в то же время – мы не можем говорить, что Русалочка не знала и не понимала, что жертва её может оказаться напрасной – ведьма её честно! предупредила. Ключом к открытию этой метафоры, как ни удивительно является не фраза, но принцип – свободы и добровольности выбора. Русалочка сама пошла на риск, при этом ни принц, ни его избранница – будущая принцесса – не были ни в чём виноваты. Речь идёт о неоправдании жертвы, но в то же время и о «высшем вознаграждении» за искренность и бескорыстность – позволение Русалочке трансформироваться и перейти в «иное воплощение».

Благодаря использованию метафор, сказки Андерсена допускают многоуровневое прочтение. Дети воспринимают их как увлекательные истории с яркими образами, в то время как взрослые читатели могут увидеть более глубокий философский и социальный подтекст. Метафоры Андерсена часто апеллируют к эмоциональному опыту читателя, что усиливает эмпатию к персонажам и вовлеченность в повествование. Например, в «Девочке со спичками» холод зимней улицы становится метафорой социального равнодушия и отчуждения, вызывая сильный эмоциональный отклик у читателей. Многие метафоры Андерсена стали частью мировой культуры, войдя в общий лексикон и образную систему. Выражения «голый король» или «гадкий утенок» стали универсальными метафорами, используемыми далеко за пределами литературного контекста.

В метафорах Андерсена органично сочетаются элементы фольклорной традиции и индивидуально-авторского творчества. Он часто использует традиционные сказочные образы, но наполняет их новым, часто неожиданным содержанием.

Метафоры Андерсена часто служат средством психологической характеристики персонажей. Они позволяют автору передавать сложные эмоциональные состояния и мотивации героев, что не типично для традиционной сказки. В ряде сказок Андерсен использует метафоры для выражения своих взглядов на природу творчества и роль художника в обществе. Например, в «Соловье» противопоставление живого и механического пения может интерпретироваться как размышление о сущности искусства. Про метафору как инструмент исследования социальной проблематики («Новое платье Короля», «Девочка со спичками», «О том, как буря перевесила вывески», «Колоши счастья» и др.) особый разговор.

Метафорическая система Андерсена оказала значительное влияние на последующих авторов сказок, от Оскара Уайльда до современных писателей. Его способ использования метафор для создания многоуровневого повествования стал образцом для многих сказочников.

Важно отметить, что перевод метафор Андерсена представляет собой сложную задачу, так как многие из них основаны на особенностях датского языка и культуры. Переводчики сталкиваются с необходимостью найти эквиваленты, которые сохранили бы образность оригинала и были бы понятны читателям другой культуры. Интерпретация метафор Андерсена часто требует знания культурного

контекста Дании XIX века. Некоторые метафоры, очевидные для современников Андерсена, могут быть неясны современному читателю и требуют дополнительных комментариев.

При адаптации сказок Андерсена для детей часто возникает проблема упрощения сложных метафор без потери их смысловой глубины. Это требует особого мастерства от переводчиков и литературоведов.

Исследование метафор в сказках Г.Х.Андерсена позволяет глубже понять художественный мир писателя и его творческий метод. Метафоры в произведениях Андерсена многофункциональны: они создают яркие образы, раскрывают характеры персонажей, выражают авторскую позицию и формируют подтекст повествования.

Особенность метафор Андерсена заключается в их универсальности и многозначности. Они органично сочетают в себе элементы фольклорной традиции и индивидуально-авторского видения мира. Именно это позволяет сказкам Андерсена оставаться актуальными и понятными читателям разных возрастов, эпох и культур.

Важно отметить, что метафоры Андерсена не просто украшают текст, но и несут значительную смысловую нагрузку. Они позволяют автору затрагивать сложные философские и социальные темы в доступной форме, делая его сказки интересными как для детей, так и для взрослых. Влияние метафор Андерсена выходит далеко за рамки литературы. Многие из них стали частью мировой культуры, обогатив язык и образное мышление людей во всем мире. Это свидетельствует о глубине и универсальности образов, созданных датским сказочником.

Изучение метафор в сказках Андерсена остается перспективным направлением литературоведческих исследований. Дальнейшее изучение этой темы может включать анализ эволюции метафорической системы писателя на протяжении его творческого пути, сравнительный анализ метафор в оригинальных текстах и переводах, а также исследование влияния метафор Андерсена на последующую литературную традицию.

Литература

1. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлективного действования при продукции и рецепции текста: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Крюкова Наталья Федоровна. – Тверь, 2000. – 288 с.
2. Андерсен Г.Х. Сказки и истории. – М.: Худ. лит-ра, 1990.
3. Слободчиков И.М. Текст и подтекст: психологическая интерпертация образов героев сказок Х.К. Андерсена // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – №5(1) – С.154-158.
4. Брауде Л.Ю. Сказочники Скандинавии. – Л.: Наука, 1974. – 240с.
5. Гречушникова Т.В. Метафора как средство создания образа в сказках Г.Х.Андерсена // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. – 2015. – №1. – С.27-35.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256с.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Академический Проект, 2012. – 409с.

8. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. – М.: Лабиринт, 2001. – 192с.
9. Andersen H.C. The complete fairy tales and stories. – New York: Anchor Books, 1983.
10. Bom A.K. H.C. Andersen in the United States. – University Press of Southern Denmark, 2014.
11. Zipes J. Hans Christian Andersen: The misunderstood storyteller. – Routledge, 2005.
12. Wullschläger J. Hans Christian Andersen: The Life of a Storyteller. – University of Chicago Press, 2002.

TEXT AND SUBTEXT: METAPHORS OF H.C.ANDERSEN'S FAIRY TALES

Slobodchikov Il'ya Mikhailovich

Doctor of psychological sciences
professor of the chair of Russian studies,
ethnooriented pedagogy and digital didactics
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1500
slobodchikov_im@pfur.ru

The article is devoted to the idea of metaphors in the context of a literary fairy tale using the example of H.C.Andersen's fairy tales. The author, analyzing the category "metaphor", examines the possibilities of transformation and interpretation of metaphorical elements using examples of Andersen's plots. The article is a continuation of a series of works devoted to the study of the subtexts of the European literary fairy tale.

Keywords: metaphor; subtext; psychological interpretation; fairy tale; H.C.Andersen.

МАТН ВА ЗЕРМАТН: ИСТИОРАҲОИ АФСОНАҲОИ Ҳ.К.АНДЕРСЕН

Слободчиков Иля Михайлович

Доктори илмҳои равоншиносӣ, профессор,
профессори кафедраи русшиносии педагогикаи этно-баёнӣ
ва дидактикаи рақамӣ
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, иловагӣ 1500
slobodchikov_im@pfur.ru

Мақола ба мафҳуми истиора дар заминаи афсонаи адабӣ дар мисоли афсонаҳои Х.К.Андерсен бахшида шудааст. Муаллиф категорияи «метафора»-ро пешкаш ва таҳлил намуда, бо истифода аз мисолҳои сюжетҳои Ҳ.К.Андерсен имкониятҳои табдил ва тафсири унсурҳои

метафориро мавриди таҳқиқ қарор додааст. Мақола идомаи як силсила асарҳоест, ки ба омӯзиши зерматнҳои афсонаи адабии Аврупо бахшида шудаанд.

Калидвожаҳо: метафора; зерматн; тафсири равонӣ; афсона; Ҳ.К.Андерсен.

УДК [811.222.8’367.4+811.161.1’367.4]:81’255

ВОССОЗДАНИЕ СЕМАНТИКИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В ЯЗЫКЕ-РЕЦИПИЕНТЕ

Султанова Рафохат Мирзоевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68 (м.)
Rafoat10@mail.ru

Фразеологические сочетания являются одной из самых сложных и многослойных проблем теории перевода. Перевод фразеологических единиц затрагивает вопросы как теоретической, так и практической переводимости, поднимая проблему сохранения лексико-семантической, стилистической и культурной составляющих оригинала. В статье рассматриваются методы перевода фразеологизмов, их классификация с точки зрения переводимости и проблемы, возникающие при переводе на язык-реципиент. Рассматривая требование сохранения образности и экспрессивности фразеологизмов как одно из наиболее важных условий адекватности передачи фразеологизмов, автор акцентирует внимание на не менее значимом факторе эквивалентного перевода – сохранении семантики устойчивых единиц в конечном тексте. Для создания более полной картины механизмов реализации семантики ФЕ в языке реципиента в качестве языкового материала выбраны образцы таджикских и русских соответствий устойчивых единиц, собранных из книги Я.Ю.Калонтарова «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими», а также фразеологизмы, использованные в оригинальном и переводном текстах романа И.С.Тургенева «Отцы и дети». Автор приходит к выводу, что ФЕ представляют собой сложный объект для перевода в силу своего национально-культурного своеобразия. Их семантическая структура несет в себе не только денотативное значение, но и коннотативные культурно-самобытные компоненты, требующие детального анализа при передаче в языке реципиенте. Воссоздание семантики ФЕ в конечном тексте зависит от таких условий, как сохранение функционально-смысловой эквивалентности, адаптации культурного контекста и стилистической окраски подлинника.

Ключевые слова: фразеологическая единица; абсолютный фразеологический перевод; относительный фразеологический перевод; лексический перевод; калькирование; описательный перевод; язык-реципиент; информационное содержание; образность; компонентный состав.

В современной теории перевода вопросы переноса устойчивых единиц с одного языка на другой и последующей их адаптации в языке-реципиенте не исчерпали свою актуальность и вызывают большой интерес исследователей как теории, так и практики перевода. В этой связи целью проводимого в рамках данной статьи исследования является рассмотрение основных принципов, методов и подходов, применяемых в процессе перевода фразеологизмов для достижения

его эквивалентности и адекватности, а также сохранения культурной специфики и стилистической окраски устойчивых единиц.

Общеизвестно, что фразеологизмы, будучи особым пластом лексики, являются качественной составляющей любого языка и воплощением культурных, исторических и социальных ценностей носителей этого языка. Обогащая речь, фразеологические единицы (далее ФЕ) отражают особенности восприятия мира народа, его мышления и мировоззрения, содержат культурно обусловленные образы.

По мнению В.Н.Телия, ФЕ являются «одним из наиболее выразительных средств передачи менталитета и культурных ценностей народа, … они концентрируют в себе народную мудрость, образное мышление и опыт» [5, с.239].

Семантическая немотивированность и непрозрачность устойчивой единицы, проявляющаяся в несовпадении ее значения со значением ее компонентов, культурная обусловленность, связанная с национальными традициями и историческими событиями, а также структурная фиксированность затрудняют ее прямой перевод. Более того, перевод устойчивых словосочетаний требует от переводчика осведомленности об их семантике, которая включает в себя: 1) денотативное значение, представленное прямым значением словосочетания, 2) коннотативное значение, заключающееся в эмоциональной и стилистической окраске, 3) культурный контекст, сформированный на исторической и национальной ассоциациях.

При передаче фразеологизма с одного языка на другой необходимо определение его функционального потенциала в исходном тексте, что предполагает установление выполняемой им информативной функции, экспрессивной функции, заключающейся в эмоциональном воздействии на реципиента, социокультурной функции, которая связана с национальным контекстом.

Иными словами, процесс перевода образных ФЕ предполагает анализ их сложной семантической структуры, которая содержит как предметно-логические, так и коннотативные элементы. Важными в плане подбора соответствия в переводящем языке, по мнению В.Н.Комиссарова, являются: «1. Переносный или образный компонент значения ФЕ; 2. Прямой или предметный компонент значения ФЕ, составляющий основу образа; 3. Эмоциональный компонент значения фразеологизма; 4. Стилистический компонент значения фразеологизма; 5. Национально-этнический компонент значения ФЕ» [2, с.152].

В своих предыдущих обращениях к вопросам переводимости и непереводимости фразеологизмов при определении единиц перевода мы выделяли единицы со стандартной зависимостью от контекста и нестандартной зависимостью. Последние имели отношение к различного рода средствам выразительности лексического и синтаксического уровня, безэквивалентной лексике, в число которых входят ФЕ: «Перевод единиц с нестандартной зависимостью от контекста осуществляется посредством особой переводческой технологии, поскольку структура и функции таких единиц зачастую различны в двух языках и зависят от личного опыта автора текста-оригинала и переводчика, а также от социально-

культурных традиций. При передаче таких единиц необходимы специальные приемы преобразования или трансформации» [3, с.57].

Отмечая проблематичность перевода ФЕ как одной из разновидностей безэквивалентной лексики, таджикский ученый Ф.М.Турсунов отмечает: «Вообще в силу специфики ФЕ, эквивалентов у них сравнительно немного. Чаще всего они обнаруживаются у так называемых интернациональных ФЕ, заимствованных обоими языками из третьего языка, главным образом, латинского или греческого. В случае отсутствия фразеологического эквивалента, полного или частичного, делается попытка подобрать фразеологические аналоги» [8, с.4].

В соответствии с целью настоящего исследования целесообразно проведение сопоставительного и переводческого анализа функционирующих в текстах художественных произведений ФЕ. В качестве объекта выбраны фразеологизмы, употребленные в оригинальных и переводных текстах. Языковым материалом послужил роман И.С.Тургенева «Отцы и дети» и его перевод на таджикский язык, выполненный Э.Муллокандовым.

На современном этапе развития науки о переводе выделяется два основных способа перевода устойчивых единиц: фразеологический и нефразеологический. Фразеологический перевод подразумевает передачу фразеологизма наиболее близким по содержанию, структуре и образности коррелятом. Такой вид перевода возможен при подборе фразеологического эквивалента и фразеологического аналога.

При использовании способа фразеологического эквивалента отмечается сохранение всего комплекса значений исходной единицы. Данный перевод возможен при наличии в языке перевода, совпадающего по всем критериям ФЕ, которому и вне контекста свойственны идентичные денотативные и коннотативные значения. Данный способ перевода называется также абсолютным фразеологическим переводом. Примерами такого типа перевода могут служить ФЕ: *нофи замин – пуп земли, медвежья услуга – хизмати хирсона, взять себя в руки – худро ба даст гирифтан* и др.

Отмеченный способ перевода реализован в следующем контексте:

— *Не за бабенок, а за права женщин, которые я поклялась защищать до* ***последней капли крови*** [12, с.19]. – *Аз тарафи ин занакаҳо не, лекин аз тарафи ҳуқуқҳои занҳо мешавам, ки ман ин ҳуқуқҳоро* ***то охирин қатра хуни*** *бадани худ ҳимоя мекунам гуфта қасам хӯрдам* [13, с.21].

Устойчивое сочетание русского языка *до последней капли крови* функционирует в языке наряду с другой, более краткой конструкцией *до последней капли*. В словаре А.И.Фёдорова (далее ФССРЯ) первое сочетание интерпретируется как *«экспресс»*. Жертвуя все, отдавая все, не жалея жизни (биться, бороться, защищаться и т.п.)» [9, с.512]. Согласно культурологическому комментарию Е.Н.Телия, данное сочетание восходит к древнейшему мифологическому восприятию мира и «соотносится с телесным кодом культуры, в котором частям человеческого тела в дополнение к их природным свойствам приписываются функционально значимые для культуры смыслы. В основе образа ФЕ лежит представление о крови как о символе жизненных сил человека. Именно в крови пребывает

энергия, делающая возможной телесную жизнь; потеря крови означает утрату этой энергии, следовательно – прекращение телесной жизни. Таким образом, кровь может метонимически отождествляться с самой жизнью. Капля в образе ФЕ выступает как эталон, т.е. мера минимального количества чего-л.» [6, с.123].

Во «Фразеологическом словаре таджикского языка» (далее ФСТЯ) рассматриваемая ФЕ – *до қатраи охирини хун* – не зафиксирована, несмотря на широкое распространение данного фразеологизма в речи. «Таджикско-русский словарь» приводит дословный перевод более короткого варианта устойчивого сочетания в словарной статье *қатра: то қатраи охир – до последней капли* [4, с.77]. В несколько измененной форме зафиксирована анализируемая ФЕ в «Толковом словаре таджикского языка» (далее ТСТЯ), где наделяется следующим толкованием: «то қатраи хун дар бадан ҳаст – то нафаси охирин, то зинда будан» [7, с.675]. Так или иначе, в переводе анализируемого фрагмента текста наблюдается абсолютный фразеологический перевод, поскольку используется абсолютный аналог, сохраняется образность, экспрессивность, компонентный состав сочетания.

Примечателен в плане образования фразеологизм, использованный в следующем эпизоде художественного текста:

«В важных случаях он умел, однако, как говорится, ***задать пыли»*** [12, с.80]. *– «Лекин дар ҳодисаҳои муҳим ӯ чунон ки мегӯянд, дар* ***хок бар чашм пошидан*** *моҳир буд»* [13, с.79].

ФЕ *задать пыли* не имеет распространения в современном русском языке, поскольку является окказиональной единицей И.С.Тургенева, образованной при трансформации типа аппликации двух ФЕ. Согласно утверждению В.Н.Телия, данное выражение образовано из двух фразеологических единиц: *задать жару (кому)+ пускать пыль в глаза*… Подобная индивидуально-авторская трактовка речевых средств, в том числе и фразеологических единиц, выступает в качестве средства реализации экспрессии в художественном произведении» [6, с.101]. Данная трансформированная ФЕ в исследуемом контексте наделена семантикой «создавать ложное впечатление о себе у кого-либо, пытаясь представить себя, свое положение значительно лучше, чем оно есть в действительности, на самом деле» [9, с.279].

Использованная в конечном тексте ФЕ *ба чашм хок пошидан* интерпретируется в ФСТЯ как «касеро фиреб додан, касеро ба ғафлат андохтан» [12, с.491] – *кого-л. обманывать, вводить в заблуждение*.

Исходя из этого, можно констатировать, что ФЕ оригинала в конечном тексте имеет полное соответствие, полученное способом абсолютного фразеологического перевода, подразумевающего полное совпадение с оригиналом как в стилистическом плане, так и в лексическом.

Фразеологический аналог, или относительный фразеологический перевод, так же можно считать полноценным соответствием единицы оригинала, но в отличие от эквивалента при сохранении образности и переносного смысла отмечаются изменения формы, компонентного состава или синтаксической структуры. Данный вид перевода является наиболее продуктивным и востребованным автором перевода: *«Вот кем можно заняться. Из этой еще что вздумаешь, то и*

сделаешь; а та — тертый калач» [12, с.119]. – *«- Ана бо ҳамин машғул шудан меарзад. Аз ин духтар ҳар чи ки хоҷӣ, сохта метавонӣ; лекин хоҳараш гурги борондида аст»* [13, с.112].

ФЕ *тёртый калач* – довольно распространенное образное выражение русского языка, является ироничным высказыванием и используется, когда говорится «об опытном, бывалом человеке, которого трудно обмануть. Выражение возникло на основе словосочетания *тёртый калач*, т.е. калач, приготовленный из особого калачного теста, которое долго мнут и трут» [9, с.391].

Данное устойчивое сочетание в языке перевода получило форму *гурги борондида*, которое в таджикском языке является фразеологизмом и интерпретируется как: «1. Одами гарму сардии ҳаётро чашида, пуртаҷриба, кордида, пухта, 2. Маккор» [10, с.257]. – Человек, испытавший в жизни трудности, имеющий богатый жизненный опыт, зрелый.

Из интерпретации приведенных в качестве коррелятов образцов можно судить, что данные фразеологизмы имеют тождественное значение, оба они характеризуют опытного человека. Однако при этом используются различные образы, в первом случае это *калач*, а во втором – *гург (волк).* Такой способ передачи, когда сохраняется информационное содержание и образность, но преобразован компонентный состав, называется относительным фразеологическим переводом.

Следующим объектом исследования является фразеологизм, использованный в приведенном ниже контексте:

«Нравится тебе женщина, - говаривал он, - старайся добиться толку; а нельзя - ну, не надо, отвернись – земля клином не сошлась» [12, с.119]. – *«Зане ба ҳушат омад, - мегуфт ӯ, - зӯр зан, ки натиҷае ҳосил кунӣ, дидӣ, ки нашуд, аз баҳраш гузар – охир дар дунё зан қаҳт назадаст»* [13, с. 118].

ФЕ русского языка *свет клином не сошелся*, употребленная в данном контексте в видоизмененной форме (лексическая замена слова *свет* на *земля*), согласно данным словарей, может быть растолкована как «*разг. экспрес.* Кто-либо или что-либо не является единственным, исключительным – есть и другие (другое) для выбора» [9, с.541]. Выбранное в качестве эквивалента сочетание таджикского языка является видоизмененным просторечным выражением *қаҳт назадан* в противоположность *қаҳт задан*. Последнее в ТСТЯ интерпретируется как «*гуфт*. Тамоман ноёб шудан, ёфтани чизе душвор шудан» [7, с.277]. – Абсолютная невозможность найти что-либо, трудность найти что-либо. Следовательно, выражение *қаҳт назадаст* несёт в себе семантику ’не стать редкостью, не сложно найти’.

Из сказанного явствует, что фразеологическое сочетание получило не совсем адекватный перевод, при котором передано информационное содержание текста, сохранена образность, однако произошла лексическая замена компонентов, а фразеологический оборот воспроизведен в конечном тексте просторечной единицей. В этом случае можно констатировать о применении способа относительного фразеологического оборота.

Нефразеологический перевод основан на передаче устойчивой единицы лексическими средствами, а не стилистическими, то есть при передаче смыслового

содержания полностью теряется образность, экспрессивность и коннотация. Нефразеологический перевод включает в себя такие способы перевода, как лексический перевод (аз дил гузарондан – думать), описательный перевод и калькирование (кал додари кӯр – плешивый – брат слепого).

«Отец его, боевой генерал 1812 года, полуграмотный, грубый, но не злой русский человек, всю жизнь свою тянул лямку,.. » [12, с.9]. – *«Падари ӯ, ки генерали дар ҷанги соли 1812 иштироккарда, марди руси чаласаводи даҳалмизоҷ, вале аслан бекинае буд, як умр бори хизмати ҳарбиро кашида…*» [13, с.19].

Использованный в исходном тексте фразеологизм *тянуть лямку* употреблен в данном контексте в значении, приведенном в лексикографических источниках, в частности в ФССРЯ: «*разг. экспресс*. Заниматься тяжёлым, однообразным, надоедающим делом» [11, с.412].

Сопоставительный анализ данного фрагмента текста с его переводом позволил выявить факт неадекватного его перевода. В качестве коррелята исследуемого объекта – фразеологизма *тянуть лямку* автор перевода предлагает сочетание *бори хизмат(ро) кашидан (досл. тянуть груз службы).* Данное сочетание не является устойчивым сочетанием. Оно является образным метафоричным выражением. Метафора *бори хизмат* является языковой метафорой, зафиксированной в словарях. Метафорический перенос осуществляется на основе сходства значений, обусловленного полисемией таджикской лексемы *бор*: «1. Он чи ба дӯш ё пушти инсон, чорпо ё болои мошин ниҳода, аз ҷое ба ҷ ое мебаранд; моли кашондашаванда; чизу чораи басташуда барои ҳамлу нақл; 4. Маҷ. Хизмати вазнину пурмашаққат, ташвиши рӯзгор» [7, с.229]. Таким образом, можно заключить, что ФЕ исходного текста передана в конечный языковой метафорой.

Другой вид перевода – описательный перевод устойчивого сочетания можно наблюдать в следующем фрагменте:

«- В тихом омуте... ты знаешь! – подхватил Базаров. – Ты говоришь, она холодна» [12, с.22]. – *«Ҳар бало аз хаппакҳо мехезад… ту ҳеҷ медонӣ? – гапро аз даҳани вай гирифта гуфт Базаров. – Ту мегӯӣ, ки вай сардхун аст?»* [13, с.25].

Фразеологизм *в тихом омуте* возник в русском языке на основе пословицы в *тихом омуте черти водятся*. Эта пословица характеризует человека, который внешне ничем не примечателен и незаметен, но, вопреки ожиданиям окружающих, может совершить неординарный, зачастую безнравственный и непристойный поступок. «Эта древняя русская пословица обязана славянским поверьям, по которым омуты являются местом обитания водяных, чертей, одних из представителей нечистой силы. Считалось, что именно они затягивают купающихся на дно» [6, с.401].

В Таджикско-русском словаре в качестве эквивалента анализируемой пословицы приводится весьма экспрессивная, основанная на иронии идиома – *валвалакон лаблаби бом, фисфисакон кора тамом* (досл. болтуны на крышах, а сопливые завершают дела) [4, с.341]. Но, на наш взгляд, данное сочетание не может выступать тождественным коррелятом оригинального выражения, поскольку содержит несколько иной семантический объём, а именно: те, кто всегда и везде

говорят о своих намерениях и возможностях, не могут совершить какое-то действие или поступок, в отличие от тех, кто ведет себя скромно, но при этом добивается результатов.

Однако в исследуемом нами тексте предложенное переводческое решение содержит иные образы – *ҳар бало аз ҳаппакхо мехезад (досл. каждая беда происходит от молчунов).* В лексикографических источниках таджикского языка не было выявлено подобных устойчивых оборотов, из чего можно заключить, что единица конечного текста является продуктом переосмысления переводчиком таджикского фразеологизма *ҳаппаки таги тапак* (досл. молчун под кизяком). В результате получился описательный вариант перевода, посредством которого удалось передать смысловое содержание оригинала, сохранить образность при замене компонентного состава (тихий омут – молчун под кизяком).

Интерес в плане выбранного способа перевода вызывает фразеологизм в следующем контексте:

«Прошла через огонь и воду», — говорили о ней; а известный губернский остряк обыкновенно прибавлял «и через медные трубы» [12, с.98]. *– «Аз сад оташу аз сад об гузаштаги» – мегуфтанд дар ҳаққи ӯ; базлагӯи машҳури губерния одатан ба ин илова мекард «Ва ҳам аз гулаҳои мисин»* [13, с.100].

Фразеологизм русского языка *пройти огонь и воду, и медные трубы* согласно лексикографическим источникам имеет следующее толкование: «*разг., экспресс*. Многое испытать в жизни, перенести разные трудности, побывать в различных переделках, трудных ситуациях» [9, с.79]. Предполагается, что испытания и лишения, которые преодолевает человек, могут укрепить его силы и волю, а также воспитать в нем чувство долга. Однако в рассматриваемом эпизоде текста наблюдается членение фразеологического выражения и обособленное использование его компонентов.

В конечном тексте автор перевода счел целесообразным сохранить членение предложения на два самостоятельных. Первая часть фразеологизма *прошла через огонь и воду* передана на таджикский язык как *аз сад оташу аз сад об гузаштан*. Учитывая то, что в лексикографических источниках не зафиксировано подобных выражений, можно констатировать, что предложенный переводчиком вариант является калькой, т.е. дословным переводом с элементами лексического добавления. Лексическое добавление, представленное числительным *сад – сто*, согласно нормам лексической сочетаемости таджикского языка, является неуместным, поскольку, как и в русском языке, вещественные существительные *оташ* и *об* не подразумевают сочетаемости с количественными числительными. Более того, предложенное в качестве соответствия выражение при передаче смыслового содержания авторского замысла лишено образности.

Потеря образности при одновременном воссоздании информации наблюдаются и при переводе второй части фразеологизма, ср.: *через медные трубы → аз ғулаҳои мисин.* Следовательно, перевод данного фразеологизма осуществлен методом калькирования.

Таким образом, проведенный сопоставительный и переводческий анализ позволил выявить, что использованные в русской прозе фразеологизмы отобра-

жаются в переводных текстах всевозможными типами и способами перевода. Их семантика находит своё воспроизведение независимо от сохранности или потери экспрессивности и компонентного состава.

Для создания более полной картины механизмов реализации семантики ФЕ в языке реципиента хотелось бы привлечь внимание к весьма примечательному в качестве языкового материала объекту исследования – образцам таджикских и русских соответствий устойчивых единиц, собранных в книге Я.Ю.Калонтарова «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» [1]. Единицами семантического анализа были выбраны те паремиологические единицы, которые внесены М.Фазыловым в ФСТЯ.

Так, в качестве объекта исследования интерес вызывает следующая ФЕ таджикского языка: *«Аввал хеш, баъд (в-онгањ) дарвеш – Сначала о себе, а потом о дервише*» [1, с.36].

Согласно данным, размещенным в ФСТЯ, рассматриваемая идиома интерпретируется в таджикском языке как: «Аввал ғами худро, баъд ғами дигаронро хурдан даркор; пеш аз ҳама кори худро ба анҷом расонда, баъд ба кори дигарон пардохтан лозим» [10, с.4]. – Сначала подумай о себе, а потом о других; прежде всего следует завершить свои дела, а затем – приступать к чужим делам.

Аналогом анализируемой единицы, по мнению Я.Ю.Калонтарова, выступает устойчивое сочетание русского языка «*Своя рубашка ближе к телу*», которая, согласно ФССРЯ трактуется как «собственное и семейное благополучие важнее благополучия других людей» [9, с. 77].

Сопоставительный семантический анализ предлагаемых толкований позволил выявить их общую сему «’прежде всего, необходимо заботиться о себе’ – ’собственное благополучие’ = ’приоритет личного интереса к себе’», из чего можно заключить, что смысловое содержание исходного сочетания полностью передано в конечном варианте. Следовательно, исследуемые фразеологизмы таджикского и русского языков могут выступать в качестве аналогов.

Безусловно, констатировать факт абсолютного фразеологического перевода не представляется возможным, поскольку передачу предметно-понятийного значения и сохранение стилистической окраски ФЕ вряд ли обеспечат буквальный перевод образных единиц исходного выражения, сохранение его компонентного состава и его структурно-грамматической организации.

Демонстрацией не вполне удачного подбора аналога перевода может стать следующая ФЕ: *«Аз асп фарояд ҳам, аз узангу намефарояд. – С коня сошёл, а ногу в стремени держит»* [1, с.36].

Согласно данным ФСТЯ, рассматриваемая идиома интерпретируется в таджикском языке как: «1. Аз мансабе ва ё мартабае фаромада бошад ҳам, боз аз калонигариаш намефарояд, ҳавобаландии гузаштаи худро давом медиҳад; 2. Шарманда шавад ҳам, сирро бой намедиҳад» [10, с.53]. – Лишившись должности, не перестаёт зазнаваться, продолжает вести себя высокомерно; даже опозорившись, пытается сохранить тайну.

Тождественной единицей в таджикском языке выступает идиома: *«Давлаташ рафта бошад ҳам, савлаташ нарафтааст. – Богатство уже потеряно, а величие всё ещё осталось»* [1, с.36].

Аналогами анализируемой единицы, по мнению Я.Ю.Калонтарова выступают следующие устойчивые сочетания русского языка: *«Кобыла издыхает, а траву хватает», «Умерла щука, да зубы остались»* [1, с.77], которые, согласно ФССРЯ, трактуются как «когда что-то ценное остается после потери или ухода человека или объекта, это может быть использовано другими людьми или в новых обстоятельствах, то есть после завершения какого-то процесса или события остаются остатки или следы, которые можно использовать в будущем» [9, с.111].

Сопоставительный семантический анализ предлагаемых толкований позволил выявить лишь одно семное пересечение, которое не является ведущим, а именно ’после ухода’. В первом случае интегрирующая сема использована в контексте ’зазнаваться даже после ухода с должности’, а в другом – ’что-то ценное, оставшееся после ухода кого-л.’. Как видим из приведенных толкований, предлагаемые в качестве эквивалентов корреляты не являются тождественными в плане семантики. Из чего можно сделать вывод, что выдвигаемый Я.Ю.Калонтаровым аналог исходного фразеологизма не является эквивалентным.

Более того, наблюдаются значительные расхождения и в плане экспрессивности. Так, в оригинальном фразеологизме можно проследить отрицательную оценочную деятельность человека, лишенного былых высот, тогда как русские варианты наделены более эмоциональной характеристикой.

Другим примером, представленным во ФСТЯ в качестве ФЕ и в сборнике «Таджикские пословицы и поговорки и их аналоги в русском» в качестве пословицы, является устойчивое сочетание *Аз барф манора сохтан. – Построить из снега башню.*

Анализируемый фразеологизм интерпретируется М.Фазыловым как: «Кори беҳуда, бемаънӣ кардан, ба кори бенатиҷа, беоқибат машғул шудан» [10, с.76]. – Выполнять бесполезное, бессмысленное дело, заниматься безрезультатной, безуспешной работой.

В свою очередь, Я.Ю.Калонтаров предлагает следующий его таджикский вариант: *Аз барф – манора, аз лой – ҳалво. – Из снега башню строить, из глины халву варить*. В качестве его русских аналогов он предлагает следующие пословицы русского языка: *«Из блохи голенище кроить. Из блохи голенище, а из спички топорище. Из песка веревки вьёт. Строить воздушные замки. Строить карточный домик»* [1, с.52].

Предложенные первые две пословицы, на наш взгляд, не могут выступать аналогами, поскольку не передают смыслового содержания исходного сочетания и несут в себе иную семантическую нагрузку, а именно: «*иноск*. Скряжничать, проявлять чрезмерную скупость» [9, с.322]. Тогда как таджикский коррелят, согласно М.Фазылову, интерпретируется как «заниматься бессмысленными, бесперспективными делами» [12, с.371].

Не передает весь объем исходного фразеологизма и третий аналог – *строить воздушные замки*, который трактуется следующим образом: «*книжн., ирон*. Пре-

даваться пустым, неосуществимым мечтам и надеждам, мечтать о несбыточном» [9, с.182]. Как можно наблюдать, при наличии общей семы 'неосуществимое, бессмысленное', отмечается и специфическая у каждого из коррелятов сема – в таджикском примере это сема 'делать', в русском – 'мечтать'.

Смысловое содержание искажается и в последнем аналоге *строить карточный домик,* который следует толковать как «*пренебр*. Лёгкая непрочная постройка» [11, с.435]. То есть речь идёт о результате труда, в то время как исходное выражение обозначает «дело без результата, без перспективы». Другими словами, предлагаемые в качестве аналогов пословицы русского языка не содержат семантической нагрузки исходного сочетания таджикского языка.

Подводя итоги исследования, можно заключить, что ФЕ представляют собой сложный объект для перевода в силу своего национально-культурного своеобразия. Их семантическая структура содержит не только денотативное значение, но и коннотативные культурно-самобытные компоненты, требующие детального анализа при передаче в языке реципиенте. Воссоздание семантики ФЕ в конечном тексте зависит от таких условий, как сохранение функционально-смысловой эквивалентности, адаптация культурного контекста и стилистической окраски подлинника. Достижение адекватности при передаче ФЕ возможно различными способами, к которым можно отнести приемы абсолютного и относительного фразеологического перевода, приемы нефразеологического перевода, в частности описательный или лексический перевод и калькирование.

Литература

1. Калонтаров Я.Ю. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 536 с. (на тадж.яз.).
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: курс лекций. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.
3. Султанова Р.М. К вопросу об эквивалентности стилистических трансформаций // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2017. – № 2 (58). – С.56-59.
4. Таджикско-русский словарь / под ред. Д.Саймиддинова, С.Холматовой, С.Каримова – Душанбе: Изд-во АН РТ, 2006. – 784 с.
5. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурные аспекты. – М.: Языки русской культуры, 2006. – С.238-255.
6. Телия В.Н. Словарь образных выражений русского языка. – М.: АСТ-Пресс, 1995. – 368с.
7. Толковый словарь таджикского языка. Т.1. / С.Назарзода, А.Сангинова, С.Каримова, М.Х.Султон. – Душанбе: ХДММ «Шучоиён», 2010. – 1095 с. (на тадж.яз.)
8. Турсунов Ф.М. Понятие эквивалентности в теории перевода // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». – Душанбе: Сино, 2015. – №4/6 (177). – С.3-8.
9. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
10. Фозилов М. Фразеологический словарь современного таджикского языка. – Душанбе: Ирфон, 1964. – Т.I. – 968 с. (на тадж.яз.).
11. Фозилов М. Фразеологический словарь современного таджикского языка. – Душанбе: Ирфон, 1964. – Т.II. – 803 с. (на тадж.яз.).
12. Тургенев И.С. Отцы и дети. – М.: АСТ, 2015. – 288 с.
13. Тургенев И.С. Отцы и дети. – Душанбе: Нашрдавточик, 1967. – 263 с. (на тадж.яз.)

RECREATION OF THE SEMANTICS OF SET PHRASES IN THE RECIPIENT LANGUAGE

Sultanova Rafokhat Mirzoevna

Doctor of Philology
professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 80 666 66 68 (m.)
Rafoat10@mail.ru

Phraseological combinations are one of the most complex and multi-layered problems of translation theory. Translation of phraseological units touches upon issues of both theoretical and practical translatability, raising the problem of preserving the lexical-semantic, stylistic and cultural components of the original. In the article, the methods of translating phraseological units, their classification in terms of translatability and problems that arise when translating into the recipient language are considered. Considering the requirement to preserve the imagery and expressiveness of phraseological units as one of the most important conditions for the adequacy of the transfer of phraseological units, the author focuses on an equally significant factor of equivalent translation - the preservation of the semantics of stable units in the final text. To create a more complete picture of the mechanisms for implementing the semantics of phraseological units in the recipient language, samples of Tajik and Russian correspondences of stable units collected from the book by Ya.Yu.Kalontarov "Tajik proverbs and sayings in analogy with Russian" were selected as linguistic material, as well as phraseological units used in the original and translated texts of the novel by I.S.Turgenev "Fathers and Sons". The author comes to the conclusion that phraseological units are a complex object for translation due to their national and cultural originality. Their semantic structure contains not only denotative meaning, but also connotative culturally distinctive components that require detailed analysis when transmitted in the recipient language. Recreation of the semantics of phraseological units in the final text depends on such conditions as preservation of functional and semantic equivalence, adaptation of the cultural context and stylistic coloring of the original.

Keywords: phraseological unit; absolute phraseological translation; relative phraseological translation; lexical translation; tracing; descriptive translation; reicipient language; information content; imagery; component composition.

ТАҶДИДИ МАЪНОИ ИБОРАҲОИ РЕХТА ДАР ЗАБОНИ ҚАБУЛКУНАНДА

Султанова Рафоҳат Мирзоевна

Доктори илмҳои филологӣ, профессор,
мудири кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68 (м.)
Rafoat10@mail.ru

Воҳидҳои фразеологӣ яке аз мушкилтарин ва серпаҳлӯтарин масъалаҳои назарияи тарҷума мебошанд. Тарҷумаи онҳо ба мавзӯи тарҷумапазирии ҳам назариявӣ ва ҳам амалӣ алоқамандӣ дошта, бисёр масъалаҳои нигоҳдории ҳиссаҳои луғавӣ-маъноӣ, услубӣ ва мадании матни аслро фарогир мебошад. Дар мақола услубҳои тарҷумаи ибораҳои рехта, таснифоти онҳо аз нуқтаи назари тарҷумапазирӣ ва масъалаҳое, ки ҳангоми тарҷумаи онҳо ба забони дигар ба вуҷуд меоянд, баррасӣ шудаанд. Талаботи нигоҳдории фасоҳат ва пурмаъноии фразеологизмҳоро ҳамчун яке аз шартҳои муҳими мутобиқатии интиқоли ибораҳои рехта ба асос гирифта, муаллиф ба дигар омили аҳамиятдори тарҷумаи эквивалентӣ-нигоҳдории маънои ибораҳои рехта дар матни ниҳоӣ, таваҷҷӯҳ зоҳир мекунад. Барои ба таври пурра анъикос намудани тартиби таљдиди маънои ВФ дар забони қабулкунада ба сифати маводи забонӣ намунаҳои мутобиқатҳои тоҷикиву русии ибораҳои рехта интихоб карда шудаанд, ки аз китоби Я.Ю.Калонтаров «Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ ва аналогияи руссии онҳо» ва матнҳои аслӣ ва тарҷумашудаи романи И.С.Тургенев «Падарон ва фарзандон» ҷамъоварӣ карда шуданд. Муаллиф ба хулосае меояд, ки ВФ бо сабаби хусусиятҳои миллӣ-маданиро доро буданашон яке аз объектҳои мураккаби тарҷума ба ҳисоб мераванд. Сохти маъноии онҳо на фақат аз маънои асосии аслӣ, балки боз аз маънои иловагии нисбие, ки кисматҳои мадании махсусро дорост, иборат аст, ва таҳлили муфассали онҳо дар ҷараёни тарҷума аз аҳамият холӣ нест. Таҷдиди маънои ВФ дар матни ниҳонӣ аз иҷрои шартҳо, чун нигоҳдории эквивалентнокии функционалӣ-маъноӣ, ҳамоҳангкунии матни маданӣ и тобиши унсурии матни асл, вобаста аст.

Калидвожаҳо: воҳиди фразеологӣ; тарҷумаи мутлақи фразеологӣ; тарҷумаи нисбии фразеологӣ; тарҷумаи луғавӣ; тарҷумаи таҳтуллафз; тарҷумаи тасвирӣ; забони қабулкунанда; мазмуни иттилоотӣ; фасоҳат; таркиби унсурӣ.

УДК 32.01+ 811

БИЛИНГВИЗМ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (на примере Республики Беларусь)[1]

Антанович Нина Арсеньевна

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии
Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, Минск, пр-т Независимости, 4
Тел.: +375 017 209 55 72
antanovich.bsu@gmail.ru

В статье рассматриваются достижения представителей различных социогуманитарных наук (лингвистики, философии, социологии, истории, политологии и др.) в изучении языковой политики и феномена билингвизма. Сделан акцент на анализе изученности билингвизма в Республике Беларусь.

На основе трактовки и практической реализации языковой политики рассмотрены политологические аспекты ее исследования. При изучении языковой политики политологи выявляют: 1) ее влияние на массовое и групповое сознание, на СМИ и СМК; 2) особенности субъектов и механизмов принятия, а также изменения языкового законодательства; 3) воздействие на социально-политическое поведение граждан; 4) пути урегулирования языковых конфликтов; 5) геолингвистические процессы, связанные с распространением и упадком языков. Политологические аспекты билингвизма связаны с изучением его сбалансированности, символической и этнокультурной функции языка, роли языка в создании властно-управленческого порядка.

Выявлены особенности исследования феномена билингвизма в языковой политике для понимания политических процессов и представлены основные особенности билингвизма в Республике Беларусь. В современных условиях в Беларуси билингвизм рассматривается как фактор, способствующий социокультурной динамике, поскольку освоение контекста культуры второго языка упрочивает формирование этнонациональной компетентности, служит укреплению гражданских основ национально-государственного строительства.

Ключевые слова: билингвизм; языковая политика; белорусско-русский билингвизм; национальный язык; полилингвизм; геолингвистика; политическая наука.

Введение

Благодаря фокусировке на языковой репрезентации феноменов окружающего мира, гуманитарные и социальные науки стремятся раскрыть глубины познания и мыслительных процессов человека. Язык – предмет рефлексии для лингви-

[1] Данная статья подготовлена в рамках НИР «2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг.).

стов, философов, психологов, политологов, социологов, историков, представителей педагогической науки. Лингвистика в значительной степени повлияла на развитие философии языка. Лингвистический поворот в социогуманитарных науках охватывает проблематику логического анализа понятий, выявления связи между смыслами и интерпретациями явлений, между коммуникацией и пониманием, языковыми обозначениями и свойствами объектов, языком и глубокими ментальными структурами. Акцентируются конструирующая и манипуляторная функции языка. Особое внимание уделяется роли языка в духовном освоении мира, в культуротворчестве, в сохранении исторической памяти. Количество научных публикаций по проблематике данной статьи весьма велико. Сколь богат язык, столь же широко представлены научные публикации по проблематике языкового освоения мира человеком. Мы выбрали те публикации, которые наиболее значимы для разработки проблематики языковой политики и билингвизма в политической науке.

Цель статьи – выявить особенности исследования феномена билингвизма в языковой политике для понимания политических процессов и представить основные особенности билингвизма в Республике Беларусь.

Методологической основой исследования является социолингвистический и коммуникативный подходы, а также метод политико-правового анализа; метод ассоциативного эксперимента.

Полилингвизм, билингвизм, белорусско-русский билингвизм: политологический взгляд

Сложился базовый консенсус по поводу понимания билингвизма как практики владения двумя языками, умения ими пользоваться для передачи и фиксации информации, реального общения. Полилингвизм – владение тремя и более языками. Изучением указанных феноменов учёные занимаются на междисциплинарной основе. Следует отметить, что Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы издает рецензируемый научный журнал «Полилингвальность и транскультурные практики». Проблематика белорусского-русского билингвизма изучена в публикациях ряда белорусских исследователей. Отметим довольно известных авторов: И.С.Ровдо («Особенности русско-белорусского двуязычия в Беларуси», 2007); В.Ф.Гигин («Белорусский русский язык», 2010); А.А.Демьянович («Особенности языковой ситуации в современной Белоруссии: русско-белорусское двуязычие», 2012); Т.Н.Волынец, И.С.Ровдо, И.Э.Ратникова, С.М.Якуба («Русско-белорусское двуязычие: педагогический аспект, 2014); С.А.Гринберг («Влияние белорусско-русского двуязычия на мировоззрение и национальное самосознание белорусов», 2015); В.А.Маслова («Диалог русского и белорусского языков в Республике Беларусь», 2015); Г.А.Василевич («Государственный статус белорусского и русского языков – гарантия стабильности общественного развития», 2016); С.В.Николаенко («Социокультурные сферы жизни белорусского языка в условиях двух государственных языков», 2017; «Социокультурная составляющая обучения русскому языку в школах Республики Беларусь в условиях белорусско-русского билингвизма», 2015); Н.Б.Мечковская («Белорусская “трасянка” как яблоко раздора и оселок метода», 2018);

И.В.Лисковец («Русско-белорусское переключение кодов в г.Минске», 2018), В.Г.Гусаков, А.А.Коваленя («Белорусско-русское двуязычие – исторически сложившаяся духовно-культурная ценность народа», 2020), М.А.Можейко («Билингвизм в социально-политической проекции: язык как способ бытия нации», 2022), А.А.Лавицкий («Генезис языковой политики Республики Беларусь», 2022). О.Г.Буденис в 2022 г. защитила диссертацию по философским наукам «Билингвизм как фактор социокультурной динамики белорусского общества». Отметим также публикации следующих авторов: А.А.Лукашанец, Л.М.Лыч, Н.Г.Пригодич и др.

Сущность языковой политики

В свою очередь, дефиниции языковой политики также посвящено множество работ. Языковая политика сравнивается с понятиями «политика языка», «языковое планирование», «языковое строительство». Проводится определенное различие между понятиями «языковая политика» и «государственная языковая политика» в силу определения доминирующих субъектов в реализации данного направления политики. Так, определение языковой политики содержится в публикациях следующих авторов: Н.М.Мухарямов, Л.М.Мухарямова, А.А.Лавицкий, А.А.Каневский, О.Б.Януш и др. В узком смысле языковая политика – разновидность политики государства в отношении закрепления государственного языка/языков, языковых норм, языка/языков делопроизводства и межнационального общения; проявление «диффузии политических и языковых феноменов». К примеру, А.А.Каневский определяет языковую политику следующим образом: «целенаправленная деятельность государственных учреждений публичной власти, направленная на трансформацию языковой ситуации» [4, с.50]. А.А.Лавицкий фиксирует факт того, что «язык непосредственно включен в систему идеологических государственных установок», и «как культурный объект язык воплощается в виде национального символа и носителя этнокультурных знаний» [8, с.81]. Лингвистов в языковой политике будет больше интересовать конструирование норм языка, тогда так политологов 1) ее влияние на массовое и групповое сознание, на СМИ и СМК; 2) субъекты и механизмы принятия и изменения языкового законодательства; 3) воздействие на социально-политическое поведение; 4) пути урегулирования языковых конфликтов. В Республике Беларусь в 2023 г. в Закон от 26.01.1990 г. № 3094-XI «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь» были внесены изменения [3]. В России Закон «О языках народов Российской Федерации» принят 25.10.1991, принята Концепция государственной языковой политики Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 12 июня 2024 г. №1481-р. [5].

Языковая политика связана с геолингвистикой. С.Н.Кузнецов определяет геолингвистику как «новую отрасль языкознания, исследующую мировую лингвистическую ситуацию и постоянно обновляющуюся вслед за стремительными изменениями этой ситуации» [7, с.50]. Наряду с понятием «геолингвистика» используют понятие «лингвистическая география», изучающее «территориальное распространение языковых явлений», распространение диалектов. Для политического анализа большое значение имеют политическая ономастика и топонимика.

О.А.Ткаченко указывает, что политические топонимы «выступают в качестве обозначения центра политической власти и государства. Такими политическими символами выступают не только наименования стран и городов…, но и городские объекты: Кремль, Белый дом, Букингемский дворец и др.» [15, с.24]. Политический анализ топонимов и прецедентных имен позволяет выявлять их намеренную политизацию, дискурсы неравенства, двойных стандартов. К примеру, политики Европейского союза (ЕС) называют свое межгосударственное образование «Европа», таким образом стремясь к отождествлению понятий «ЕС» и «Европа». Для граждан Республики Беларусь наша страна – географический центр Европы, тогда как некоторые западные политологи называли ее Западной Евразией. Отметим, в противовес, концепт «Большой Евразии» как проект евразийского партнерства и безопасности обладает значительной конструирующей силой. «Термин “Большая Евразия” в качестве замены устаревшей концепции “Большой Европы” (т.е. общего пространства “от Лиссабона до Владивостока”) в научный обиход впервые внесли эксперты Валдайского клуба и Высшей Школы Экономики С.Караганов и Т.Бордачев» [6].

Язык – компонент наследия предыдущих поколений, инструмент культурного самовыражения. Язык – неотъемлемая часть жизненного мира каждого человека, а языковая политика определённым образом влияет как на непосредственную коммуникацию, так и на общественно-политическую жизнь. Язык выступает инструментом передачи социокультурного кода нации. Как точно указывает М.А.Можейко, язык есть «пространство бытия нации», а национальный язык – «объективация национального самосознания». «Как любое индивидуальное сознание объективируется в языке, так и любое национальное сознание нуждается в вербальном пространстве объективации» [11, с.125]. Приведем здесь и высказывание Н.М.Мухарямова о языковой политике как о «курсе властей применительно к языковому разнообразию социума, к языковым ситуациям или к социально-коммуникативным системам» [13, с.11]. Выбор языка /языков в качестве государственных либо языков официального общения зависит от истории народа, социально-экономических отношений, политического статуса государственности, образа жизни людей. «Почти ни одно языковое сообщество не является моноязычным» [17]. Ряд государств мира законодательно закрепляют би- и полилингвизм.

Психологический, социолингвистический, социально-политический подходы к изучению билингвизма

Вернемся к рассмотрению феномена билингвизма. В XXI веке люди стали мобильными, мир знаний о других народах и культурах более открытым, а вопросы знания и использования языка, приобретают все большее значение с прагматической точки зрения и не могут не интересовать ученых. В этом плане двуязычие стало рассматриваться как глобальное явление: «Двуязычие не является полностью недавним явлением. Например, оно представляло собой низовой феномен в Индии и Африке с дохристианской эпохи. Вопреки широко распространенному мнению, особенно в некоторых преимущественно моноязычных странах, например, Японии или Китае, или странах с коренным англоговорящим

населением, таких как США, двуязычие или даже многоязычие не является редким или исключительным явлением в современном мире. Оно было и остается, по сути, более распространенным и естественным, чем монолингвизм» – пишет Т.К.Бхатия [16].

Понятие двуязычие может рассматриваться с психологической, социолингвистической, социально-политической позиций. Как указывает С.С.Шарипов, «двуязычие может характеризовать каждого отдельного человека (психологический аспект) или может быть массовым или групповым двуязычием (социальный аспект). Двуязычие в узком смысле – одинаково совершенное владение двумя языками, в широком смысле – относительное владение вторым языком, умение использовать его в определенных сферах общения» [18].

Фундаментальные разработки в области билингвизма связывают с именем Уриеля Вайнрайха (1926-1967). Его труды были переведены на русский язык в СССР («Одноязычие и многоязычие», «Языковые контакты: состояние и проблемы исследования»). Вайнрайх сделал важный вывод о том, «психологическое доминирование одного языка над другим может быть установлено с помощью тестов разной степени сложности» и предлагал изучать, какой из двух языков в ситуации билингвизма является более удобным для точной передачи распоряжений, выявлять, на каком языке люди думают, какие первые ассоциации на слова-стимулы у них возникают [2].

С лингвистической точки зрения, по мнению У.Вайнрайха, билингвизм состоит в том, чтобы описать языковые системы, которые оказываются в контакте, выявить сходства и различия между ними, которые затрудняют владение ими, а также проявления интерференции языков [2]. В продолжение к сказанному, социолингвистическое изучение билингвизма с необходимостью требует выявления условий, влияющих на выбор языка общения и речевое поведение, адекватность использования гибридных форм языка (к примеру, «пиджин» (Pidgin English) в странах Юго-Восточной Азии и Океании, Африки, «трасянка» в Беларуси). Когнитивная способность к смешению языков, естественная для билингвов, достаточно сложна. Однако гибридные формы языка часто далеки от литературных стандартов. Следует также учитывать, что один и тоже язык выступает транслятором различных социокультурных кодов. Это главным образом касается английского, французского, испанского, португальского, а также русского языков. Страновые особенности использования указанных языков влияют на их динамику. Не стоит забывать и обратное влияние – ведь лингвистические структуры языка формируют мышление говорящих, влияют на качество и скорость коммуникации, на принятие решений. Изучение классических и современных литературных произведений, просмотр фильмов на указанных выше языках способствует сохранению их культурного ядра.

Достижения социолингвистики и психологии позволили прийти к выводу, что раннее детское изучение двух языков не замедляет, а обогащает развитие ребенка. У билингвов формируется гибридная языковая структура, содержащая две знаковые системы, что обогащает общую картину мира человека. Люди, «изучавшие оба языка одновременно с рождения, справляются с рядом языковых за-

дач лучше, чем те, кто изучал их по очереди, даже если второй язык был добавлен до достижения трехлетнего возраста» [18].

Понимание и изучение билингвизма с социально-политической позиции означает учет истории становления двуязычия, связи социальной структуры и равноправия либо доминирования одного из языков. При этом билингвизм может быть естественным, в большей мере характерным для государств, находящихся в ситуации пограничья, либо искусственным, конструируемым. Искусственный, рецептивный билингвизм формируется как необходимая реакция на внешнеполитические и экономические изменения, определяется выбором стратегических партнеров и союзников либо вынужденным подчинением. Социальный билингвизм демонстрирует природу языковых контактов, процессы сохранения и изменения языков, особенности двуязычного образования, выбор языка в силу социального статуса и профессии, большую или меньшую функциональность языком в модели двуязычия. Так, аристократическое общество в прошлом гордилось латинским и французским билигнвизмом – подобное двуязычие было знаком элитарности. «Народное двуязычие часто является побочным продуктом социального доминирования и навязывания доминирующей группы. В то время как элитное двуязычие рассматривается как актив, народное двуязычие рассматривается как проблематичное как в социальной, так и в образовательной сферах» [16]. С нашей точки зрения, наоборот, народный билингвизм и полилингвизм – важный актив развития государства в современных условиях.

Анализ ряда источников позволяет выявить различные типы билингвизма:

- социально-групповой и индивидуальный;
- первичный /естественный и искусственный / навязанный / рецептивный;
- сбалансированный (оба языка в равной степени интегрированы во все виды социальной практики) и несбалансированный (доминирование одного из языков в большинстве сфер социальной коммуникации и производства).

Т.К.Бхатия дополняет подобную классификацию бикультурным и монокультурным, элитарным и народным типами двуязычия [16].

Би- либо полилингвизм находит воплощение в реализуемой государствами языковой политике. Для политического анализа важно сочетание понимания сути языка, политики и процессов формирования ментальности и идентичности граждан определенного государства. Н.М.Мухарямов и О.Б.Януш указывают на «политологические проекции подобного сочетания: 1) «интерпретация символической функции языка на основании критериев властно-управленческого порядка»; 2) «момент символического рассматривается в качестве одного из двух способов обоснования проводимой языковой политики в ее системных качествах» [12, с.48]. Белорусский ученый В.А.Маслова утверждает: «Язык – путь, по которому мы проникаем в ментальность нации…» [10, с.15].

Существуют различные модели реализации языковой политики. Для достижения языковой однородности применяют интегративную модель (моноязычное обучение на официальном языке, толерантное отношение к языкам этнических меньшинств), исключительная модель (государственная политика, направленная

на языковую гомогенизацию общества), полиноминальная модель (языковой плюрализм допускает использование языков меньшинств в публичной сфере) [4, с.49].

В XXI в. билингвизм рассматривается как фактор социокультурной эволюции и культурный императив. Так, в ЮАР, Швейцарии, Канаде, Финляндии, Бельгии, Индии используют личностный и территориальный подходы в языковой политике. Первый подход означает гарантии личных прав на пользование языками, а второй – территориальный – учет языковых особенностей административно-территориальных единиц. К примеру, в Индии применяется трехязыковая формула, когда в дополнение к изучению хинди и английского для изучения школьники выбирают третий язык, на котором говорят в определенном индийском штате [16].

Белорусский исследователь А.А.Лавицкий систематизировал языковые практики в государствах-участницах СНГ. Первая группа – Беларусь, Казахстан, Кыргызстан – государства, которые «законодательно закрепили или разработали и приняли программы *би-* или полилингвальной языковой политики». Вторая группа – Молдова, Таджикистан, Узбекистан – государства, где «юридически закреплено моноязычие, но в силу исторических, социокультурных, экономических и иных обстоятельств достаточно активно используется другой язык (в сферах бытового общения и массовой коммуникации, частично в образовании». Третья группа – Азербайджан, Армения, Грузия, которые «в вопросах языковой политики… стремятся к наращиванию языковой монополии» [9, с.20-21].

А.А.Лавицким выделены направления языковой политики в государствах СНГ:

1. Государственная защита национальных языков, конституционное закрепление статуса государственного за языком титульной нации.

2. «Экспериментальная работа над внутриязыковой системой» – попытки перехода с кирилличного алфавита на латиницу (Молдова, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан).

3. Реализация политики би- и полиязычия (Республика Беларусь, Кыргызская Республика, где законодательно закреплено двуязычие; Казахстан, принявший в 2007 г. государственную программу трехъязычия, Азербайджан, где официальным является азербайджанский язык, а также гарантируется свободное использование других языков) [9, с.21].

Билингвизм в Республике Беларусь

На белорусских землях исторически существовали различные государственные образования, формировавшие полилингвальную языковую ситуацию. Полиязычие и двуязычие возникали на белорусских землях на разных этапах истории в силу объективных условий. Белорусский исследователь О.Г.Буденис утверждает: «Законодательное закрепление билингвизма на конституционном уровне позволило белорусам сохранить свою самобытность и в то же время остаться приобщенными к русской культуре, частью которой мы долгое время являлись и в развитие которой также внесли свой весомый вклад. Двуязычие в Беларуси носит

не только этнический, но и социально-культурный характер, поскольку отражает историческую общность и духовную связь наших народов» [1, с.2].

Белорусские исследователи (М.А.Можейко, О.Г.Буденис, А.А.Лавицкий и др.) обращают внимание на несбалансированность билингвизма в Беларуси, преобладание русского языка в значимых сферах жизнедеятельности. Приводятся данные Атласа языков под угрозой исчезновения (ЮНЕСКО, 2001), в который внесен белорусский язык. При этом подчеркивается символическая функция белорусского языка как важнейшего маркера самоидентификации и этнического самоопределения. Белорусский язык имеет важнейшее значение в сфере культуры. Приведем высказывание А.А.Лавицкого: «Современный белорусский язык реализует в меньшей степени фактическую функцию, его первичное значение для национальной лингвокультуры – символизм. Сам факт его наличия цементирует этническую самоидентификацию белорусов, символизирует этническое единство» [9, с.22].

Обратимся к анализу белорусского законодательства о языках. Согласно статье 17 Конституции Республики Беларусь, государственными языками являются белорусский и русский язык. Закон Республики Беларусь «О языках» был принят в 1990 г., а новейшие изменения в него были внесены в 2023 г. Первоначально в качестве государственного языка был закреплен белорусский язык, а русский признавался языком межнационального общения. По результатам республиканского референдума 14 мая 1995 г. русскому языку был придан статус государственного языка. За это проголосовали 83,3% принявших участие в референдуме граждан.

Закон Республики Беларусь «О языках» направлен на регулирование использования государственных (белорусского и русского) и других языков, используемых гражданами Беларуси, а также иностранными гражданами и лицами без гражданства. В ряду важных целей Закона – воспитание уважительного отношения национальному достоинству, языку и культуре граждан, укрепление дружбы и сотрудничества между народами (статья1 Закона). Республика Беларусь обеспечивает всесторонне развитие и функционирования белорусского и русского языков во всех сферах общественной жизни. При этом Закон не регулирует использование языков в неформальном общении, в общении между членами рабочих коллективов (статья 2) [3].

В 2023 г. в Закон «О языках» были внесены изменения. Статья 21 гласит, что каждому жителю Беларуси гарантируется право на получение образования на белорусском и (или) русском языках, что обеспечивается развитием систем дошкольного, общего среднего, профессионального, среднего специального, высшего образования и систем научного ориентированного и специального образования. Педагогические работники системы образования должны владеть белорусским и русским языками [3]. Изменена и статья 12 Закона «О языках»: указывается, что бюллетени для голосования на выборах и референдумах выдаются на одном из государственных языков. Судебное разбирательство, производство по административным делам возможно на белорусском и русском языках [3].

25 января 2022 г. на заседании-совещании с Национальной академией наук Беларуси Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко выступил по вопросу белорусского языка: «Нельзя забывать свой язык. Если мы не будем знать белорусского языка, – мы не белорусы. И русский язык, и беларуская мова – это наше…» [14].

Реализация белорусским языком социокультурной, идентификационной, символической функций подтверждается результатами учебного опроса по методу ассоциативного эксперимента в группе студентов (сентябрь 2024 г., 19 респондентов). На вопрос «Какие ассоциации возникают у Вас при фразе – “родной язык”?» были получены следующие ответы:

Язык, на котором говорю я, мои родители, мои предки (4 респондента);

Родина¸ культура¸ традиции, средство общения с близкими (3 респондента);

Белорусский язык, Родина, дом (2 респондента);

Белорусский и русский языки, национальные традиции, культура, литература (2 респондента);

Язык, который является государственным (2 респондента);

Гонар, Раздима, станоучыя эмоцыі; мая спадчына, якую мы павінны берагчы (2 респондента).

Далее – по одному респонденту:

Национальные праздники, музыкальные группы («Песняры», «Бяседа»), исторические личности Е.Полацкая и К.Туровский, Беловежская пуща, Ф.Багушэвич;

Беларусь, культурные традиции, идентичность;

Национальной дух, предки, прошлое, бусел, зубр; отражение духа народа, гордость, чувство приобщенности;

Корни дерева.

Хотя выборка минимальна и опрос имел учебный характер, но его результаты подтверждают теоретические выводы белорусских авторов о значимости и функциях государственных языков –белорусского и русского.

Выводы

При изучении языковой политики политологи выявляют: 1) ее влияние на массовое и групповое сознание, на СМИ и СМК; 2) субъектов и механизмы принятия и изменения языкового законодательства; 3) воздействие на социально-политическое поведение; 4) пути урегулирования языковых конфликтов; 5) геолингвистические процессы, связанные с распространением и упадком языков. Политологические аспекты билингвизма связаны с изучением его сбалансированности, символической и этнокультурной функции языка, роли языка в создании властно-управленческого порядка.

Исследователи обращают внимание на несбалансированность билингвизма, а его преодоление требует усилий как государства, так и граждан нашей страны. Белорусский язык выполняет не только коммуникативную функцию, но символическую функцию, способствуя этнической идентичности белорусов. Однако в современных условиях в Беларуси билингвизм рассматривается как фактор, способствующий социокультурной динамике, поскольку освоение контекста куль-

туры второго языка укрепляет формирование этнонациональной компетентности, служит укреплению гражданских основ национально-государственного строительства.

Литература

1. Буденис О.Г. Билингвизм как фактор социокультурной динамики белорусского общества: автореф. дис. … канд. филос. наук: 24.00.01 / Буденис Ольга генриховна. – Гродно, 2022. – 24 с.
2. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие [Электронный ресурс] // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М., 1972. – С.25-60. – Режим доступа: https://rus4chld.pushkininstitute.ru/articles/vainraih.pdf
3. Закон Рэспублікі Беларусь ад 26 студзеня 1990 г. № 3094-XI «Аб мовах у Рэспубліцы Беларусь» с изменениями от 17 июля 2023 г. № 300-З [Электронный ресурс] // Национальный правой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300300
4. Каневский А.А. Языковая политика как вид национальной политики государства // Философия права. – 2015. – №4 (71). – С.47-51.
5. Концепция государственной языковой политики Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 12 июня 2024 г. №1481-р. Гарант.ру. Информационно-правой портал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/
6. Кофнер Ю. Концепция Большой Евразии: культурно-географическое и политэкономическое понимание [Электронный ресурс] // Журнал Континента Eurasia Plus. – Режим доступа: http://eurasia.plus/magazine/eurasia_multipolar_world/concept_ big_eurasia.phtml
7. Кузнецов С.Н. Геолингвистика, социолингвистика, языковая политика: программы лекционных курсов проф. С.Н.Кузнецова (МГУ им. М.В.Ломоносова) // Современная наука. – 2017. – №1. – С.92-100.
8. Лавицкий А.А. Генезис языковой политики Республики Беларусь // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2022. – Т.19. – №1. – С.77-85.
9. Лавицкий А.А. Языковая политика стран СНГ: актуальное состояние и перспективы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – №4. – С.16-27.
10. Маслова В.А. Философия языка: конспект лекций. –Витебск: УО «ВГУ им. П.М.Машерова», 2012. –50 с.
11. Можейко М.А. Билингвизм в социально-политической проекции: язык как способ бытия нации // Философские науки. – 2022. – №65(3). – С.112-137.
12. Мухарямов Н.М., Януш О.Б. О комбинаторике языка, политики и идентичности // Полит. наука. – 2020. – №4. – С.36-58.
13. Мухарямов Н.М. Языковая политика и политика языка: к вопросу о «действующих лицах» // Вестник Пермского университета. Политология (Bulletin of Perm university. political science). – 2021. – №15(4). – Т.15, № 4. – С.5-15.
14. О духовности и культуре [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/quotes/category/o-duhovnosti-i-kulture
15. Ткаченко О.А. Политическая ономастика // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2022. – №1 (3). – С.18-27.
16. Bhatia Tej K. Bilingualism and multilingualism from a socio-psychological perspective [Electronic resource] // Oxford research encyclopedia of 28 June 2017. – Access mode: https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.82

17. Diellza Hoxha. The phenomenon of bilingualism in Rahovec's spoken language [Electronic resource] // Advances in language and literary studies. May 2019. – Access mode: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1230458.pdf
18. Sharipov S.S. Bilingualism as a phenomenon of bilingual cognitive communication // European journal of agricultural and rural education (EJARE). December 2021. – Vol. 2. – №12. – Access mode: https://media.neliti.com/media/publications/382387-bilingualism-as-a-phenomenon-of-bilingua-cb73339d.pdf

BILINGUISM IN LANGUAGE POLITICS: POLITOLOGICAL ASPECTS OF RESEARCH (on the example of the Republic of Belarus)

Antanovich Nina Arsenievna

Doctor of political sciences, professor,
head of the chair of political science
Belarusian state university
220030, Republic of Belarus, Minsk, Independence ave., 4
Ph.: +375 017 209 55 72
antanovich.bsu@gmail.ru

The article deals with the achievements of representatives of various socio-humanitarian sciences (linguistics, philosophy, sociology, history, political science, etc.) in the study of language policy and the phenomenon of bilingualism. Emphasis is placed on analyzing the study of bilingualism in the Republic of Belarus.

On the basis of the interpretation and practical realization of language policy the political science aspects of its study are considered. When studying language policy, political scientists reveal: 1) its influence on mass and group consciousness, on mass media and SMC; 2) peculiarities of subjects and mechanisms of adoption, as well as changes in language legislation; 3) impact on socio-political behavior of citizens; 4) ways to resolve language conflicts; 5) geolinguistic processes related to the spread and decline of languages. The political science aspects of bilingualism are related to the study of its balance, symbolic and ethno-cultural function of language, the role of language in the creation of power-administrative order.

The peculiarities of the study of the phenomenon of bilingualism in language policy for understanding political processes are revealed and the main features of bilingualism in the Republic of Belarus are presented. In modern conditions in Belarus bilingualism is considered as a factor contributing to socio-cultural dynamics, because mastering the context of the second language culture strengthens the formation of ethno-national competence, serves to strengthen the civic foundations of nation-state building.

Keywords: bilingualism; language policy; Belarusian-Russian bilingualism; national language; polylingualism; geolinguistics; political science.

БИЛИНГВИЗМ ДАР СИЁСАТИ ЗАБОН: ҶАНБАҲОИ СИЁСАТШИНОСИИ ТАДҚИҚОТ (дар мисоли Ҷумҳурии Беларус)

Антанович Нина Арсеньевна

Доктори илмҳои сиёсӣ, профессор,
мудири кафедраи сиёсатшиносӣ
Донишгоҳи давлатии Беларус
220030, Ҷумҳурии Беларус, Минск, хиёбони Независимости, 4
Тел.: +375 017 209 55 72
antanovich.bsu@gmail.ru

Дар мақола дастовардҳои намояндагони илмҳои гуногуни ҷамъиятиву гуманитарӣ (забоншиносӣ, фалсафа, ҷомеашиносӣ, таърих, сиёсатшиносӣ ва ғ.) дар омӯзиши сиёсати забон ва падидаи дузабонӣ баррасӣ шудааст. Ба таҳлили омӯзиши дузабонӣ дар Ҷумҳурии Беларус таваҷҷӯҳи зиёд дода мешавад.

Дар асоси тафсир ва татбиқи амалии сиёсати забон, ҷанбаҳои сиёсатшиносии таҳқиқоти он баррасӣ мешаванд. Сиёсатшиносон ҳангоми омӯхтани сиёсати забон инҳоро муайян мекунанд: 1) таъсири он ба шуури омма ва гурӯҳӣ, ба воситаҳои ахбори омма ва системаҳои коммуникатсияи омма; 2) хусусиятҳои субъектҳо ва механизмҳои қабул, инчунин тағйироти қонунгузории забон; 3) таъсир ба рафтори ҷамъиятию сиёсии шаҳрвандон; 4) роҳҳои ҳалли ихтилофҳои забонӣ; 5) равандҳои геолингвистии бо паҳншавӣ ва таназзули забонҳо алоқамандбуда. Ҷанбаҳои сиёсии дузабонӣ бо омӯзиши мувозинати он, вазифаҳои рамзӣ ва этнофарҳангии забон ва нақши забон дар эҷоди тартиботи ҳукуматӣ ва маъмурӣ алоқаманд аст.

Хусусиятҳои омӯзиши падидаи дузабонӣ дар сиёсати забон барои дарки равандҳои сиёсӣ ошкор ва хусусиятҳои асосии дузабонӣ дар Ҷумҳурии Беларус оварда шудаанд. Дар шароити мусосир дар Беларус дузабонӣ ҳамчун омили мусоидат ба динамикаи иҷтимой-фарҳангӣ ба ҳисоб меравад, зеро азхудкунии контексти фарҳанги забони дуюм ташаккули салоҳияти этномиллиро тақвият бахшида, ба таҳкими пояҳои шаҳрвандии сохтмони миллӣ ва давлатӣ хизмат мекунад.

Калидвожаҳо: дузабонӣ; сиёсати забон; дузабонии беларус-русӣ; забони миллӣ; бисёрзабонӣ; геолингвистика; сиёсатшиносӣ.

УДК 81.33

ЭТНОЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ СИМВОЛИКИ ЧИСЕЛ В ПАМИРСКИХ ЯЗЫКАХ

Давлатмирова Манижа Бораковна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 98 35 53 (м.)
mdavlatmirova76@gmail.com

Статья посвящена исследованию символики чисел в памирских языках, специфики функционирования числовых категорий в этнолингвокультурной традиции и менталитете данного народа. Этнолингвокультурный аспект изучения языка является одним из актуальных направлений исследований в лингвистике, связанных с историей и культурой носителей языка, психологии и образа жизни народа.

В числах отражаются особенности мировоззрения, система традиционных ценностей, а также народный менталитет. В работе внимание акцентируется на культурно значимых числах, их роли в традициях, обрядах, мифологии и фольклоре памирского народа. Показаны факторы употребления сакральных чисел, обусловленные их этнокультурной символикой. Выявлено, что выражение *ǰuftat toq* (чет и нечет), числа *nīnz/панҷ (пять), wuvd (семь) чил* (*сорок*) формируют и символизируют универсальные и этноспецифические представления, связанные с традиционными ценностями, временем, климатом, астрологией и философией народа. Счетная система ярко представлена в народном календаре, играя большую роль в отсчете дней года, сезонов, периодов, а, следовательно, в наступлении традиционного праздника «Навруз». Особое внимание уделяется отражению числовых систем в составе устойчивых выражений, которые символизируют родильные, похоронные обряды, что позволяет рассмотреть их в контексте культурного кода.

Ключевые слова: счетная система; этнолингвокультурный анализ; национальная специфика; народный менталитет; культурный код; памирские языки; духовная культура; традиции; обряды.

Известно, что число отражает духовную культуру народа, ярко воплощается в национальном сознании и формирует специфическую семиотическую картину каждого народа. Начиная с древних времен, люди стали отмечать символами количество, нехватку и недостаточность предметов, восход и заход солнца, объем и длину, а также дни недели и годы. Лингвосемиотическая реализация счетной системы отражает особенности месторасположения региона, специфику климата и культуры, поэтому в различных лингвокультурах по-разному воплощается значение счетной языковой картины.

В разные времена и в отдельных лингвистических традициях известные мыслители и ученые стали интересоваться и анализировать счетную систему и численную символику. Например, в исламской научной традиции некоторые ученые, изучавшие тексты Корана, выявили интересные численные смыслы и математический порядок Священного Корана. Мухаммад Али Ризаи подчеркивает, что «с помощью математических расчётов учёные пришли ко многим интересным выводам. Во главе этой группы учёных стоят такие люди, как Рашшад Халифа, Абд ар-Раззак Науфал и другие» [7, с.106]. Рашшад Халифа занимался исследованием Священного Корана и в своей книге «Му'аджизат ал-Кур'ан ал-Карим» («Чудеса Священного Корана»), которая была издана в Бейруте в 1983 году, представил смысл и тайны, отдельно стоящих *харфов (букв)* Корана, или, иначе, буквенных сокращений. Он доказал, что существует тесная связь между упомянутыми буквами и общим количеством букв в тех сурах, в начале которых они расположены. Для необходимых подсчётов в этом направлении он использовал компьютер и, таким образом, отметил, что сочетания «сокращённых» букв, открывающих некоторые суры, встречаются в 29 местах Корана. Общее количество этих *харфов* и их сочетаний равно 28 [7, с.108].

А.Н.Чугунекова рассматривает особенности отражения счетной системы в фольклорных текстах хакасского и тувинского языков. При анализе реализации счетной системы в фольклорных текстах она выявляет этноспецифические особенности их отражения в указанных языках и отмечает, что «героические сказки обладают богатой этнокультурной семантикой, зафиксированной в героических сказаниях. Они употребляются для определения количества и возраста героев, количества перевалов, количества элементов бытия. Активно участвуют в определении временного отрезка, описании природы и окружающей среды, жилища героев и др. Наиболее близкие значения и в хакасском, и в тувинском языке выражают числа *үс/үш 'три', тоғыс/ тос 'девять'*. Число *тозан тос* 'девяносто девять' встречается только в тувинских героических сказаниях. Интересным является употребление числа алтон/алдан 'шестьдесят'. В хакасском эпосе число алтон чаще служит для выражения женской красоты, а в тувинском – для выражения количества горных перевалов» [17].

В статье М.С.Дзедаевой «Семантико-когнитивный анализ номинаторов *два* / two как репрезентация концептов число / number в русской и английской языковых картинах мира» [3] проводится сопоставительный анализ номинаторов *два* в русском и английском языках. В качестве материала исследования автор рассматривает фразеологические единицы с числовым компонентом с целью выявления семантических и национальных особенностей сопоставляемых языков. В результате исследования автору удалось установить, что «... в русском языке номинатор, реализующий значение числа два, может символизировать потустороннюю негативную силу (черта с два). В английском языке такого значения выявлено не было. В кельтской мифопоэтической традиции, в отличие от славянской, число два также не ассоциировалось с отрицательной магической силой; значение единения в русском и английском языках имеет разные коннотации: в рус-

ской ФЕ доминирует эмоциональная подоплека, в английской – отношения взаимной выгоды» [3, с.73].

Символика чисел отчётливо отражается в лингвосемиотической и лингвокультурной системе памирских языков и верифицируется в обрядах и традициях их носителей. Как утверждает Б.Б.Лашкарбеков, «языковые данные могут пролить свет и на некоторые особенности духовной культуры предков современных обитателей края, в том числе на их этноконфессиональные характеристики. В названиях отдельных культовых сооружений отразились верования древних жителей края – предков современных носителей памирских языков» [11, с.116].

Сочетание *ǰuftat toq,* заимствованное из таджикского языка, в языках шугнано-рушанской группы имеет следующие значения: 1. сущ. пара; чет ш. *wȳвд ҷу́фт-ат тоқ хо̆ҷ ту́-ҷа* (у тебя семь пар и одна штука абрикосовых косточек); ш. *лāк мêст ҷуфт сў́д-ат, та́м сӯр анҷа́вāм* (пусть месяц станет четным, и тогда мы устроим свадьбу); бадж. *йи ҷуфт ҷира́б-ум wи-рд да́к-ҷӯд* (я ему дал одну пару джурабов) [10]. Устойчивые сочетания и идиомы ш. *ǰuft-at toq*; бадж., руш. *ǰuft-at tūq* носят значение «чет и нечет». Данное выражение также используется как сложный глагол: ш. *ǰuft-at toq čidow.* бадж. *ǰuft-at tūq čidov «играть в «чет и нечет»».*

В традиционном языковом сознании памирского народа выражение *ǰuft/ҷуфт* (чет, пара) ассоциируется с семейными ценностями, с гармонией и единством в семейных отношениях, благополучием и достатком как символами целостности и изобилия. В духовном плане *ǰuft/ҷуфт* верифицируется как баланс между духовным и материальным миром человека. При назначении и проведении всех традиционных обрядов выбираются чётные дни, особенно в контексте свадебных обрядов.

Следует отметить, что особое лингвосемиотическое и этнолингвокультурное воплощение в памирских языках реализует число *пять* (пӣнʒ, панҷ). Словарь Д.Карамшоева дает следующее описание: *Пӣнʒ* пять; пятеро; ш. *āр-пӣнʒ* «пятеро, все пятеро, впятером». Ср. тадж. панҷ. *pīnʒ [р.]* пять; бс. bād az pīnʒ-xöw mīθ через пять-шесть дней; pālawōnḗn-an ar pī́nʒ-aθ pa sōyā́ nāšč «все пять борцов уселись в тени» [10].

Т.С.Каландаров в своей монографии «Исмаилиты Памира» пишет: «Сами памирские исмаилиты называют себя панджтан (в переводе с таджикского – «пять особ»). Именно это определение получило широкое распространение. Символ панджтан – изображение руки с раскрытой ладонью (панджа), которое можно встретить на камнях и в пещерах по всему Памиру» [8, с.17]. Как видно, число *пять в* памирской лингвокультуре реализует сакральную картину и формирует такие сочетания, как *panj tan (пять особ), panj panja (раскрытая ладонь), pinʒ niẋůn (пять знаков),* которые являются ценностными доминантами и ярко отражаются в прецедентных текстах. А.А.Бобринской утверждает: «Вообще рука была одной из обычных эмблем многих солнечных богов» [2, с.114].

Pīnʒ sitan является специфическим выражением и для народа Памира, являясь кодом культуры, так как *Pīnʒ sitan* составляет основу памирского дома и несет в себе философско-религиозное и культурно-космологическое значение

[см.13]. Как пишет Ш.С.Некушоева, «слово «столб» в шуг., руш., бр., рош. *Sitan,* сар. *s(ы)tan,* перс.-тадж. sutun «столб», «колона». Согласно верованиям памирцев, эти *пять столбов* раньше персонифицировали пять зороастрийских божеств – Суруша (божества или ангела послушания и дисциплины, мужской силы, символа вечной жизни и счастья), Мехра (божества любви), Анахиту (божества плодородия и покровительницы женщин), Замйада (божества земли) и Озара (божества огня). Однако в представлениях современных жителей Западного Памира значение этих столбов трансформировалось, и их наличие внутри традиционного памирского дома символизирует пять представителей шиитской ветви религии ислама: пророка Мухаммеда (с.), имама Али (а.), дочери пророка и жены имама Али Фатимы (р.) и их сыновей – Хасана (а) и Хусейна (а)» [14, с.125].

Выражение *Panǰtani* (перс. پنجتنی) является духовным кодом, так как реализует исламскую картину и означает «последователь Али, исмаилит», отсюда выражение *panǰtáni pok* (перс. پنجتنی پاک) «пятеро святых, святое семейство». Данные выражения в духовной культуре памирского народа являются ценностными доминантами и являются сакральными элементами. Значение термина «Панҷтани» напрямую связано с почитанием семьи Пророка Мухаммада (С.): самого Пророка, его дочери Фатимы, зятя и двоюродного брата Али ибни Абу Талиба, а также их сыновей Хасана и Хусейна. Это святое семейство, или «панжтани пок» (букв. «чистое, святое пятерство»), занимает особое место в шиизме и исмаилизме, поскольку символизирует святость и духовное наследие ислама, которое, по их убеждению, должно передаваться через наследников Пророка, в первую очередь Али. «Панжтани» как термин может указывать на принадлежность к религиозной общине, проявляющей преданность Али и его потомкам, что особенно значимо для исмаилитов, у которых представление о духовной преемственности выражено через почитание имамов как духовных лидеров и хранителей истинного знания.

В философском и астрологическом дискурсе число семь в памирских языках связано с космологическими представлениями о сотворении планет и человечества (семь небес, семь планет), религиозными обрядами (семь шагов в молитвах), оно также символизирует этапы жизненного пути. В словаре Д.Карамшоева приводятся следующие примеры: W*ӮВД, ӮВД* семь; ш. wу́з-ум wӯвд синф тайор чӯд «я окончил семь классов»; б. wӣ-нд йи wӯвд waхъ̆т местӣнҷ курā вуд «у него был семи-восьмимесячный жеребенок». Ср. афт 1. ūvd p. ūvd p. wuvd [10]. В духовной культуре народа ярко представлено выражение *wuvd puхъ̆t.* В словаре Д.Карамшоева даются следующие значения лексемы ПУ*Х̆*Т: м. 1) поколение; б. *даδ wӯвд пухъ̆т на́ӯ̆ҷӣд-ат, wu нибос потхъ̆о сут* «сменилось семь поколений, и (тогда) его внук стал царем»; 2) время; ш. *ик-ас wu тарӯ̆д цӯ̆нд пухъ̆т наӯ̆ҷӣд* «с тех пор прошло много времени»; *пухъ̆т ба пухъ̆т* «из рода в род, из поколения в поколение; испокон веков»; ш. *йик-ам кор ма́̆ш-ард пухъ̆т ба пухъ̆т расм судҷ «*этот обычай испокон веков существует у нас» [10]. Как ценностно маркированная составляющая важнейшей этической максимы, выражение *wuvd puхъ̆t* («семь поколений») отражает уважение и почтение к своему роду, каждый человек должен знать свою родословную.

Следует отметить, что сакральные и магические значения чисел отражаются в фольклорных текстах, паремеологическом и фразеологическом фондах памирских языков. Например, число 40 часто ассоциируется с завершением важных циклов в жизни, таких как сорок дней траура или сорок дней после рождения ребёнка. А вот что пишет о числе сорок Т.С.Каландаров: «Следует особо подчеркнуть, что повсеместно во всех долинах Памира магические действия применялись в обрядовом комплексе *чилла.* Этот термин происходит от «чил» (сорок) и имеет несколько значений. Одно из них связано с семейной обрядностью, в частности, с периодом заключительных свадебных ритуалов, с рождением ребенка и похоронами человека, когда в течение некоторого времени (обычно 40 дней) устраивались определенные обряды, имевшие магическое значение, соблюдались традиционные обычаи и запреты» [9, с.79].

Число 40 (*чил)* также отражает этнолингвокультурную символику в контексте родильного обряда памирского народа. Как известно, на Памире первую рубашку младенца называли *чилги курта (рубашка сорокодневия).* Вот что об этом пишет Т.С.Каландаров: «У памирцев через двадцать дней после рождения мальчика и сорок дней девочки «рубашку сорокодневия» вешали на куст шиповника. И это не случайно. Шиповник, с одной стороны, представлял собой символ плодородия, с другой – своими колючками должен был преграждать путь демоническим силам.... По прошествии 40 дней первую рубашку обязательно снимали: считалось, что, если снять ее позднее, она не только перестанет быть оберегом, но даже может принести вред. Если с младенцем было всё благополучно, то эту рубашку хранили до рождения следующего ребенка. Если же она изнашивалась, то ее куда-нибудь прятали, однако ни в коем случае никому не отдавали и не выбрасывали» [9, с.222].

Многие учёные, как этнографы, так и лингвисты, исследовали проблему счётной системы народа Бадахшана, и большой интерес представляют полученные результаты о древних солнечных календарях Памира. С древних времён на протяжении всего года люди наблюдали, как Солнце восходит и заходит не в одной и той же точке над горизонтом. Об этом пишет М.А.Бубнова в статье «Древние солнечные календари Памира» в разделе «Счет времени по-памирски». В Этимологическом словаре ваханского языка даётся слово *digonisol*: «На Западном Памире существует специальный термин *digonisol,* т.е. крестьянский способ исчисления времени. Под ним подразумевают полузабытый метод отсчета дней года, сезонов, периодов, состоящий в наделении определенным смысловым содержанием частей тела» [16, с.147].

Обращают на себя внимание астрологические и этнолингвистические особенности ценностной доминанты праздника «*Xidīr ayům*» «Навруз» в памирских языках, где отражается специфическая счетная система. М.С.Андреев в известной работе «Таджики долины Хуф» [1] даёт скрупулёзный анализ народного календаря и счетной системы данного народа.

Жители горных регионов с древних времён наблюдали природные явления и фиксировали их, отмечая специфическими знаками, а также сравнивая их с аст-

рологическими явлениями, которые способствовали определению годового цикла.

И.И.Зарубин в своих исследованиях выявляет особенности древних исчислений памирского народа: «Счет по частям тела человека (мужчины) является одним из древних исчислений времени у народов Западного Памира. Наиболее полно он сохранился в ГБАО у рушанцев, бартангцев и шугнанцев, а потому, что традиционное земледелие было мужским делом, этот счет связан с телом мужчины. Сначала система счета времени была ограничена пальцами рук и ног, а поскольку их не хватало для определения необходимых отрезков времени, то был изобретен новый счет времени – по частям тела мужчины» [6, с.57].

С.С.Назарова в своей магистерской диссертации даёт аналитический обзор счётной системы и народного календаря памирского народа: «После революции, в начале 30-х годов, П.Майским были собраны и опубликованы более подробные данные о всех периодах, их смене и длительности, а также представления о погоде, свойственной каждому из этих периодов. Позднее Ленц в своей работе, посвященной различным видам календаря в Припамирье и Нуристане, уделяет место и припамирскому счету времени по частям тела человека. Он сделал сводку опубликованных до него Бобринским, Андреевым и Половцевым и Майским материалов по этому счету, в которую включил и небольшой материал, собранный им лично в Шугнане» [12]. Далее автор пишет: «Календарный счет по частям тела человека основан на том, что солнце будто бы последовательно проходило через все части тела человека. Согласно этому счету, год состоит из двух циклов: первый цикл – с ног до головы, второй – с головы до ног. Всего в записях И.И.Зарубина упоминается 25 периодов, год состоит из 334 дней. В рушанском календаре солнце после *qarqara* «макушки» ещё 9 дней проходило через *saguzanjir* «собаку и цепь» и *sêxu-mêx* «спицу и гвозди» [12, с.35].

Как известно, в текстах и записках И.И.Зарубина отражён древний календарь рушанского и шугнанского народов. По мнению учёного, «...по рушанскому счету после завершения *cillāi-zimiston* «зимнего сорокодневья» (приблизительно 1-2 февраля) «солнце входило в человека», и отмечали праздник *Oftob-dar-mard* «Солнце в человеке». С этого дня начинался отсчет периодов нахождения солнца по частям тела человека (мужчины). Первый день солнце находилось в периоде nöxun «ногтей» [ног человека] (1-2 февраля и оставалось там 3 дня). Название праздника заимствовано целиком из межпамирского фарси (oftob «солнце», dar «в, на» – предлог означает местонахождение, и mard «человек, мужчина»)» [5].

В разных регионах по - разному называли весенний праздник, например, в Рушане первым календарным праздником считался «*Oftob-dar-mard»* «Солнце в человеке», в Бартанге данный весенний праздник – «*Xur-pa-čor»*, в Рошорве, Шугнане – «Хӣрčizy̆n» (Солнце в коленях).

Праздник «*Oftob-dar-mard»* (Солнце в человеке) совпадал с традиционным древнеиранским праздником Сада [5, с.11].

В работах И.И.Зарубина даются точные сведения о традиционном Новом годе у рушанцев и наступлении праздника на основе счета по частям тела человека, а также их специфических особенностях и отражении в обрядах [5; 6].

Изучив запись счета, сделанную М.С.Андреевым в 1902 г. в кишлаке Чарсим, А.К.Писарчик привела указанную систему в соответствие с современным календарем. Это оказалось несложно, поскольку начало весеннего периода, которое памирцы называют *zorδ* «сердцем», совпало с днем весеннего равноденствия (21 марта), а конец осеннего периода – тоже zorδ «сердце» – с днем осеннего равноденствия (23 сентября). Счет времени по частям человеческого тела был очень распространен и имел много разновидностей, – их зафиксировал еще М.С.Андреев во время своих полевых исследований, которые он проводил с 1902 по 1943. Эти материалы впоследствии дополнила А.К.Писарчик.

Čilla-yi zimiston – зимнее *сорокодневие* (*чиллаи зимистон*), которое длилось 41 сутки (22 декабря – 31 января), счет дней велся уже по частям тела, так как «солнце входило в человека». Начинался он с ног (ногти, ступня), на которые отводилось 3 дня (1-2 февраля). Затем через 12 точек перечисления (все они имели свои названия, 10 по 3 дня и 2 по 9 дней) солнце проникало в сердце (zorδ). Это приходилось на день весеннего равноденствия (21-23 марта, когда наступал Навруз).

Понятия, которые отражают количество и объем предметов, широко применяются в памирских языках. Как утверждает Ш. С. Некушоева, «многие предметы утвари, в частности, разновидности кувшинов и сосудов, на Памире использовались в качестве материала для уточнения веса различных сыпучих продуктов питания. К примеру, сосуд *tafsin* – мерило для масла; бр. *put;* ш. *wisərn* – мерило для зерна, вместимость которого составляет 10 кг., *kāfč* – мерило для зерна вместимостью 5 кг. и т.п. В речи памирцев часто можно услышать такие выражения, как*: δu kāfč kaxť/ два kāfč зерн.; р. paymonā; ш. pemůna «пиала, чаша деревянная», pemůna pur sidow «чаша жизни наполнилась»* [14].

Итак, в лексическом фонде памирских языков сохраняется уникальная счетная система, представляющая собой сложный комплекс национально-культурных представлений носителей языков

Народный календарь и счетная система памирцев отражают глубокие смыслы и значения, связанные с языковым мышлением и особенностями деятельности земледельцев горного региона. Особый интерес представляет календарный счет по частям тела человека (мужчины), который характерен только для памирского народа.

Числа и счет сопровождают носителей памирских языков при проведении традиционных семейных обрядов и ритуалов, религиозных праздников и репрезентируют количество, срок, порядок и меру предметов и явлений окружающего мира, выполняя, таким образом, классифицирующую и упорядочивающую функции.

Литература

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф / под ред. Э. Кочумкуловой. – Бишкек: Ос ООО «Джем Кей Джи», 2020. – Вып.I-II. – 794 с.
2. Бобринской А.А. Горцы верховьев Пянджа // Бобринской А.А.: Очерки быта по путевым заметкам гр. А.А.Бобринского. – М., 1908. – 150 с.
3. Бубнова М.А. Древние солнечные календари Памира / М.А.Бубнова, Н.А.Коновалова // Памирская экспедиция: (ст. и материалы полевых исслед.) / РАН, Ин-т востоковедения; отв. ред. Н.М.Емельянова. – М., 2006. – С.170-209.
4. Дзедаева М.С. Семантико-когнитивный анализ номинаторов *два/two* как репрезентация концептов *число/number* в русской и английской языковых картинах мира // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 73-78.
5. Зарубин И.И. Бартангские и рушанские тексты и словарь. – М.; Л., 1937.
6. Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 385 с.
7. Исфахани, Мухаммад Али Ризаи. Чудеса и удивительные аспекты Корана / пер. с перс. М.Махшулова. – СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение», 2012. – 272 с.
8. Каландаров Т.С. Исмаилиты Памира. – М.; СПб.: Нестор-История, 2022. – 216 с.
9. Каландаров Т.С., Терехов В.П. Путешествие в страну рубиновых гор. – М.: Наука, 2006. – 285 с.
10. Карамшоев Д. Шугнанско-русский словарь: в 3 т. – М.: Наука, 1991. – Т.I – 320 с., Т.II. – 340 с., Т.III. – 283 с.
11. Лашкарбеков Б. Б. К этнолингвистической истории ираноязычных народов Памира и Восточного Гиндукуша. Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – 272 с.
12. Назарова С.С. Этнолингвистическое исследование празднования «Навруз» в языках шугнано-рушанской группы: магистерская диссертация. – Душанбе, 2023. – 87 с.
13. Некушоева Ш.С. Тематическая дистрибуция оберенов у народов Западного Памира (семантико-когнитивный анализ) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2022. – №1(76). – С.176-187.
14. Некушоева Ш. С. Этнолингвистическое и сравнительное освещение предметно-бытовой лексики (на материале языков шугнано-рушанской группы). – Душанбе: Эр-граф, 2019. – 180 с.
15. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Т.1, Т.2.
16. Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. – СПб., 1999. – 147с.
17. Чугунекова А. Н. Символика чисел в хакасском и тувинском языках (на материале фольклорных текстов) [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т.12. – Вып.11. – Режим доступа: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2019_11_92.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

ETHNOLINGUISTIC AND CULTURAL PECULIARITIES OF NUMBER SYMBOLISM REFLECTION IN PAMIR LANGUAGES

Davlatmirova Manizha Borakovna

Doctor of philological sciences, associate professor,
professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 935 935 53 (m.)
mdavlatmirova76@gmail.com

The article is devoted to the study of the symbolism of numbers in Pamirian languages, the specifics of the functioning of numerical categories in the ethnolinguistic and cultural tradition and mentality of this nation. The ethnolinguistic and cultural aspect of language study is one of the actual directions of research in linguistics, related to the history and culture of language speakers, psychology and way of life of the people.

The numbers reflect the peculiarities of worldview, the system of traditional values, as well as people's mentality. The paper focuses on culturally significant numbers, their role in traditions, rituals, mythology and folklore of the Pamirian people. The factors of sacred numbers use, conditioned by their ethno-cultural symbolism, are shown. It is revealed that the expression *ǰuftat toq* (even and odd), numbers *pūnz/panų* (five), *wuvd* (seven) *chil (*forty) form and symbolise universal and ethnospecific representations connected with traditional values, time, climate, astrology and philosophy of the people. The counting system is vividly represented in the folk calendar, playing a major role in counting the days of the year, seasons, periods, and consequently in the onset of the traditional holiday 'Navruz'. Particular attention is paid to the reflection of numerical systems in the composition of stable expressions that symbolise maternity and funeral rites, which allows us to consider them in the context of the cultural code.

Keywords: counting system; ethnolinguocultural analysis; national specificity; folk mentality; cultural code; Pamir languages; spiritual culture; traditions; rituals.

ХУСУСИЯТҲОИ МАРДУМӢ, ЗАБОНӢ- ФАРҲАНГИИ ИНЪИКОСИ РАМЗШИНОСИИ АДАДҲО ДАР ЗАБОНҲОИ ПОМИРӢ

Давлатмирова Манижа Бораковна

Доктори илмҳои филология, дотсент,
профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амали
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 3
Тел.: (+992) 935 98 35 53 (м.)
mdavlatmirova76@gmail.com

Мақола ба таҳқиқи рамзшиносии ададҳо дар забонҳои помирӣ, хоси категорияҳои ададӣ дар анъанаи фарҳангӣ ва тафаккури ин мардум бахшида шудааст. Ҷанбаҳои забонӣ-фарҳангии

омӯзиши забон яке аз самтҳои муҳими таҳқиқоти забоншиносӣ мебошад, ки бо таърих ва фарҳанги соҳибони забон, равоншиносӣ ва тарзи зиндагии мардум иртибот дорад.Дар ададҳо хосиятҳои ҷаҳонбинӣ, низоми арзишҳои анъанавӣ ва ҳамчунин тафаккури миллӣ инъикос меёбанд. Дар ин таҳқиқот диққат ба ададҳое дода шудааст, ки рамз ва нақши онҳо дар анъанаҳо, расму оинҳо, ва фолклори мардуми Бадахшон инъикос шудааст. Омилҳои истифодаи ададҳои хос, ки бо рамзҳои мардумӣ-фарҳангӣ тавзеҳ дода мешаванд, нишон дода шудаанд.Муайян карда шуд, ки ифодаи *ǰuftat toq* (ҷуфт ва тоқ), ададҳои *nūhz/панҷ* (панҷ), *wuvd* (ҳафт), *чил* (чил) тасаввуроти умумибашарӣ ва махсуси мардумиро ташаккул ва инъикос мекунанд, ки бо арзишҳои анъанавӣ, вақт, иқлим, нуҷумшиносӣ ва фалсафаи мардум алоқаманданд.

Системаи ҳисоб ба таври равшан дар тақвими мардумӣ ифода ёфта, дар ҳисоб кардани рӯзҳои сол, фаслҳо, даврaҳо нақши муҳим мебозад ва ба ин васила дар муайян кардани фарорасии иди анъанавии Наврӯз аҳамияти бузург дорад.

Ба таҷассуми низомҳои ададӣ дар таркиби ифодаҳои устувор, ки маросимҳои таваллуд ва дафнро рамзсозӣ мекунанд, таваҷҷуҳи махсус дода шудааст, ки имкон медиҳад онҳоро дар заминаи коди фарҳангӣ мавриди баррасӣ қарор диҳем.

Калидвожаҳо: системаи ҳисобкунӣ; таҳлили этноливӣ; мушаххасоти миллӣ; мандариниятиҳалқӣ; Кодекси фарҳангӣ; забонҳои Помир; фарҳанги рӯҳонӣ; анъанаҳо; расму оинҳо.

УДК 8.81

КОММУНИКАТИВНАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ РКИ

Воробьев Владимир Васильевич

Доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник, член-корреспондент РАЕН,
заведующий кафедрой русского языка и лингвокультурологии
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 433 80 22, доб. 1341
ryss_yur_rudn@mail.ru

Колесникова Людмила Николаевна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка как иностранного
и межкультурной коммуникации
Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева
302026, Россия, Орел, ул. Комсомольская, 95
Тел.: +7(4862) 75 13 18
kolesnikova7@mail.ru

В статье актуализируется новый термин – коммуникативная лингвокультурология. Коммуникативная лингвокультурологическая концепция в обучении РКИ является в настоящее время авангардной и перспективной, ибо она способствует не только развитию умения говорить по-русски, но и межкультурному позитивному общению, познанию ценностей русской культуры и ментальности русского народа, осознанному изучению русского языка, поскольку русский язык – это отражение русскости.

Особенно важно использовать данную концепцию на подготовительных факультетах вузов для преодоления культурного шока, а также для комфортной адаптации и социализации иностранных студентов в России.

Ключевые слова: коммуникативная лингвокультурология; русский язык как иностранный; межкультурная коммуникация; преподаватели РКИ; студенты-иностранцы; диалоги с природой; «Уроки Красоты».

Введение

В данной статье мы рассматриваем проблему коммуникативной лингвокультурологической концепции в обучении РКИ как наиболее актуальную в современных условиях.

В теории и практике обучения русскому языку как иностранному (РКИ) широко используются уже известные научные направления и термины: *межкультурная коммуникация* (Э.Холл, С.М.Тер-Минасова и др.), *лингвострановедение* (В.Г.Костомаров, Е.М.Верещагин и др.) и *лингвокультурология* (В.В.Воробьев, В.А.Маслова, Л.Н.Колесникова и др.). Данные науки имеют точки соприкосновения, так же, как и коммуникативная лингвокультурология. *«Коммуникативная лингвокультурология – это авангардное научное направление, объединяющее взаимодействие языка, культуры и общения»* [2, с.18].

В настоящее время в РУДН под руководством В.В.Воробьева работает целая научная школа «Лингвокультурология и профессиональное общение», объединяющая в своих рядах многих исследователей, членом которой являемся и мы.

Развивая настоящее положение, добавим и уточним, что *коммуникативная лингвокультурология* – это современная научное направление синтезирующего типа, изучающее факты взаимодействия языка и культуры *в речевой деятельности человека*, что в свою очередь одновременно оказывает воздействие на формирование языковой личности, человека говорящего и общающегося.

Рассмотрим и докажем этот тезис на примере использования *коммуникативной лингвокультурологии* в современном межкультурном академическом общении преподавателей РКИ с аудиторией, в практике обучения русскому языку как иностранному.

Материалы и методы

Материалом статьи послужили теоретические положения по указанной проблеме, методические и дидактические разработки. Использовались методы наблюдения, анализа, синтеза, сравнения, эксперимента, абстрагирования.

В современной науке о языке наблюдается активная тенденция перехода от структурной лингвистики к *антропологической лингвистике*, анализирующей явления языка в неразрывной связи с *человеком,* его культурой, его менталитетом и духовно-практической речевой деятельностью. «Проблемы языка, культуры и личности следует ставить во главу угла, так как, практически, именно с культуры начинается духовное общение людей, понимание и сотрудничество народов, а общение культур актуализируется в общении личностей» [3, с.7].

Добавим, что любое общение оказывает огромное *воздействие* на эмоциональное, нравственное, эстетическое и даже физическое состояние человека. Об этом свидетельствуют многие русские пословицы, поговорки, изречения: *«Речь – это в другого втечь», «С кем поведешься, от того и наберешься», «То же слово, да не так бы молвил», «Что ты говоришь? Я в шоке!», «Мне грустно потому, что весело тебе»* и т.п.

Культура многогранна и вследствие этого существует множество дефиниций культуры. Термин *культура* восходит к латинскому *cultura*, в первоначальном значении – *возделывание, опека, забота*. Известный древнеримский оратор

М.Т.Цицерон ввёл понятие *cultura animi – «возделывание души»,* применив метафору к развитию души как философской категории. «Постепенно ведущим смыслом культуры становится *забота* о формировании *нравственного* облика личности и общества» [13, с.15]. Доказано, что «человек – творец культуры и ее главное творение» (М.С.Каган). Культура – это среда, растящая и питающая личность. Культура задает должное, т.е. требования совершенства человека. Совершенный человек – это культурный человек, человек, способный радоваться, наслаждаться и удивляться красоте мира, человек открытого сердца, способный к эмпатии, сочувствию, сопереживанию. «По моему глубокому убеждению добро и красота едины для всех народов. Едины – в двух смыслах: правда и красота – вечные спутники, они едины между собой и одинаковы для всех народов. … для восприятия красоты окружающего человек сам должен быть душевно красив, глубок, стоять на правильных жизненных позициях. Попробуйте держать бинокль в дрожащих руках – ничего не увидите» (Д.С.Лихачев).

Культурный человек мыслит и говорит красиво, культурно, он владеет коммуникативной, лингвокультурологической, межкультурной и риторической компетенциями, *речевой культурой*. «Речевая культура общества есть *отбор*, собирание и хранение лучших образцов речевой деятельности» [11, с.87]. Использование этих образцов и обучение им формирует речевую культуру личности. Культура начинается с известных библейских риторических запретов: *«Не убий!», «Не укради!», «Не лжесвидетельствуй!»* и др. Вследствие этого именно культурно-риторический опыт помогает *отобрать, выбрать* наиболее оптимальные способы и формы культурной речевой деятельности. Учить надо на положительных примерах, ибо *«Слово учит – пример ведет»,* как гласит русская пословица.

Язык создан как универсальная семиотическая система, отражающая культуру определенного общества и эпохи. «Семиотика – это наука о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения»; «Культура – это то, как люди общаются» (Ю.Лотман). И от того, насколько правильно, эффективно, культурно умеет человек общаться, во многом зависит и его жизнь, и жизнь окружающих его людей, и общества у целом.

Русский язык – это отражение русскости: «Русский язык и русский народ идентичны» (В.Г.Костомаров). В связи с этим, профессиональное обучение русскому языку как иностранному – это не только обучение русскому языку, но и познание ценностей русской культуры, ментальности русского народа, характерных особенностей речевого общения, поведения, культуры.

Вследствие этого при обучении русскому языку как средству межкультурного общения необходимо изучать именно *коммуникативную лингвокультурологию.* Студенты-иностранцы, обучающиеся в России, часто спрашивают у преподавателей РКИ: *«Как можно познакомиться с русскими?»* По-видимому, умение *«вступить в общение»* (Аристотель), умение общаться с представителями разных этносов, религий и культур, лингвокультурологическая и связанная с ней межкультурная и коммуникативная компетентности особенно необходимы в наши дни для свободной международной межкультурной коммуникации.

Каждый иностранный студент в самом начале обучения в России испытывает так называемый *культурный шок*, ибо в его душе, как и *«в душе каждого человека хранится миниатюрный портрет его народа»* (Густав Фрейтаг). Именно *коммуникативная лингвокультурология* способствует наиболее быстрой и комфортной адаптации иностранцев в России. *Все влияет на все*, все зависит от культуры человека и общества, от принятой *системы ценностей*, поэтому *«общаясь, люди создают друг друга»* (Д.С.Лихачев); *«Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты»; «С кем поведешься, от того и наберешься»* (русская пословица недаром молвится).

Учеба – это совместный труд преподавателей и студентов, который требует взаимопонимания и гармонизации отношений между ними, чему и способствует *коммуникативная лингвокультурология в обучении РКИ*. Студент-иностранец, приобщаясь к русской культуре, должен правильно понимать, осознавать, осмысливать социально значимую информацию, которая хранится в единицах русского языка, а также адекватно использовать ее в своей речевой деятельности.

Обучение русскому (иностранному) языку является межкультурным по своей природе. Преподавателю РКИ надо также знать менталитет, картину мира и культуру своих студентов, знать особенности воздействия и взаимодействия с ними. Преподавателю РКИ (в идеале) необходимо не только знать, но и любить то, что он преподает и тех, кому преподает, кого он учит, обучает и воспитывает одновременно. В результате академического межкультурного общения преподавателей РКИ и студентов-иностранцев складываются особые отношения, происходит взаимодействие и взаимовлияние между представителями разных культур. На занятиях происходит диалог культур: культур преподавателей и культур студентов [7; 8]. При этом преподаватель РКИ выполняет особую *миссию*, являясь представителем русской интеллигенции и транслятором не только русской культуры, но и своей личной, профессиональной культуры. Для иностранных студентов преподаватель РКИ, его речь, его манеры общения – это образец (пример) речевого поведения русского культурного человека.

Иностранцы должны понимать, что такое *«русский дух», «русская душа»*, почему «*для русских характерно стремление к красоте как внешней, так и внутренней*; почему «*на Руси всегда были в чести души утонченные, возвышенные, так называемые интеллигентные* (независимо от принадлежности к определенному сословию общества)» (И.А.Ильин). Вследствие этого современному преподавателю РКИ целесообразно транслировать свое *уважение и дружелюбие* к иностранным студентам, создавая на занятиях творческую атмосферу академического межкультурного субъект-субъектного общения.

Фото 1. Урок русского языка – это праздник познания русского человека, русского языка и русской культуры!
Это радостное межкультурное общение и приятное событие!

Студенты-иностранцы часто признаются своим преподавателям РКИ, что на их занятиях *«у них нет стресса», «им комфортно»,* что им нравится их *улыбка*, она располагает к общению; *чувство юмора, их великодушие, обаяние, доброта, их умение вести гармонизирующий диалог с аудиторией* [8; 9]. Все это пробуждает желание стать лучшим студентом, оправдать доверие преподавателей. Можно *хвалить так*, чтобы *слышали отстающие*, тогда и они стараются *учиться лучше*. Подобные соревновательные моменты нужны для стимуляции их успеха, например, *«Франк смог и я, Махмуд, смогу».*

С первых же занятий необходимо знакомить иностранных студентов с *русским речевым этикетом*. Иностранные студенты с большим интересом и удовольствием усваивают правила приветствия, прощания, обращения, знакомства, просьбы, извинения, благодарности, поздравления и др.

Хотелось бы обратить особое внимание на официальные и неофициальные *приветствия*, принятые в России и в других странах, поскольку «все познается в сравнении» (Ф.Ницше). Например, если в одной группе на подготовительном факультете учатся студенты из Индии, Китая, из разных арабских и африканских стран, то можно «проиграть» их национальные приветствия перед аудиторией, пригласив к доске представителей данных стран продемонстрировать особенности их приветствия, обратить внимание на мимику, жесты, их рукопожатия, телодвижения. Затем рассказать и показать, как принято приветствовать в России. Обычно студенты с удовольствием принимают участие в различных деловых играх на уроках РКИ. Это помогает им лучше адаптироваться и социализироваться в русской языковой среде.

Важной является также проблема изучения *общечеловеческих ценностей* и ценностных особенностей, характерных для *русской* культуры. У студентов-иностранцев наблюдается острая потребность в познании новой для них окружающей среды. Поэтому необходимо познакомить их с городом и университетом, в котором они учатся, например, проводя экскурсию *«Орел – город, в котором я учусь».* Необходимы уроки-экскурсии, знакомящие иностранных студентов с красивыми, интересными и значимыми достопримечательными местами их пребывания в России.

В связи с этим нужно, учитывая время приезда иностранных студентов в Россию, например, осенью, изучить необходимую лексику, тексты и провести в октябре-начале ноября (в хорошую погоду) так называемые «Уроки Красоты» на природе, в парках, чтобы иностранцы увидели и почувствовали яркие краски русской осени, «пышное природы увяданье, в багрец и золото одетые леса» (А.С.Пушкин). Так, например, для иностранных студентов, обучающихся на подготовительном факультете, во время ознакомительной экскурсии с историей г.Орла и ОГУ им. И.С.Тургенева, мы ежегодно проводим «Уроки Красоты» – настоящий праздник познания красоты русской природы, возможность созерцать ее, любоваться ею, вести «диалоги с природой».

Общаясь с русской природой, выражая свое восхищение ею, иностранные студенты получают возможность также лучше узнать друг друга, подружиться. Хорошо, если эти уроки красоты совпадают с изучением, например, нужной лексики и текста «Измайловский парк» в учебнике «Дорога в Россию». Закрепить изученный материал можно клипом, известной песней «*Листья желтые над городом кружатся»*, использовав Ютюб в смартфонах. Студенты с удовольствием *учат слова* этой песни и поют ее. Все это восхитительные мгновения жизни, когда хочется запечатлеть их в памяти, в душе, в сердце своем и сказать: *«Остановись мгновенье, ты прекрасно!»*.

Жизненно важно воспитание души, формирование эмоционального интеллекта, способности видеть, созерцать и чувствовать *«поэзию пролетающих мгновений»* (М.М.Пришвин). Это можно делать и во время уроков РКИ, предлагая студентам («уместно», «кстати»), например, *посмотреть* в окна аудитории и *увидеть*, как *кружатся осенние листья*, или как падает снег, *как красивы красные рябины*, опушенные инеем деревья, как в русской сказке (хорошо бы и фильм посмотреть «Морозко»); как хороши снегири на ветках; а весной заметить, *какое небо голубое*, увидеть *птичьи стаи, стаи воробьев* (кстати, студенты из Камеруна признаются, что первый раз их видят), полюбоваться цветением *вербы, черемухи, сирени*. Можно обратить внимание студентов и на *солнечные одуванчики* в парках университета, а также, например, прочитать и проанализировать маленькие рассказы М.М.Пришвина «Золотой луг», «Ромашка» и др.

Необходимо воспитание *«родственного внимания»* ко всему прекрасному, внутренней душевной и духовной красоты в человеке. Для этого преподавателю надо самому быть открытым к дружескому общению, настроенным на диалоги с природой и со студентами. Это то, что не забывается, ибо чувственное восприятие, умение замечать и видеть красоту облагораживает человека, доставляет ему

радость общения и счастье жизни. Как писал Иван Бунин: *«Я вижу, слышу, счастлив Я».*

Результаты исследования

Человек становится эмоционально и интеллектуально развитым человеком только в обществе, в процессе труда и общения, в процессе общения с культурой, с окружающей средой. Как показала практика обучения русскому языку, преподавателю РКИ желательно направлять внимание студентов-иностранцев туда, *куда нужно и полезно* для формирования их нравственной, интеллектуальной и эмоциональной культуры, ибо *«мир красотой спасется»* (Ф.М.Достоевский): красотой наших дел, речевых поступков, взаимоотношений с окружающим миром. В качестве доказательств приведем такой пример: как всегда, *весной*, в период цветения черемухи и сирени, мы с иностранными студентами, продолжая знакомить их с городом Орлом, бываем на высоком берегу реки Орлик, на так называемом «Дворянском гнезде», описанном в одноименном романе И.С.Тургенева. Интересно и приятно наблюдать, как радуются студенты, увидев с высоты крутого берега всю красоту и панораму цветущего города, *«когда яблони в цвету»,* впитывая в себя чудесный аромат и ауру весны. Именно тогда, много лет назад, я впервые услышала признания от китайских студентов, вдохновленных красотой русской природы: *«Люблю Россию!», «И я люблю Россию!», «Мы любим Россию!», «Мы любим Вас!», «Мы любим русский язык!»*

Таким образом, в диалогах с русской природой происходит воспитание чувств, развитие и совершенствование души человеческой. Этому способствуют и посещения различных выставок, музеев, концертов, спектаклей; проведение различных конкуров и олимпиад по русскому языку.

Обсуждение результатов

Проводя подобные «Уроки красоты», «Диалоги с природой», необходимо также обратить особое внимание преподавателей РКИ на коммуникативно-лингвокультурологическое изучение текстов и русских песен в соотнесенности их с изучаемыми текстами в учебнике «Дорога в России», например, «На Арбате», «Чистые пруды» и др. Так, например, при изучении текста «На Арбате» необходимо подготовить файл (портфолио), где будут размещены фотографии Старого (пешеходного) Арбата, будет рассказано о названии улицы *Арбат*, студенты узнают, что слово Арбат – по одной из версий, (*арба – повозка*), по другой – «Арбат *(«арбад», «рабад», «рабат»*) – слово арабского происхождения, означающее *пригород, предместье*, какой и была эта местность в XV в., когда *«городом»* называли только *Кремль* (интернет-ресурс).

Иностранцы узнают, что сейчас Арбат – это центральная пешеходная улица в Москве, узнают о ее особенностях, о поэте-барде *Булате Окуджаве*. Студентам предоставлен текст песни с комментариями, чтобы они смогли правильно понять песню, и, наконец, послушать песню в исполнении Б.Окуджавы на Ютюбе.

Мы часто проводим такие занятия, и студенты с большим наслаждением *слушают и разучивают* русские песни. Благодаря своему эмоциональному заряду песни, музыка не только позволяют усваивать материал на другом уровне, но и вносят живую струю в ход занятия. Песенный материал – прекрасный образец

русской музыкальной культуры. Он выступает в качестве одного из элементов национально-культурного компонента содержания обучения РКИ. Студентам нравятся песни, встречающиеся в текстах, такие, как, например, народная песня *«Калинка-малинка»* (можно использовать мультик с этой песней), а также современные эстрадные песни-клипы: *«Ах, вернисаж», «Чистые пруды»* (в исполнении Игоря Талькова) и др. Использование песен в обучении русскому как иностранному помогает адекватно отражать особенности жизни и культуры русского народа, и преподаватель выступает как комментатор и стимулятор активной речевой деятельности студентов-иностранцев.

Изучение популярных русских песен – это не только увлекательный способ *научиться говорить по-русски, но и полюбить* русский язык, а также – *узнать больше о представителях русской культуры*: о российских музыкантах, поэтах, познакомиться с песенной культурой России; научиться говорить с носителями русского языка *«на одном языке», понимая цитаты* (*мемы*) из популярных песен, стихов, художественной прозы. Поэтому русские песни, литература, а также работа на уроках РКИ с интернет-материалами, знакомящими студентов с произведениями русских *художников*, также можно отнести к «Урокам красоты», ибо они являются ценным коммуникативно-лингвокультурологическим материалом в обучении РКИ.

Заключение

Таким образом, использование в речевой деятельности эстетически важных, значимых лингвокультурологических знаний на уроках русского языка как иностранного способствует благополучной и эффективной межкультурной коммуникации, познанию русского народа и русской культуры, успешной адаптации и социализации иностранных студентов в России.

Следовательно, коммуникативная лингвокультурология в обучении русскому языку как иностранному востребована и актуальна в современном образовании и воспитании студентов-иностранцев как на подготовительном факультете, так и на всех курсах и уровнях обучения, практически на каждом занятии РКИ (в виде более углубленного лингвокультурологического комментария по грамматике, лексике, чтению, письму, говорению, с использованием иллюстративного материала, различных интернет-технологий, бесед и дискуссий на русском языке).

Важно также понимать, что в процессе профессионального обучения иностранных студентов русскому языку преподаватели РКИ не просто учат русскому языку как средству общения, но и одновременно должны осознанно исполнять свою особую роль – роль полномочного представителя России, ответственного государственного деятеля, выполнять личную миссию своеобразного дипломата, культурной, интеллигентной личности, проводника и посредника между культурами, воспитывая друзей России, служа России и делу мира.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1990. – 246с.
2. Воробьев В.В. Коммуникативная лингвокультурология – авангардное направление в XXI веке // Лингвокультурологические чтения: материалы Международной научно-практической конференции, проведенной в рамках I Международного лингвокультурологического форума «Лингвокультурология и коммуникативная реальность XXI века: новые вызовы – новое осмысление» (г.Москва, РУДН, 19-20 октября 2023 г.). – М., РУДН, 2024. – 510с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2006. – 331с.
4. Воробьёв В.В. Лингвокультурология. – М.: РУДН, 2008. – 336с.
5. Ильин И.А. О русской культуре // Собрание сочинений: в 10 т. – Т.6. – Кн.II. – М., 1996. – С.476.
6. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М.: Политиздат, 1988. – 320с.
7. Колесникова Л.Н. Лингвокультурология. Языковая личность в аспекте диалога культур. – Изд. 2-е, перераб. и доп. (с грифом УМО). – Орел: ОГУ, 2013. – 356с.
8. Колесникова Л.Н. Образ современного университетского преподавателя в России. –Орел: ОГУ им. И.С.Тургенева, 2019. – 211с.
9. Колесникова Л.Н. Риторическая культура современного российского преподавателя вуза. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Флинта, 2021. – 292с.
10. Лихачев Д.С. Письма о добре и прекрасном / сост., общ. ред. Г.А.Дубровской. – М.: Детская лит-ра, 1985.
11. Рождественский Ю.В. Введение в культурологию. – М.: МГИМО, ЧеРо, 1996. – 260с.
12. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по спец. «Лингвистика и межкультурная коммуникация» [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во Московского университета, 2008. – 352с. – Режим доступа: https://www.labirint.ru/books/320258/
13. Тодоров Л.В. Новая педагогия изящной словесности для грядущего. – М., 2003. – 434с.

COMMUNICATIVE LINGUOCULTURAL STUDY IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Vorobyov Vladimir Vasilievich

Doctor of Philology, professor,
chief researcher, corresponding member of the Russian Academy of natural sciences,
head of the chair of Russian language and linguocultural studies
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 433 80 22, ext. 1341
ryss_yur_rudn@mail.ru

Kolesnikova Lyudmila Nikolaevna

Doctor of Philology, associate professor,
professor of the chair of Russian as a foreign language
and intercultural communication
I.S. Turgenev Orel state university
302026, Russia, Orel, Komsomolskaya str., 95
Ph.: +7(4862) 75 13 18
kolesnikova7@mail.ru

The article updates a new term – communicative linguoculturology. The communicative linguoculturological concept in teaching Russian as a foreign language is currently avant-garde and promising, because it promotes not only the development of the ability to speak Russian, but also intercultural positive communication, knowledge of the values of Russian culture and the mentality of the Russian people, conscious study of the Russian language, since the Russian language is a reflection of Russianness.

It is especially important to use this concept in the preparatory faculties of universities to overcome cultural shock, as well as for the comfortable adaptation and socialization of foreign students in Russia.

Keywords: communicative linguoculturology; Russian as a foreign language; intercultural communication; RFL teachers; foreign students; dialogues with nature; "Beauty Lessons".

ЛИНГВОКУЛТУРОЛОГИЯИ КОММУНИКАТИВӢ ДАР ТАЪЛИМИ ЗАБОНИ РУСӢ ҲАМЧУН ХОРИҶӢ

Воробев Владимир Васильевич

Доктори илми филология, профессор,
ходими калони илмӣ, аъзо-корреспонденти
Академияи илмҳои табиатшиносии Россия,
мудири кафедраи забони русӣ ва забоншиносӣ
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 433 80 22, иловагӣ 1341
ryss_yur_rudn@mail.ru

Колесникова Людмила Николаевна

Доктори илми филология, дотсент,
профессори кафедраи забони русӣ ҳамчун забони хориҷӣ
ва робитаи байнифарҳангӣ
Донишгоҳи давлатии Орёл ба номи И.Тургенев
302026, Россия, Орел, кӯчаи Комсомол, 95
Тел.: +7(4862) 75 13 18
kolesnikova7@mail.ru

Дар мақола истилоҳи нав – омӯзиши забоншиносии коммуникативӣ мавриди таҳлил қарор гирифтааст. Консепсияи лингвофарҳангии коммуникатсионӣ дар таълими забони русӣ ҳамчун забони хориҷӣ дар айни замон пешбар ва ояндадор аст, зеро он на танҳо ба рушди қобилияти гуфтугӯ бо забони русӣ, балки муошарати мусбати байни фарҳангҳо, донистани арзишҳои фарҳанги рус ва менталитети мардуми рус ва омӯзиши бошууронаи забони русӣ мусоидат мекунад, зеро забони русӣ инъикоси русият аст.

Истифодаи ин консепсия дар факултаҳои омодагии донишгоҳҳо барои бартараф кардани зарбаи (шок) фарҳангӣ, инчунин барои мутобиқшавӣ ва иҷтимоишавии донишҷӯёни хориҷӣ дар Русия хеле муҳим аст.

Калидвожаҳо: забоншиносии коммуникативӣ; забони русӣ ҳамчун забони хориҷӣ; муошарати байнифарҳангӣ; муаллимони омӯзиши забони русӣ ҳамчун забони хориҷӣ; донишҷӯёни хориҷӣ; муколама бо табиат; "Дарсҳои Зебоӣ".

УДК 82.09

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ КАТЕГОРИЙ В ЦИКЛЕ Ю.В.БОНДАРЕВА «МГНОВЕНИЯ»

Брагина Марина Александровна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 495 787 38 03, доб. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Левина Вера Николаевна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 15 86
levina-vn@rudn.ru

Иванова Светлана Сергеевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 15 86
доцент кафедры русского языка как иностранного
НИУ Московский государственный строительный университет
129337, Россия, Москва, Ярославское шоссе, 26
Тел.: +7 495 781, доб. 80 07
svetlana-ivanowa@yandex.ru

Статья посвящена анализу способов языковой репрезентации философских категорий в цикле философско-художественных миниатюр Ю.В.Бондарева «Мгновения». Научная новизна работы заключается в осмыслении авторской языковой картины мира с логико-семантических позиций. Философская категория представляет собой абстрактный объект, общее (родовое по отношению к видовым) понятие. Если говорить о ее онтологическом статусе, то это недискретная умопостигаемая сущность. Именно онтологическим статусом абстракций обусловлен тот факт, что в тексте происходит не только ее определение / репрезентация, но и конструирование с помощью инструментов языка.

В статье в основе анализа языкового механизма определения / репрезентации философских категорий лежит модель Ю.С.Степанова: номинация, предикация, локализация. Результатом номинации становится присвоение имени объекту. В цикле Ю.В.Бондарева преимущественно используются имена существительные с абстрактной семантикой, вследствие чего в сознании автора и читателя-интерпретатора происходит субстантивация умозрительной категории. В результате предикации абстрактное понятие наделяется свойствами, характеристиками. Анализ показывает, что в текстах Ю.Бондарева частотны предикаты, которые приписывают абстракциям свойства физических объектов (например, *время* наделяется способностью растягиваться и уплотняться). Автор уподобляет философскую категорию эмпирическому миру, тем самым делая ее более доступной для понимания. Локализация представляет собой «размещение» философской категории в пространстве текста. Она может быть «размещена» относительно точки пространства, времени или говорящего субъекта.

Таким образом, в статье показано, что в результате трех логико-семантических операций в текстах Ю.Бондарева происходит уподобление философских категории предметам физического мира, тем самым автор и читатель получают возможность «приблизиться» к их пониманию.

Ключевые слова: художественный текст; авторская языковая картина мира; философские категории; логико-философский анализ.

В настоящее время одним из актуальных направлений лингвистики является изучение авторской языковой картины мира, механизмов и инструментов ее репрезентации. При этом речь идет не только и не столько о собственно репрезентации, сколько о лингвистическом конструировании картины мира, поскольку границы мира во многом формируются именно посредством языка [6, с.287]. Согласно концепции Дж.Лакоффа, «наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности» [8, с.260].

Данная статья посвящена анализу лингвистических механизмов репрезентации философских категорий в цикле миниатюр Юрия Бондарева «Мгновения». Под философскими категориями (абстрактными объектами) мы понимаем общие, или, иначе говоря, родовые по отношению к видовым, понятия, умопостигаемые сущности [11]. К ним, например, относятся *белизна* как таковая, как метафизическая сущность, взятая безотносительно к эмпирически данным предметам белого цвета. Или, например, в стихотворении польского поэта XX века Чеслава Милоша речь идет о таком объекте, как *сорóчесть* (*sroczość*). Это субстанциальное свойство «быть сорокой», которое характеризует каждую реальную птицу этого вида [12, с.466].

Онтологический статус так называемых абстрактных предметов (универсалий) обсуждается в философии со времен Средневековья. Так, внимание схола-

стов было сосредоточено на следующих вопросах: как именно существуют универсалии – как самостоятельные сущности или только в сознании человека; если они имеют собственное бытие, то являются телами или идеальными «вещами»? В процессе обсуждения этих вопросов сформировались три философских направления: реализм, концептуализм и номинализм (конечно, такое разделение имеет известную долю условности).

Философский *реализм* исходил из положения о том, что универсалии существуют вне зависимости от сознания человека, т.е. они реальны. Именно эти объекты являются некой первичной реальностью, на основании которой существуют уже конкретные (индивидные) предметы. Позиции реализма разделяли Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, Бонавентура и др. [9].

Иную точку зрения выдвигали *концептуалисты*, в частности Пьер Абеляр и Боэций. Их позиция была двойственна. С одной стороны, они полагали, что нельзя приписывать универсалиям «вещный» статус существования. С другой – невозможно и отрицать их бытие в мире и считать только словами. Пьер Абеляр полагал, что в мире существуют индивидные объекты, при этом они не являются видами или родами. Реальные объекты можно объединить в виды и роды, исходя из наличия у них сходных черт [9]. По мысли Боэция, именно в чувственно воспринимаемых предметах и можно обнаружить универсалии; при этом мы вполне можем мыслить их как нечто, существующее вне индивидных тел, самостоятельно [2].

Философы-номиналисты (например, Уильям Оккам, Росцелин и др.) исходили из тезиса о том, что человек способен постичь лишь мир индивидных, эмпирически данных вещей. Идея о самостоятельном, независимом от человеческого разума, бытии универсалий, по их мнению, абсурдна. Отметим, что название данного философского направления происходит от латинского слова «nomen» – *имя* [7]. В концепции Уильяма Оккама идея о наделении универсалий самостоятельным бытием представляет собой бессмысленное умножение сущностей. Универсалии, по его мнению, – это слова, репрезентирующие общие понятия. Таким образом, согласно концепции номиналистов, *universalia sunt nomina* [7].

Помимо философии к осмыслению ненаблюдаемых в эмпирической реальности объектов обращается логическая семантика и теория референции. Их внимание обращено к именам (знакам) абстрактных сущностей. Причем диапазон ненаблюдаемых референтов весьма велик: это и роды, и виды вещей, мифологические персонажи (например, *Посейдон* и *Баба Яга*), герои литературных произведений (например, *блегм* и *гавагай* в романе У.Эко «Баудолино»). Исследователи сосредоточены на анализе референциального статуса такого рода знаков: можно ли считать их «пустыми», не соотносимыми с какими-либо референтами или все же референты представлены в нашем мире? И если референт все же есть, то каков его онтологический статус?

В рамках модели языкового знака Чарльза Пирса выделяются три компонента: имя знака, референт и представление о референте. Традиционно данную модель языкового знака представляют в виде «треугольника» (см. рис. 1):

Рис. 1. Модель языкового знака Чарльза Пирса [5].

Языковые знаки, референтами которых являются абстрактные, эмпирически недоступные «предметы», в том числе философские категории (например, *вечность, гармония, зло, ничто*), вызывают трудности в процессе интерпретации. Это связано именно с характером референта, с его недискретной, ненаблюдаемой природой [5].

В данной статье мы обращаемся к анализу лингвистических способов репрезентации философских категорий в цикле новелл-миниатюр отечественного писателя-прозаика Ю.В.Бондарева (1924-2020) «Мгновения», созданном в 1977 г. Произведения традиционно являются предметом исследования литературоведов, в то время как собственно лингвистическая составляющая цикла исследована, на наш взгляд, недостаточно.

Осмысляя сущностные основания мира, писатель обращается к художественному постижению целого ряда философских категорий. В ходе исследования в цикле были выделены следующие их типы:

1) эстетические категории (*красота, идеал*);
2) духовно-нравственные категории (*любовь, боль, предел, надежда*);
3) этические категории (*счастье, свобода*);
4) темпоральные категории (*миг*);
5) психологические категории (*отчаяние*).

В качестве теоретической основы в процессе анализа лингвистических способов определения (репрезентации) философских категорий в текстовом (возможном) мире мы используем концепцию Ю.С.Степанова о трех операциях, которые «приводят в действие» языковую систему: номинация, предикации, локализация [10]. Подчеркнем, что, говоря об определении философских категорий, мы одновременно говорим и об их репрезентации в рамках текстового (возможного) мира, поскольку недискретный референт такого рода знаков существует для языкового субъекта именно как ментальный «конструкт» [10].

Итак, первый этап репрезентации философских категорий – это операция номинации, т.е. именования. В цикле Ю.Бондарева «Мгновения» в качестве инструментов номинации выступают абстрактные имена существительные: *красота, миг, любовь, гибель, свобода, жизнь, смерть, женственность* и др. Субстантивы репрезентирует объект как некую субстанцию, вещную, осязаемую. Таким

образом абстрактная категория возникает в сознании автора и читателя-интерпретатора как «предмет».

Интересен, на наш взгляд, случай, когда инструментом номинации является имя прилагательное *непостижимое* в одноименной новелле. Однако прилагательное претерпевает субстантивацию и тоже репрезентирует философскую категорию как «вещь». Субстантивированное прилагательное *непостижимое* вынесено в заглавие миниатюры, что отнюдь не случайно, поскольку «занимает сильную текстовую позицию, как бы настраивая читателя на дальнейший диалог с автором» [4, с.115]. Его семантика в тексте максимально размыта: вероятно, непостижимое, о котором говорит автор, – это стремление человека покинуть привычное окружение и отправиться на поиски *неизведанных эдемских земель,* а также, возможно, состояние тоски по миру, который герой-рассказчик еще не познал.

В целом, следует отметить, что языковая структура данной миниатюры очень интересна. С точки зрения синтаксиса, текст включает лишь два предложения:

Всякий раз в утренние часы, когда я выхожу в опустевший, покинутый птицами дачный сад и когда вижу на траве сквозные лучи низкого солнца, вдыхаю уже северную влагу земли от поредевших клумб, где в конце лета распустились георгины и флоксы, предвестники зябких поздних зорь, то меня охватывает тревога предупредительного звонка на вокзале моей жизни и не покидает сознание, что где-то есть обетованные края, туманы морских побережий, незнакомые улицы чужих городов, пестрые витрины на набережных, которые я должен обязательно увидеть

Почему в сентябрьскую пору я чувствую желание ехать куда-то в поисках неизведанных эдемских земель? [1, с.24].

Первая синтаксическая единица – предложение-период – отображает «внешние» по отношению к герою-рассказчику, природные предпосылки для возникновения чувства *непостижимого*. Само пространство, в котором он пребывает, вызывает именно такой эмоциональный отклик. Второе же предложение отсылает читателя к внутреннему состоянию героя-рассказчика.

Следующий этап определения / репрезентации философских категорий – операция предикации. Предикация, в концепции Ю.С.Степанова, – это процесс и результат приписывания к имени объекта предикатов [10]. В свою очередь предикаты являются знаками, которые представляют свойства, качества объектов и отношения между объектами. Характеристики, свойства, качества объектов показывают внутренние предикаты. Знаками отношений между объектами служат внешние предикаты.

В цикле «Мгновения» была выявлена следующая система предикатов, приписываемых именам философских категорий:

1. Физические свойства, которые репрезентируются посредством «вещных» метафор. Сразу отметим, что такого рода предикаты являются конструктивными элементами онтологической метафоры, необходимой для рационального осмысления нашего опыта [8].

Так, например, в новелле «Миг» происходит осмысление такой категории, как *время*:

И вдруг ощущение остановленного колеса времени, ежедневно и еженощно крутящегося как бы вне сознания, выхватило его и понесло в скользкую бездонность, где не было ни дня, ни ночи, ни темноты, ни света, где не за что было зацепиться памятью, и он почувствовал себя бестелесной тенью, без измерения и формы, без прошлого и настоящего, без биографий, желаний, без отсчета лет [1, с.26].

Автор использует метафору, репрезентирующую *время* по аналогии с крутящимся колесом, тем самым позволяя читателю мыслить его как нечто бесконечно длящееся, не останавливающееся ни на мгновенье.

В новелле «Схимник» также используется метафора, сополагающая вечное и неостановимое движение бытия с вращением колеса:

Он также знал о неумолимости срока людей еще молодых, еще полных желаний и сил, и следил за суетой пчел на летке улья, с незаметной усмешкой скорби святого наблюдая неумолимое движение колеса бытия [1, с.30].

Аналогично в миниатюре «Звезда и Земля» абстракции *вечность* и *миг* определяются как нечто, что может растягиваться или уплотняться:

В недосягаемости звезда плыла рядом с вагоном, косматo шевелила щупальцами лучей во мраке мироздания, проникая сквозь его холод, и я неотрывно смотрел на нее с чувством неразгаданности каких-то существующих вне разума законов, которые для чего-то уплотняли вечность в миг и миг растягивали в вечность [1, с.50].

В тексте «Ожидание» такой абстрактный объект, как *смерть*, благодаря метафоре, репрезентируется как предмет, источающий смрад:

Терпеливое ожидание длило наши дни на простреленных полях и вместе с тем очищало наши души от смрада висящей над окопами смерти... [1, с.13].

2. Философским абстракциям приписываются моральные характеристики.

Так, в новелле «В некий час» судьба наделена способностью к милосердию:

Судьба пощадила его на войне [1, с.35]

3. Еще одной характеристикой, приписываемой к имени философской абстракции, является способность к волеизъявлению. Так, ею наделяется Бог в миниатюре «Молитва»:

И если на то будет Воля Твоя, то оставь меня на некоторое время в этой моей скромной и, конечно, грешной жизни... [1, с.8]

Благодаря предикатам непостижимая абстракция *Бог* «приближается» к человеку, становится более доступной для осмысления.

4. Философской абстракции приписывается способность помнить и забывать что-либо, например в новелле «Звезда»:

Ему было не по себе от внезапно открывшихся ворот в нежное, бесприютное скитание своего сознания, необъяснимо потерявшего память о молодости [1, с.50].

Таким образом, в результате процесса предикации в тексте формируются образы «вещных» абстракций, максимально приближенных к человеку и его опыту и тем самым доступных для постижения.

Третий этап репрезентации философских абстракций, согласно концепции Ю.С.Степанова, – это этап локализации, т.о. «размещение» философских категорий в границах текстового (возможного) мира относительно языкового субъекта и системы языка, а также точек пространства и времени [10].

Локализация относительно точек времени и пространства происходит в новелле «Непостижимое», когда состояние непостижимого «размещается» во вполне зримых координатах. Приведем фрагмент текста:

Всякий раз в утренние часы, когда я выхожу в опустевший, покинутый птицами дачный сад и когда вижу на траве сквозные лучи низкого солнца, вдыхаю уже северную влагу земли от поредевших клумб, где в конце лета распустились георгины и флоксы, предвестники зябких поздних зорь, то меня охватывает тревога предупредительного звонка на вокзале моей жизни и не покидает сознание, что где-то есть обетованные края, туманы морских побережий, незнакомые улицы чужих городов, пестрые витрины на набережных… [1, с.24]

В данном фрагменте пространственный образ предстает как максимально детализированный. Для обозначения локации используются общие имена (*сад, трава*), однако они, как, впрочем, и сами имена абстракций, сопровождаются системой предикатных знаков и таким образом претерпевают переход в имена индивидные (*сквозные лучи низкого солнца, северную влагу земли от поредевших клумб*). Отсюда пространство, в котором «размещается» философская абстракция, мыслится автором и читателем-интерпретатором как вполне конкретное. Временную точку репрезентируют номинации *в утренние часы, в конце лета*. В результате локализации абстрактная сущность репрезентируется как нечто, входящее в границы эмпирического мира. По существу, описание природных явлений является «фоном для философских размышлений лирического героя» [3, с.123].

Все это позволяет писателю и читателю-интерпретатору мыслить философскую абстрактную категорию как нечто, существующее «рядом» с человеком, и тем самым приблизиться к ее пониманию.

Еще одним способом локализации философской абстракции является локализация относительно языковой системы. Оно происходит в том случае, когда имена философских категорий объединяются в антонимические пары. Так, в новелле «Свобода» категория *жизнь* мыслится как нечто противоположное категории *смерть*:

Когда человек судорожно держится за жизнь, он находится в данном ему телесном рабстве. Как только исчезает алчное насыщение жизнью, наступает свобода от страха смерти [1, с.95].

Аналогично данные категории представлены в новелле «Мгновение мгновения»:

Кто точно ответит, каким законам, каким силам вселенной подчинена стихия и эволюция, периоды жизни и час смерти, рычаги превращения жизни в смерть и смерти в жизнь? [1, с.101].

В данном фрагменте антонимические пары образуют категории *стихия* и *эволюция*, *жизнь – смерть*, при этом *жизнь* и *смерть* выступают как взаимодополняющие и взаимообратимые феномены.

В ряде случаев, художественно осмысляя философскую категорию, Ю.Бондарев прибегает к логическому кругу в определении, репрезентируя одну абстракцию с помощью другой, противоположной по семантике. Так, в тексте «Мгновение мгновения» вечность мыслится как сущность, тождественная времени и вместе с тем противоположная ему:

Вечность – это безграничное время, и вместе с тем нет времени у вечности [1, с.101].

В некоторых случаях философская абстракция интерпретируется посредством ряда других. Так, например, в новелле «Красота» абстракция *красота* определяется посредством таких категорий, как *жизнь* и *любовь*:

Красоте необходимо зеркало, нужен мудрый ценитель, добрый или восхищенный созерцатель, – это ощущение жизни, любви, надежды, вера в бессмертие, прекрасного что вызывает у нас желание жить. Да, красота связана с жизнью, жизнь – с любовью, любовь – с человеком [1, с.39].

В новелле «Звезда и Земля» вечность определяется как то, что живет и длится, а мгновение конечно:

Значит, вечность – это жизнь, миг – это разрушение?.. [1, с.50]

В тексте миниатюры «Предел и надежда» автор обращается к истолкованию таких понятий, как *предел* и *надежда*:

Но вместе с тем «последнее» – это предел, за которым неизбежность неведомого начала – новой земли, новой надежды, новой страницы? [1, с.87].

Как видно из приведенного контекста, *предел* (в том числе и человеческой жизни) всегда служит исходной точкой для возникновения нового пути, новой надежды.

Отдельный интерес представляет текст «Не любовь, а боль», где абстракция *любовь* определяется посредством таких абстрактных понятий, как *начало, конец, отчаяние*, а также посредством категорий физического мира *весна, солнце* и др.:

Вы спрашиваете, что такое любовь? Это начало и конец всего на белом свете. Это рождение, воздух, вода, солнце, весна, снег, страдание, дождь, утро, ночь, вечность [1, с.11].

В данном тексте абстрактная *любовь* соотносится также с категориями *рождение, боль, голод, смерть*:

Есть четыре непоколебимые истины, лишенные интеллектуального кокетства. Это рождение человека, любовь, боль, голод и смерть... Все относительно. Любовь потеряла чувства, голод стал средством лечения, смерть – перемена декораций, как думают многие. Осталась нерушимой боль, которая может объединить всех… не очень здоровое человечество. Не красота, не любовь, а боль [1, с.11].

Полагаем, что семантика абстракции *любовь* в художественной картине мира Ю.Бондарева обладает всеобъемлющей природой, вбирающей в себя даже семантику *смерти.*

Таким образом, нами был проанализирован лингвостилистический механизм репрезентации философских категорий в цикле миниатюр Ю.Бондарева «Мгновения», включающий три логико-семантические операции: номинацию, предикацию, локализацию. Номинация осуществляется посредством имен существительных, репрезентирующих абстракции как объекты, субстанции. С помощью системы предикатных знаков, а также в результате локализации, т.е. «размещения» абстракции в пределах текстового пространства философские категории приобретают черты эмпирически данного человеку мира и тем самым становятся более доступными для понимания читателем.

Литература

1. Бондарев Ю.В. Мгновения. Рассказы. – ИТРК, 2014. – 480 с.
2. Боэций. Утешение философией // «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: Наука, 1990. – 416 с.
3. Брагина М.А. Роль грамматических средств в раскрытии смыслового потенциала текста-миниатюры / М.А.Брагина, В.Н.Левина, Ж.М.Майгелдиева // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет. – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3(81). – С.121-129.
4. Брагина М.А. Функциональная специфика заголовочных компонентов к тексте-миниатюре: лингвистический аспект (на примере цикла «Мгновения» Ю.Бондарева) / М.А.Брагина, В.Н.Левина, И.В.Щеглова // Филологические науки. – 2024. № 5(1). – С. 113-119.
5. Бразговская Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста). – Пермь, 2006. – 191 с.
6. Витгенштйен Л. Логико-философский трактат. Философские исследования. – М.: Академический проект, 2020. – 271 с.
7. Жильсон Э. Философия в Средние века: От истоков патристики до конца XIV в. – М.: Республика, 2004. – 678 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2023. – 256 с.
9. Реферовская Е.А. «Спор» реалистов и номиналистов // История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л., 1985. – С.243-287.
10. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 260 с.
11. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: http: https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com (дата обращения: 15.09.2024).
12. Miłosz Cz. Wiersze wszystkie. – Kraków, 2011. – 1406 с.

LINGUOSTYLISTIC METHODS OF REPRESENTING PHILOSOPHICAL CATEGORIES IN THE CYCLE "MOMENTS» BY Yu.V.BONDAREV

Bragina Marina Alexandrovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 495 787 38 03, ext. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Levina Vera Nikolaevna

Doctor of Philology, associate professor,
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 15 86
levina-vn@rudn.ru

Ivanova Svetlana Sergeevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 15 86
Associate professor of the Russian as a foreign language department
National Research Moscow state university of civil engineering
129337, Russia, Moscow, Yaroslavskoe shosse, 26
Ph: +7 495 781, ext. 80 07
svetlana-ivanowa@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the methods of linguistic representation of philosophical categories in the cycle of philosophical and artistic miniatures by Yu.V.Bondarev "Moments". The scientific novelty of the work lies in the comprehension of the author's linguistic picture of the world from logical and semantic positions. A philosophical category is an abstract object, a general (generic in relation to specific) concept. If we talk about its ontological status, then this is a non-discrete intelligible entity. It is the ontological status of abstractions that determines the fact that in the text there is not only its definition / representation, but also construction with the help of language tools.

In the article, the analysis of the linguistic mechanism of definition / representation of philosophical categories is based on the model of Yu.S.Stepanov: nomination, predication, localization. The result of nomination is the assignment of a name to an object. In the cycle of Yu.V. Bondarev, nouns with abstract semantics are predominantly used, as a result of which the substantiation of a speculative category occurs in the consciousness of the author and the reader-interpreter. As a result of predication, an abstract concept is endowed with properties and characteristics. The analysis shows that in the texts of Yu. Bondarev, predicates are frequent that ascribe properties of physical objects to abstractions (for example, time is endowed with the ability to stretch and condense). The author likens the philosophical category to the empirical world, thereby making it more accessible for understanding. Localization is the "placement" of a philosophical category in the space of the text. It can be "placed" relative to a point in space, time, or the speaking subject.

Thus, the article shows that as a result of three logical-semantic operations in the texts of Yu. Bondarev, philosophical categories are likened to objects of the physical world, thereby the author and the reader get the opportunity to "get closer" to their understanding.

Keywords: fiction; author's linguistic picture of the world; philosophical categories; logical-philosophical analysis.

УСУЛИ ЗАБОНИЮ УСЛУБИИ МУАРРИФИИ КАТЕГОРИЯҲОИ ФАЛСАФӢ ДАР СИЛСИЛАИ ОСОРИ Ю В. БОНДАРЕВ «ЛАҲЗАҲО»

Брагина Марина Александровна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 495 787 38 03, иловагӣ. 15 13
bragina-ma@rudn.ru

Левина Вера Николаевна

Доктори илми филология, дотсент,
профессори кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, иловагӣ. 15 86
levina-vn@rudn.ru

Иванова Светлана Сергеевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, иловагӣ 15 86
дотсенти кафедраи забони русӣ ҳамчун забони хориҷӣ
ИМТ “Донишгоҳи давлатии муҳандисии сохтмонии Маскав”
129337, Россия, Москва, шоссеи Ярослав, 26
Тел.: +7 495 781, иловагӣ 80 07
svetlana-ivanowa@yandex.ru

Мақола ба таҳлили усулҳои ифодаи забонии категорияҳои фалсафӣ дар силсилаи миниатюраҳои фалсафӣ ва бадеии Ю.В.Бондарев «Лаҳзаҳо» бахшида шудааст. Навоварии илмии асар дар дарки тасвири лингвистии олам аз ҷониби муаллиф аз нуқтаи назари мантиқӣ-семантикӣ мебошад. Категорияи фалсафӣ объекти абстрактӣ, мафҳуми умумӣ (умумӣ нисбат ба мушаххас) мебошад. Агар мо дар бораи мақоми онтологии он сухан ронем, он як мавҷудияти ғайридискретии фаҳмо мебошад. Маҳз мақоми онтологии абстраксияҳоро муайян мекунад, ки

дар матн на фақат таъриф/муаррифии он, балки бо ёрии воситаҳои забонӣ сохта шудани он низ ба вуҷуд меояд.

Мақола ба таҳлили механизми лингвистии таъриф/муаррифии категорияҳои фалсафӣ дар асоси модели Ю.С.Степанов асос ёфтааст: номинатсия, предикатсия, локализатсия. Натиҷаи номинатсия додани ном ба объект мебошад. Дар силсилаи Ю.В.Бондарев исмҳои дорои семантикаи абстрактӣ бештар истифода мешаванд, ки дар натиҷаи он дар шуури муаллиф ва хонанда-тарҷумон асоснокии категорияи тахминӣ ба амал меояд. Дар натиҷаи предикатсия мафҳуми абстрактӣ дорои хосиятҳо ва хусусиятҳо мегардад. Тахлил нишон медихад, ки дар матнҳои Ю.Бондарев предикатҳое зуд-зуд ба назар мерасанд, ки хосиятҳои предметҳои физикиро ба абстрактсияҳо нисбат медиҳанд (масалан, ба категорияи вақт қобилияти кашиш ва конденсатсионӣ дода шудааст). Муаллиф категорияи фалсафиро ба олами таҷрибавӣ ташбеҳ дода, ба ин васила онро барои фаҳмиш дастрастар мегардонад. Маҳаллисозӣ “ҷойгир” кардани категорияи фалсафӣ дар фазои матн аст. Он метавонад нисбат ба нуқта дар фазо, вақт ё мавзӯи гуфтугӯ "ҷойгир" шавад.

Ба ҳамин тариқ, дар мақола нишон дода шудааст, ки дар натиҷаи се амалиёти мантиқӣ-маъноӣ дар матнҳои Ю.Бондарев монандшавии категорияҳои фалсафӣ ба ашёҳои ҷаҳони физикӣ ба вуқӯъ мепайвандад ва бо ин муаллиф ва хонанда имконияти “наздикшавиро” ба дарки он пайдо мекунанд.

Калидвожаҳо: матни бадеӣ; тасвири забонии муаллиф дар бораи олам; категорияҳои фалсафӣ; тахлили мантиқӣ ва фалсафӣ.

УДК 491.550+008(575.3)

НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СЕМЕЙНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УКЛАДА В «ВОСПОМИНАНИЯХ» С.АЙНИ

Норов Мирзомурод Боймахмедович

Кандидат филологических наук, докторант
Институт языка и литературы им. Рудаки НАН Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 38/1
Тел.: (+992) 600 31 96; 93 553 21 97 (м.)

Изучение взаимодействия языка и культуры, в центре которого находится человек, содействует глубокому осмыслению духовных ценностей и национальной идентичности народа. Отсюда исходит актуальность проблематики статьи, посвященной анализу лингвокультурных концептов семья, отец, мать с привлечением фрагментов мемуарного произведения выдающегося таджикского писателя С.Айни «Воспоминания». Автор статьи выявляет роль указанных концептов в отражении менталитета таджикского народа и особенности их репрезентации в художественном тексте. Определены содержательные характеристики концептов, лексические и стилистические ресурсы таджикского языка, участвующие в реализации концептов. Показана специфика концептов семья, отец и мать в языковой картине мира этноса. Проанализирована символика положительных черт семейного национального уклада в тексте «Воспоминаний», определены основные признаки концептов, такие как любовь, уважение к родителям, почитание матери, почтительное отношение к старшим, гуманность, сплоченность, внимательность, защита, покровительство и другие ассоциации, вызываемые ими, черты которых можно встретить в древнеиранских образах и представлениях.

Анализ концептов сопровождается иллюстративным материалом из мемуарной прозы С.Айни, в том числе присутствующими в ней поэтическими изречениями классиков персидско-таджикской литературы, вошедшими в пословичный репертуар таджикского языка, что является одной из характерных особенностей национальной художественной прозы.

Ключевые слова: «Воспоминания»; язык; культура; национальная идентичность; лингвокультурология; концепт; семья; отец; мать; традиция; назидательность; хлеб; родовитость; поэтический приём.

Рассмотрение и исследование языковых и других гуманитарных вопросов, связанных с осмыслением национальных культур и реалий, в период бурного развития наук приобретает особую актуальность. К числу факторов, способствующих выявлению национальной идентичности и менталитета, духовных ценностей определенного этноса, можно отнести наиболее характерные особенности языковых и связанных с ними культурных фактов и явлений, рассматриваемых междисциплинарной наукой – лингвокультурологией, целью которой, по словам Е.И.Зиновьева, является «описание взаимодействия языка и культуры через раскрытие содержания языковых единиц, изучение их ассоциативных и словообра-

зовательных связей, коннотаций, отраженных в сознании носителей языка» [8, с.12].

Действительно такое описание помогает раскрыть и понять накопленное духовное богатство, достижения ментальной культуры и человеческой мысли, показать ту роль, которую язык играет как ключ к драгоценному наследию минувших поколений, будучи инструментом культурного общения и непосредственно связанным с судьбой и историей народа. Писатели и поэты в процессе такого общения выступают в роли трансляторов, словами объясняющих явления и понятия действительности.

С этой точки зрения, судя по различным подходам ученых к рассмотрению дихотомии «язык – культура» с центральной ролью человека, в частности по гипотезе лингвистической относительности Сепира и Уорфа, особую важность представляют вопросы многообразия культур и многогранности обычаев и нравов народов, знание которых помогает понять их образ жизни и взгляды.

Российский ученый Н.Ф.Алефиренко перечисляет типы попадающих в поле зрения культурологии ценностей и подчеркивает огромную роль передающихся из поколения в поколение семейных ценностей в становлении культуры, к которым относятся «все положительные фамильные традиции (нравственные, профессиональные, художественные или даже чисто бытовые») [3, с.7-8].

Как писал И.Г.Гердер, «в каждом языке отпечатлелся рассудок и характер народа» [7, с.239]. Можно сказать, что характер каждого этноса проявляется поразному. Исходя из этого, в силу многообразия культур, каждый народ имеет свои определенные национальные черты. Так, например, если «немцам свойственны такие черты, как точность, аккуратность, исполнительность, дисциплинированность (Tuchtigkeit), которые выработались в течение длительного исторического периода на основе конкретных исторических условий их жизни» [5, с.119-120], то таджикам, наряду с другими культурными особенностями, присущи в немалой степени такие черты, как привязанность к семье, уважение к матери и отцу [5, с.122]. Концепты «семья» (оила, хонавода), «мать» (модар) и «отец» (падар) как положительные черты семейного национального уклада на протяжении веков укреплялись корнями в сознании и мировидении нашего народа, даже понятие родного языка стали выражать словами «забони модарї», то есть «материнский язык», кроме того в таджикском лексическом арсенале есть слово «модарзод» в значении «врожденный, прирожденный, наследственный, природный».

По словам И.С.Брагинского, такие существенные черты воззрений народов Средней Азии, как склонность к земледелию, почитание труда, особое уважительное отношение к хлебу, воде, родителям и семье, которые были глубоко чтимыми элементами в их жизни, можно обнаружить еще в древнеиранских образах и представлениях – в мифологии и эпических трудах, например, представление наших предков о создании мира родительской парой – матерью (Землей) и отцом (Небом) [4, с.7].

З.Г.Османова пишет, что «еще в древнейшем таджикском эпосе можно обнаружить архаические черты почитания семьи и родителей, восходящие к глубокой

древности» [11, с.16]. Эти черты мы наблюдаем и в «Воспоминаниях» С.Айни. По словам З.Г.Османовой, «то обстоятельство, что Айни был одновременно и великолепным знатоком эпического творчества…, и одним из первых исследователей..., не могло, разумеется, не сказаться на его собственном творчестве» [11, с.16].

Автор «Воспоминаний» С.Айни настолько живо воссоздает увиденные события, в частности, свои воспоминания об отце и матери, об их радостях и печалях, образе жизни, что читатель погружается в иное художественное временное пространство, получая определенную культурную информацию, закрепленную в словах и других лексических выражениях.

По установившимся вековым таджикским традициям ребенок запоминает свою мать, в первую очередь, по колыбельным песням, называемым песнями матери. Здесь можно сослаться на слова великого дагестанского поэта Расула Гамзатова, который писал: «Тот, кто забывает песню матери, забывает и родной язык, - так говорил мне отец» [6, с.456]. Расул Гамзатов характеризует заслуги матерей такими словами: «Есть люди с заслугами и без заслуг. Есть люди хорошие и плохие, но нет матери, которая не имеет заслуг, и матери бывают для сыновей только хорошие. Как известно, женщин много, мать одна» [6, с.457]. Поэтому для Р.Гамзатова мать – не тема произведений, а предмет раздумий, переживаний и любви. [6, с.459]. В таджикской лингвокультуре «отец» и «мать» для детей – это прежде всего глава семейства, защитница, кормилица (нонавар, нондеҳ, нондиҳанда – дающая хлеб), благодетель, светило дома.

Итак, каким образом представлены в языковом сознании носителей таджикского языка концепты *«семья» (оила, хонавода), «отец» и «мать»* (падар, модар).

В Толковом словаре таджикского языка эти слова объясняются следующим образом:

Семья (оила) – жена и дети, родственники, дом [16, с.23], также «хонавода» (хонадон) – семья, жена, дети, обитатели дома [16, с.447],

Падар – 1. мужчина, у кого есть дети, глава семьи по отношению к своей жене и своим детям, 2. пер. родоначальник, основоположник чего-л. 3. почтительное обращение к пожилому мужчине, 4. *пер.* о лицах, руководящих чем-л. [16, с.53],

Модар – 1. женщина по отношению к рождённым ею детям; родительница. 2. обращение к пожилой женщине; мама. [15, с.808].

К этому еще следует добавить, что слово «мать» также употребляется и в значении источника жизни, творца, созидателя, как эпитет со словами Родина, Земля.

В таджикской лингвокультуре вышеуказанные концепты имеют свои способы выражения, они описаны с помощью лексических, фразеологических единиц и разного рода пословиц.

Так, рассматривая на примере «Воспоминаний» С.Айни некоторые наиболее характерные черты семейного национального уклада, манифестирующие культуру и менталитет таджикского народа в определенных ситуациях, в частности ассоциативные поля концептов «семья» (оила, хонавода), «отец» (падар) и «мать»

(модар) в этом романе, мы обнаружили ассоциаты, связанные со следующими тематическими группами[1]:

Ассоциаты, связанные с семьей: *деҳа (деревня)* [с. 5, 11], *аҳолии аслӣ-қадимӣ, тоҷикон (коренное исконное население, таджики)* [с.5, 12], *Бухоро (Бухара)* [с.8, 16], *Падару бобоҳои ман (Мой отец и дед)* [с.6, 12], *Бобои модариам (Дед со стороны матери)* [с 7, 14], *хешовандон (родственники)* [с. 7, 15], *маҳр (обеспечение невесты на случай развода)* [с.8,16], *меҳмонхона (мехмон-хона, гостевая комната)* [с.8,15], *хонадор кардан (женить сына)* [с.8,16], *Мо худ нарасидем, ту шояд бирасӣ (Мы не достигли, может быть ты достигнешь!)* [с.8,16], *тӯй (свадьба, празднество, туй)* [с.9,17], *ҳавлӣ (двор)* [с.9,17], *ошхона, танӯрхона (помещения для приготовления пищи и печения лепешек)* [с.10,18], *оташдон (очаг)* [с.10,18], *ошноҳои наздик (близкие знакомые)* [с.14,25], *меҳмонони мардина (гости-мужчины)* [с.10,18], *ҳавлии як дараҷа васеъ (обширный двор)* [с.9,17], *ҳавлии берун (внешний двор)* [с.9,18], *хонаи чӯбкорӣ (деревянный дом)* [с.9,18], *яккаписар ва дастёри ягона (единственный сын и помощник)* [с.39,60].

Ассоциаты, связанные со словом отец: *бағайрат, коркун ва кордон (неутомимый, настойчивый)* [с.25, 40], *асабии гузаро (вспыльчивый)* [с.96, 143]; кормилец: *падарам пули бисёр меёбанд (отец заработает много денег*) [с.16, 28] – поскольку главой семьи считался отец, одна из его обязанностей – трудиться и зарабатывать деньги для содержания семьи; требовательность и строгость: *акаам ба хона салом дода даромад (брат с приветствием вошел в дом)* [с.94, 141]; забота: *Падари ман дар тӯи ман ба ман куртаи шоҳӣ карда дода буданд (Мой отец к моей свадьбе сшил мне шелковую рубашку)* [с.11, 20], *Мо худ нарасидем, ту шояд бирасӣ! (Мы не достигли, может быть, ты достигнешь!)* [с.8,16]; слова и словосочетания, связанные с трудом, земледелием и профессиями: *замин (земля)* [с.107, 161], *гӯза (хлопок)* [с.108, 161], *ҷувории сафед (сорго)* [с.108, 161], *ҳосилгундорӣ (уборка урожая)* [с.117, 175], *киштҳои палакӣ (бахчевые)* [с.108, 161], *деҳқонӣ (земледелие)* [с.107, 160]; помощь отцу: *ман ба падарам ёрӣ додам (я усердно помогал отцу)* [с.108, 162]; эмоции и душевные переживания: *рӯзҳои азодории падарам (траур по отцу)* [с.112, 166], *пажмурда, гамгин (расстроен и огорчен)* [с.50, 77], *андӯҳ (печаль)* [с.71, 106], *гиря (плачь)* [с.111, 165], восприятие действительности: *вафот (смерть)* [с.109,162], *вабои умумӣ (эпидемия)* [с.109, 162], праздники: *Рамазан* [2, с.113], *Навруз* [с.234], *Курбан* [с.825], *Иди сайри гули лола (Праздник красного цветка)* [с.498, 707]. Благословение, удовлетворенность отца мы встречаем и в таджикских пословицах: *Падар розӣ, худо розӣ. Отец доволен – бог доволен* [12, с.64]. Все эти понятия связаны со сферой семейной жизни.

[1] Здесь и далее примеры с указанием страницы приводятся из следующих изданий: Айни С. Воспоминания. Душанбе: Глав.ред. науч. таджик. энциклопедии. Душанбе, 2009. 680 с. (на тадж.яз.). Айни С. Воспоминания / пер. с тадж. А.Розенфельд; подг. А.Розенфельд, А.А.Семёнов, Н.А.Кисляков, А.Н.Болдырев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 1081 с.

Здесь уместно также рассмотреть некоторые нравственные принципы, которые отец героя «Воспоминаний» внушал своим сыновьям как любой правоверный человек. Для этого отец автора широко использует пословицы и поговорки, которые наиболее ярко иллюстрируют национальный характер. По словам З.Г.Османовой, в таджикских произведениях народно-дидактическая традиция преломляется не в ее прямолинейно назидательном качестве, а в очень тонко и поэтически образно поданной воспитательной функции. [11, с.104]. Основными формами проявления таджикско-персидской дидактической традиции являлись поучительные беседы, содержащие сентенции, советы и наставления (андарз, панд и насихат), притчи (масал), афоризмы, пословицы и поговорки.

Обращаясь к истории персидско-таджикской литературы, З.Г.Османова также подчеркивает, что «назидательность была одной из основных ее традиций, доставшихся в наследство современным писателям и творчески ими воспринятых. Поучительность, открытая или завуалированная, многие столетия служила одним из действенных способов воспитания характера человека» [11, с.122].

Вот некоторые примеры, встречающиеся в «Воспоминаниях» С.Айни:

- прошение разрешения у старших, считавшееся неотъемлемой чертой традиционной культуры: *бо рухсати падару модар (с разрешения родителей)* [с.18,30], *аз падару модар рухсат гирифтан (просить разрешения у родителей)* [с.20, 33], *Акаат ҳеҷ ҷой намеравад, ӯ дарсҳои якҳафтагиашро такрор карда аз ёд накардааст. То ҳамон дарсҳоро ёд карда аз пеши ман нагузаронад, ман ӯро на ба тамошо ва на ба бозӣ – ба ҳеҷ ҷо рухсат намедиҳам (Брат твой никуда не пойдёт, он не повторял и не учил своих уроков за целую неделю. Пока он не выучит и я не проверю его, не позволю ему ни играть, ни гулять)* [с.20,33];

- гуманность, оказание помощи старшим: *падарам ба модарам таъин карда буд, ки ҳар чизе, ки пазад, ба амакаш – Абдуллохоҷа аз вай як коса диҳад ва ба ман таъин кард, ки ҳар вақт таоми ӯро ман бароварда диҳам ва ҳамеша аз офтобааш хабардор бошам, агар холӣ бошад, – об пур карда бурда монам (Когда мы вернулись в Соктари, отец сказал матери, чтобы она посылала его дяде Абдулло-ходже часть той пищи, которую готовила для нас. Мне он наказал носить ему еду и проверять, есть ли у старика в кувшине свежая вода; если кувшин окажется пустым, я должен был его наполнить)* [с.41,63];

- внимательность: наказание Садриддина отцом оказало большое влияние на всю его дальнейшую жизнь: *Ин танбеҳи падарам барои ман як таълими бисёр фоидаманд шуд, ки дар ҳаётам таъсири калон кард ва маро бо диққаткорӣ тарбия намуд, фаромӯш накардани гапҳо, ҳодисаҳо, чизҳо ва одамҳоро ба ман ёд дод (Это наказание оказало большое влияние на всю мою дальнейшую жизнь. Оно научило меня быть внимательным, не забывать слышанного, виденного, людей и предметы)* [с.97,146];

- любовь к труду и учёбе, поскольку учить детей считалось благим делом:

- назидательные слова отца сыну о необходимости учиться: *Хон! Дар чӣ гуна душворӣ бошад ҳам, хон! (Учись! Как бы тебе ни было трудно, учись!)*

[с.111,165], оппозиция *«безделье – трудолюбие»*, с приведением для подтверждения сказанного примера из газели поэта Исо:

То ба кай зи бекорӣ бо фасурдагӣ мурдан?

Нусхае ба каф дорӣ, ҷамъ созу аҷзо кун.

Доколе от безделья нам погибать в тоске?

Сложи скорее вместе листы в твоей руке.

Внушение отвращения к безделью: оппозиция труд – безделье *(Видишь, – сказал отец, – этот ученый человек безделье приравнивает к смерти; что бы с тобой ни было, трудись!)* [с.71,107], или

Ба дӯши таваккул манеҳ бори худро!

Валинеъмати хеш дон кори худро!

На плечи упованья свой груз не возлагай,

Лишь то, что сам ты сделал, за благо почитай. [с.71, 107].

Или о выносливости в жизни:

Зиндагӣ дар гардан афтодааст, Бедил, чора чист?

Шод – бояд зистан, ношод – бояд зистан.

Жизнь обрушилась, Бедиль, тебе на плечи, как же быть?

Радостен ты-надо жить, печален-тоже надо жить [с.548, 780].

Достоинство, храбрость, независимая личность, образ отважного человека – сострадателя, борца против сил зла – вся палитра лучших нравственно-этических ценностей, которые дошли до нас из древнеиранской мифологии (образ Рустама, человек-дивоборец), используется С.Айни в его эпопее: *Дев бо одам наёмезад, матарс, - Бал битарс аз одамони девсор. Аз ҳама чиз одам зӯр аст (Не бойся дивов, див не трогает человека, но бойся дивоподобных людей. Человек сильнее всего на свете)* [с.37, 57].

Одним из нравственных принципов отца автора является добывание хлеба честным путем. По словам Рахима Хошима, «взгляды Сейид Мурад-ходжи, служившие его сыну единственной опорой..., те нравственные принципы, которые отец сызмальства внушал своим сыновьям, во многом совпадают с заповедями наставников ордена Кубравия минувших столетий, которые следовали принципам *«ризки халал»*, учения о дозволенном пропитании» [13, с.23]. Согласно учению о *«ризки халал»*, дозволенным считалось лишь то, что было добыто честным трудом [13, с.24]. Кроме того, Соктаре был одним из центров этого ордена [13, с.20]. Из истории суфизма знаем, что учениками основателя ордена Наджмаддина Кубра были такие знаменитые мыслители, поэты, как Баховаддин Валад, отец великого поэта Джалолиддина Руми, Фаридаддин Аттар и многие другие. Кроме того, «шейхи Соктаре славились рационализмом. Отец С.Айни старался истолковать явление, которому окружающие приписывали сверхъестественный смысл, с помощью логики» [13, с.24]. Для подтверждения рассудочного восприятия действительности, основанного на логике, примером может служить следующее высказывание: - *Хӯрда надида бошӣ, бамаза будани вайро аз куҷо фаҳмидӣ? (Если ты её не ел, откуда же ты знаешь, что она вкусная?)* [с.17,28].

Для основателей ордена Кубравия воля человека считалась свободной. Поэтому отец Айни всегда учил своих сыновей отвечать за каждый поступок, не уповать и не жаловаться на предопределение, а надеяться на свой разум и труд [13, с.24].

Например: *Агар одам шудан хоҳӣ, ба як порча нони қоқе, ки ман ёфта мефиристонам ва ба як коса об, ки аз ҳар куҷо ёфтани вай мумкин аст, қаноат кун, агар хук шуданро хоҳӣ, дар миёнаи ману ту алоқаи падариву фарзандӣ намемонад (Если ты хочешь быть человеком, ты должен удовлетворяться тем куском черствой лепешки, что я тебе посылаю, и чашкой воды, которую всюду можно достать, но если ты намерен превратиться в свинью, то всякие отношения между нами как отцом и сыном будут порваны)* [с.94, 141]; *бо меҳнати ҳалол зиндагӣ мекард (жил честным трудом)* [с.189, 275]. Как пишет В.А.Маслова, «человек находится во власти архетипов до такой степени, какой он себе и представить не может, т.е. современный человек даже не понимает, насколько он находится во власти иррационального». И, по ее словам, «в основе фразеологизмов с компонентом хлеб … лежит архетип хлеба как символа жизни, благополучия, материального достатка. Хлеб обязательно должен быть «своим», т.е. заработанным собственным трудом» [9, с.30].

- Не хвалиться своей родословной: отец Айни Сейид Мурад-ходжа принадлежал к роду ходжей и сейидов, но он высмеивал людей, которые гордились своим происхождением, родовитостью и почетными званиями прикрывали, как говорит Р.Хошим, «собственное ничтожество, подлость и корыстолюбие» [13, с.14-15]. Хотя по родовитости отец Айни мог считаться выше самого эмира Бухарского, ибо, по словам Р.Хошима, тот (то есть эмир Абдулахад), «будучи сейидом, все же происходил не от первых в Средней Азии мусульман-арабов, а из кочевого племени мангыт, принявшего ислам на несколько веков позднее» [Там же]. Для подтверждения этой мысли приводятся следующие мудрые изречения отца: *«Мангар, ки кӣ мегӯяд, бингар, ки чӣ мегӯяд» – «Не смотри на то, кто говорит, а смотри на то, что говорит»* [с.143, 95], или *«Гирди номи падар чӣ мегардӣ? – Падари хеш шав, агар мардӣ!» (Зачем кружишь вокруг имени отца? Будь сам себе отцом, если ты мужчина)* [с.106, 157]. Последнее изречение на самом деле принадлежит великому поэту Саади, оно вошло в пословичный репертуар таджикского языка. См.: *Ҳунар аз молу мероси падар беҳ (Мастерство лучше наследства отца)* [12, с.49].

Кроме того, следует добавить, что в персоязычной культуре еще в древности «образы правителей и богатырей противопоставляются не по своему происхождению, но по своим человеческим достоинствам» [11, с.39]. (ср. образ Садри Сарира в «Воспоминаниях»), и такое противопоставление (тазод) ярче всего представлено в «Шах-наме» [11, с.39-40].

Ассоциаты, связанные со словом мать: бережливость: «*сарфаи сари оташдон – савдогари Ҳиндустон» (сберегая у очага, можно стать купцом в Индии!)* [с.15, 27]; приготовление пищи: *модарам ҳалвои қоқтӣ пухт, ман ба ӯ дар оташмонӣ ёрӣ додам (мать варила домашнюю халву, а я помогал ей*

поддерживать огонь) [с.16, 27]; между тем, понятие поддерживать огонь уходит корнями в древнюю традицию персоязычных народов, считавших его священным; благословение: *Модаркалонам баланд-баланд дуо хонда дафъи фалокатро аз Худо мепурсид ва барои ба кор рафтаистодагон ривоҷи кор металабид (Бабушка громко читала молитвы. Она просила бога помочь устранить несчастье и способствовать успеху работы)* [с.24, 38]; *падарамро дуо ва миннатдорӣ карда гусел намуд (с благодарностью и благословениями проводил отца)* [с.25, 40], *Ба ҳазор дарӯ! (Доживи до тысячи лет!)* [с.113, 169]; разлука: *рафтани модар (отъезд матери)* [с.113, 168], *танҳоии худ (полное одиночество)* [с.116, 173]; душевное переживание: *дили худам бисёр вайрон шуд (у меня на сердце было очень тяжело)* [с.113, 168], *гиряи беовоз (беззвучное рыдание)* [с.113, 169], *ашки талх (горькие слёзы)* [с.113, 169], *«во-бибем»-гӯӣ (поплакать по своей матери)* [с.115,171], *маҷбурияти фарзандӣ (сыновний долг)* [с.117, 175]; печаль: *аз сӯҳбатҳои гамолудона (по невесёлым разговорам)* [с.14, 24], *лашкари гаму андӯҳ (волна печали и тоски)* [с.116,173], *марсия (элегия)* [с.117, 175]; утешение, самоуспокоение: *Ҳар чи бошад мегузарад, «чист, ки нагузарад?»* (- *Все обойдётся! «Что не проходит?»* [с.116, 172] – здесь автор намекает на мудрое изречение, высеченное на кольце царя Соломона: *«Все проходит. Пройдёт и это»*, или *Бар сари фарзанди одам ҳарчи ояд бигзарад. Все, что бы ни свалилось на голову рода человеческого, пройдет* [12, с.61], *бо таъсири догҳои фарзанд (от пережитого горя)* [с.167, 267]: словосочетание *«таъсири доги фарзанд»* переведено на русский в форме *«от пережитого горя».* Попутно заметим, что в таджикском языке словосочетание *«доги фарзанд»* означает «скорбь об умершем ребенке» [17, с.204] (ср.: *доги фарзандро набинӣ –чтобы не видел ты скорбь и не было печали у тебя о сыне, или не остались следы печали о сыне, то есть чтобы твой ребенок не умирал; умед (надежда)* [с.109, 162], *осоиш (покой)* [с.109, 162]; бережное обращение с родителями: *Даст ба гиребон шудани мо бародарон сабаби ранҷиши падару модар мегардид, ки ин ба назари ту чизе набошад ҳам, ба назари ман гуноҳи азим аст (А драка с тобой очень огорчила бы отца с матерью. Для тебя это ничего не значит, но для меня это было бы великим грехом)* [с.188, 274] и др.

Необходимо отметить, что образ матери в основном описывается в главе «Смерть отца и матери при эпидемии», которую Айни называет *«марсия» («траурная элегия»)»*. Болезнь и смерть безгранично нежной, преданной и жертвенной матери, вызывая чувство грусти и скорби, оставляют неизгладимый след в сердце автора [5, с.127]. При разлуке, чтобы хоть чем-нибудь утешить своего сына, мать на прощание говорит: *«Доживи до тысячи лет!»*. Следует сказать, что такие витальные культурологические ценности, как *жизнь, здоровье, спасение, доброе намерение (также и доброе напутствие), пожелание удачи, благополучия*, произносимые родителями или старшими по возрасту людьми детям или кому-либо ещё, мы обнаруживаем в традициях таджикско-персидской культуры и литературы, например, у Рудаки: *Ҳазор сол бизӣ, сад ҳазор сол бизӣ! (Жить тебе тысячу лет, сто тысяч лет!)*.

Касаясь проблем, связанных с выражением эмоций, иранский ученый Фарзад Шарифиён ссылается на высказывания известного исследователя А.Вежбицкой о том, что различные культуры по-разному относятся к эмоциям, и эти отношения влияют на манеру речи человека (different cultures take different attitudes towards emotions, and these attitudes influence the way in which people speak/Разные культуры по-разному относятся к эмоциям, и это отношение влияет на то, как люди говорят) [14, с.44]. Так, по его словам, эмоция персоязычного человека в отличие от многих западных эмоциональных концептов выражена более ярко, особенно у женщин. Например: *Khoda margam bede* (May God kill me/Да, убьет меня Бог, Пусть Бог убьет меня) [14, с.45]. Эти слова обычно матери произносят, когда ребенку больно или когда он страдает от чего-либо [14, с.45]. Во многих таджикских семьях как реакцию матери на несчастье, случившееся с ее ребенком, или на что-либо печальное можно услышать: «*Хок ба даҳанам»* или *«Хокам бод!»* (букв. *песок в мой рот, пепел в мой рот, о горе мне!, то есть лучше умереть, чем видеть это).*

Различные культуры вкладывают в эмоциональное переживание разные значения. Фарзод Шарифиён в качестве иллюстрации приводит концепт “grief” (горе, печаль, скорбь) из культурной жизни Ирана, отметив, что осмысление “Sadness and grief” – *gham o ghoseh (горе, печаль) с* психологической точки зрения имеет особые нюансы, разные значения и формы выражения в иранской лингвокультуре. Дисфория (подавленное настроение; тревога), по его словам, в иранской культуре это вряд ли отсутствие счастья или удовольствия индивида, это внутренний аффект – центральная эмоция религиозного ритуала, важный элемент определения личности, основное качество глубокого понимания социального порядка [14, с.46]. Сложность выражения *gham o ghoseh* частично связана с его дуальной ролью. Помимо религиозного значения, данный концепт также используется в нерелигиозной повседневной жизни, обозначая целый набор эмоциональных чувств, например, при причинении боли, обиды кем-н. или при разлуке, наличии финансовых проблем. Фарзод Шарифиён прав, что люди часто свои эмоциональные переживания делят между собой, и такой обмен называется *дарди дил – dard-e del* (lit. ‘pain of the heart’, *бук.* боль сердца), что облегчает их душу [14, с.46].

В «Воспоминаниях» многие суждения сопровождаются поэтическими фрагментами, поскольку поэзия всегда имела неразрывную связь с жизнью народа на протяжении тысячелетий. Можно согласиться с Н. Мещеряковым, который отмечает: «В обществах, где, в отличие от нашего, поэзия является неотъемлемым компонентом стиля жизни, реальность зачастую уступает место воображению, введенному в рамки поэтического стереотипа» [10, с.49].

Итак, подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что представления о семейных традициях, в частности, уважение к отцу и матери, бережное отношение к семейным ценностям, прочно и органично вошли в генофонд таджикской прозы и являются мощным фактором социальной и национальной идентификации. Такое отношение подтверждает традиционную неизменную сущность этноса.

Судя по рассмотренным концепциям, крепкая связь с домом, матерью и отцом в таджикской лингвокультуре обусловлена сформировавшимися условиями и традиционными семейными традициями.

Отсюда можно сделать вывод, что в таджикской культурной традиции человек признается мерой всех вещей, о чем так тонко пишет устод Айни в своих «Воспоминаниях», и таджикской языковой картине более свойствен философский смысл и в определенной степени религиозность.

Литература

1. Айни С. Воспоминания. – Душанбе: Глав. ред. науч. таджик. энциклопедии, 2009. – 680 с. (на тадж. яз.)
2. Айни С. Воспоминания / пер. с тадж. А.Розенфельд; подг. А.Розенфельд, А.А.Семёнов, Н.А.Кисляков, А.Н.Болдырев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 1081с.
3. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 224 с.
4. Брагинский И.С. От Авесты до Айни. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 256 с.
5. Брагинский И.С. Проблемы творчества Садриддина Айни. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 174с.
6. Гамзатов Р. Собр. Соч: в 5 т. Т.5. – М.: Худ. лит-ра, 1982. – 576 с.
7. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества/пер. и примеч. А.В.Михайлова. – М.: Наука, 1977. – 704 с.
8. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике: учебник. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208с.
10. Мещеряков А.Н. Герои, творцы и хранители японской старины. – М.: Изд-во «Наука»; Главная ред. Вост. лит-ры, 1988. – 235 с.
11. Османова З.Г. Художественная концепция личности в литературах Советского Востока (Традиция и современность). – М.: Изд-во «Наука»; Главная ред. вост. лит-ры, 1972. – 265с.
12. Свод таджикского фольклора. Пословицы. Т. IV / ред. коллегия: Р.А.Амонов, И.С.Брагинский, А.М.Маниёзов, Б.Т.Тилавов, Э.С.Улуг-заде, Б.Ш.Шермухаммадов. – Душанбе: Дониш, 1986. – 240 с.
13. Хошим Рахим, Фиш Радий. Глазами совести. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 296 с.
14. Applied cultural linguistics / edited by Farzad Sharifian and Gary B.Palmer / University of Nevada. – Las Vegas. John Benjamins Publishing Company / Amsterdam / Philadelphia, 168 p.

Словари

15. Толковый словарь таджикского языка. Т.1 / С.Назарзода, А.Сангинов, С.Каримов, М.Х.Султон. – Душанбе, 2008. – 950 с. (на тадж. яз.)
16. Толковый словарь таджикского языка. Т.2 / С.Назарзода, А.Сангинов, С.Каримов, М.Х.Султон. – Душанбе, 2008. – 945 с. (на тадж. яз.)
17. Таджикско-русский словарь. 70000 слов и выражений. – 2-е изд., доп. и испр. / Д.Саймиддинов, С.Д.Холматова, С.Каримов. – Душанбе, 2006. – 784 с.

SOME POSITIVE FEATURES OF THE FAMILY NATIONAL WAY OF LIFE IN AINI'S «MEMOIRS»

Norov Mirzomurod Boymahmedovich

Candidate of philological sciences, doctoral candidate
Rudaki Institute of language and literature NAS of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 38/1
Ph.: (+992) 600 31 96; 93 553 21 97 (m.)

The study of the interplay between language and culture, centered upon the individual, facilitates a profound comprehension of the spiritual values and national identity of a populace. This is where the relevance of the article's problems comes from, which is devoted to the analysis of the linguacultural concepts of family, father, mother, using fragments of the memorial work "Memories" by the eminent Tajik writer S.Aini. The author of the article reveals the role of these concepts in reflecting the mentality of the Tajik people and the features of their representation in the literary text. The substantive characteristics of the concepts, lexical and stylistic resources of the Tajik language involved in the implementation of the concepts are determined. The specificity of the concepts of family, father and mother in the linguistic picture of the world of the ethnic group is shown. The symbolism of the positive features of the family national way of life in the text of "Memories" is analyzed, the main features of the concepts are determined, such as love, respect for parents, veneration of the mother, respectful attitude towards elders, humanity, cohesion, attentiveness, protection, patronage and other associations caused by them, the features of which can be found in ancient Iranian images and ideas. The analysis of concepts is accompanied by illustrative material from the memoir prose of S.Aini, including poetic sayings of the classics of Persian-Tajik literature present in it, which have entered the proverbial repertoire of the Tajik language, which is one of the characteristic features of the national artistic prose.

Keywords: "Memories"; language; culture; national identity; linguaculturology; concept; family; father; mother; tradition; edification; bread; nobility; poetic mode.

БАЪЗЕ ҶИҲАТҲОИ МУСБАТИ ШЕВАИ МИЛЛИИ ОИЛАДОРӢ ДАР «ЁДДОШТҲО»-И С.АЙНӢ

Норов Мирзомурод Боймаҳмедович

Номзади илмҳои филологӣ, докторанти
Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии АМИТ
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 38/1
Тел.: (+992) 600 31 96; (+992) 93 553 21 97 (м.)

Омӯзиши ҷамбастагии забону фарҳанг, ки дар меҳвари он инсон қарор дорад, ба фаҳмиши амиқи арзишҳои маънавӣ ва ҳувияти миллии халқ мусоидат менамояд. Аз ин ҷо мубрамияти маҷмуи масъалагузории мақола, ки ба таҳлили консептҳои лингвофарҳангии оила, падар, модар бо овардани порчаҳо аз асари ёддоштии нависандаи забардасти тоҷик С.Айнӣ «Ёддоштҳо» бахшида шудааст, зоҳир мегардад. Муаллифи мақола нақши консептҳои мазкурро дар бозтоби маниши халқи тоҷик ва вижагиҳои инъикоси онҳо дар матни асари бадеӣ ошкор кардааст.

Хусусиятҳои пурмазмунии консептҳо, бойгарии луғавию услубии забони тоҷикӣ, ки дар татбиқи консептҳо иштирок мекунанд, муайян карда шудаанд. Вижагии консептҳои оила, падару модар дар сувари забонии олами қавм нишон дода шудааст. Ғояи ифодакунандаи ҷиҳатҳои мусбати шеваи миллии оиладорӣ дар матни «Ёддоштҳо» таҳлил шуда, аломатҳои асосии консептҳо, ба мисли муҳаббат, эҳтироми падару модар, арҷгузорӣ ба модар, эҳтироми калонсолон, инсондӯстӣ, тифоқӣ, мулоҳизакорӣ, ҳимояту пуштибонӣ ва дигар иттиҳодияҳое, ки онҳо ба вуҷуд меоранд ва вижагиҳои онҳоро дар образҳою тасаввуроти қадими эронӣ дидан мумкин аст, муайян карда шудаанд.

Таҳлили консептҳои мавриди назар бо мисолҳои мушаххас аз асари ёддоштии С.Айнӣ «Ёддоштҳо», аз ҷумла бо ҳикматҳои шоиронаи классикони адабиёти форсу тоҷик, ки ба маҷмуи мақолу зарбулмасалҳои забони тоҷикӣ ворид гардидаанд, нишон дода шудаанд, ки ин яке аз хусусиятҳои хоси асари бадеии миллӣ мебошад.

Калидвожаҳо: «Ёддоштҳо»; забон; фарҳанг; ҳувияти миллӣ; забоншиносии фарҳанг; консепт; оила; падар; модар; анъана; андарз; нон; асилзодагӣ; шоирона.

УДК 821.161.3'06.09:008(476)

РЕЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОДОВ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ ПАРАДИГМЕ
(на примере эпических произведений современных белорусских писателей)

Дуктова Любовь Георгиевна

Кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела белорусской литературы XX и XXI столетий
Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальная академия наук Беларуси»
220072, Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2,
Тел.: +3752 97 46 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Выявление культурных кодов при интерпретации литературных произведений является одним из способов раскрытия их идейной направленности в целом и передачи определенных культурных смыслов, которые проявляются в художественном полотне произведений на имплицитном уровне с помощью характерных образов и мотивов. На примере эпических произведений В.Гниломедова, И.Шамякина, А.Козлова, В.Гавриловича Я.Сипакова и других белорусских писателей рассмотрены особенности национальной мировоззренческой позиции в связке с вопросом национальной идентичности, при показе которой прозаики обращаются к культурным кодам. Например, значение семьи, рода, родной земли в гепталогии В.Гниломедова показано с помощью кода кужаля. Льняное полотно символизирует человеческие судьбы, которые объединены общей историей народа, под покровом семьи, родной земли человек чувствует себя наиболее комфортно, безопасно и счастливо. Учитывая то, что культурные коды являются культурообразующими элементами национально-культурного пространства, предложено определение понятия национального культурного кода как семиотической единицы, являющейся носителем культурных смыслов, связанных с определенными культурными универсалиями (родственными связями, космологией, особенностями управления и др.), которые представлены в литературе с помощью художественных образов и мотивов, при этом смыслы, ценности, идеалы, модели поведения, отраженные в произведениях литературы, позволяют определить особенности национального мировоззрения.

Ключевые слова: национальный код; эпические произведения; белорусская литература; образ; современная литература.

Введение

Обращение к культурным кодам при интерпретации литературного произведения позволяет подчеркнуть его идейную направленность. Под культурным кодом, согласно одному из подходов, рассматривается система знаков и символов, характерная для определенной культуры и направленная на ее идентификацию и

использование носителями этой культуры (М.Эпштейн, Д.Гудков, В.Маслова, В.Телия, С.Толстая и др.). Е.Кузнецова предлагает следующее определение культурного кода: «Это система знаков и символов, сформировавшаяся в конкретный исторический период, содержащая в зашифрованном виде, вербальной или невербальной форме смысл и значение тех или иных культурных феноменов, нравственных ориентиров, духовных ценностей, отражающая структуру ментальности субъекта и проявляющаяся на уровне культурно-коммуникативных практик» [9, с.80]. Еще один ракурс – рассмотрение культурного кода как совокупности идей, знаний, подчеркивающих национальную идентичность, ценностные ориентации, ментальные установки общества: «Культурный код как структура, определяющая генотип нации, состоит из семи ключевых звеньев, каждое из которых представляет собой в целом самостоятельный культурный феномен: наследие, традиции, обычаи, язык, семья, хозяйственные системы (жизненный уклад), праздники» [16, с.86] (А.Хазбулатов, М.Султанова); «Для обозначения консервативного характера присущих культуре образцов поведения, ценностей, социального опыта, регулирующих, прежде всего отношения между людьми в обществе и их передачи новому поколению, должна быть определенная устойчивость, культурный код… Считается, что код культуры является определяющей характеристикой любой этнической и национальной культуры» [6, с.9] (Х.Додихудоев); «Культурный код – это в своем роде генетическая история. У каждого народа уникальное самосознание и история» [4, с.527] (Л.Р.Велилаева, Ф.И.Абдулжемилева).

В гуманитарном дискурсе различные аспекты, связанные с культурным кодом, представлены в исследованиях по лингвокультурологии и психолингвистике (В.Маслова, М.Пименова, В.Красных, Е.Озерова, Ф.Гукетлова и др.), философии (Е.Бабосов, Е.Кузнецова и др.), культурологии (Н.Изотова, С.Махлина, Н.Симбирцева, Ю.Яроцкая и др.), этнологии и фольклористике (И.Швед, Н.Кричевский и др.) и др.

Отдельный акцент исследователями сделан на значимость национального культурного кода. Академик Е.Бабосов отмечает: «Культурный код нации представляет собой отшлифованную веками исторического развития народа систему уникальных культурных архетипов, образов и ценностей, характеризующих идентичность, менталитет и духовно-нравственные установки данного народа… Неотъемлемым компонентом национального культурного кода являются мировоззренческо-идеологические установки, функционирующие в рамках определенного народа и воплощенные в идеологической доктрине государства. Она выполняет важную роль в жизнедеятельности общества, так как помогает индивидам и социальным группам определить цель и смысл развития человека и общества, стратегию различных сфер деятельности и найти наиболее приемлемые способы достижения намеченных целей» [1, с.36].

В литературоведении отдельные вопросы рецепции культурных кодов в литературном произведении представлены в исследованиях «Культурные коды в лирике Е.Шварц» А.Романова [14], «Национальные и культурные коды в романах Дэна Симмонса» Е.А.Куликова [10], «Метасюжет судьбы лирического героя

в поэзии С.А.Есенина: основные культурно-художественные коды и мотивные комплексы» М.Жилиной [7], «Типология культурных кодов в драматургии Л.Н.Андреева» Т.Болдыревой [3], «Поэзия Владимира Высоцкого и западноевропейская литература средневековья и возрождения: взаимодействие дискурсов и культурных кодов» Л.Калугиной [8], «Культурный код в литературном произведении. Интрепритаця художественных текстов русской литературы XIX и XX веков» Х.Халатинска-Вертеляк [17], «Национально-мировоззренческие координаты белорусской литературы первой трети XX века» А.Мельниковой [12], «Морбуальный код русской литературы XX-XXI вв.» Е.Трубецковой [15], «“Усадебный текст” и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века» Г.Велигорского [4] и др.

Семиотический подход к интерпретации литературного произведения предусматривает рассмотрение системы уровней художественно текста, среди которых нам представляется целесообразным выделить лексический и символико-метафорический. На данный аспект обращает внимание В. Халипов, выделяя при этом два подуровня символико-метафорического уровня. Во-первых, пространственный подуровень: «1) метакультурный (арабо-мусульманская культурная традиция, западноевропейская культурная традиция и т.п.); 2) национальный (польская культурная традиция, японская культурная традиция и т.п.); 3) локально-региональный (культурная традиция русского Севера, культурная традиция Прованса и т.п.)»[1]. Во-вторых, временной, презентующий определенный период и связанные с ним особенности: «1) идейно-эстетические системы литературных направлений (классицизма, романтизма, реализма, модернизма, постмодернизма и т.п.); 2) идейно-эстетические системы литературных течений (натурализма, символизма, импрессионизма, футуризма, имажинизма, примитивизма и т.п.); 3) идейно-эстетические системы школ и литературных групп (озерной школы, парнасцев, серапионовых братьев, лианозовской школы и т.д.); 4) идейно-эстетические системы отдельных писателей (Шекспира, Гете, Данте, Рабле, Хаяма, Низами, Ду Фу, Есенина и т.п.); 5) идейно-эстетические системы, характерные для конкретного периода творчества писателя (веймарский период в творчестве Гете, болдинский в творчестве Пушкина, эмигрантский — в творчестве М.Цветаевой и т.д.); 6) идейно-эстетические системы отдельных произведений (“Так говорил Заратустра” Ф. Ницше, “Горе от ума” А.Грибоедова и т.д.)»[2].

В данном исследование сделан акцент на особенности национальных кодов в индивидуально-авторской парадигме писателей. Представляется целесообразным рассмотрение национального культурного кода как семиотической единицы, являющейся носителем культурных смыслов и касающихся различных аспектов культурных универсалий. Для каждого писателя является важным найти свою отличительную, релевантную внутренним установкам, мировоззрению,

[1] Халипов В. В. Семиотическая модель мирового литературного процесса: пособие: в 2 ч. Ч.1: Структуралистская версия. Минск: РИВШ, 2014. С.19. В дальнейшем ссылка на это издание с указанием страницы).
[2] Там же. С.19.

художественно-эстетическую форму отражения действительности и преподнесения накопленного жизненно-фактического материала. Цель исследования – охарактеризовать особенности рецепции национальных кодов в индивидуально-авторской парадигме современных белорусских писателей В.Гниломедова, И.Шамякина, В.Гавриловича, А.Бадака, А.Козлова.

Материалы и результаты исследования

Белорусский эпос периода независимой Беларуси представлен произведениями писателей, творческие достижения которых были отмечены еще в советское время (В.Адамчик, Я.Брыль, А.Жук, В.Быков, В.Карамазов, И.Науменко, И.Пташников, И.Чигринов, И.Шамякин и др.), а также художников слова, имена которых стали достаточно известными в период становления и развития суверенной страны (А.Бадак, А.Браво, А.Ветах, В.Гаврилович, В.Гниломедов, А.Козлов, Л.Рублевская, И.Саверченко, А.Федоренко и др.). Актуальность исследования проблемы национальных кодов в литературе определяется междисциплинарными задачами современного гуманитаристики, а также общественным запросом.

Для суверенной Беларуси одним из важных вопросов является определение основ национальной идентичности как ядра консолидации населения государства, поэтому исследование культурных кодов в художественном пространстве связано с определением специфики смысловых уровней ментального поля, подбор символов, национальных образов, наиболее точно характеризующих особенности мировоззрения, модели поведения, духовно-эстетические ценности белорусского общества. «Художественная литература создает мир, образы которого по определению не могут быть соотнесены с непосредственным восприятием его как объекта действительности. Художественное слово – это знак, который на уровне прагматики становится прежде всего коммуникативным знаком, маркирующим отсутствие «реального объекта», непреодолимо требующего своего «наполнения» или, другими словами, ожидающего процесса нового открытия себя. через новую интерпретацию, ждет нового смыслового наполнения», – отмечает И.Шалодонов [18, с.175].

Код кужаля (полотна из льняных ниток) в творчестве Владимира Гниломедова является одним из ярких примеров функционирования национального кода в современной белорусской литературе, обращение к которому помогает раскрыть идейную направленность цикла произведений писателя. Лен является одним из белорусских символов, цветы этого растения присутствует в государственной символике (на гербе Республики Беларусь), полотно из льняных ниток является материалом для создания национального костюма. На современном этапе белорусская сувенирная продукция, связанная с народными промыслами, представлена, например, панно, материалами к созданию которых являются кужаль и соломка. Таким образом, кужаль – знак, который маркирует «белорусскость», делая акцент на традиции, сельский колорит, особенности уклада жизни и специфику национального характера. Вместе с тем кужаль в романном цикле В.Гниломедова связан с метафорой белорусской истории: из нитей как метафоры

судеб одного человека, семьи, рода, жителей определенной местности и даже страны создается своего рода полотно истории.

Временное пространство романного цикла об истории семьи Кужалей-Платоновых относится к первой половине XX века, гепталогию составляют следующие романы:

- «Улисс из Пруски» (2006), посвященный событиям, которые происходили на территории Западной Беларуси в начале XX века, а также о поездке в Америку главного героя Леона Кужаля, своего рода «нового Улиса»; показаны разные стороны жизни людей, которые приехали на заработки и в поисках счастья в «новый свет», их тоска по малой родине и долгожданное возвращение;
- «Россия» (2007), в котором показан человек в вихре судьбоносных для славянских народов событий – Первой мировой и Гражданских войн, Февральской и Октябрьской революций, периода установления советской власти и проведения политики коллективизации; в романе подымается тема беженцев 1915 года, среди которых показана семья Кужалей, вынужденная в ситуации приближения русско-немецкого фронта вместе с односельчанами на семилетний период покинуть деревню Пруску и отправиться в Россию, чтобы переждать трудное время;
- «Возвращение» (2008), в произведении рассказывается о возвращении жителей западнобелорусской деревни Пруски из России на малую родину в 1922 году, которая в этот период относилась к Польше; герой романа Леон Кужаль показан как человек, которые стремится отстоять прежде всего свою внутреннею свободу – свободу от политики (Леон: «Зачем крестьянину политика когда хватает земли? Вырастил что – продал»[1]), идеологии, желая в первую очередь жить своими интересами – интересами своей семьи, своего дома, родной земли;
- «Васильки на рубеже» (2014), посвященный событиям в период с лета 1930 по весну 1941 года (общественно-политическая жизнь на территории Западной Беларуси в межвоенное десятилетие в условиях польского режима санации, начало Второй мировой войны, объединение Западной и Восточной Беларуси в 1939 году, атмосфера приближения военного нашествия); исторические факты показаны в переплетении с событиями из семейной хроники Кужалей; в романе затрагивается тема соборности, подчеркивается важность коллективного подхода при решении ключевых проблем;
- «Война» (2014), в котором показана жизнь людей на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории в условиях нацистского режима, возникновение сопротивления, партизанского движения и долгожданное освобождение; в романе отмечается философско-историческое осмысление войны, художественное обобщение жизни и борьбы «мирных» жителей белорусской деревни; показаны особенности национального характера – терпеливость, трудолюбие и дружественность в мирных условиях, однако непреклонность и умение дать жесткий отпор в случае угрозы близким («Нас можно завоевать, но нами тяжело управлять. Мы славяне… Мы как бы и тихие, но сквозь камень пробьем-

[1] Гниломедов В. Возвращение. Минск: Худ. лит-ра, 2008. С.108. (на белорус. яз.)

ся»[1]); кроме героев романного цикла (показана жизнь Леона и Феклы, воспитывающих внука Володю, Василия Платонова, ставшего партизаном (родного сына Феклы, русского по происхождению)), показано немало персонажей военного времени[2];

- «После войны» (2021), события в романе показаны начиная с 1944 года (когда мужчины были на фронте, а заботы о семье и тяжелые сельскохозяйственные работы лежали на плечах женщин) до 1955 года (в послевоенное время показана жизнь уже знакомых из предыдущих романов персонажей – Леона и Феклы Кужалей, Василия Платонова и его жены Проси и сына Володи, а также их односельчан; одним из болезненных вопросов для послевоенных западнобелорусских крестьян являлась коллективизация);
- «Правда живёт посередине» (2022), события в котором развиваются в период 1950-1960-х годов, главным героем является Владимир Платонов, показан колорит эпохи (время хрущевской «оттепели») и то, чем жило молодое послевоенное поколение: работа на целине, увлечение профессиями геолога и педагога, учеба в институте, пора романтики, с которой связаны и радости, и разочарования; герой романа Володя Платонова изображен в различных ситуациях: студенческие годы молодого филолога и первые рабочие дни педагога-руководителя, каникулы в деревне, свидания молодых людей, педагогическая практика и др.

В гепталогии рассказывается о нескольких поколениях одной семьи: Кирилл и Михась – дед и отец Леона Кужаля, Василий и Владимир Платоновы – пасынок и его сын. Правда о событиях, свидетелями которых стали представители семьи Кужалей – Платоновых, передается из поколения в поколение, закрепляя в сознании потомков собственную точку зрения на исторические события и процессы. Так постепенно «ткется» история семьи, рода, тесно переплетенная с историей всего народа, его исторического пути.

Белорусские литературоведы обратились к рассмотрению специфики романной серии В.Гниломедова, сосредоточив внимание на идейно-художественном звучании произведений, особенностях поэтики, жанра, образа героя: Е.Городницкий, Н.Мищенчук, А.Новосельцева, С.Щерба и другие. В.Локун, В.Русилка отмечают: «В этих произведениях показана судьба простого человека, белоруса на широком историческом фоне и в то же время раскрывается судьба белорусского народа, дается масштабная историческая панорама XX века. Романы, имеющие следы различных жанровых модификаций, существенно обновляют традиционную форму семейно-бытовой хроники» [11, с.86].

В гепталогии лексема «кужаль» присутствует в онимном поле, на символику фамилии Кужаль в своих исследованиях обращают внимание В.Локун, В.Русилка, Ж.Шаладонова. Слово «кужаль» в одном из значений – это нечесан-

[1] Гниломедов В. Война. Минск: Белорусская наука, 2014. С.42. (на белорус. яз.)

[2] Исследователь А. Новосельцева отмечает: «Показательно выделены репрезентативные образы, как сквозные герои романной серии, так и герои-типы военного времени, в чем проявляется морально-этическое, гуманистическое, общефилософское содержание концепции писателя» [13, с.180-181].

ный лен и нити из него, растительная культура, подчеркивающая национальный колорит. Во втором значении «кужаль» – полотно из льняных нитей, из которого изготавливалась традиционная одежда белорусов, а также изделия домашнего обихода (полотенце, скатерть, постельные принадлежности). Сам писатель в одном из интервью по поводу символической фамилии главного героя Леона отмечает: «Кужаль – это ткань, особенно тонкая льняная ткань, которую используют для стирки. Его делают из особых ниток: соткут, отбеливают, замачивают, ходят, топчут, чтобы он был мягче, сушат, держат на ветру... И он сохраняет тепло льна, мягкость, нежность женщины, которая его соткала. Такая всеобъемлющая белорусская концепция – хорошая аллегория, символ. Архетип»[1].

Кужаль также символизирует духовный купол, защиту семьи. Кужаль – полотно, под которым человек чувствует себя комфортно. Представители старшего поколения Леон и Фекла Кужали показаны своеобразными опекунами и защитниками как членов своей семьи, так и тех, кто обращается к ним за помощью. Особое внимание уделяется внуку Володику, который хоть и не связан по крови с дедушкой Леоном, но воспитывался в духовной среде семьи. Забота и чувство защищенности, передаваемые через невидимое силовое поле рода Кужалей, – все это оказало влияние на становление личности Володи Платонова.

Кужаль, символизирующий сохранение семьи, исторической памяти, является своеобразным духовным ковчегом. На первых страницах романа «Правда живет посередине» слова дедушки Леона Кужаля, который отправляет внука в город учиться и приобретать профессию, отражают моральные установки семьи, народную мудрость: «Первый шаг нужно сделать самому, а дальше позволить судьбе вести тебя. Учись, работай! Не причиняй никому вреда! В жизни будут трудности, они никогда не проходили. Ошибки, неудачи, неудобства. Это дополнительный стимул для человека, без него он превратился бы в бревно. Не спеши заводить друзей, сначала присмотрись к тому, что это за человек. Хотя жизнь показывает, что друзей не выбирают, все происходит само собой, и друзей не так много... <...> Никому не завидуй, не отчаивайся, не вешай нос. Верь в себя. Не ленись. Слушай свой внутренний голос, делай то, что он тебе говорит. Все будет хорошо»[2].

Целесообразно также упомянуть про выдающуюся сцену из романа «Война», где показано как на подсознательном уровне транслируются и передаются молодому поколению вечные ценности – любовь, верность, семья, любовь к труду, к родной земле. Осенью Леон и Фекла вместе с внуком Володиком пошли в лес собирать опавшую листву для погреба, где зимой хранились овощи, потому что урожай вымерзнет, если не прикрыть настилом из листвы.

В лесу подстилка из осенних листьев на земле напоминает яркое одеяло, которое накинула земля перед зимним сном. Умиротворенность ощущается в природе и в поведении и разговорах людей. В это время маленький Володя наблюда-

[1] Владимир Гниломедов: «Оставаться собой...» / сост. Н. Микулиіч. Минск: Четыре четверти, 2012. С.355. (на белорус. яз.).

[2] Гниламедов В. Правда живет посередине. Минск: Белорусская наука, 2022. С.4 (на белорус. яз.).

ет за искренними отношениями бабушки и дедушки, и несмотря на то, что где-то идет война, в этот момент у героев такое ощущение, будто время остановилось под так называемым осенним одеялом из опавших листьев. и все возвращается на круги своя. Перед нами целая жизненная поэма о вечности и бессмертии рода и семьи.

Таким образом, гепталогия В.Гниломедова затрагивает важные вопросы сохранения исторической памяти, понимания сущности человеческого существования, проявления особенностей национального характера. Ценность семьи, родной земли, важность выбора своего пути в полифонии мнений показаны с помощью кода кужаля, символизирующего человеческие судьбы, которые объединены общей историей народа.

Ряд исследователей подчеркивают архетипическую основу культурных кодов (А.Маркова, В.Маслова, М.Пименова и др.). В творчестве белорусского писателя Ивана Шамякина целесообразно выделить код полесской мадонны, для которого, с одной стороны, характерно архетипическое начало, с другой стороны, подчеркивается национальный колорит. Особенности отображения художественного образа матери в творчестве И.Шамякина представлены в работах белорусских исследователей Д.Бугаева («Образ матери и вообще женщины в произведениях Ивана Шамякина»), Г.Давыдовой («Любовь к матери сильнее смерти: образ женщины-матери в произведениях Ивана Шамякина»), Н.Давыдовской («Образ Мадонны в прозе Ивана Шамякина и Виктора Казько: по мотивам повестей «Полесская Мадонна» и «Спаси и помилуй нас, черный аист»), Т.Шамякиной («Мать писателя: о Синклете Степанавне Шамякиной») и др.

Среди произведений конца XX века И.Шамякина, в которых наиболее ярко проявляется код полесской мадонны, – повести «Полесская мадонна» (1996), «Славься, Мария!» (1998).

В эпическом произведении «Полесская мадонна» события разворачиваются в период 1990-х годов, кризисного времени для экономического состояния постсоветских республик, благосостояния населения. Все мысли героини повести многодетной матери Надежды Русак, которая живет в полесской деревне, работает на ферме, не получая вовремя зарплату, заняты детьми. Антиподом Надежды является президент агрофирмы Валерьян Попович, ратующий за собственное благополучие и позиционирующий себя своего рода хозяином ситуации. Такие черты героини повести, как жизнестойкость, самопожертвование ради детей, материнская забота, проявляются в разных ситуациях: в каждодневной заботе о детях, в поисках сына поехала просить помощи у представителей государственной власти, готова принять обездоленного чужого ребенка в свою семью.

«Чем накормить детей?» – рефреном звучит этот вопрос на протяжении всей повести «Полесская мадонна»: «Надежду разбудил первый петух. Он громко кричал, наверное, на заборе, который отделял их двор от соседского. Не сразу забылось то, что она видела во сне. А снилась ей еда – гора еды: мясо, сало, сметана, лук, капуста... Мучительный сон. Казалось бы, что такого плохого в том, что снится такое богатство? А страшно то, что в доме пусто и голова забита одними мыслями: чем накормить детей? Поэтому и снится каждую ночь огонь в

печи и множество чугунков и горшков, которые лижет пламя. И гора продуктов на столе. Крик петуха и рассвет, льющийся в окна их бедного дома, вернули Надежду в горькую реальность. Пробуждение всегда приносило страх, после такого сна он был особенно острым. Чем накормить детей? Боже мой! Она вспомнила, что сегодня в доме нет даже буханки хлеба. Ужас»[1]. Дети для Надежды – наибольшая ценность. Вместе с тем прозаик в канву произведения включает факты, которые свидетельствуют о том, что этот образ вовсе не идеальный. Для того чтобы накормить детей она способна на многое, даже на воровство: принести домой молоко с фермы, тихонько выкрасть яйца у соседки и др. Показывая такие ситуации, автор невольно подталкивает читателя скорее оправдать свою героиню, так как главный мотив ее поступков – накормить детей. В целом, в повести затрагиваются проблемы падения морали, приведены разные ракурсы оценки поведения, поступков персонажей повести. Первый – оценка поведения и поступков с точки зрения «советского» морального кодекса, в котором ценились трудолюбие, скромность, интеллигентность. Второй – это позиция, характерная для времени перестройки, свободолюбивых, вместе с тем по-нигилестски настроенных людей. И, наконец, третий ракурс, христианское мировоззрение.

Вершиной материнской любви и почитания в христианском обществе является образ Марии. С христианским началом, сакрализацией образа женщины связано символическое название повести «Славься, Мария!». В автобиографическом произведении образ Марии Филатовны Шамякиной, прототипом к которому являлась жена писателя, также связан с кодом полесской мадонны. В произведении, с одной стороны, отмечается возвеличивание любимой женщины, матери, с другой стороны, показаны черты белоруски: трудолюбие, заботливость, скромность, терпеливость. В своих воспоминаниях писатель отмечал: «В своих более ранних воспоминаниях я не раскрывал читателю историю типов и прототипов, мне казалось, что это ослабит эмоциональное воздействие: описал свою жену! Но все равно вдумчивые литературоведы, такие как Иван Науменко, Андрей, это читали. Теперь, когда Маши не стало, я не думаю, что история нашей любви и жизни что-то “украдет” из произведений искусства. Возможно, наоборот. У молодых читателей, особенно изучающих литературу, оно должно вызывать повышенное внимание и интерес, давать представление о том, как рождается художественное произведение. Самого дорогого мне Человека я писала под другими именами, помещая ее в различные ситуации, не существовавшие в действительности, которые были созданы автором. Без этого не было бы художественного произведения. Я обязан написать о ней живой, настоящей, какой она была – очень простой, земной и в то же время необыкновенной. Не буду повторять своих героинь, кроме одной – Саши Трояновой: в “Неповторимой весне”, в “Мосте” много биографического. Но такое повторение меня не

[1] Шамякин И. Собрание сочинений: в 23 т. Т.7. Рассказы, 1996-1998 / подгот. тексты и камень. Н.Гальго, В.Назарова, А.Шамякина; Национальная академия наук Беларуси; Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы. Минск: Худ. лит-ра. С.1 (на белорус. яз.) (в дальнейшем ссылка на это издание с указанием страницы).

пугает и не может остановить»[1]. Среди ярких женских образов в эпических произведениях советского периода И.Шамякина – образ Саши Трояновой в пенталогии «Тревожное счастье», образ Татьяны Маевской в романе «Глубокое течение», образ Тоси Батрак в романе «Возьму твою боль», образ Поли в романе «Атланты и кариатиды», образ Галины Адамовны в романе «Сердце на ладони» и др.

В целом, образ Марии в повести «Славься, Мария!» многоплановый. Это символ чистоты и целомудренности («Теперь я уверен: долговечность нашего брака (пять военных лет разлуки) определялась нашим стремлением “к полному целомудрию”. Такое было воспитание крестьянских детей – природное. А лучшие чувства воспитывала классическая литература. Я глубоко переживаю, что мои внучки, увлеченные современной низкокачественной литературой, пошлым кино, не понимают волшебной силы классики. А ведь есть у них еще природное целомудрие – от бабушки, от матери!»[2]), доброты, любви и красоты («После того, как я провел в последний путь мою незабвенную Машу, жену и лучшую подругу, я читаю у Бунина, кажется, в “Деревне”, герой читает в священной книге (нет, правда, примечания, из какого это Евангелия или апостольского послания): “Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть и вижу в гробе лежащую по образу божию созданную нашу красоту, безобразную, безгласную, не имеющую вида...»”. Очень впечатлило, но согласится, что лежало в гробу безобразное, я не мог и не могу, хотя вчера прошли сороковины. И в гробу, через семь месяцев (как был поставлен диагноз) тяжёлой неизлечимой болезни – лейкемии – она для меня была прекрасной. Холодею при мысли о могиле»[3]), верности, сопереживания и преданности человеку, с которым вместе можно пройти через всю жизнь («Помню, из-за упрямства или из-за еще чего-то, что в Пыхони некому было стричь волосы, я отложил эту процедуру. А потом Солодкий принес большие ножницы – говорили, овечьи – во время перемены усадил меня на табуретку и начал сам стричь. Директор был слабым психологом: он понятия не имел, насколько это обидно для пятиклассника... Перед всем классом! Большинство учеников злорадно смеялись – дети жестокие – и отпускали саркастические шутки: «Стригут, как барана». И только одна худенькая девочка не смеялась, она стояла напротив, лицо ее выражало боль, как будто ее саму стригли, и в ее широких, как будто удивленных глазах, стояли слезы. Это была Маша. Она сочувствовала мне, жалела меня, может быть, по-матерински. Ее сострадание тронуло мое «ожесточенное» сердце. Растроганный, я едва мог удержаться от слез. И, помню, я подумал: «Это единственный настоящий друг. Дороже, чем моя сестра. Теперь ей одной буду показывать решение задач»[4]). Литературовед А.Бельский отметил: «Читая повесть, можно почувствовать, как сердце писателя наполняется чувством безграничной любви и уважения к своей жене, которая для

[1] Там же. С.331.
[2] Там же. С.353.
[3] Там же. С.328.
[4] Там же. С.335.

него – богиня, святая... Для писателя Мария Филатовна была добрым ангелом, который оберегал и защищал, она, как теплое солнце, освещала его земной путь» [2, с.27].

Словосочетание «полесская мадонна» в повестях «Полесская мадонна», «Славься, Мария!» И.Шамякина приобретает определенный смысл, который развертывается в знаковых формах «мадонна», «Ave, Maria!», «Мария», «мать», «полесская», с учетом контекста транслирует духовное начало, вместе с тем в фокусе оказываются особенности белорусской ментальности. Как следствие такой детализации – преобразование «образа персонажа»: речь идет не только о героинях Надежде Русак и Марии Филатовне, а о коде «полесская мадонна», с которым с одной стороны, связаны характеристики жизнестойкого, жертвенного, окутывающего материнской любовью человека, с другой стороны, раскрываются черты белорусской женщины: преданной и заботливой, неспешной и терпимой, чтящей традиции целомудренности, единения семьи, вместе с тем не лишенной человеческих слабостей.

Код «полесская мадонна» выступает своего рода катализатором к осмыслению реципиентом идейного ядра повестей «Полесская мадонна», «Славься, Мария!».

Анализируя эпические произведения современных белорусских писателей Алеся Бадака (повесть «Нелюдимый» (2023)) и Владимира Гавриловича (романы «По вере вашей…» (2022), «Люби ближнего своего…» (2023)) целесообразно обратиться к рассмотрению кода «дараванне» (на белорусском языке). Данное слово в переводе на русский язык имеет два значения: прощение (отпущение) и дарование.

Код «дараванне» в романах В.Гавриловича связан с созидающей силой прощения своему обидчику: такие ситуации показаны не только в далеком прошлом, но и на острие последних событий 2020-х годов («Евгений Кавенька был очень взволнован, но нашел в себе силы и сам подошел к Виктору, обнял его, как сына. Тот вдруг судорожно заплакал на его плече: всю дорогу от Минска Виктор боялся этой встречи, он не знал, как ему встретиться лицом к лицу с человеком, которого он так обидел»[1]).

Художественное время в романах В. Гавриловича направлено не только на современность (события, которые происходят в 2020-2021 годах, – «По вере вашей…», а также в 2022-2023 годах – «Люби ближнего своего…»), но и в прошлое – десять столетий назад. Главный герой двух романов – писатель Евгений Кавенько, наделенный качествами доброго незлопамятного человека, пишет роман, в котором по задумке прототипами героев выступают его предки из славного рода Букиничей. Персонажи романов «По вере вашей…», «Люби ближнего своего…» В.Гавриловича проходят тяжелый путь очищения.

В повести «Нелюдимый» Алеся Бадака наблюдаем органичное сочетание реального и нереального, мажорные и минорные ноты воспоминаний главного героя повести. На склоне жизни Захар Коваленко живет в родной опустевшей де-

[1] Гаврилович В. На вере вашей...: Роман-версия. Минск: Звязда, 2022. С.315 (на белорус. яз.)

ревне, где тяжесть пережитого очевидна, и практически каждая деталь «намекает» на события прошлого. Он старательно ухаживает за могилой матери и любимой Верки. Практически сорок лет прожил с матерью, так и не испытав семейного счастья, ведь любимая Вера вышла замуж за другого, однако светлое чувство к ней он пронес через всю жизнь. Одно из последних его желаний – быть похороненным рядом с ее могилой. Код «дараванне» в повести в первую очередь связан с народной мудростью, транслируемой Захаром – в доброжелательном отношении к ближнему («Каждому человеку Богом дано значительно больше, чем он использует или догадывается про это. Когда человек не может не помочь, так как у него такое сердце, это уже есть проявление дара. А какие у него есть возможности и как помочь, – не самое важное»[1]). С другой стороны, код «дараванне» связан с необычными способностями главного героя произведения, с даром лечить людей, полученным от матери («Материнский дар раскрылся еще в детстве. У ее отца заболел зуб. Так заболел, что хоть ты его выдирай. Тогда она приложила к отцовской щеке свою ладонь, и боль утихла. Назавтра отец запрег коня и повез ее на какой-то хутор – аж в Клецк, а это километров двадцать. На хуторе жила старая знахарка. Она приказала отцу оставаться во дворе, а сама в избе про что-то долго говорила с малой. После вышла во двор, сказала, чтобы отец приехал за дочкой через неделю. Мать никак не поясняла свой дар, только повторяла: то, что зависит от нее самой, может каждый, а что может не каждый, то зависит не от нее, Главное, время от времени повторяла она, не начинать никакую работу с плохими мыслями. Даже дерево, посаженное с плохими мыслями, засохнет»[2]).

Герой произведения Захар не стремился специально развивать свой дар врачевания, но постепенно и к нему стали обращаться за помощью люди, не отказывается он полечить и внучку любимой Веры, которая так напоминала ему свою бабушку. С помощью художественного образа бабочки, смакующей черничный сок, говорится о роли этого дара и уникальной возможности помочь тому, кто обратился к лекарю: «Однажды, когда он стоял на коленях и собирал спелую чернику, на его плечо села бабочка. Это было желтый махаон с синими пятнами и красно-коричневыми глазами на задних крыльях. Старик до сих пор помнит, как тогда он осторожно поднес к бабочке указательный палец, испачканный раздавленной черникой, и робкий махаон, немного подождав, словно обдумавая, принять ли приглашение, наконец, осторожно забрался на этот палец и начал высасывать своим тонким хоботком остатки черничного сока…»[3]. О замысле повести А.Бадак отметил: «Наша литература чаще любит изображать сельских людей чересчур простыми или такими чудаками. И они мудры, и эта мудрость не из книг, а из векового опыта, который до недавнего времени (и на протяжении нескольких веков) передавался из поколения в поколение»[4].

[1] Дарование: рассказы / соавтор и автор вступительных статей А.Карлюкевич. Минск: Аверсев, 2023. С.231.(на белорус. яз.) (в дальнейшем ссылка на это издание с указанием страницы).
[2] Там же. С.233.
[3] Там же. С.200.
[4] Там же. С.194.

В повести А.Бадака «Нелюдимый» код «дараванне» связан со спасением через возвращение к целительным духовным истокам белорусов и их сохранение. Возрождение белорусской деревни писатель связывает с важностью сохранения ценностей семьи, рода, любви и веры.

Неумение простить порождает череду негатива, тему морального выбора подымает Анатолий Козлов в романе «Минск и Ворон. Париж и призрак». Обида может вызвать желание отомстить – с таким искушением сталкивается главная героиня романа Катерина, оказавшаяся в любовном «треугольнике»: по воле Марфочки во время свадьбы умерла невеста князя Севолода Катерина, который впоследствии женился на женщине, совершившей этот тяжкий грех, – Марфочке. Но на этом история не закончилась. Сочетание реалистического и фантастического начала в произведении дает возможность поразмышлять о том, на что были бы направлены желания и действия Екатерины, если бы бывшая невеста получила возможность на некоторое время воскреснуть и снова вернуть к жизни. Она выбирает месть. Красавица влюбляет в себя и губит двух потомков Марфочки и Севолода, тем самым прерывая нить рода своих обидчиков. Писатель показал связь истории и вечности, изобразив фантастическую историю, когда смертный человек может выйти за пределы реального времени своей жизни, вернуться из небытия. Но, получив возможность жить снова, он тратит время на месть за предательство и обиду, которую время не может стереть из человеческой памяти. Непрощение порождают дисгармонию, утверждается в романе.

В другом романе А.Козлова – «Юргон» – показано, что месть не может быть оправдана. И вопреки одной силе всегда найдется другая, нейтрализующая ее. Главный герой романа – двадцатипятилетний минчанин Юргон. Писатель нисколько не идеализирует своего героя, наоборот, с первых страниц погружает читателя в его заботы и будни. До того как его сглазили, он вел беззаботную жизнь, тешился «земными радостями», о которых мечтают его сверстники: жизнь в столице, собственная квартира, симпатии девушек. Свобода героя произведения от моральных норм провоцирует действия, приносящие страдания другим людям. Одна из его возлюбленных, Френя, не прощает безразличия Юргона к ее чувствам, потерявшего к ней интерес, что почувствовалось сразу после жаркого свидания, решает отомстить, обратившись к ведьме Олимпиаде, после чего у Юргона обнаружился недуг. На помощь юноше приходит отец соседки, знахарь, отвевший беду от молодого человека и вернув его к полноценной жизни, вместе с тем проблемы со здоровьем начались у Френи. Непрощение и обида могут стать разрушительными не только для того, кого не простили, но и для человека, не смогшего быть выше своей обиды, утверждается в произведении.

В 2021-2022 гг. вышли в свет романы А.Козлова «Единственный оттенок серого», «Открытка», «Благодетель». Основное внимание в этих произведениях направлено на показ психологического состояния человека в сложной ситуации выбора. Героиня романа «Единственный оттенок серого» Анна для того чтобы избежать наказания убегает с двумя сыновьями в лес, где было тихое место, вдали от человеческих глаз – дом заброшенной деревни, чтобы там наладить свою жизнь. Но надежды на лучшую судьбу оказались напрасными. Один из сыновей

погибает в лесу, будучи загрызен волчьей стаей, саму ее настигает погоня. Мучительное психологическое состояние, боль, страх вместе с жаждой жизни нашли отражение в романах «Единственный оттенок серого», «Открытка», «Благодетель», где поднимаются острые морально-этические вопросы: можно ли получить прощение за очень тяжкие грехи, есть ли оправдание матери, которая жертвует своим ребенком, чтобы избежать наказания за свои поступки, может ли благотворительность одного человека породить в другом эгоизм и безразличие к судьбам других?

Код «дараванне» – поиск гармонии в прощении других людей как жизненной созидающей силы личности и получении прощения как награды.

Заключение

Обращение к национальным культурным кодам при интерпретации литературного произведения позволяет подчеркнуть его идейную направленность. Рассмотренные коды «кужаль», «полесская мадонна», «дараванне» связаны с ментальными установка, ценностями, заложенными в мировоззрении белорусов.

Код кужаля связан с белорусской историей. В гепталогии Владимира Гниломедова (романы «Улисс из Пруски», «Россия», «Возвращение», «Васильки на рубеже», «Война», «После войны», «Правда живет посередине») показана жизнь семьи Кужалей – Платоновых из западнобелорусской деревни Пруски в вихре событий XX века. Как из льняных ниток, метафоры человеческих судеб, ткется история семьи, история рода, история народа.

Код «полесская мадонна» связан, с одной стороны, с архетипическим образом матери, с другой, с национальными чертами белорусской женщины. Словосочетание «полесская мадонна» в повестях «Полесская мадонна», «Славься, Мария!» И.Шамякина приобретает определенный смысл, который развертывается в знаковых формах «мадонна», «Ave, Maria!», «Мария», «мать», «полесская», с учетом контекста транслирует духовное начало, вместе с тем в фокусе оказываются особенности белорусской ментальности. Как следствие такой детализации – преобразование «образа персонажа»: речь идет не только о героинях Надежде Русак и Марии Филатовне, а о коде «полесская мадонна», с которым с одной стороны, связаны характеристики жизнестойкого, жертвенного, окутывающего материнской любовью человека, с другой стороны, раскрываются черты белоруски: преданной и заботливой, неспешной и терпимой, чтящей традиции целомудренности, единения семьи, вместе с тем не лишенной человеческих слабостей.

Код «дараванне», рассмотренный на примере произведений А.Бадака («Нелюдимый»), В.Гавриловича («По вере вашей…», «Люби ближнего своего…»), А.Козлова («Юргон», «Минск и ворон. Париж и призрак», «Единственный оттенок серого») связан с поиском гармонии, которая видится писателями в прощении других людей как жизненной созидающей силы личности и получении прощения как награды.

Использования национального кода как ключа к прочтению идейной матрицы эпического произведения позволяет показать особенности национальной картины мира, подчеркнуть специфику авторского стиля, используемый арсенал ху-

дожественно-изобразительных средств, позволяющий транслировать культурные смыслы на эксплицитном и имплицитном уровне художественного текста.

Литература

1. Бабосов Е.М. Культурный код нации: бережное воспроизводство прошлого и устремленность в будущее // Экономика. Социология. Право. – 2023. – №1 (29). – С.35-39.
2. Бельский А. Человек – время – мораль в прозе И.Шамякина о современности // Белорусский язык и литература. – 2005. – №3. – С.22-28. (на белорус. языке)
3. Болдырева Т.В. Типология культурных кодов в драматургии Л.Н.Андреева: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Болдырева Татьяна Владимировна. – Самара, 2008. – 186 с.
4. Велигорский Г.А. «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века. – М.: Ин-т мировой литературы им. М.Горького, 2022. – 379 с.
5. Велилаева Л.Р., Абдулжемилева Ф.И. Культурный код в художественной литературе // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – №6 (91). – С.527-529. doi:10.24412/1991-5497-2021-691-527-529.
6. Додихудоев Х. Поэзия как код культуры таджиков // Известия Института философии, политологии и права им. А.Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. – Душанбе, 2020. – №2. – С.8-11.
7. Жилина М.Ю. Метасюжет судьбы лирического героя в поэзии С.А.Есенина: основные культурно-художественные коды и мотивные комплексы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Жилина Марина Юрьевна. – Омск, 2006. – 211 с.
8. Калугина Л.В. Поэзия Владимира Высоцкого и западноевропейская литература средневековья и возрождения: взаимодействие дискурсов и культурных кодов: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Калугина Любовь Владимировна. – Омск, 2014. – 23с.
9. Кузнецова Е.В. Культурный код в современном гуманитарном дискурсе. Язычество как первооснова культурного кода древних славян // Беларуская думка. – 2023. – №4. – С.79-85.
10. Куликов Е.А. Национальные и культурные коды в романах Дэна Симмонса: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Куликов Евгений Андреевич. – Нижний Новгород, 2018. – 203 с.
11. Локун В., Русилка В. Полеское чудо: очерк жизни и творчества Владимира Хниламедова. – Минск: Белорусская наука, 2022. – 180 с. (на белорус. яз.)
12. Мельникова А. М. Национально-мировоззренческие координаты белорусской литературы первой трети XX века. – Гомель: ГГУ им. Ф.Скорины, 2016. – 214с. (на белорус. яз.)
13. Новосельцева А.В. Жанр романа в белорусской литературе второй половины XX – начала XXI веков. – Витебск: ВДУ, 2020. – 267 с. (на белорус. яз.)
14. Романов А.А. Культурные коды в лирике Е.Шварц: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Романов Андрей Андреевич. – Саратов, 2021. – 217 с.
15. Трубецкова Е.Г. Морбуальный код русской литературы XX-XXI вв.: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Трубецкова Елена Геннадьевна. – Саратов, 2022. – 477 с.
16. Хазбулатов А., Султанова М. Культурный код нации в концептуальном понимании современной культурной политики Казахстана // Адам әлем. – 2015. – № 3-4(65–66). – С.85-94.
17. Халатинска-Вертеляк Х. Культурный код в литературном произведении. Интрепритаця художественных текстов русской литературы XIX и XX веков. – Познань, 2002. – 237с.
18. Шалодонов И. Сосна как символический код и формирование романного мышления И.Навуменки // За кулисами творческой мастерской Ивана Науменки / С.С.Лавшук и др. – Минск: Белорусская наука, 2020. – С.164-184 (на белорус. яз.).

RECEPTION OF NATIONAL CODES IN THE INDIVIDUAL-AUTHOR PARADIGM
(Based on the example of epic works of modern Belarusian writers)

Duktova Liubou Georgievna

Candidate of philological sciences, associate professor,
senior researcher of the department of Belarusian literature of the
20th and 21st centuries
State scientific institution "Center for research of Belarusian culture, language and literature of the National Academy of sciences of Belarus"
220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganov str. 2, bldg 1
Ph.: +3752 97 46 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

The identification of cultural codes in the interpretation of literary works is one of the ways both to reveal their ideological orientation as a whole, and to convey certain cultural meanings manifested in the artistic canvas of the work at an implicit level with the help of characteristic images and motifs. The color codes related to the white-black-red triad are associated with the semiotization of a person's life path from birth to death. On the example of the epic works of U.Gnilomedov, I.Shamyakin, A.Kozlov, U.Gavrilovich and other Belarusian writers examined the peculiarities of the national ideological position in relation to the issue of national identity, in which the artists of the word turn to cultural codes. For example, with the help of the Kuzhel code, the value of the family, the genus, and the native land in U.Gnilomedov's heptology is shown. The linen canvas symbolizes human destinies uniting into a common history of the people, under the cover of the family, the native land, a person feels most comfortable, safe and happy. Taking into account the fact that cultural codes act as culturally soluble elements of the national cultural space, a definition of the concept of the national cultural code as a semiotic unit is proposed, which is the bearer of cultural meanings concerning certain cultural universals (kinship, cosmology, attitude to power, calendar, etc.), which are represented in elegant writing with the help of artistic images and motives. At the same time, values and ideals reflected in the works of literature, behavioral patterns allow us to determine the features of the national ideological position.

Keywords: national code; epic works; Belarusian literature; image; modern literature.

ҚАБУЛ КАРДАНИ РАМЗҲОИ МИЛЛӢ ДАР ПАРАДИГМАИ ФАРДИИ МУАЛЛИФ
(дар мисоли асарҳои эпикии нависандагони муосири Беларус)

Дуктова Любов Георгиевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
ходими калони илмии шӯъбаи адабиёти белоруси асрҳои XX ва XXI
Муассисаи давлатии илмии "Маркази тадқиқоти фарҳанг,
забон ва адабиёти Беларус,
Академияи миллии фанҳои Беларус»
220072, Ҷумҳурии Беларус, Минск, кӯчаи Сурганов, х. 1, кор. 2
Тел.: +3752 97 46 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Муайян кардани рамзҳои фарҳангӣ дар тафсири осори адабӣ яке аз роҳҳои ошкор кардани самти идеявии онҳо дар маҷмӯъ ва интишори мазмунҳои муайяни фарҳангӣ мебошад, ки дар мазмуну мундариҷаи бадеии асарҳо дар сатҳи имплиситӣ бо ёрии образу мотивҳои хос зоҳир мешаванд. Дар мисоли осори эпикии В.Гниломедов, И.Шамякин, А.Козлов, В.Гаврилович, Я Сипаков ва дигар адибони белорус хусусиятҳои мавқеи ғоявии миллиро вобаста ба масъалаи худшиносии миллӣ таҳқиқ намуда, дар нишон додани он насрнависон ба рамзҳои фарҳангӣ мурочиат мекунанд. Масалан, дар гепталогияи В.Гниломедов маънои оила, авлод, сарзамин бо ёрии рамзи кужал (матои ҳарири катон) нишон дода шудааст. Матои катон тимсоли сарнавишти инсон аст, ки онро таърихи муштараки мардум дар ҳифозати оила ва сарзамини зодгоҳаш муттаҳид мекунад, инсон худро аз ҳама осуда, бехатар ва хушбахт ҳис мекунад; Бо дарназардошти он, ки рамзҳои фарҳангӣ унсурҳои фарҳангсози фазои миллӣ-фарҳангӣ мебошанд, мафҳуми рамзи фарҳангии миллӣ ҳамчун воҳиди семотикӣ, ки барандаи маъноҳои фарҳангӣ бо умумиятҳои универсалии муайяни фарҳангӣ (пайвандҳои оилавӣ, кайҳоншиносӣ, хусусиятҳои идоракунӣ ва ғ.) алоқаманд аст, пешниҳод карда мешавад, ки дар адабиёт бо ёрии образҳо ва нақшҳои бадеӣ муаррифӣ мешаванд, дар ҳоле ки хусусиятҳо ва рафтори адабиро дар асарҳо инъикос мекунанд, дар айни замон арзишҳои адабӣ ва ҷаҳонбинии миллиро муайян мекунанд.

Калидвожаҳо: рамзи миллӣ; асархои эпикӣ; адабиёти белорус; тасвир; адабиёти муосир.

УДК 378.15

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМ БЛАГОДАРНОСТИ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ И КУЛЬТУРАХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Салоев Азиз Тошмуродович

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 620 42 12
saloev_aziz@mail.ru

Калинина Юлия Михайловна

Кандидат филологических наук
заведующий кафедрой русского языка №4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 787-38-03 доб. 1515
kalinina_yum@pfur.ru

Свешникова Ольга Андреевна

Кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры русского языка №4
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 787-38-03 доб. 1515
sveshnikova_oa@pfur.ru

Слова благодарности присутствуют во всех языках и являются обязательной частью вербальной и невербальной коммуникации. В статье проанализированы наиболее распространённые формы выражения благодарности в русском и таджикском языках с целью их сопоставления с культурой носителей определённого языка и сравнения между собой. Русский и таджикский языки были выбраны в качестве сопоставления неслучайно, поскольку развивающиеся экономические связи стран приводят к более частому взаимодействию этих неродственных и практически лишённых общих элементов разных языков и культур. Формы выражения благодарности в раз-

ных языках являются не только проявлением этикета, но и имеют определённое значение, понятное каждому носителю языка.

Ключевые слова: лингвокультурология; благодарность; формы выражения благодарности; этикет; культура; межкультурное общение; межкультурная коммуникация; вербальная коммуникация; невербальная коммуникация.

Лингвокультурология является междисциплинарным научным направлением, активно развивающимся и популярным благодаря своей практической направленности. Она может изучаться в двух аспектах: узком и широком. В более узком понимании лингвокультурология берёт своё начало из идей, предложенных Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым [6]. В более широком смысле лингвокультурология включает в себя «всю область изучения связи между языком и культурой, в том числе прикладные аспекты, как, например, лингвокультура и сравнительная лингвокультура, а также теоретичекие направления, такие как когнитивная лингвистика, логоэпистемология, концептология и другие» [13, с.143].

Лингвокультурология обладает значительными возможностями для лингводидактических исследований. Лингвокультурологический анализ представляет собой один из подходов к описанию важных культурных особенностей и является «комплексным процессом, включающим в себя общий филологический анализ, подразумевающий использование методов жанровой оценки лингвистических средств и анализа идейного содержания текста, а также концептуальный анализ, целью которого является воссоздание определённого сегмента языковой картины мира» [9, с.6].

Лингвокультурологический анализ текста включает в себя рассмотрение следующих аспектов: «культурно-идеологического содержания, структуры и языковых особенностей» [21]. Исследование культурно-идеологического содержания текста представляет собой описание идеи автора текста при помощи лингвокультурных универсалий, присутствующих в тексте; описание структуры текста дает ключ к пониманию внутренней структуры текста и системы лингвокультурных универсалий; при рассмотрении языковых особенностей текста анализируются языковые единицы как средства передачи культурной информации. «Определение своеобразия функционирования лингвокультурных универсалий, осознание <...> культурной ценности текста, уникальности отражённой в нем лингвокультурной ситуации» является целью лингвокультурологического анализа [21, с.115].

Методика лингвокультурологического анализа языковых единиц в аспекте прикладной линвокультурологии представляет собой следующую последовательность действий: «1) сплошная выборка языковых единиц, актуализирующих тот или иной концепт или лингвокультурему; 2) параметризация данных единиц; 3) построение концептуального каркаса; 4) выявление базовой единицы и соотнесение ее с культурным стереотипом» [5, с.27].

Такие элементы духовной культуры, как национальная специфика, символика, традиции и ценности, ритуалы и обычаи являются неотъемлемой частью каж-

дой культуры, воплощают её уникальность. Данные аспекты являются лингвокультурной составляющей при изучении любого языка как средства межкультурной коммуникации.

Паралинвистика – область лингвокультурологии, которая изучает невербальные средства коммуникации, также должна учитываться при обучении межкультурной коммуникации, поскольку, как известно, «50% передаваемой и получаемой информации несут именно мимика и жесты» [14, с.90]. Если говорить о языке как средстве межкультурного общения, то необходимо понимать, что при коммуникации на иностранном языке жесты, мимика, позы, расстояние между собеседниками и т.д. в каждой культуре имеют определённые значения и должны соответствовать условиям общения.

Невербальная коммуникация обладает специфическими свойствами – она передаёт не только настроение собеседника, его физическое и душевное состояние, взаимоотношения между говорящими, а также является продолжением и подтверждением вербального высказывания и обладает значительной национально-культурной окраской. Так, например, в России не принято улыбаться незнакомым людям, потому что такое действие не считается рядовым проявлением вежливости, а расценивается как проявление искренней симпатии к конкретному человеку [17, с19]. Таким образом, можно говорить о целесообразности поиска путей обучения невербальной коммуникации как аспекту межкультурного общения [13, с.143].

По мнению Мамонтова культура играет важнейшую роль, как в ее материальных проявлениях, так и в духовных, которые зачастую неотделимы друг от друга. Культурная специфика должна быть ключевым элементом для межкультурного общения и обучения ему, наравне с языком, выражающим эту специфику [12, с.144]. И это проявление культуры выражается в том числе в форме благодарности при коммуникации людей, представляющих разные культуры.

Исследования благодарности как проявления не просто вербальной коммуникации и отражения речевого этикета (А.А.Акишина, Н.И.Формановская, В.Е.Гольдин, А.Г.Балакай, В.В.Дементьев, Т.Г.Михальчук и др.), но и средства межкультурного общения (А.А.Леонтьев, С.Г.Тер-Минасова, Ли Сюзянь и др.) проводились многими исследователями.

Английский писатель Томас Фуллер утверждал: «Благодарность – малейшая из добродетелей, неблагодарность – худший из пороков». Действительно, различные формы выражения благодарности окружают человека на протяжении всей его жизни, являются показателем уровня его культуры, проявлением уважения к окружающим и просто этикетной нормой поведения в социуме. «Благодарность – это своего рода мерило социальной эмпатичности. При разрушении смыслов и значений «благо дарения» теряется невидимая связь норм и ценностей и их проявления в повседневной жизни» [16, с.73]. Именно поэтому слова благодарности присутствуют во всех языках, являясь обязательным элементом вербальной и невербальной коммуникации. В данной статье авторы проанализировали некоторые наиболее распространённые варианты форм выражения благодарности с целью соотнесения их с культурой говорящего на определённом язы-

ке народа и сопоставления между собой. В качестве материала для исследования были выбраны русский и таджикский языки – как неродственные друг другу, практически лишённые общих элементов и свойственные разным культурам.

Формы выражения благодарности в различных языках являются не просто выражением этикеты, но и несут определённое значение, понятное всем носителям языка. Обратимся к значению слова благодарность в русском языке. Это слово многозначное: «1) чувство признательности за оказанное добро, внимание; 2) слова, выражающие признательность; 3) официальная положительная оценка чьего-л. труда, деятельности» [18].

Чувства благодарности и признательности возникают при ответной реакции на доброе отношение или внимание со стороны другого человека или людей. Чувство благодарности – многокомпонентное и сложное чувство, проявляющееся в результате эмоций и чувств, которые испытывает человек при оценивании ситуации. Чувство благодарности может реализовываться в официальных и неофициальных формах и адресовано конкретному человеку, группе лиц или абстрактным понятиям, например, случаю, судьбе или высшим силам. Проявление благодарности имеет этикетное, закреплённое в обществе, выражение. Благодарность является проявлением любви, милосердия или долга во многих религиях: добродетель является проявлением благодарности.

Исследователи в области лингвистики рассматривают благодарность как отдельный речевой жанр с устойчивыми композиционными и стилистическими особенностями; различают прямую и косвенную, ритуальную (этикетную) и эмоциональную (личную), мотивированную и не мотивированную, вербальную и невербальную благодарность.

Широко известна концепция благодарности, которую сформулировал И.Кант [10], согласно которой существуют «просто благодарность», то есть чувство признательности, и «деятельная благодарность», предполагающая ответные действия. Согласно Канту, долг благодарности – это моральный долг человека перед самим собой, который не может быть полностью оплачен никакой наградой, так как даритель всегда будет иметь заслугу совершить благодеяние первым.

В речевом этикете есть устойчивые фразы, которые используются для выражения различных намерений. Благодарность – это универсальное и понятное выражение благожелательного отношения отправителя к получателю. Однако, в условиях межкультурной коммуникации она может иметь свои особенности. В этой работе мы рассмотрим намерение благодарности в русском и таджикском языках, сравним разные формы в зависимости от отправителя, получателя, ситуации общения и условий коммуникации.

Как правило, выражение благодарности реализуется в диалогических ситуациях общения. Для выражения намерения благодарности в речевом этикете чаще всего используется диалогическая речь. Этикет, как известно, представляет собой определённые правила поведения людей в обществе.

Как универсальный инструмент поддержания отношений, благодарность является важным речевым актом, обладающим своими культурными особенностями. В данном исследовании мы сравним формы выражения благодарности в рус-

ском и таджикском языках, специфику их применения в официальной и деловой коммуникации, а также рассмотрим примеры эмоционально окрашенных выражений благодарности, различия в формах благодарности в зависимости от получателя и невербальные способы выражения благодарности.

Речевые этикетные формы выражения (прямой) благодарности в русском языке [12]:

(большое, огромное) спасибо (за…),
благодарю (тебя/вас) (за…),
от души ...
от всей души (сердечно) благодарю вас за... –
как я/мы (тебе/вам) благодарен/благодарны,
(я/мы) (так/очень) признателен/признательны тебе/вам за…
Я благодарен вам.
Я благодарен вам за...
Я благодарен вам за то, что...
Буду/будем весьма/очень благодарен/благодарны (тебе/вам) за…
У (меня/нас) нет слов, чтобы отблагодарить тебя/вас за…
Спаси Бог! (редко, как правило, глубоко верующие люди).

Обратимся к значению слова благодарность, благодарить в русском языке. Носителям языка значение слова понятно, это буквально сложение слов благо и дарить, то есть отдавать, дарить что-то хорошее взамен на действие другого человека.

При выражении благодарности на русском языке этикетные формы включают в себя саму благодарность и основание для неё, что и является содержанием речевого жанра: Благодарю за возможность выступить с докладом перед широкой аудиторией. Степени благодарности в русском и таджикском языках имеет сходную систему градации. *Раҳмат – спасибо; Ташаккури зиёд! Раҳмати калон!* (в разговорной речи) – *большое спасибо.*

Краткой формой выражения благодарности в русском и таджикском языках является *спасибо – рахмат*. У данной формулы выражения благодарности нет адресата, она не имеет временных ограничений. Обозначение адресата благодарности в русском языке в разных выражениях различается требованием падежа; ср.: *благодарю вас* (род. п.) и *спасибо вам* (дат. п.). Кроме того, как уже говорилось этикет не запрещает обозначать объект благодарности в форме *за* + вин. пад.: *за услугу.*

В таджикском языке при оформлении падежа адресата также есть различия в ряде выражений: форма *Раҳмат* требует дат. п; форма *Раҳмат* приняла глагольные управление *за* + вин. пад. и для + дат. пад. *За* и *для* переводятся на таджикский как *барои ва бар*. *Раҳмат барои ёрдаматон – спасибо вам за помощь.*

Косвенная благодарность может выражаться с помощью оценки, комплимента. В русском языке примерами косвенной благодарности могут быть такие фразы: *вы/ты так добры/добр (предупредительны / предупредителен, предусмотрительны / предусмотрителен, любезны / любезен), все (было) (так) хорошо / прекрасно / замечательно / великолепно.*

В таджикском языке также часто используются пожелания вместо благодарности. Это один из способов выразить косвенную благодарность. Важно отметить, что пожелание-благодарность обычно адресовано определённому типу получателя. Например, следующая формула благодарности может быть адресована только холостым мужчинам: *Худо як духтари чашмсиёҳ ато кунад – Аллах пусть вам найдёт девушку с чёрными глазами.*

В речевых формулах благодарности в таджикском языке часто упоминается имя Алла как субъекта, воздающего по заслугам. *Худо розӣ шавад – По воли Аллаха; Худо умратро дароз кунад – Пусть Аллах даст вам долгих лет жизни.*

Таджикская культура выражает благодарность через призму религиозных представлений. Аллах, как всемогущий покровитель, дарует исполнение желаний, благополучие, богатство, здоровье и женитьбу на прекрасной девушке – всё это важные аспекты таджикской культуры. Таджики стремятся выражать благодарность даже за незначительные услуги, так как невежливость вызывает чувство дискомфорта, которое, как правило, сильно преувеличено.

Приводимые ниже высказывания также используются только по отношению к холостым мужчинам или к незамужним женщинам: *Худо ба орзуву ҳавасатон расонад – да исполнит Аллах ваши желания; Худо бахтатонро диҳад – да воздаст вам Аллах счастье;*

Следующие формулы благодарности используют как мужчины, так и женщины: *Худо ба дидори ҳамдигар расонад – дай Аллах свидеться ещё раз друг с другом; Худо бар ҳамин рӯзҳо боз расонад – дай Аллах увидеть ещё такие хорошие дни;*

Речевые этикетные формулы часто используются в официально-деловом стиле. Например, оттенок официальности в русском языке имеют следующие высказывания [12]:

Разреши(те) поблагодарить тебя/вас за…

Позвольте выразить (мою/нашу) благодарность за…

Я выражаю свою благодарность кому-либо за...

Выражаем вам большую благодарность за…

Я хочу (хотел бы) поблагодарить вас за...

Мне хочется (хотелось бы) вас поблагодарить за...

Я хочу (я хотел бы, мне хочется, мне хотелось бы) выразить (вам) свою благодарность/ признательность.

Я должен поблагодарить вас за...

Я должен выразить вам благодарность за...

Хотел(и) бы выразить свою благодарность/признательность за…

Должен (должны) поблагодарить тебя/вас за…

Фирма (дирекция, ректорат) выражает благодарность всем сотрудникам за …

Выражение благодарности невозможно без проявления эмоций в той или иной степени. Эмоционально-экспрессивные выражения благодарности в русском языке:

Я так благодарна вам, что нет слов (что нет слов выразить это, что не могу высказать)!

Я до такой степени благодарна вам, что мне трудно найти слова.

Нет слов выразить вам мою благодарность!

Как я вам благодарен!

Я вам так признателен!

Вы не представляете, как я вам благодарен!

Вы не можете себе представить, как я вам благодарен!

Если бы вы знали, как я вам благодарен!

Я вам очень обязан!

Я вам бесконечно благодарен!

Тысяча благодарностей!

Ответом на благодарность в русском языке могут быть следующие выражения:

Пожалуйста.

Не стоит благодарности.

Вы очень любезны.

На здоровье (в ответ на благодарность за угощение).

В таджикском языке эмоционально-экспрессивные выражения зависят от адресата: фактор адресата играет более значительную роль, чем в русском. В таджикском этикете существует множество специальных речевых формул, применимых только к определённым типам адресатов и авторов. Рассмотрим некоторые из наиболее распространённых способов выражения благодарности:

а) выражение благодарности в отношении старших по возрасту или по должности:

Умрат об барин дароз шавад – долгих лет жизнь;

Худо бахтатон диҳад – да воздаст тебе Аллах счастье;

Ба орзую хавасатон расед – да исполнит Аллах ваши желания;

Роҳати мехнататонро бинед – да воздастся вам за ваш труд (смысловой перевод);

б) формулы выражения благодарности верующим человеком:

Худо розӣ шавад – По воли Аллах;

Худо обрӯ дияд – Аллах пусть даст достоинства;

Рӯзи камиро набенӣ – пусть не видать тебе бед; (смысловой перевод)

в) высказывания, использующиеся только среди молодёжи:

Ташаккури зиёд! Рахмати калон! (в разговорной речи) – *Большое спасибо!*;

Раҳмат – Спасибо;

Намеарзад – Не стоит;

Коммуникация предполагает использование не только вербальных, но и невербальных средств коммуникации [1].

Проанализируем несколько примеров, демонстрирующих национальные и культурные особенности жестов. Эти знания важны для успешной межкультурной коммуникации [13, с.145]. В обстановке неформального общения на русском языке используются такие жесты для выражения благодарности, как широкая

улыбка, воздушный поцелуй, рукопожатие, прижимание руки к груди, поклон и похлопывание по спине.

Деловой этикет предполагает использование рукопожатия для поздравления или выражения признательности за социально значимый поступок при вручении наград, дипломов, грамот и так далее. Человек с более высоким социальным статусом инициирует рукопожатие и благодарит или поздравляет от имени определённой социальной структуры (президента, правительства, администрации, ректората, деканата и так далее). Объятья, поцелуи возможны только при близких, дружественных отношениях коммуникантов или при условии равного их социального положения. Поклоны в отличие от невербальной коммуникации таджикского языка в русском этикете используются очень редко.

В таджикском языке также распространены невербальные средства коммуникации в форме жестов для выражения благодарности, включая воздушный поцелуй. Последний жест используется преимущественно молодыми людьми. Приведём примеры:

а) поцелуй и объятия:

Фирӯз субҳ аз хобаш бедор шуд, як дучархаро дор хона дид. Ба ҳаяҷон даромад ва аз модараш пурсид. Ин дучарха барои ман?

Ҳа, гуфт модараш.

Фирӯз аз ҷояш хест ва модарашро ба оғӯш гирифт ва бӯсид.

Перевод:

Фируз, утром как только проснулся, увидел велосипед. Он разволновался и спросил: – Это велосипед мне?

Да, ответила мама.

Фируз встал с кровати, побежал к маме, обнял её и поцеловал.

б) рукопожатие:

Баъд аз ғолиб шудани Алӣ дар мусобиқа, дӯстон даст дароз карда варзишгарро табрик намуданд. – После того, как Али выиграл на соревновании, его друзья поздравили его протягивая руки.

в) поклон: *Арӯси нав ба ҳамаи меҳмонон салом дод. – Новая невеста поклонилась перед гостями.*

Сопоставляя формулы речевого этикета в русском и таджикском языках, можно выявить различия между ними. Национально-культурные особенности поведения людей включают как общие черты, так и уникальные особенности, характерные только для определённого народа.

Для предотвращения недопонимания или конфликтов важно понимать правила межкультурного общения, особенно те, которые касаются речевого акта благодарности. Следует помнить, что этот речевой акт служит, прежде всего, для демонстрации позитивного отношения и оценки действий другого человека. Также он помогает установить гармоничные отношения между собеседниками и создать комфортную атмосферу общения. Этот речевой акт также является элементом этикета.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). – СПб.: Златоуст, 1999. – 472 с.
2. Акишина А.А. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановед. слов / А.А.Акишина, Х.Кано, Т.Е.Акишина. – М.: Рус. яз., 1991. – 144 с.
3. Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принцип его лексикографического описания. – Новокузнецк; НГПИ, 2002. – 228 с.
4. Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета: Свыше 4000 этикетных слов и выражений. – М.: ООО «Изд-во «Астрель»: ООО «Изд-во «АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 681 с.
5. Василюк И.П. Лингвокультурологическое исследование национальной (русской) языковой личности: на материале афористики: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Василюк игорь Петрович [Рос. ун-т дружбы народов (РУДН)]. – М., 2004. – 217 с.
6. Верещагин Е.М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании рус. яз. как иностранного: метод. руководство / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1990. – 246 с.
7. Гольдин В.Е. Русский язык и культура речи. – 2-е изд. / В.Е.Гольдин, О.Б.Сиротинина, М.А.Ягубова. – М.: УРСС, 2002. – 211 с.
8. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и этикетные смыслы // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А.Кормилицыной, О.Б.Сиротининой. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С 196-204.
9. Игошина О.А. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста при обучении русскому языку немецкоязычных студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Игошина Оксана Алексеевна [Рос. гос. пед. ун-т им. А.И.Герцена]. – СПб., 2003. – 18 с.
10. Кант И. Основы метафизики нравственности. – М.: ООО «Изд-во «АСТ», 2023. – 384с.
11. Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная дисциплина. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С.5-14.
12. Ли Сюзянь. Концепты «благодарность» и «извинение» в языковой картине мира русских: с точки зрения носителя китайского языка и культуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ли Сюзянь. – М., 2006. – 186 с.
13. Мамонтов А.С. Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации // Русистика. – 2019. – Т.17. – №2. – С.143-156. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-143-156.
14. Мамонтов А.С. Язык и культура на уроках в иностранной аудитории (на материале невербальных средств коммуникации): сборник научно-образовательных материалов для учителей русского языка московских школ / сост. Н.В.Кулибина. – М.: Гос. ИРЯ имени А.С.Пушкина, 2010. – С. 89-98.
15. Михальчук Т.Г. Речевой этикет в русской художественной литературе: монография. – Могилев: МГУ им. А.А.Кулешова, 2005. – 428 с.
16. Полюшкевич О. А. Философия благодарности // Гуманитарный вектор. – 2017. – Т.12. – №1. – С.67-74. DOI 10/21209/1996-7853-2017-12-1-67-74.
17. Прохоров Ю.Е. Русское коммуникативное поведение / Ю.Е.Прохоров, И.А.Стернин; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина. – М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 2002 (Информ.-учеб. центр Гос. ин-та рус. яз. им. А.С.Пушкина). – 277 с.
18. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П.Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 797с.
19. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. – Воронеж, 2000. – 27 с.
20. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е изд., дораб. – М: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

21. Шаклеин В.М. Лингвокультурная ситуация и исследование текста / О-во любителей рос. словесности. – М.: ОЛРС, 1997. – 180 с.

LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF ETIQUETTE FORMS OF GRATITUDE IN DIFFERENT LANGUAGES AND CULTURES (BASED ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES)

Saloev Aziz Toshmurodovich

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 620 42 12
saloev_aziz@mail.ru

Kalinina Yulia Mikhailovna

Candidate of philological sciences
head of the chair of Russian language №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 787 38 03 ext. 1515
kalinina_yum@pfur.ru

Svhnikova Olga Andreevna

Candidate of philological sciences
senior lecturer of the chair of Russian language №4
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 787 38 03 ext. 1515
sveshnikova_oa@pfur.ru

Words of gratitude are present in all languages and are an obligatory part of verbal and non-verbal communication. In the article, the most common forms of expressing gratitude in Russian and Tajik languages with the aim of comparing them with the culture of speakers of a particular language and comparing them with each other have been analyzed. The Russian and Tajik languages were chosen as a comparison not by chance, since the developing economic ties between the countries lead to more frequent interactions between these unrelated and practically devoid of common elements different lan-

guages and cultures. Forms of expressing gratitude in different languages are not only a manifestation of etiquette, but also have a certain meaning, understandable to every native speaker.

Keywords: linguacultural studies; gratitude; forms of expressing gratitude; etiquette; culture; intercultural communication; intercultural communication; verbal communication; non-verbal communication.

ТАҲЛИЛИ ЛИНГВОФАРҲАНГИИ ШАКЛҲОИ ЭТИКЕТИ МИННАТДОРӢ ДАР ЗАБОНУ ФАРҲАНГҲОИ ГУНОГУН (ДАР МИСОЛИ ЗАБОНҲОИ РУСӢ ВА ТОҶИКӢ)

Салоев Азиз Тошмуродович

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 620 42 12
saloev_aziz@mail.ru

Калинина Юлия Михайловна

Номзади илмҳои филология
мудири кафедраи забони русии №4
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчуи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 787 38 03 иловагӣ 1515
kalinina_yum@pfur.ru

Свешникова Олга Андреевна

Номзади илмҳои филология
муаллими калони кафедраи забони русии №4
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 787 38 03 иловагӣ 1515
sveshnikova_oa@pfur.ru

Калимаҳои миннатдорӣ дар ҳама забонҳо мавҷуданд ва ҷузъи муҳими муошрати шифоҳӣ ва ғайривербалӣ мебошанд. Дар мақола шаклҳои маъмултарини изҳори миннатдорӣ ба забонҳои русӣ ва тоҷикӣ бо мақсади муқоисаи онҳо бо фарҳанги гӯяндагони ин ё он забон ва муқоисаи онҳо бо ҳамдигар мавриди таҳлил қарор гирифтааст. Забонҳои русӣ ва тоҷикӣ ба сифати муқоиса тасодуфӣ набудаанд, зеро робитаҳои ривоҷёбандаи иқтисодии байни кишварҳо боиси зуд-зуд ба

амал омадани робитаю муошират мутақобилаи байни ин забонҳо ва фарҳангҳои мухталифи ба ҳам алоқаманд ва амалан аз унсурҳои муштарак мегардад. Шаклҳои изҳори миннатдорӣ бо забонҳои гуногун на танҳо як зуҳури одоб, балки маънои мушаххасе доранд, ки барои ҳар як забони модарӣ фаҳмо аст.

Калидвожаҳо: забоншиносӣ; миннатдорӣ; шаклҳои изҳори миннатдорӣ; одоб; фарҳанг; муошират байнифарҳангӣ; робитаҳои байнифарҳангӣ; муошират шифоҳӣ; муошират ғайришифоҳӣ.

УДК 811.161.1

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «*ЛЮБОВЬ*» В ПОЭЗИИ РУБЕЖА XX-XXI вв. С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ (ЦИФРОВЫХ) МЕТОДОВ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

Половникова Анастасия Юрьевна

Педагог дополнительного образования кафедры русского языка №5
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7(495) 433 53 22 доб. 1521
polovnikova_ayu@pfur.ru

Куриленко Виктория Борисовна

Доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка №5
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7(495) 433 53 22 доб. 1521
kurilenko_vb@pfur.ru

В статье рассматривается трансформация концепта *Любовь* в русском поэтическом дискурсе на рубеже XX-XXI веков. В условиях новых культурных и социальных реалий данного исторического периода *Любовь,* как одна из ключевых ценностей русской ментальности, претерпевает ряд кардинальных изменений, отражающих социально-культурные сдвиги, кризис традиционных идеалов на макросоциальном и личностном уровнях. Целью работы стало выявление семантических изменений данного концепта на основе анализа его репрезентаций в русском поэтическом дискурсе конца XX – начала XXI вв. В качестве основного метода исследования использован компьютерный анализ текстов, что позволило выявить доминирующие смыслы в структуре концепта, а также проследить динамику их трансформации. В результате исследования установлено, что любовь в поэзии рубежа веков часто изображается через призму телесности, страдания и одиночества, что отражает поиски новых духовных ориентиров.

Ключевые слова: концепт *Любовь;* русский поэтических дискурс; семантический анализ; компьютерный анализ текстов.

Введение

Смена исторических эпох, как показывает практика обращения к исследованиям глобальных историко-культурных процессов, неизменно сопровождается

трансформацией культурно-ценностных доминант как мирового, так и отдельного взятого национального сообщества.

Особенно ярко эта тенденция прослеживается на примере XX столетия. Этот век в мировой истории стал периодом бурных и масштабных изменений, обусловленных технологическим прогрессом, интенсификацией и обострением конфликтов (военных, идеологических, социальных), что не могло не найти отражения в политической, экономической, социальной и общественной сферах жизни общества и человека.

В условиях этих изменений наблюдается потребность в более глубоком изучении культурных феноменов эпохи. Культурная сфера рубежа веков претерпела значительные изменения, которые выразились в трансформации восприятия и репрезентации центральных русских духовных ценностей, таких как *Любовь*. Нами предпринята попытка анализа концепта *Любовь*, овнешнителя духовной ценности, с использованием компьютерных методов анализа естественного языка. Эти методы позволили проследить динамику трансформации концептов поэтическом дискурсе и выявить не только количественные изменения, но и глубинные семантические сдвиги в представлении о духовной ценности, что особенно важно в контексте культурных изменений на рубеже XX-XXI веков.

Материалы и результаты исследования

Приступая к анализу общечеловеческих ценностей культуры, необходимо определить понятийный аппарат настоящего исследования: в качестве базовых терминов в нашей работе выступают *культура*, *общечеловеческая ценность*, *концепт*.

В русской гуманитарной традиции культура понимается как специфическая форма национального сознания, отражающая национальную картину мира, в которой собраны представления, ценности, традиции, характерные для данного народа. Именно культура, по мнению Д.С.Лихачева, объединяет людей в народ, нацию. «Культура – это святыни народа, святыни нации» [12, с.354] – писал исследователь. Поскольку культура всегда находилась в поле зрения различных областей гуманитарного знания, к настоящему времени выработано более пятисот дефиниций этого термина в рамках различных научных подходов (предметный, процессуальный, семиотический, функциональный и деятельностный) [9]. Связующим элементом между определениями, предложенными в рамках перечисленных подходов, является главенствующая роль человеческой деятельности в процессе создания и освоения культуры. Так, в основу динамического понимания культуры, которое разрабатывает Н.С.Злобин, положена «творческая деятельность человека и, следовательно, сам человек – субъект этой деятельности» [7, с.27].

Сказанное позволяет заключить, что культура – это процесс создания и освоения человеком духовных и материальных ценностей. Отправной точкой исследований в области культуры, таким образом, является ценность, ориентирующая членов определенного сообщества в выборе наиболее значимых представлений, убеждений и принципов.

Согласно определению, предложенному в Большой российской энциклопедии (БРЭ), ценность синонимична значимости [11]. Определение, данное в Новейшем философском словаре, описывает ценность как концепцию, которая придает культурное и социальное значение объектам и явлениям, при этом подчеркивается вневременной характер ценностей, их способность связывать и осмыслять опыт прошлого, настоящее и векторы развития будущего, а также их роль в формировании духовной культуры нации посредством оценивания. Оценивание становится порождающим фактором ценности: «При любом акте ценностного отношения к действительности, вовлеченной в человеческую деятельность, возникает стандартная ситуация, состоящая из постоянных компонентов: предмет, подлежащий оценке, основание оценки – образец, воплощающий отношение соответствия оцениваемого предмета должному» [20, с.38]. Следовательно, ценность имеет психическую природу и работает со смыслами, которые рождаются как в индивидуальном, так и в коллективном сознании: ценности способны «…семиотизировать пространства человеческой жизни, наделяя все элементы в нем аксиологической значимостью; задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывать смыслы» [4].

Многоуровневое строение ценности подробно описывается Г.П.Выжлецовым [3]. К ее структурным элементам он относит: субъект, объект-носитель ценности, значимость, норма, идеал. Социальные ценности формируются через установление норм и регулируются общественной моралью. Духовные же ценности определяются на уровне соответствия идеалам и особенно часто проявляются в нравственных нормах, искусстве и религии, и берут свое начало в религиозных христианских учениях: «Тема духовности – как проявления духа в человеке – разрабатывалась прежде всего в христианстве. Термин “духовность” происходит от слов “дух”, “душа”» [19].

Одно из важнейших проявлений культуры – язык. Невозможно изучать культуру без языка, хранящего и транслирующего представления народа. Но точно так же нельзя и изучать язык в отрыве от культурного контекста, благодаря которому язык вбирает в себя ценностные и культурные смыслы. Выраженные в языке культурные смыслы фиксируют концепты. Как справедливо отмечает В.П.Нерознак, «концепт национальной культуры – это знаменательный (сигнификативный) образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенной в слове» [17, с.81]. В структуру концепта входит все, «что делает его фактом культуры» [21, с.48]: этимология, ассоциации, фразеология, обряды, тексты и т.п.

Выделенные нами выше характеристики ценностей соответствуют и характеристикам концепта с обязательным условием его языкового воплощения. При этом исследователи ставят оценочный компонент концепта в число его определяющих параметров: оценка явлений и объектов действительности становится базой для оформления концепта. Так же как ценности, концепты могут обладать различной «культурной» значимостью и выстраиваться в иерархические отноше-

ния. Следовательно, существует основание рассматривать концепты как языковое воплощение ценности.

Ценностный компонент представляется исследователям одной из основных характеристик лингвокультурного концепта. Очевидно, это связано с содержанием понятия культуры, фундаментом которого становится ценность: «С культурой мы имеем дело только тогда, когда идеально-духовные ценности, в самом прямом смысле этих слов, реализуются, облекаются плотью, обретают временно-пространственно-протяженное тело» [23, с.101], – пишет Н.З.Чавчавадзе, рассуждая о природе культуры.

Как уже было отмечено ранее, в конце XX века российская культура претерпела глубокие изменения под влиянием политических и экономических трансформаций, таких как перестройка, переход к рыночной экономике, идея демократизации, под знаменем которой выстраивались качественно новые отношения общества и власти.

Ослабление цензуры в период гласности способствовало свободному обсуждению ранее табуированных тем, что привело к переосмыслению традиционных ценностей, включая коллективизм и идеалы социалистической справедливости. В результате на первый план вышли индивидуализм, прагматизм и личный успех, однако, как отмечает Д.В.Маслов, «Столь резкий переход произошел очень быстро, в чем видится одна из причин того, что советский человек не смог прочно освоить новые ценности» [13, с.241].

Культурный ландшафт этого периода характеризуется плюрализмом мнений, большей свободой в оценке социальных процессов и событий, отказом от единых идеологических канонов, экспериментами с формой и содержанием. В условиях кризиса традиционных ценностей усилился поиск новой национальной идентичности, что выразилось в росте интереса к русской истории, православию и национальной культуре. Эти процессы сформировали в российском обществе новые культурные ориентиры.

Изучение общечеловеческих ценностей и их преломления в данном историческом периоде представляется особенно интересным: распад Советского Союза, крушение коммунистической идеологии дали толчок к изменению переживания личной и национальной идентичности, основанной на идеалах коллективизма, интернационализма и социалистической справедливости. Советский человек оказался в ситуации кризиса, так как прежние ориентиры и ценности утратили свою значимость. Падение «железного занавеса» привело к массовому проникновению западных ценностей, что породило беспокойство по поводу утраты национальной идентичности и традиционных духовных основ. В этой связи Н.А.Хренов отмечал: «то, что происходило ближе к концу XX века, да, пожалуй, еще и с эпохи оттепели, следует обозначить, как качественно новое отношение к культуре как доминанте в иерархии тех ценностей, с помощью которых можно характеризовать бытие человека в России на рубеже XX-XXI веков» [22, с.243].

Как повлияли политические, экономические и культурные изменения конца XX века на традиционные русские ценности? В какой степени эти ценности подверглись трансформации? Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что

несмотря на глобальные процессы влияния «чужих» ценностей на русское сообщество, аксиологическая составляющая отечественной культуры претерпевает лишь изменения, обусловленные национальным менталитетом: традиционные ценности, в сущности, не меняются и не исчезают, но обрастают новыми, актуальными смыслами, продиктованными социально-общественными и политическими потрясениями.

Проблемы сохранения и изучения традиционной русской культуры значимы также для настоящей социально-политической ситуации в Российской Федерации. В.В.Путин, утверждая основы политики в сфере традиционных ценностей, отмечал: «Духовная история, история церкви неотделима от истории российского государства. У нас есть попытки изучения духовных начал в разных форматах, но, безусловно, к этому нужно отнестись более серьезно, показывать все духовное многообразие России»[1]. Президент Российской Федерации выразил убеждение в неоспоримой значимости духовной истории русского народа как ключевой составляющей российской культуры и государственности.

В этой связи особый интерес, по нашему мнению, представляет исследование характера и направлений трансформации ценностей отечественной культуры рубежа веков на примере одной из значимых духовных ценностей русской ментальности – *Любовь*.

Концепт *Любовь* неоднократно становился объектом исследования в работах отечественных ученых. В большинстве исследований *Любовь* рассматривается как концепт, входящий в русскую языковую картину мира. Диссертационное исследование Е.Е.Каштановой посвящено эмоциональному концепту *Любовь* в русской языковой картине мира с особым вниманием к лингво-философскому осмыслению концепта [8]. Л.Э.Кузнецова [10] исследует концепт *Любовь* с позиций лингвокультурологии, дополняя анализ учетом гендерных особенностей восприятия любви. Е.Ю.Балашова [1] и В.Э.Муратова [15] проводят сравнительно-сопоставительное исследование оппозиции концептов *Любовь* и *Ненависть* в русском и американском сознании, подчеркивая тем самым, актуальность кросс-культурного процесса между Россией и Америкой. Авторы работ обращаются к художественным текстам и образам как к одному из инструментов описания понимания концепта в русской языковой картине мира.

Для общего представления того, как понимается *Любовь* носителями русской культуры, обратимся к цифровым инструментам анализа. Одним из таких является Semantic similarity of words [24] Института языкознания им. Л.Штура Словацкой академии наук. Инструмент на базе русского языкового корпуса находит семантически близкие слова для указанного стимула (в нашем случае стимул – *любовь*, основной вербализатор ценности). Это позволяет глубже понять содержание ценности, ее структуру и контекстуальные особенности. На рисунке 1 представлены результаты работы инструмента: в русской современной культуре *Любовь* имеет аспекты телесности (*страсть*), чувственности (*нежность, привя-*

[1] Путин призвал более серьезно отнестись к изучению духовных начал России // ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/16249325 (дата обращения: 10.05.2024).

занность, *влюбленность*), эмотивности (*ревность*, *радость*). Такие семантические близкие слова как *сострадание*, *всепрощение*, *добро*, *вера*, *радость* указывают на духовное начало ценности *Любовь*, ее религиозной основы.

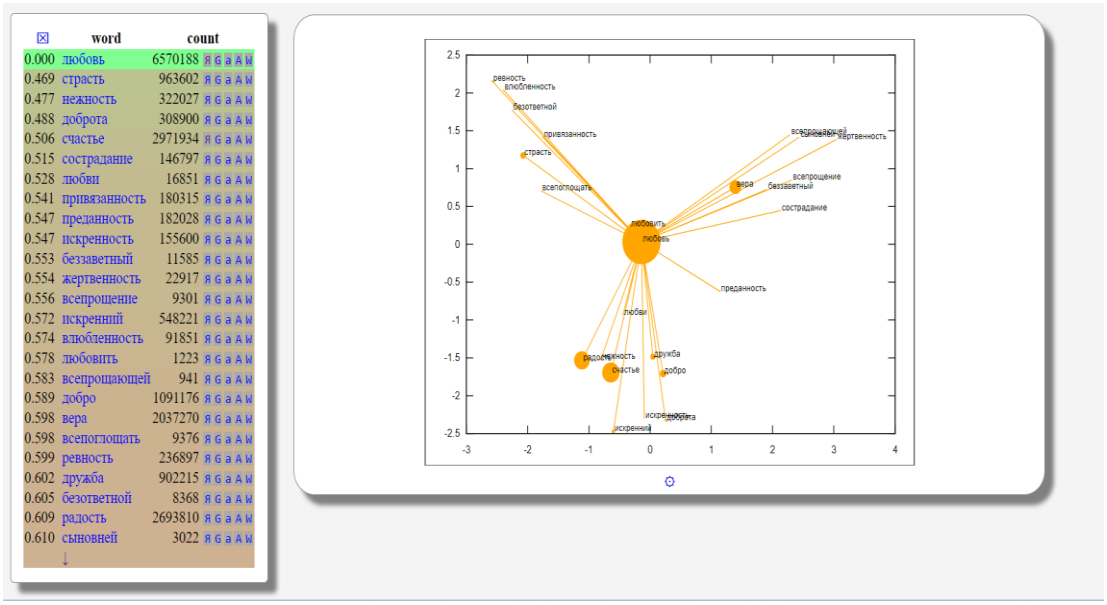


Рис. 1. Результат работы инструмента Semantic similarity of words

Полученные результаты подтверждаются данными Современного толкового словаря Т.А.Ефремовой, в котором закреплены актуальные значения рубежа веков: любовь понимается как 1) чувство глубокой привязанности к кому-либо или чему-либо; 2) чувство, основанное на физическом влечении; 3) склонность, пристрастие к чему-либо или кому-либо. Однако отметим, что религиозный аспект *Любви* здесь значительно изменен и упоминается вскользь: «Чувство глубокой привязанности к кому-либо или к чему-либо, основанное на общности интересов, *идеалов*, на *готовности отдать свои силы общему делу* или *спасению*, сохранению кого-либо или чего-либо» (*прим. – курсив наш*) [5], что связано, по нашему мнению, с упрощением семантической структуры слова, другими словами, многоаспектность религиозной любви унифицировалось до значения жертвенности и преданности, выраженных привязанностью.

Интересны также найденные в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) наиболее частотные коллокации с определением синтаксических связей и сочетаемости (коллокации – наиболее частотная сочетаемость слов в различных контекстах, выделяемая на основе статистических данных частотности совместного появления ключа и коллоката). Выделенные раннее смыслы дополняются осознанием обреченности чувства любви, а также ее восприятия как материальной ценности на это указывают определения *несчастный*, *неразделенный*, а также сказуемые *давать* и *требовать* как выразители потребительского отношения к любви.

любовь Существительное

Определения		*Сказуемые*	
1. взаимный	8,8	1. бывать	5,77
2. страстный	8,77	2. заставлять	5,32
3. братский	8,32	3. быть	5,26
4. материнский	8,32	4. побеждать	5,26
5. несчастный	8,27	5. проявляться	5,17
6. горячий	8,14	6. давать	4,93
7. истинный	8,12	7. выражаться	4,93
8. божественный	8,07	8. вспыхнуть	4,88
9. искренний	7,98	9. спасти	4,86
10. неразделенный	7,93	10. требовать	4,85

Рис. 2. Работа виджета «Скетч» НКРЯ

Настоящая работа является лишь частью большого исследования: невозможно в одной статье раскрыть весь потенциал ценности *Любовь* в период рубежа столетий. Целью работы стало описание ценности *Любовь* в поэтическом дискурсе конца XX – начала XXI века. Выбор материала объясняется особой ролью литературы в формировании культуры, ведь именно она, отмечал В.В.Воробьев «раскрывает приемы эстетического использования лингвокультуремы, показ ее изобразительных возможностей в русском национальном видении мира (лингвокультурема – номинация основной единицы лингвокультурологии, разработанная В.В.Воробьевым. В нашей работе за основную единицу лингвокультурологии принята ценность – лингвокультурный концепт с проявленной аксиологической значимостью – примечание автора)» [2, с.51]. А также статусом русской поэзии рубежа веков. С утратой идеологического контроля, характерного для советского времени, поэзия освободилась от внешних и внутренних диктатов, став самобытным выражением личных поисков и духовных исканий. В ответ на кризис мировоззренческих моделей поэты активно исследовали философские вопросы, связанные с существованием в новой реальности. Однако, несмотря на экспериментальные формы, поэзия сохранила свои духовные основы, стремясь к обновлению системы ценностей посткризисного гуманистического мировоззрения.

Образ любви, репрезентант ценности в поэтическом дискурсе, в русской поэзии конца XX – начала XXI века претерпел значительные изменения, отразив сложные культурные и социальные процессы, характерные для этого периода. В отличие от классических представлений, в которых любовь часто изображалась

как возвышенное чувство, поэты этого времени обращаются к более сложным и противоречивым аспектам любовного переживания. Любовь в их произведениях становится объектом глубокого психологического анализа, в котором отражаются чувства утраты, одиночества и разочарования. Влияние постмодернизма привело к деконструкции традиционных представлений о любви, часто образ любови в поэтическом тексте сопровождается иронией, игрой с текстом и размыванием границ между реальностью и иллюзией. Это создает образ любви как фрагментированного, неопределенного и часто условного опыта. В условиях кризиса идентичности, характерного для постсоветского общества, любовь в поэзии становится средством самоопределения и поиска личной идентичности, однако этот процесс нередко сопровождается осознанием хрупкости и временности человеческих связей.

Нами был проведен семантический анализ стихотворений наиболее известных поэтов обозначенного периода: Л.Губанов, Г.Сапгир, И.Жданов, Б.Рыжий, Е.Шварц, О.Седакова, М.Айзенберг, В.Павлова. Для этого были отобраны и собраны в единый датасет стихотворения, имеющие в тексте вербализаторы ценности – лексемы *любовь* и *любить*. Датасет – документ, состоящий из массива систематизированных текстовых данных. Датасет представляет собой основной элемент для работы в области обработки естественного языка (Natural Language Processing). Полученный датасет содержал в себе 70 стихотворений, написанных авторами в промежутке с 1970 по 2010-е годы.

Семантический анализ стихотворений осуществлялся при помощи методов обработки естественного языка на языке программирования Python. Написанная программа выделила наиболее часто встречающиеся в документе лексемы. С учетом того, что объединяющей темой стихотворений стала природа любви, заключим, что полученные лексемы являются центральными и смыслопорождающими в понимании любви в поэтическом дискурсе рубежа веков: так, любовь осознается через такие смысловые точки как 'смерть' (14), 'рождение' (12), 'страх' (11), 'сердце' (10), 'ненависть' (10) (число, написанное рядом со словом, – обозначение количества раз его употребления в датасете). Уже на данном этапе можем отметить изменение в осознании и восприятии *Любви*. Любовь трансформируется в более сложное и противоречивое чувство и не изображается исключительно возвышенно, а тесно переплетается с темами экзистенциального кризиса и внутренних конфликтов: «Люблю тебя в каком-то страхе, // Что не могу связать трех слов, // И снова, как палач у плахи, //На окровавленной рубахе // Считаю грустный свой улов» (Л.Губанов) [16].

Полученные данные о количестве встречаемости лексем позволили также построить облако слов. Облако слов – один из методов визуализации полученных данных, где ключевые слова, в зависимости от их частоты в датасете, отображены разным размером шрифта. На рисунке 3 выведены наиболее частотные употребления слов в заявленном датсете.

Рис. 3. Облако наиболее частотных слов в датасете стихотворений

На полученном изображении также отобразилась лексема *кровь*, не входящая в топ слов по встречаемости. Однако стоит остановиться на ней и рассмотреть подробнее. Образ крови становится весьма актуальным в поэзии XX-XXI вв. и часто вводится в стихотворение в связи с образом любви (наиболее часто это происходит с помощью рифмы). Это сочетание подчёркивает неразрывную связь любви с болью, страданием, физической и духовной жертвой: «Но хороша ошибками любовь. // От крыльев отслоились плоть и кровь, // теперь они лишь сны обозначают» (И.Жданов) [16], «Я подарил тебе на счастье // во имя света и любви // запас ненастья // в моей крови» (Б.Рыжий) [16], «Как хорошо нам жить на свете // Во имя долга и любви, // Моя любимая в карете – // Моя любимая в крови!..» (Губанов) [16].

Образ крови звучит так убедительно и часто еще благодаря тому, что в поэзии рассматриваемого периода появляется осознание телесности чувства любви. Телесность, как неотъемлемая часть человеческого опыта, становится средством самовыражения и познания мира: «Определение поэзии через соотнесение с субъектом–один из самых продуктивных поэтологических сценариев, при этом в фокусе, как правило, оказывается телесность субъекта» [6, с.37]. Так, например, Г.Сапгир в стихотворении «Наждак и мех» создает ряд телесных ассоциаций, описывая физический опыт тела для передачи любовного чувства: «Когда я своей небритой щекой // (провести рукой по наждаку) // Когда ты своими ресницами // (провести рукой по меху)» (Г.Сапгир) [16]. Чувство телесности углубляется в стихотворениях В. Павловы и граничит с эротизмом. Осознание себя женщиной открывает границы познания не только любви, но и внутреннего Я: «Трогающему грудь: // Знаешь, какою она была? // Обнимающему за талию: // Знаешь, какою она была? // Ложащемуся сверху: // Знаешь, какою она была?» (В.Павлова) [16].

Также при помощи языка программирования Python мы определили семантические ассоциации к вербализатору ценности – лексеме *любовь*. Работа была произведена при помощи метода машинного обучения Word2wec. Следует пом-

нить, что этот метод – математический и работает следующим образом: происходит перевод слов в численные значения и, далее, на их основе строятся векторы. Эти векторы, называемые word embeddings, сохраняют семантические отношения между словами. Поэтому представленные результаты не отражают полностью семантические связи естественного языка, это – статистическая мера. Однако поиск семантически близких слов при помощи этого компьютерного метода все же вывел ряд значимых слов, формирующих понимание любви.

Нашим запросом стала лексема *любовь* как основной вербализатор образа любови.

Полученные результаты, выведенные на рисунке 4, подтверждают раннее сделанные выводы об аспектах переживания любви: высокая степень ассоциации слова с такими словами, как *простите* и *надломленною*, указывает на переживание внутренней уязвимости, слова *навек, весь, поочередно* и *горячо* показывают, что любовь воспринимается как динамичное и всеобъемлющее чувство.

```
Семантические ассоциации для слова 'любовь':
простите 0.3633449077606201
надломленною 0.31541597843170166
однозначно 0.2605134844779968
весь 0.2409685105085373
поочередно 0.24042099714279175
навек 0.2279210388660431
горячо 0.2251119613647461
```

Рис. 4. Семантические ассоциации для слова *любовь*

Особенно интересна выделенная ассоциация *простите*. Раннее мы писали, что ценности русской культуры формировались под влияние православной культуры. В этом кроется причина частого обращения к религиозному аспекту любви в стихотворениях поэтов. Так, например, мотив всперощения, как одного из основных проявлений божественной любви находим у Л.Губанова: «Есть где-то земля, что любые предательства сносит, //любые грехи в самом сердце безумно прощает, // любые обиды и боли она переносит // и смерти великих, как просеки – лес, её навещают.» [16].

Особенно ярок звучит поэзия О.Седаковой и строки, в которых холистическое понимание любви-божественной сущности соседствует с описанием низменных, противоположных по своей природе, побуждений: «Я отвечаю, что Бог есть любовь, // и он начинает пристально вглядываться // в вырез моей кофточки, // О как я ненавижу себя отраженной //в тусклых зрачках.» [16]. Намеренное снижение возвышенного – отличительная черта этого периода.

Заключение

Русская поэзия конца XX – начала XXI вв. отличается особой самобытностью в осмыслении ценностного богатства отечественной культуры. На примере

ценности *Любовь* были выявлены не просто особенности ее восприятия и трансформации, но и в целом измененное видение и «осязание» мира людьми переломной эпохи.

Любовь в поэтическом дискурсе этого периода всё чаще осмысляется через призму телесности, что представляет собой значительный отход от традиционного понимания любви как преимущественно духовного и возвышенного чувства. Физическое взаимодействие стало неотъемлемой частью любовного опыта. Также телесность в поэзии часто служит метафорой для исследований своего внутреннего мира, где любовь является частью процесса самоидентификации. К особому, свойственному этому времени, восприятию любви также относится переживание чувства вкупе с горечью, страданием и чувством одиночества, вызванном потерей ценностных ориентиров и прежних социальных связей.

Кроме того, использование методов компьютерного семантического анализа позволили выделить ключевые черты любви в поэтическом дискурсе рубежа веков. Выявленные ассоциации указывают на восприятие любви как надлома.

Важным открытием стало также то, что, несмотря на обилие негативных коннотаций, *Любовь* не утрачивает своей значимости центральной ценности русской ментальности: она приобретает более сложный и многослойный характер. Эта любовь одновременно может быть разрушительной и спасительной, что делает её не только источником страдания, но и потенциалом для духовного роста.

Использование компьютерного анализа и методов машинного обучения для исследования поэтических текстов открыло новые перспективы в изучении семантических связей и позволило более глубоко понять динамику изменений в восприятии ключевой духовной ценности *Любовь*. Эти методы не только подтвердили гипотезы о трансформации любви, но и предложили новые направления для исследований, связанные с более детальным изучением семантических полей и ассоциаций.

Литература

1. Балашова Е.Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Балашова Елена Юрьевна. – Саратов, 2004. – 22 с.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2006. – 330 с.
3. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 148с.
4. Ценность / Новейший философский словарь [Электронный ресурс] // Наука. Искусство. Величие. – Режим доступа: http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/542/cennost.htm (дата обращения: 12.08.2024).
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // GUFO.ME. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/efremova (дата обращения: 13.08.2024).
6. Житнев А.А. Определения поэзии и поэтология трансгрессии // Филологический класс. – 2022. – Т.27. – №2. – С.30-42.
7. Злобин Н.С. Культура и общественный процесс. – М.: Наука, 1980. – 303 с.
8. Каштанова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта «Любовь»: Аспект. анализ: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Каштанова Елена Евгеньевна. – Екатеринбург, 1997. – 231 с.

9. Кузнецова Е.В. Определение культуры: разнообразие подходов [Электронный ресурс] // ПНиО. – 2013. – №5. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-kultury-raznoobrazie-podhodov (дата обращения: 10.08.2024).
10. Кузнецова Л.Э. Любовь как лингвокультурный эмоциональный концепт: ассоциативный и гендерный аспекты: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Кузнецова Людмила Эдуардовна. – Волгоград, 2005. – 22 с.
11. Леонтьев Д.А. Ценность [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. – Режим доступа: https://old.bigenc.ru/philosophy/text/4674699 (дата обращения: 12.08.2024).
12. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культур. – СПб: Изд-во СПбГУП, 2006. – 416 с.
13. Маслов Д.В. От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (середина 1980-х – 1990-е гг.). – М.: Научно-политическая книга, 2022. – 359 с.
14. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.
15. Муратова В.Э. Бинарные концепты «любовь / love» и «ненависть / hate (hatred)» в английском и русском песенных дискурсах: сопоставительный аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Муратова Вероника Эльдаровна. – Казань, 2010. – 22с.
16. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.08.2024).
17. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и преподавания иностранных языков: сб. науч. статей. – Омск, 1988. – С.80-85.
18. Савчук С.О. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития / С.О.Савчук, Т.А.Архангельский, А.А.Бонч-Осмоловская, О.В.Донина, Ю.Н.Кузнецова, О.Н.Ляшевская, Б.В.Орехов, М.В.Подрядчикова // Вопросы языкознания. – 2024. – №2. – С.7-34.
19. Духовные ценности [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [2024]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/dukhovnye-tsennosti-321004/?v=9961870 (дата обращения: 10.08.2024).
20. Синячкин В.П. Общечеловеческие ценности в русской культуре: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / Синячкин Владимир Павлович. – М., 2011. – 323 с.
21. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
22. Хренов Н.А. От идеологии к цивилизации: трансформация коллективной идентичности современной России как следствие культурологического поворота // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – №2. – С.238-244.
23. Чачавадзе Н.З. О ценностном аспекте понятия нации // Философские проблемы культуры. – Тбилиси, 1980. – С.98-113.
24. Garabík R. Word Embedding Based on Large-Scale Web Corpora as a Powerful Lexicographic Tool. Rasprave: Časopis Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje 46. – №2 (2020): 603-618. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.31724/rihjj.46.2.8

SEMANTIC ANALYSIS OF THE CONCEPT "LOVE" IN POETRY OF THE TURN OF THE 20th-21st CENTURIES WITH THE USE OF COMPUTER (DIGITAL) METHODS OF LANGUAGE DESCRIPTION

Polovnikova Anastasia Yuryevna

Teacher of additional education of the Russian language chair №5
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7(495) 433 53 22 ext. 1521
polovnikova_ayu@pfur.ru

Kurilenko Victoria Borisovna

Doctor of pedagogical sciences, professor,
head of the Russian language chair №5
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7(495) 433 53 22 ext. 1521
kurilenko_vb@pfur.ru

The article deals with the transformation of the concept Love in Russian poetic discourse at the turn of the 20th – 21st centuries. In the context of new cultural and social realities of this historical period, Love, as one of the key values of the Russian mentality, undergoes a number of cardinal changes reflecting socio-cultural shifts, the crisis of traditional ideals at the macrosocial and personal levels. The aim of the work was to identify semantic changes in this concept based on the analysis of its representations in Russian poetic discourse of the late 20th – early 21st centuries. Computer analysis of texts was used as the main research method, which made it possible to identify the dominant meanings in the structure of the concept, as well as trace the dynamics of their transformation. As a result of the study, it was established that love in poetry at the turn of the century is often depicted through the prism of corporality, suffering and loneliness, which reflects the search for new spiritual guidelines.

Keywords: concept *Love*; Russian poetic discourse; semantic analysis; computer analysis of texts.

ТАҲЛИЛИ СЕМАНТИКИИ КОНСЕПТИ «ИШҚ» ДАР АШЪОРИ ДАВРАИ АСРҲОИ XX-XXI БО ИСТИФОДАИ УСУЛҲОИ КОМПЮТЕРИИ (РАҚАМИИ) ТАВСИФИ ЗАБОН

Половникова Анастасия Юрьевна

Муаллими таълими иловагии кафедраи забони русии №5
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7(495) 433 53 22 иловагӣ 1521
polovnikova_ayu@pfur.ru

Куриленко Виктория Борисовна

Доктори илмҳои педагогӣ, профессор,
мудири кафедраи забони русии № 5
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7(495) 433 53 22 иловагӣ 1521
kurilenko_vb@pfur.ru

Дар мақола тағйирёбии мафҳуми *Ишқ* дар мубоҳисаи шеърияти рус дар ибтидои асрҳои XX ва XXI баррасӣ мешавад. Дар заминаи воқеиятҳои нави фарҳангӣ ва иҷтимоии ин давраи таърихӣ, *Ишқ* ҳамчун яке аз арзишҳои асосии тафаккури рус, як қатор дигаргуниҳои бунёдиро аз сар мегузаронад, ки тағйироти иҷтимоӣ-фарҳангӣ, бӯҳрони идеалҳои анъанавӣ дар сатҳи макроиҷтимоӣ ва шахсиятро инъикос мекунад. Мақсади кор муайян кардани тағйироти маъноии ин мафҳум дар асоси таҳлили тасвирҳои он дар муомилоти поэтикии рус дар охири асри XX – ибтидои асри XXI буд. Уули асосии тадқиқот таҳлили компютерии матнҳо буд, ки имкон дод, маъноҳои бартаридошта дар сохтори мафҳум муайян карда шуда, динамикаи табдили онҳо пайгирӣ шавад. Тадқиқот маълум кардааст, ки ишқ дар шеъри ибтидои аср аксаран тавассути призмаи ҷисмӣ, ранҷ ва танҳоӣ тасвир шудааст, ки дар ҷустуҷӯи дастурҳои нави рӯҳонӣ инъикос меёбад.

Калидвожаҳо: консепти *Ишқ*; дискурси шеърияти рус; таҳлили семантикӣ; таҳлили матни компютерӣ.

УДК 811.21/.22+811.111

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: КЛЮЧ К КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЕ МИРА (на материале «Бустон» Саади Шерози и фразеологизмов английского языка)

Рустамзода Шодимурод Рустам

Кандидат филологических наук,
доцент общеуниверситетской кафедры английского языка
докторант
Таджикский национальный университет
734025, Респбулика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 777 11 26 96 (м.)
muallififarhang@gmail.com

Исследование посвящено анализу внутренней формы фразеологических единиц (ФЕ) как важнейшего элемента их семантической структуры, объединяющего когнитивные, культурные и языковые аспекты. Внутренняя форма выступает своеобразным «когнитивным ядром» фразеологизмов, связывающим их лексический состав с культурными кодами и ментальными моделями. Автор обращает внимание на её двойственную природу: с одной стороны, внутренняя форма базируется на денотативном значении компонентов, с другой – отражает культурно-специфические образы и ассоциации. Она играет ключевую роль в отражении ментальных моделей и культурных кодов, составляющих языковую картину мира.

Подчёркивается, что внутренняя форма ФЕ обладает двойственной природой. С одной стороны, она может быть «прозрачной», когда её значение очевидно из контекста или структуры, а с другой – «затемнённой», требующей глубинного контекстуального анализа и обращения к специализированным источникам. Этот аспект выделяет многослойность фразеологических значений и их адаптивность в различных дискурсивных практиках.

Особое внимание уделено роли ФЕ в формировании и передаче социокультурных стереотипов, нравственных ценностей и этических установок. Автор рассматривает дискурсивные функции фразеологизмов, их способность создавать устойчивые культурные образы и воспроизводить культурные нормы в процессе коммуникации.

Выводы статьи подчёркивают значимость исследования внутренней формы фразеологизмов как ключевого аспекта их когнитивной и семантической структуры. Она не только обеспечивает связь между компонентами ФЕ, но и выполняет функцию интерпретации и трансформации реальности через призму языка. Таким образом, фразеологизмы представляют собой сложные когнитивные и культурные конструкции, которые способствуют формированию национального самосознания и культурной идентичности.

Ключевые слова: Саади; Бустон; фразеологизм; внутренняя форма; метафора; метонимия; метафтонимия; фрейм; ментальная схема; дискурс; когнитивно-дискурсивный анализ; сценарий; слот.

В последние годы наблюдается тенденция отхода от традиционных подходов в лингвистике в пользу новых, более актуальных направлений, таких как когнитивная лингвистика. Как отмечает Х.Дж.Шамбезода, «когнитивная лингвистика сосредоточена на исследовании процессов познания мира, систематизации знаний с помощью категорий языка и их вербализации. В Таджикистане этим направлением активно занимается кафедра теоретического и прикладного языкознания РТСУ» [11, с.93], что свидетельствует о растущей актуальности когнитивной лингвистики в современных отечественных лингвистических исследованиях.

Фразеология, как неотъемлемая часть языковой системы, отражает ментальные, культурные и когнитивные особенности носителей языка. Анализ внутренней формы фразеологизмов имеет ключевое значение для лингвистики, когнитивных наук, культурологии и других смежных дисциплин, поскольку он раскрывает глубинные связи между языком, мышлением и культурой. Внутренняя форма фразеологизмов является важным компонентом их семантической структуры и играет значительную роль в понимании их значения и формировании языковой картины мира. Как утверждает М.М.Раджабова, «компонентом семантической структуры фразеологизма является внутренняя форма» [8, с.161]. Этот подход позволяет выявить ментальные структуры и культурные коды, лежащие в основе языковых единиц.

Русский ученый Н.Ф.Алефиренко подчеркивает, что внутренняя форма фразеологических единиц (ФЕ) представляет собой «речемыслительный "эмбрион" и внутреннюю программу (схему), которая, всплывая на поверхность языкового сознания, становится источником ассоциаций, креативных стимулов, значимых связей, коннотаций и представлений – всей смысловой гаммы образной палитры дискурсивной идиомы» [1, с.148]. Языковая картина мира формируется через образные средства языка, включая «национально-специфическую образность, метафорику, направления развития переносных значений и внутреннюю форму языковых единиц» [7, с.45].

Согласно Т.В.Жеребило, «внутренняя форма фразеологизмов включает их первоначальное денотативное значение, которое основано на значениях компонентов. Внутренняя форма может быть как «прозрачной», как в случае омонимов, так и «затемнённой», что требует обращения к специализированным словарям для точного понимания» [3, с.16].

Исходя из этих представлений, можно заключить, что внутренняя форма фразеологизмов играет ключевую роль в восприятии их значения и формировании языковой картины мира. Когда внутренняя форма фразеологизма «прозрачна», его значение воспринимается непосредственно через компоненты. В случае «затемнённой» формы возникает необходимость контекстуального анализа или использования специализированных источников для точной интерпретации, что подчёркивает многозначность и гибкость фразеологической системы языка.

Когнитивно-семиологическая сущность фразеологизмов включает их внутреннюю форму, значение и смысл, которые тесно связаны с социокультурными стереотипами и коннотациями. Взаимодействие этих компонентов формирует

более глубокое понимание фразеологизмов в контексте культурной и социальной среды, что способствует полному восприятию фразеологизмов как носителей культурных значений.

Когнитивно-семиологическое осмысление внутренней формы ФЕ сосредоточено на исследовании механизмов представления объектов в языковом сознании через два типа семиозиса: первичный (семиологический) и вторичный (семантический). Первичная объективация является начальной стадией фраземообразования, на которой языковые единицы отражают познаваемые объекты. Вторичная объективация завершает процесс формирования фразеологизмов, создавая культурно значимые единицы. Такой подход позволяет углубленно изучить взаимодействие знаний и их языковой репрезентации в контексте фразеологической структуры [2, с. 52].

На сегодняшний день исследование внутренней формы фразеологизмов является предметом активного внимания как отечественных, так и зарубежных ученых, что свидетельствует о возрастании интереса к данной области в когнитивной лингвистике и семиологии (В.фон Гумбольд, В.Н.Телия, Н.Ф.Алефиренко, А.В.Кунин, Х.Маджидов, Т.С.Талабов, М.М.Раджабова и другие).

Таким образом, внутренняя форма фразеологизмов представляет собой концептуальное содержание, заложенное в структуре ФЕ, которое влияет на её восприятие через взаимосвязь компонентов и культурных стереотипов. Эта форма взаимодействует с различными прототипами фразеологизмов как внутри семантической структуры, так и за её пределами [8, с.161]. Таджикский исследователь Т.С.Талабов также подчеркивает важность фразеологической образности, которая наряду с внутренней формой играет значительную роль в формировании фразеологического значения [9, с.38].

Внутренняя форма фразеологических единиц тесно связана с восприятием и осознанием культурного и когнитивного контекста, а не с буквальным изображением объекта. Как отмечает Н.Ф.Алефиренко, «внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает ещё знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [2, с.68]. Этот тезис подтверждает, что фразеологизмы не только отражают реальность, но и активно её интерпретируют через культурные и когнитивные схемы.

Известный таджикский фразеолог Х.Маджидов подчеркивает, что при «анализе фразеологической семантики важно учитывать не только сам знак (слово или выражение), но и внутреннюю форму, которая служит посредником между семантикой фразеологизма и его внешним знаком» [4, с.112]. Внутренняя форма помогает раскрыть скрытые смыслы и концептуальное содержание, заложенное в фразеологическом выражении, что позволяет глубже понять, как оно функционирует в языке и культуре.

Таким образом, можно отметить, что фразеологизмы являются важнейшими носителями информации о культуре и менталитете народа. Они сохраняют «мифы, легенды и обычаи, представляя собой ценнейший источник знаний о национальной культуре и языке» [5, с.88].

При анализе внутренней формы фразеологизмов можно выявить не только первичное денотативное значение компонентов, но и их культурные, когнитивные и социокультурные коннотации, которые влияют на восприятие и интерпретацию ФЕ. Внутренняя форма фразеологизма раскрывает его концептуальное содержание, связанное с особенностями восприятия мира, и демонстрирует глубинные связи между языковыми единицами и их ментальными представлениями. Анализ внутренней формы позволяет понять, как фразеологизм отражает национальную образность и когнитивные схемы, заложенные в языке.

Целью данной статьи является когнитивно-дискурсивный анализ внутренней формы и культурного кода фразеологизмов, связанных с концептами опыта и смелости в таджикском и английском языках. Работа направлена на:

1. Выявление базовых ментальных схем, лежащих в основе исследуемых ФЕ.
2. Сравнение культурных особенностей репрезентации концептов опыта и смелости в двух языках.
3. Описание роли метафтонимии в структурировании значения ФЕ.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения механизмов концептуализации через языковые средства, что способствует более глубокому пониманию связи языка, культуры и мышления. Таджикская и английская фразеология богата выражениями, связанными с концептами опыта и смелости, которые обладают как универсальными, так и культурно-специфическими характеристиками. Исследование этих концептов позволяет углубить понимание различий и сходств в языковом мышлении двух культур, а также выявить способы репрезентации данных понятий через метафорические и метонимические механизмы.

В настоящем исследовании мы опираемся на труды российских учёных, среди которых можно выделить работы Б.Е.Дарбанова, О.Г.Дубровской, А.П.Бабушкина, Н.Ф.Алефиренко и других. Российская научная школа обладает значительным корпусом исследований, посвящённых данной проблематике, что позволяет использовать их достижения для комплексного анализа фразеологической системы в сопоставительном когнитивно-лингвокультурологическом аспекте. В этом контексте для рассмотрения были отобраны фразеологизмы из произведения Саади Шерози «Бустон», которые сопоставлены с их английскими аналогами. Такой подход способствует проведению когнитивно-дискурсивного анализа концептов опыта и смелости, позволяя выявить как общие черты, так и культурно-специфические различия в языковых картинах мира. Кроме того, сравнительное исследование способствует более глубокому пониманию механизмов метафорического и метонимического переосмысления, а также раскрытию внутренней формы ФЕ в персидском и английском языках.

Выражение *Натобад саги сайд рӯй аз паланг, Зи рӯбаҳ рамад шери нодида ҷанг* [6, с.216] (в дословном переводе: «Охотничья собака не отворачивается от тигра, но лев, не видавший битвы, бежит от лисы») содержит глубокую метафорическую структуру, передающую идею о важности опыта, решимости и мужества. Выражение акцентирует контраст между *смелостью и природной решимо-*

стью охотника (собаки или тигра) и *трусостью или неуверенностью,* вызванной отсутствием опыта (лев, который не знает битвы).

Когнитивный анализ ФЕ позволяет выявить когнитивные механизмы, лежащие в основе фразеологических конструкций, а также исследовать, как концепты опыта и смелости отражаются в контексте культурных кодов двух языков. Это способствует более глубокому пониманию взаимосвязи между ментальными схемами, фреймами и дискурсивными структурами в этих языках.

Ментальная схема данного фразеологизма основывается на нескольких ключевых концептах:

- Смелость как результат опыта. Охотничья собака и тигр представляют существа, которые сталкиваются с опасностью, но, благодаря своему опыту и решимости, воплощают уверенность и готовность к борьбе, даже в сложных обстоятельствах.
- Трусость как следствие неопытности. Лев, несмотря на свою природную силу, бежит от лисы из-за отсутствия опыта и боязни перед неизвестным. Это акцентирует мысль о том, что истинная сила определяется не только природными качествами, но и накопленным опытом и уверенностью.

Противопоставление внутренней природы и реального поведения. Контраст между природой льва и его трусостью подчёркивает, что внешняя сила или статус не всегда гарантируют смелость.

Использование «таких категорий, как «фреймовая модель», «провербиальный код» и «когнитема» и др.» [2, с.45], способствует более глубокому анализу метафорической природы ФЕ, выявляя скрытые когнитивные и культурные механизмы. Рассмотрим, какие *фреймы* включают в себя данное выражение:

- Фрейм «Смелость и уверенность». Здесь подчёркивается, что опыт и подготовка (охотничья собака) позволяют преодолевать страх даже перед серьёзной опасностью (тигр).
- Фрейм «Страх перед неизвестным». Этот фрейм связан с образом льва, который, несмотря на свою природную силу, избегает столкновения с лисой из-за отсутствия опыта или уверенности.
- Фрейм «Опыт как основа силы». Этот фрейм объединяет обе линии фразеологизма, показывая, что настоящая сила проявляется через опыт и уверенность, а не через врождённые качества.

Сценарии и слоты, как когнитивные структуры, используются для описания возможных ситуаций и действий, связанных с фразеологизмами. Как отмечается, «схемы событий, или сценарии (скрипты), выражают временную информацию» [2, с.106]. Выбранная ФЕ имеет следующие сценарии и слоты, которые отражают основные концепты и структуры, присущие её значению. Сценарии помогают раскрыть ситуации, в которых используется выражение, в то время как слоты описывают ключевые компоненты этих ситуаций.

1. Сценарий «Опасность и реакция»:

- Слот 1: Опасность (появление тигра или лисы).

- Слот 2: Реакция (охотничья собака уверенно противостоит тигру; лев бежит от лисы).
- Слот 3: Результат (смелость собаки укрепляется через опыт, тогда как трусость льва дискредитирует его силу).

2. Сценарий «Опыт против неопытности»:

- Слот 1: Персонаж с опытом (охотничья собака).
- Слот 2: Персонаж без опыта (лев).
- Слот 3: Событие (встреча с опасностью).
- Слот 4: Итог (уверенность одного и страх другого).

В английском языке существуют аналоги, которые выражают схожие концепты, как в таджикском фразеологизме. Эти аналоги подчёркивают важность смелости, опыта и контраст между внешней силой и внутренней неуверенностью, связанной с отсутствием опыта. Например, английский фразеологизм *«Courage is not the absence of fear but the triumph over it»* (перевод: «Храбрость – это не отсутствие страха, а способность победить его».)

- Фрейм: Этот фразеологизм схож с таджикским в том, что подчеркивает важность опыта и готовности к борьбе. Охотничья собака, преодолевающая страх перед тигром, демонстрирует именно такой триумф.

Ментальная схема: Идея о том, что сила определяется не природными качествами, а умением противостоять страху.

Другой пример: *«Don't judge a book by its cover»* (перевод: «Не суди книгу по обложке»).

- Фрейм данного фразеологизма акцентирует внимание на контрасте между внешним видом и внутренним содержанием, подчеркивая важность оценки сущности вещей или людей, а не только их внешнего вида. В этом фрейме выделяются несколько ключевых концептов:

1. Внешность и реальность. Внешняя оболочка (например, обложка книги) может не отражать внутреннюю сущность или содержание, что напоминает о необходимости более глубокого понимания перед принятием решения.

2. Предвзятость и стереотипы. Этот фразеологизм предупреждает от поверхностных суждений, основанных только на внешних признаках, что актуально для социальных взаимодействий и личных оценок.

3. Глубина и ценность. Фразеологизм подчеркивает, что истинная ценность или суть могут быть скрыты от глаз, и важно увидеть за внешней оболочкой настоящую природу объекта или человека.

Этот фрейм актуален не только в контексте человеческого восприятия, но и в более широком контексте принятия решений, где важно учитывать не только первое впечатление, но и более глубокие факторы, влияющие на оценку.

Следующий пример: *«Experience is the best teacher»* (перевод: «Опыт – лучший учитель».)

- Фрейм приведенного фразеологизма акцентирует внимание на концептах, связанных с обучением, личностным ростом и важностью практического опыта в

процессе познания. В этом фрейме можно выделить следующие ключевые элементы:

1. Опыт как источник знаний. Главный акцент сделан на том, что обучение, полученное через личный опыт, обладает гораздо большей ценностью и эффективностью, чем теоретические знания или рекомендации других людей.

2. Противопоставление теории и практики. Фразеологизм подчеркивает, что несмотря на важность теоретических знаний, именно опыт позволяет глубже понять концепции, справляться с трудностями и учиться на ошибках.

3. Процесс обучения через испытания. Этот фрейм включает идею, что через испытания и ошибки человек становится более мудрым и зрелым, развивает навыки, которые нельзя освоить исключительно через учебники.

4. Личностное развитие. Признание важности опыта как учителя указывает на то, что знание и умение становятся более прочными и реальными, когда они переживаются на личном уровне, через непосредственное взаимодействие с миром.

Фрейм данного фразеологизма акцентирует значение практического применения знаний и опыта в процессе роста, что делает его важным как в контексте личного развития, так и в профессиональной сфере. Этот фразеологизм перекликается с таджикским в акценте на роли опыта.

Высказывание *«Натобад саги сайд рӯй аз паланг, Зи рӯбаҳ рамад шери нодида ҷанг»* подчёркивает важность опыта и уверенности в формировании истинной силы. Смелость охотничьей собаки, основанная на её подготовке, контрастирует с трусостью льва, не имеющего опыта. Сравнение с английскими фразеологизмами, такими как *«Experience is the best teacher» и «Courage is not the absence of fear but the triumph over it»,* демонстрирует универсальность концептов, связанных с храбростью, опытом и внутренней силой.

Выражение из назидательного произведения Саади Шерози «Бустон» может быть рассмотрено с точки зрения метафтонимии, которая представляет собой когнитивный механизм, интегрирующий элементы метафоры и метонимии для передачи концептуальных смыслов. В данном случае фразеологизм использует метафорические и метонимические связи, чтобы передать более глубокие культурные и психологические значения.

Метафора выступает основным механизмом, который переносит характеристики животных на человеческие черты.

1. «Саги сайд» (охотничья собака):

- Метафорически представляет опытного и смелого человека, который умеет справляться с трудностями. Охотничья собака – символ подготовленности и решимости.
- Метафора основывается на атрибутах собаки, таких как охотничьи навыки, которые переносятся на человека с такими качествами, как храбрость и опыт.

2. «Шер» (лев) и «рӯбаҳ» (лиса):

- Лев символизирует силу и природное могущество, но в данном случае он лишён своего привычного статуса из-за отсутствия опыта. Это метафора необоснованной уверенности или поверхностной силы.

• Лиса символизирует меньшую угрозу, но её роль метафорически усиливается, подчеркивая страх льва перед неизвестностью.

3. Противопоставление «паланг» (тигр) и «рӯбаҳ» (лиса):

• Тигр метафорически символизирует серьёзную угрозу, с которой справляется опытный человек (или существо).

• Лиса, напротив, символизирует мнимую опасность, от которой неопытный человек (или лев) отступает.

Метонимия здесь выполняет функцию конкретизации метафорических образов через детали, которые подчёркивают связи между характеристиками и поведением:

1. «Саги сайд» → опыт и подготовка:

• Метонимия основывается на том, что охотничья собака в реальности ассоциируется с умением выслеживать и справляться с опасностью. Эти качества используются для обозначения опытного и решительного человека.

2. «Шери нодида ҷанг» → неопытность:

• Лев, который не участвовал в битвах, метонимически передаёт неопытность и страх перед неизвестным, несмотря на внешнюю силу и статус.

3. «Рӯбаҳ» → малозначительная угроза:

• Лиса (рӯбаҳ) метонимически символизирует малую опасность, но её образ усиливается через контраст с поведением льва, подчёркивая неадекватность реакции на неё.

Метафтонимия в этом фразеологизме заключается в том, что:

• метонимия уточняет и конкретизирует метафорические образы (животные становятся символами человеческих качеств);

• метафора обеспечивает перенос значений от конкретных животных к абстрактным концептам, таким как смелость, опыт или трусость.

Пример метафтонимии:

1. Саги сайд (охотничья собака):

• Метонимия: «охотничья собака» обозначает подготовленность и профессионализм.

• Метафора: эти качества переносятся на человека, создавая образ смелого и решительного индивида.

2. Шери нодида ҷанг (лев, невидавший битвы):

• Метонимия: конкретное поведение льва (страх перед битвой) указывает на неопытность.

Метафора: переносится на людей, у которых отсутствие опыта приводит к неадекватной реакции.

Фразеологизм *«Натобад саги сайд рӯй аз паланг, Зи рӯбаҳ рамад шери нодида ҷанг»* – пример сложной когнитивной конструкции, где метафтонимия используется для описания человеческих качеств через образы животных. Метафорические и метонимические элементы сочетаются следующим образом:

• Метафора переносит качества (смелость, трусость, опыт) с животных на людей.

• Метонимия конкретизирует метафору, связывая образы с реальными чертами поведения животных.

Таким образом, фразеологизм подчёркивает значимость опыта, уверенности и готовности справляться с реальными трудностями, противопоставляя их необоснованной силе и страху перед неизведанным. Когнитивно-дискурсивный анализ позволяет глубже понять, как фразеологизмы отражают мышление, культуру и функционируют в речи, соединяя их концептуальное содержание с реальным употреблением в контексте [2, с.6]. Этот фразеологизм можно рассматривать с точки зрения дискурсивного анализа, который фокусируется на контексте употребления, функциях, смыслах и социальных импликациях выражения в таджикской культуре.

Фразеологизм относится к *нравоучительному дискурсу* и часто используется в ситуациях:

• для подчёркивания важности опыта и подготовки;

• для осуждения трусости, замаскированной под силу;

• в педагогическом или этическом дискурсе, чтобы наставлять молодых людей или неопытных лиц.

Фразеологизм отражает базовые ценности таджикской культуры:

• Смелость и достоинство. Образ охотничьей собаки, которая не отворачивается от тигра, символизирует уважение к мужеству и решительности.

• Критика необоснованного страха. Лев, который боится лисы, является примером того, как отсутствие опыта обесценивает природную силу.

• Прагматизм и ответственность: Упоминание тигра и лисы акцентирует внимание на адекватной реакции в зависимости от уровня угрозы.

Функции фразеологизмов в дискурсе действительно существуют и играют важную роль в языке. Они могут включать экспрессивную, когнитивную, эмоциональную и другие функции, которые помогают фразеологизмам эффективно выполнять свою роль в общении. Эти функции раскрывают, как фразеологизмы влияют на восприятие и восстанавливают определённые концепты в дискурсе.

Этическая функция. Фразеологизм выражает нравственные принципы и передаёт важность соответствия поведения внутренней силе и внешним ожиданиям. Используется для осуждения трусости или неподготовленности.

Оценочная функция. В дискурсе фразеологизм часто применяется для:

• похвалы за смелость и опыт;

• критики за слабость и трусость.

Социальная функция. Он закрепляет культурные представления о том, что смелость представляет собой не только природное качество, но и результат воспитания и опыта.

Дискурсивные стратегии. Фразеологизм активирует несколько стратегий в общении:

1. Идентификация и сравнительная стратегия:

• Сопоставление двух противоположных моделей поведения: уверенности охотничьей собаки и трусости неопытного льва.

2. Контрастирование:

- Противопоставление реальной угрозы (тигр) и мнимой опасности (лиса).

3. Моральная апелляция:

- Обращение к слушателю с целью осуждения трусости или прославления смелости через аллегорические образы.

Анализ жанров и ролевых позиций в контексте фразеологии и дискурса предполагает исследование того, как фразеологизмы функционируют в различных жанрах общения и как они соотносятся с ролями участников дискурса. Фразеологизм чаще всего употребляется в:

- Поэтическом дискурсе (как часть нравоучительных произведений).
- Разговорном дискурсе (для наставления и обсуждения поведения).
- Религиозно-этическом дискурсе (как пример для объяснения правильного поведения).

Ролевые позиции в данном фразеологизме заключается в следующем:

1. Говорящий: Наставник, учитель, старший человек, у которого есть моральное право обучать.
2. Адресат: Молодое поколение, неопытные или те, кто допустил ошибку.

Проведём сравнение с английскими аналогами:

Fortune favors the brave (Судьба благоволит смелым)

- Контекст: Этот афоризм используется для похвалы решительности и действия. Он схож с таджикским выражением, но не акцентирует внимание на опыте, фокусируясь исключительно на смелости.

Appearances can be deceiving (Внешность обманчива)

- Контекст: Английский фразеологизм подчеркивает идею о том, что природная сила (лев) может не соответствовать первому впечатлению без подкрепления реальными действиями.

Courage without action is nothing (Храбрость без действий – ничто)

- Контекст: Перекликается с таджикским фразеологизмом в акценте на необходимости подкреплять силу действиями, не основываясь только на природной предрасположенности.

Дискурсивное значение фразеологизма:

- Фразеологизм формирует и закрепляет идею взаимосвязи между опытом, смелостью и адекватным поведением в ситуациях риска.

Он выполняет нормативную роль, определяя, какие качества (опыт и смелость) считаются социально приемлемыми и достойными.

Вводит в дискурс элемент манипуляции иллюзией силы, подчёркивая, что природное превосходство без опыта не гарантирует успеха.

Фразеологизм *«Натобад саги сайд рӯй аз паланг, Зи рӯбаҳ рамад шери нодида ҷанг»* – это сложный дискурсивный инструмент, отражающий культурные и этические нормы таджикского общества. Его употребление регулирует социальное поведение, укрепляя уважение к опыту и смелости и осуждая неоправданную трусость. Сравнение с английскими аналогами показывает, что концепты смело-

сти, опыта и иллюзии силы универсальны, но выражаются через разные культурные коды.

Представляем ментальную схему для фразеологизма

Натобад саги сайд рӯй аз паланг,
Зи рӯбаҳ рамад шери нодида ҷанг.

Общая структура ментальной схемы:

1. Вводная часть:

- Описание ситуации: Столкновение с опасностью или испытание.

2. Центральная концепция:

- Смелость: Пример опытной охотничьей собаки, которая без страха противостоит тигру.
- Трусость: Пример льва, не обладающего опытом, который избегает даже лисы.

3. Сравнение и вывод:

- Смелость обусловлена накопленным опытом и уверенностью.
- Трусость является следствием неопытности и отсутствия навыков.

Визуальная схема ментальной структуры:

Схема показывает, что истинная сила определяется не природой, а опытом и готовностью к действиям.

В заключение можно подчеркнуть, что обе культурные традиции предлагают как универсальные, так и культурно-специфичные выражения, раскрывающие взаимодействие метафоры и метонимии, которые формируют концептуальные значения ФЕ.

В ходе исследования выявлены ключевые ментальные схемы, лежащие в основе фразеологизмов, а также описана роль метафтонимии как когнитивного механизма, который интегрирует элементы метафоры и метонимии для передачи культурных и психологических значений. Примеры таджикских и английских фразеологизмов, таких как *«Натобад саги сайд рӯй аз паланг, Зи рӯбаҳ рамад шери нодида ҷанг», «Experience is the best teacher», «Courage is not the absence of fear but the triumph over it»,* показали, как концепты смелости, опыта и внутренней силы репрезентируются в различных языковых контекстах.

Ключевыми выводами исследования являются:

1. Когнитивная структура фразеологизмов подчеркивает значимость опыта и подготовки для формирования внутренней силы, которая превосходит природные качества.

2. Метафора и метонимия являются основными средствами формирования и передачи этих концептов в языке.

3. Дискурс-аналитический подход позволяет выявить социальные, этические и культурные функции фразеологизмов, акцентирующих внимание на моральных ценностях и практическом опыте.

Таким образом, внутренняя форма фразеологизмов способствует более глубокому пониманию не только языковых механизмов, но и культурных особенностей мышления, которые взаимодействуют с опытом, что способствует осмыслению связей между языком, культурой и образом мышления.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
3. Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: Словарь-справочник. (504 словарные статьи). – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 128 с.
4. Маджидов Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: монография. – Душанбе, 1995. – 472 с.
5. Мухиддинова Т.Х. Фразеологические единицы, выражающие лексику поверий и традиции в таджикском языке // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2022. – №2 (97). – С.88-92.
6. Обид Шакурзода. «Бустон» ё «Саъдинома»-и афсаҳ-ул-мутакаллимин Саъдии Шерозӣ. – Душанбе: «Главная научная редакция Таджикской национальной энциклопедии», 2021. – 720 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
8. Раджабова М.М. Понятие о внутренней форме коммуникативных фразеологических единиц в английском и таджикском языках // Учёные записки. – Душанбе, 2017. – №2 (51). – С.161-165
9. Талабов Т.С. Сопоставительный анализ фразеологических единиц таджикского и немецкого языков (на материале повести С.Айни «Смерть ростовщика»): дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Талабов Тагаймурод Сайфович. – Душанбе, 2015. – 152 с.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, фразеологический, культурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
11. Шамбезода Х.Дж. Современные тенденции развития лингвистики в Средней Азии // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №1(83). – С.90-95.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INTERNAL FORM OF PHRASEOLOGICAL UNITS: THE KEY TO THE CULTURAL PICTURE OF THE WORLD
(based on Saadi's «Buston» and English phraseological units)

Rustamzoda Shodimurod Rustam

Candidate of philological sciences,
associate professor of the university English chair
doctoral candidate
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17
Ph.: (+992) 777 11 26 96 (м.)
muallififarhang@gmail.com

The study is dedicated to the analysis of the internal form of phraseological units as a crucial element of their semantic structure, uniting cognitive, cultural, and linguistic aspects. The internal form serves as a unique «cognitive core» of phraseological units, linking their lexical components with cultural codes and mental models. The author notices its dual nature: on one hand, the internal form is based on the denotative meaning of its components, and on the other, it reflects culturally specific images and associations. It plays a key role in reflecting the mental models and cultural codes that constitute the linguistic worldview.

It is emphasized that the dual nature of the internal form of phraseological units. On one hand, it can be «transparent, » where its meaning is apparent from the context or structure; on the other hand, it can be «opaque» requiring deep contextual analysis and reference to specialized sources. This aspect emphasizes the multilayered nature of phraseological meanings and their adaptability in various discursive practices.

Particular attention is paid to the role of phraseological units in shaping and transmitting sociocultural stereotypes, moral values, and ethical attitudes. The author examines the discursive functions of phraseological units, their ability to create stable cultural images and reproduce cultural norms in communication.

The conclusions of the article emphasize the importance of studying the internal form of phraseological units as a key aspect of their cognitive and semantic structure. It not only provides a connection between the components of phraseological units but also serves the function of interpreting and transforming reality through the lens of language. Thus, phraseological units are complex cognitive and cultural constructions that contribute to the formation of national consciousness and cultural identity.

Keywords: Saadi; Bustan; phraseological units; internal form; metaphor; metonymy; metaphtonymy; frame; mental schema; discourse; cognitive-discursive analysis; scenario; slot.

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ ШАКЛИ ДОХИЛИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМҲО: КАЛИДИ ТАСВИРИ МАДАНИИ ҶАҲОН (дар маводи «Бӯстон»-и Саъдии Шерозӣ ва фразеологизмҳои забони англисӣ)

Рустамзода Шодимурод Рустам

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи умумидонишгоҳии забони англисии
докторант
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рудакӣ, 17
Тел.: (+992) 777 11 26 96 (м.)
muallififarhang@gmail.com

Таҳқиқ ба таҳлили шакли дохилии воҳидҳои фразеологӣ (ВФ) ҳамчун унсури муҳимтарини сохтори семантикии онҳо, ки ҷанбаҳои когнитивӣ, фарҳангӣ ва забониро тавъам месозад, бахшида шудааст. Шакли дохилӣ ҳамчун «ядрои когнитивӣ»-и махсуси фразеологизмҳо маҳсуб ёфта, таркиби луғавии онҳоро бо рамзҳои фарҳангӣ ва моделҳои зеҳнӣ мепайвандад. Муаллиф ба табиати дугонаи он таваҷҷуҳ мекунад: аз як тараф, шакли дохилӣ асоси маънои денотативии ҷузъҳо мебошад ва аз тарафи дигар, образҳову алоқамандии фарҳангӣ ва хосро муҷассам месозад. Он дар таҷассуми моделҳои зеҳнӣ ва рамзҳои фарҳангӣ, ки тасвири забонии ҷаҳонро ташкил медиҳанд, нақши калидӣ мебозад.

Таъкид мешавад, ки шакли дохилии ВФ дорои табиати дугона аст. Аз як тараф, он метавонад «шаффоф» бошад, вақте ки маънои он аз матн (контекст) ё сохтор равшан аст, ва аз тарафи дигар – «торик», ки таҳлили амиқи контекстуалӣ ва ишора ба манбаъҳои махсусро талаб мекунад. Ҷанбаи мазкур бисёрқабата будани маънои фразеологизмҳо ва мутобиқати онҳоро дар амалҳои гуногуни дискурсивӣ махсус қайд мекунад.

Ба нақши ВФ дар ташаккул ва интиқоли стереотипҳои иҷтмоӣ-маданӣ, арзишҳову дастурҳои ахлоқӣ эътибори махсус дода шудааст. Муаллиф вазифаҳои дискурсивии фразеологизмҳо, тавоноии онҳо дар эҷоди тасвирҳои устувори фарҳангӣ ва таҷдиди меъёрҳои фарҳангиро дар раванди муошират баррасӣ мекунад.

Натиҷаҳои мақола аҳаммияти таҳқиқи шакли дохилии фразеологизмҳоро ҳамчун ҷанбаи калидии сохтори когнитивӣ ва семантикии онҳо таъкид мекунанд. Он на танҳо робитаи байни ҷузъҳои фразеологизмҳоро таъмин мекунад, балки вазифаи тавзеҳ ва таҳвили воқеиятро тавассути призмаҳои забон иҷро мекунад. Бинобар ин, фразеологизмҳо сохтори мураккаби когнитивӣ ва фарҳангиро ташкил медиҳанд, ки ба ташаккули худшиносии миллӣ ва айнияти фарҳангӣ мусоидат мекунанд.

Калидвожаҳо: Саъдӣ; Бӯстон; фразеологизм; шакли дохилӣ; метафора; метонимия; метафтонимия; фрейм; қолиби зеҳнӣ; дискурс; таҳлили когнитивӣ-дискурсивӣ; сенарий; слот.

УДК 81-26

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ДИХОТОМИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ: АНАЛИЗ ФРАЗЫ Л.В.ЩЕРБЫ «ГЛОКАЯ КУЗДРА…»

Кобылко Ярослав

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка №2
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 53 22, доб. 15 21
kobylko-ya@rudn.ru

Целью статьи является описание с точки зрения системной лингвистики языковых и речевых процессов, происходящих вне и в речевой деятельности на примере анализа экспериментальной фразы Л.В.Щербы «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бакрёнка». В статье представлены классические теоретические принципы дихотомии языка и речи, с выявлением неоднозначных для не лингвиста взаимосвязей: язык – речь и речь – язык. Анализ квазипредложения «Глокая куздра …» позволил отразить эту закономерность на конкретном языковом материале, а также объяснить процессы, происходящие в языковой системе, описать её элементы и взаимоотношения между ними, наглядно показать особенности типологического языкознания – идеально выстроенного предложения флективно-синтетического грамматического строя. Представленный анализ, несмотря на искусственность языкового материала, сможет помочь начинающим лингвистам наглядно рассматривать систему языка и её взаимосвязь с речью.

Ключевые слова: системная лингвистика; грамматика; семантика; дидактика; индоевропейские языки.

Введение

Основная цель лингвистических дисциплин (введение в языкознание, общая и частная, теоретическая и прикладная лингвистика, сравнительно-сопоставительная, типологическая лингвистика и др., к тому же, разделы лингвистики в соответствии с разными сторонами её предмета: фонетика, морфология, лексикология и др.), особенно на первых этапах её изучения, в первую очередь, – научное осмысление её объекта, т.е. языка, а тем самым, дальнейшее рассмотрение языка или языков уже не только с точки зрения его носителя, а с точки зрения специалиста – лингвиста. Для реализации этой цели могут помочь дидактические подходы с опорой на конкретный языковой материал: в данной статье таким примером послужит экспериментальная фраза Л.В.Щербы «Гло́кая ку́здра ште́ко будлану́ла бо́кра и курдя́чит бокрёнка» – именно этот вариант (существует несколько) послужит настоящему анализу.

На начальном этапе лингвистического осмысления языка, ключевым является рассмотрение целей его изучения: во-первых, это изучение языка для осуществления речевой деятельности (например, современные языки: русский, английский, французский и т.д.), и, во-вторых, рассмотрение языка или языков как инструмента для лингвистических исследований (современные языки, искусственные, древние – мёртвые).

Что касается языка как родного или иностранного, то основной целью его изучения будет общение, т.е. понимание друг друга. Носитель родного языка или человек изучающий неродной язык не обязан в данном случае вникать в систему и структуру языка (несмотря на то, что человек изучает язык именно по той же схеме – языковой системе), но обязан употреблять язык в устной и/или письменной речи. В таком случае обучающими достигаются определённые уровни знания языка, каждому из которых соответствует определенный набор языковых умений.

В случае изучения (рассмотрения) лингвистом языка или языков, иногда целых семейств, многих, как современных, так и древних, живых и мёртвых, а даже искусственных языков или их элементов с языковедческой точки зрения не требует от него употребления языка в речи. В таком случае необходимым будет подход рассмотрения языка как научного объекта – системы, функционирование которой обеспечивают различные взаимоотношения языковых подсистем и их элементов, образующих структуру, выстраивающуюся по естественно заданным правилам. Разнообразие этих процессов приводит иногда к неоднозначному определению языковедческих свойств.

Каждая подсистема, в зависимости от запроса надсистемы, развивается неодинаково – лексический и семантический уровни, как правило, более подвижные, чем морфологический и синтаксический, но тем не менее, подвижность лексико-семантического уровня со временем может вносить изменения в грамматике. В случае, когда, например, лексикология подвергается изменению, а грамматика, исполняющая роль скелета языка – статична, может возникнуть отсутствие единообразия языкового элемента (чаще всего слова) на разных уровнях языковой системы и вслед за этим возникает разное понимание, а тем самым подходы к изучению языковых элементов и языка в целом.

Поэтому, для осмысления языка как научного объекта, будем рассматривать язык с точки зрения системной лингвистики как саморегулирующуюся систему, в которой стороны языка взаимосвязаны и для углубления знаний об этих связях нужно, особенно, изучать способы разграничения слов в потоке речи [2, с.282].

В таком случае возникает вопрос: насколько носитель языка владеет знаниями о нём и его системе, или интуитивно употребляет его в речи. Умение увидеть, а затем разграничить оба эти взгляда является ключевым для осмысления языка как объекта науки – лингвистики.

Речевая деятельность как дихотомия языка и речи

Проблема разграничения языка (собственно языка) и речи привлекала внимание лингвистов с начала XIX века. Ею занимались такие известные ученые, как В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, А.А.Потебня, Ф.Ф.Фортунатов, Л.В.Щерба и др.

Термин «речь», как и термин «язык», неоднозначны. Вопрос о разграничении, а даже противопоставлении внутри *речевой деятельности языка* и *речи* ставил Ф. де Соссюр: «рассмотрение любого факта *речевой деятельности* заставляет нас отличать *речь* от *языка* и определяет последний как вместилище форм, содержащихся в мысли актуально или потенциально» [4, с.13].

А.А.Холодович в труде «О «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра» книги «Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию» (1977), предполагал, что если бы Ф. де Соссюр опубликовал третий цикл лекций «Курса общей лингвистики», один из параграфов мог бы выглядеть так: «*Речевая деятельность* как дихотомия *языка* и *речи*; *язык* как система знаков, конкретная и гомогенная; *речь* как манифестация языка» [4, с.17].

Л.В.Щерба, различал *речевую деятельность* (у Л.В.Щербы: процессы говорения и понимания – *прим. автора*) и *языковую систему* (у Л.В.Щербы: словарь и грамматика – прим. авт.), указывая при этом на их зависимость: процессы *говорения и понимания* возможны благодаря *языковой системе*, которая не дана ни в психологическом, ни в физиологическом непосредственном опыте, а выводится только лишь из *языкового материала* - «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [5, с.26].

Подтверждение вышесказанного можно наблюдать в эволюции древних языков до современного их состояния: эволюция, например, языков индоевропейской семьи, в некоторых случаях показала, насколько современные языки, по происхождению восходящие от одного предка, разошлись в своих системах и даже их ядрах – грамматиках. Если считать, что языки индоевропейского происхождения являются или были флективно-синтетическими, то современная картина указывает на сильные расхождения и, из-за развития аналитических форм, тяготения индоевропейских языков к другим грамматическим типам (например, английский, французский, немецкий, персидский и др. индоевропейские языки).

К теории Ф. де Соссюра, рассматривающего *язык* и *речь* как связанные между собой, но независимые сферы *речевой деятельности*, существенным является концепция Л.В.Щербы об аспектах искусственно разграничиваемого единого целого – *речевой деятельности*, «так как очевидно, – писал Л.В.Щерба, – что *языковая система* и *языковой материал* – это лишь разные аспекты единственно данной в опыте *речевой деятельности*, и так как не менее очевидно, что *языковой материал* вне *процесса понимания* будет мертвым, само же *понимание* вне как-то *организованного языкового материала* невозможно» [5, с.26].

Языковая система имеет «некую социальную ценность, нечто единое и общеобязательное для всех членов данной общественной группы, объективно данное в условиях жизни этой группы. <...> Но само собой разумеется, что сама эта

психофизиологическая речевая организация индивида вместе с обусловленной ею речевой деятельностью является социальным продуктом» [5, с.27, 25].

В «Очередных проблемах языковедения» Л.В.Щерба образно конкретизировал: «Если бы наш лингвистический опыт не был упорядочен в виде какой-то системы, которую мы и называем грамматикой, то мы были бы просто понимающими попугаями, которые могут повторять и понимать только слышанное» [6, с.48].

Таким образом *языковая система* необходима для выстраивания *речи в речевой деятельности* носителей языка, а тем самым она является проявлением самого *языка*. *Речь* и *язык* взаимосвязаны, но этот факт является очевидным только в том случае, когда носитель *речи* осознаёт *языковую систему* и непосредственное её отражение в речи (синяя линия в рис. 1). Язык без речи будет мёртвым, а сама речь вне языка будет невозможна, а тем самым зависима от него. Речь является необязательной для сформировавшегося языка, но по разным причинам, не функционирующего в речевой деятельности. Примером такого языка является латинский, не имеющий своих носителей, но как языковая система, служивший лингвистическому изучению. Вторым случаем независимости речи и языка будут языки искусственные, созданные для специальных целей (например, церковнославянский).

Дихотомию *речевой деятельности* на *язык* и *речь* с их неоднородными взаимосвязями предлагаем описать следующим образом и представить в инфографике (Рис.1): синяя линия – «скрытая» для неспециалиста, но одновременно говорящая о безусловной зависимости речи от языка – не наоборот (сформировавшийся язык может существовать без речи); сплошные линии – зависимость элементов; прерывистые линии – не обязательные взаимосвязи. Таким образом, язык – обязательное условие для речевой деятельности – 1; речевая деятельность факультативна для сформировавшегося языка (например, вымершие, искусственные языки, языки для специальных целей) – 2; речь обязательна для речевой деятельности – 3; речевая деятельность обязательна для речи – 4; речь не обязательна для сформировавшегося языка – 5; язык обязателен для речи (для носителя языка эта связь является интуитивной) – 6.

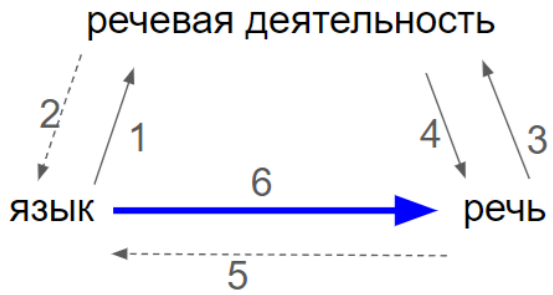


Рис. 1. Речевая деятельность как дихотомия языка и речи

Язык или языковую систему и её элементы можно рассматривать с двух основных точек зрения, мы их назовём: «абстрактная» точка зрения – не лингви-

стическая, обыденная, больше связанная с лексико-семантическим уровнем; «формальная» – лингвистическая, больше связанная с морфолого-синтаксическим (грамматическим) уровнем языковой системы.

Привести неспециалисту, конкретную дефиницию для термина «язык» гораздо сложнее, чем может казаться, несмотря на то, что этим объектом он пользуется чаще, чем объектами других наук. Толкование «языка» с точки зрения «абстрактности» будет разным в зависимости от профессии носителя языка, места в котором он находится, того, чем в данный момент он занимается и т.д. В таком случае приводятся основные функции языка, напомним: коммуникативная, общения, аккумулятивная: накопление человеком знаний, эмотивная: проявление эмоции; волюнтативная: выражение своей воли, когнитивная: с помощью языка человек думает и т.п.

Для лингвистических исследований ориентироваться на вышеуказанные функции не обязательно, так как можно исследовать языки, не употребляя их в речи.

Неспециалисты «видят язык» с лексического уровня языковой системы. Этот уровень наиболее очевиден, так как он состоит из полноценно выстроенных знаков (слов), обладающих грамматическими, а что важнее, лексическими значениями. Это, чаще всего, меняющиеся «на глазах» носителей языка элементы.

Не столь очевидными и осознанными являются те элементы языковой системы, которые в её структуре занимают место до лексического уровня, т. е. фонетика, фонология, морфология, морфемика, словообразование и др., тем самым, не имеющими единиц или знаков с полноценно выстроенными значениями, но являющимися необходимым материалом для создания предложения (рис.2).

Таким образом, можно провести аналогию с любыми другими объектами, которыми пользуются люди. Так, например, пользователь телефона не знает и не вникает в его конструкцию, состав и т. п., но знает какие функции телефон выполняет для осуществления удобств пользователя.

Рис.2. Структура элементов уровней языковой системы

С лингвистической точки зрения язык – это *саморегулируемая система*, которая обладает *детерминантой*, выступающей как системообразующее свойство. Тем самым система без детерминанты существовать не будет.

Детерминанта системы языка – «ядерное понятие системной лингвистики, поскольку без выведения детерминанты невозможно осуществление главной цели системной лингвистики как науки – осознания языка как системы, т. е. как адаптивного (приспосабливающегося к изменяющимся условиям) самонастраивающегося (изменяющего свои параметры вне действия осознаваемой направленной воли человека) взаимосвязанного и взаимозависимого целого, выполняющего определенную функцию в более крупной системе, то есть в надсистеме или, точнее, в нескольких надсистемах – в мышлении, сознании, обществе» [1, с.172].

Зачастую носитель родного языка, а значит языка, который он начал употреблять в речи стихийно, не будет (и не обязан – по нашему мнению) осмыслять языковую систему, её структуру, а тем самым правила, по которым она работает. Ребёнок, который ещё не начал обучаться в школе, не сможет объяснить почему таким образом просклонял глагол, выбрал падеж, выстроил синтаксически правильное предложение. В эксперименте, проведённом на одной из лекций по курсу «Введение в языкознание» 1-ого курса среди филологов носителей русского языка как родного и носителя русского языка как иностранного, на вопрос: В примере «Я вижу брата», в каком падеже стоит объект? Носители русского языка как родного ответили, что это падеж родительный, т. к. вижу (кого?) брата. Носитель русского языка как иностранного, ответил: «падеж четыре» (винительный), т. к. вопрос (кого?) после глагола «видеть» 1, а Р. п. быть не может, т. к. в основном в нём нет глаголов (кроме: желать, бояться, лишаться и т. д., гл. движения (из/с), гл. с отрицанием не-).

Поэтому, знание системы языка, структуры и правил, в рамках которых он выстраивается и знание речи – разные знания одного и того же лингвистического объекта – языка.

Анализ фразы Л.В.Щербы «Глокая куздра…»

Экспериментальная фраза Л.В.Щербы «Гло́кая ку́здра ште́ко будлану́ла бо́кра и курдя́чит бокрёнка», построена из квазислов с помощью искусственных корней, но нормативных в русском языке аффиксов, суффиксов, окончаний после которых следуют служебные морфемы из ограниченного набора, подходящего для предыдущей части речи (например, после морфемы прилагательного русс. *-ая* может последовать исключительно *-а, -я,* или *-ь*).

Несмотря на свою искусственность она является синтаксически законченным предложением с завершённой «мыслью». Следовательно, это элемент языковой системы, который можно назвать её пиком, а тем самым, может послужить для переосмысления «языка» – рассмотрению его с точки зрения «формальной» и «абстрактной».

Вслед за этим может послужить для анализа и дальнейшего объяснения тем ряда лингвистических дисциплин (морфологии, синтаксиса, морфемики, фонетики (возможные влияния на грамматику редукции звуков в конце слов), семантики и др.), процессов происходящих в языковой системе, описанию её элементов и взаимоотношений между ними, наглядно показать особенности типологического

языкознания – идеально выстроенного флективно-синтетического грамматического строя.

Основную как формальную (грамматическое значение) так и абстрактную (лексическое значение) информацию в данной фразе несут исключительно служебные морфемы. Единственным исключением будет «бокр» и «бокрёнек», в которых одинаковый корень будет указывать на родственную связь этих представителей: «бокрёнек» – это детёныш «бокра», а не другого персонажа.

Учитывая, что корни являются искусственными, выдуманными то для проведения морфологического анализа мы от них избавимся и выведем грамматические значения для аффиксов, от которых мы получим следующую информацию о каждом члене предложения:

«_ая» – прилагательное женского рода в именительном падеже и единственном числе;

«_а» – подлежащее, существительное женского рода в именительном падеже и единственном числе;

«_о» – наречие, не может быть, например, имя существительное среднего рода, так как его место после существительного «куздра» (в данном случае могло бы быть, например, имя существительное в родительном падеже, но в таком случае не могло бы быть окончания *–а*)

«_ла» – глагол прошедшего времени женского рода;

«(бокр)а» – имя существительное мужского рода винительного падежа исключительно одушевлённое, т. к. находится после глагола «-ла»;

«и» – союз;

«_ит» – глагол настоящего времени, а тем самым несовершенного вида;

«(бокр)ёнка» – ласкательно-уменьшительное имя существительное мужского рода винительного падежа, исключительно одушевленное.

Такой формально-морфологический разбор суффиксов даёт настолько абстрактной информации, что даже без корней можно определить субъект, объект и действия, которые между ними происходят. Благодаря только аффиксом можно произвести общую картину. Таким образом, флективно-синтетическому языку не нужны полноценные слова, чтобы выйти на уровень синтаксиса.

С другой стороны, не разбирая этих суффиксов (не слов) с морфологической стороны, и даже не зная о их грамматических значениях, носитель языка, не специалист, с абстрактной стороны, интуитивно, тоже поймёт эту фразу примерно так: *‘Некая «она» совершила действие с ним, а затем начала действовать против его сородича’*.

Этой информации достаточно для того, чтобы воспроизвести персонажей и процессы, о которых сообщает эта фраза, а тем самым не сложным будет на её основе нарисовать картину или снять фильм. Общая картина всех произведений будет совпадать.

Такое возможно за счёт формальности и одновременной абстрактности морфем в русском, а также других флективно-синтетических языках. Таким образом, корень в большей степени отвечает за абстракцию в слове – он несёт лексическое значение, в некоторых случаях, однако, может нести и значение формальное –

грамматическое (например, корневые слова, внутренняя флексия). Аффиксы отвечают за грамматическое значение, но, как это наглядно показано во фразе «Глокая куздра ...», добавляют слову смысл или дополнительное созначение. Иногда, в паре слов с одинаковым корнем, но разными аффиксами, созначения могут быть даже противоположными, например, в паре слов *въехать* и *выехать* лексическое значение, полученное от корня, не меняется – *'движение на транспорте'*, однако за счёт служебных морфем до противоположного меняется созначение этих слов, а тем самым, требует отдельного описания: *въехать – 'перемещаться на транспорте внутрь или в пределы чего-либо'*, *выехать – 'перемещаясь на транспорте, покидая какое-либо место'*. Из-за аффикса тоже может утратиться значение корня в слове: *вымытый* – это *'чистый, подвергался процессу мытья*', а *немытый – 'грязный, процессу мытья даже не подвергался*', но слово содержит указывающий на этот процесс корень *-мыт-*. Замена аффикса может поменять значения, и в случае глагола, повлиять на согласование с падежом, а тем самым внести изменения на уровне синтаксиса, например, *учить* (*что? В.п.*) и *учиться* (*где? П.п.*).

Формальный подход к изучению языка, особенно многих современных языков индоевропейского происхождения, требует от лингвиста рассмотрения языка с точки зрения типологического языкознания, начиная с грамматического уровня (морфологии, синтаксиса, в некоторых случаях фонетики) языковой системы. Особенно это касается языков, которые в большей степени сохранили флективный грамматический тип, например, синтетические: славянские, латинский; аналитические: французский, английский, испанский.

Г.П.Мельников идеальный флективный грамматический тип характеризовал тем, что «языки с морфологией этого типа могут содержать и корневые, и служебные морфемы, причем как те, так и другие могут быть аналитическими и синтетическими. Следовательно, языки этого типа должны проявлять черты (других грамматических – *прим. автора*) типов (изолирующих, инкорпорирующих, агглютинативных – *прим. автора*). Очевидно также, что и с точки зрения образования более крупных единиц сообщения, чем слова, во флективном языке могут быть использованы и аналитические конструкции, и средства выражения отношений слов во фразе, которые развиты в агглютинативно-инкорпорирующих языках. Кроме того, возможность синтетических корневых морфем принципиально допускает использование тех средств выражения, которые наиболее типичны для аморфных кодовых систем <…>» [3, с.266].

Главным различием между грамматическими строями И.А.Бодуэн де Куртенэ определял в связях между элементами речевого потока (Бодуэн де Куртенэ, 1963:103-107): во флективных языках говорящий «намекает» на элементы последующих звеньев речевого потока, т. е. грамматические значения закреплены за аффиксами (чаще всего окончания) одной части речи намекают на последующие части речи.

Пример такого намекания, а тем самым наглядно указывающим принцип построения флективного предложения, указан Л.В.Щербой в его известной экспериментальной фразе.

Таким образом, в данной фразе, немаловажным является порядок морфем в слове, который, последовательно, сообщает о порядке и уточняет набор морфем для последующего слова или слов, например, окончание *-ая* в слове *«глок*ая*»*, намекает нам на состав и порядок морфем в словах, следующих далее, а значит, во втором слове, кроме как имени существительного женского рода единственного числа именительного падежа, т.е. слова с окончанием *-а* (*«куздр*а*»*), *-я, -ь* быть не может. Вслед за этим «*глокая*» передаёт грамматическую информацию также на глагол, который, следовательно, тоже должен соответствовать женскому роду: «*будланул*а». Таким образом грамматическое значение первого слова переносится на следующее слово или слова.

Замена аффикса разрушит синтаксическую цепочку, а тем самым повлияет на абстрактное восприятие предложения, например, если окончание *-ая*, поменяем на *-ую* (*«глок*ую*»*), то для последующего слова будет доступен набор окончаний с грамматическим значением винительного падежа: *-у* (*«куздр*у*»*), *-ю*. Таким образом, получим словосочетание *«глок*ую *куздр*у*»*, вслед за которым уже не может последовать глагол «будланула», т. к. субъект «глокая куздра» преобразовался в объект «глокую куздру». Приведём возможные примеры выстроенных предложений: в оригинале: *«Глокая куздра буланула бокра и кудрячит бокрёнка»*, после замены окончания *-ая* на *-ую* в первом слове: *«Глокую куздру будланул бокр и кудрячит бокрёнка»*, аналогично *«Бокр будланул глокую куздру и кудрячит бокрёнка»*.

В таком случае совершенно меняется понимание этой фразы. Нарисованные по этим двум фразам картины будут кардинально отличаться.

Заключение

Дихотомия речевой деятельности на язык и речь требует рассмотрения, неочевидных на первый взгляд, взаимосвязей между этими тремя элементами. Наименее очевидным для неспециалиста является взаимосвязь языка и речи. Формально-лингвистический взгляд на язык как систему позволит осознать непосредственное её отражение в речи. Сформировавшиеся языки могут не зависеть от речи, хоть и даже мёртвые (например, диалекты, в какой-то степени латинский) или никогда не будучи языками общения (например, старо- или церковнославянский), тем не менее, в пространстве лингвистических учений они существуют и существовать будут.

Образным примером для переосмысления языка как научного объекта, а также для объяснения процессов, происходящих в языковой системе, описания её элементов и взаимоотношений между ними является проанализированная в статье фраза Л.В.Щербы «Глокая куздра…», состоящая из квази-слов, но тем не менее, отражающая структуру и правила системы флективно-синтетического языка. Несмотря на искусственность этой фразы, кроме формального порядка можно воспроизвести общую картину происходящего.

Многие лингвистические аспекты можно объяснить на экспериментальном предложении, которое на первый взгляд является непонятным, но интуитивное его понимание, а также лингвистический анализ позволяют раскрыть частичное его восприятие. Такой подход показывает возможность воспринимать язык

непрофессионально и лингвистически, что безусловно позволяет переосмыслить его как научный объект.

Литература

1. Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Принцип порождения понятийных полей в лингвистической концепции Г.П.Мельникова // Вестник славянских культур. – 2019. – Т.51. – С.168-183.
2. Мельников Г.П. Морфологический строй языка и средства словоразграничения // Исследования по фонологии. – М.: Наука, 1966. – С.263-284.
3. Мельников Г.П. Системная типология языков. – М.: Наука, 2003. – 395с.
4. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – 696с.
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 427с.
6. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – 4-е изд. – URSS, 2008. – 432с.

SPEECH ACTIVITY AS A DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH: ANALYSIS OF L.V.SHCHERBA'S PHRASE "GLOKAYA KUZDRA..."

Kobylko Yaroslav

Candidate of philological sciences,
associate professor of the Russian language chair №2
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 53 22, ext. 15 21
kobylko-ya@rudn.ru

The aim of the article is to describe, from the point of view of systemic linguistics, the language and speech processes occurring outside and in speech activity using the example of the analysis of the experimental phrase by L.V.Shcherba "Glokaya kuzdra shteko budlanula bokra and kudryachit bakryonka". In the article, the classical theoretical principles of the dichotomy of language and speech are presented, identifying ambiguous relationships for a non-linguist: language – speech and speech – language. The analysis of the quasi-sentence "Glokaya kuzdra ..." made it possible to reflect this pattern on specific language material, as well as to explain the processes occurring in the language system, describe its elements and the relationships between them, and clearly show the features of typological linguistics – an ideally constructed sentence of an inflectional-synthetic grammatical structure. The presented analysis, despite the artificiality of the language material, can help novice linguists clearly examine the language system and its relationship with speech.

Keywords: systemic linguistics; grammar; semantics; didactics; Indo-European languages.

ФАЪОЛИЯТИ НУТҚӢ ҲАМЧУН ДИХОТОМИЯИ ЗАБОН ВА СУХАН: ТАҲЛИЛИ ИБОРАИ Л.В.ШЕРБА «ГЛОКАЯ КУЗДРА...»

Кобилко Ярослав

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони русии №2
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 53 22, иловагӣ 15 21
kobylko-ya@rudn.ru

Ҳадафи мақола аз нуқтаи назари забоншиносии системавӣ тавсифи равандҳои забон ва нутқ дар берун ва дар фаъолияти нутқ бо истифода аз таҳлили ибораи таҷрибавии Л.В.Шерба “Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрёнка” мебошад. Дар мақола принсипҳои назариявии классикии дихотомияи забон ва нутқ пешниҳод гардида, муносибатҳои норавшан барои ғайризабоншинос: забон – гуфтор ва нутқ – забон ошкор карда шудаанд. Таҳлили қисми ҷумлаи «Глокая куздра...» имкон дод, ки ин қолабро дар маводи мушаххаси забонӣ инъикос намоем, инчунин равандҳои дар системаи забон ба амал омадаро шарҳ диҳем, унсурҳои он ва муносибатҳои байни онҳоро тасвир намуда, хусусиятҳои забоншиносии типологӣ – ҷумлаи идеалии сохташудаи сохтори флективӣ-грамматикӣ-синтетикиро равшан тасвир намоем. Таҳлили пешниҳодшуда, сарфи назар аз сунъияти маводи забоншиносӣ, метавонад ба забоншиносони навкор барои ба таври возеҳ таҳқиқ намудани системаи забон ва робитаи он бо нутқ кӯмак расонад.

Калидвожаҳо: забоншиносии системавӣ; грамматика; семантика; дидактика; забонҳои ҳинду-аврупоӣ.

УДК 001:316.77:659.4

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Дуктова Любовь Георгиевна

Кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела белорусской литературы XX и XXI столетий
Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»
220072, Республика Беларусь, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2,
Тел.: +3752 97 46 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Шарапова Елена Васильевна

Старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Белорусско-Российский университет»
212000, Республика Беларусь, Могилев, проспект Мира, 43
Тел.: +375(29) 746 92 21
elenasharapova@tut.by

В статье рассмотрены два аспекта научной коммуникации. Во-первых, изучается коммуникация по апробации результатов научного исследования и формированию репутационного капитала ученого внутри профессионального сообщества. В числе основных тенденций, влияющих на развитие научной коммуникации, – цифровизация, с которой связано появление и функционирование электронных библиотек, создание профилей ученых в электронных базах данных, использование возможностей искусственного интеллекта для популяризации научного знания, мониторинг развития глобального пространства университетской науки с помощью рейтингов (например, ARWU, THE WUR, QS World University Rankings, Webometrics, Ranking Web of Repositories), рост проектов, связанных с реализацией такого направления корпоративных стратегий компаний, как социальная ответственность (патронирование исследований молодых ученых) и др. Во-вторых, изучается научная коммуникация, связанная с популяризацией научных исследований и формированием имиджа ученого для массовой аудитории. Среди основных направлений работы структурного подразделения научной организации (учреждения), связанного с PR-деятельностью, – работа с журналистами, организация, проведение и освещение научных мероприятий, специальных мероприятий, управление коммуникативными ресурсами организации, являющимися источниками информации и площадками для коммуникации в научной коммуникации и др.

Ключевые слова: научная коммуникация; СМИ; популяризация науки; имидж; продвижение; научная организация.

Введение

В международной практике выделяют два подхода к определению понятия «научная коммуникация». Во-первых, «scientific communication» («коммуникация в науке») – коммуникация по апробации результатов научного исследования и формированию репутационного капитала ученого внутри профессионального сообщества. Различные аспекты феномена научной коммуникации рассмотрены в работах «Современные научные коммуникации: особенности, тенденции изменения, влияние на развитие науки» Е.Канатниковой [3], «Духовные императивы научной коммуникации» С.Долиной [1], «Опыт социологического исследования научной коммуникации» А.Мозговой [5], «Научная коммуникация в информационном обществе: социологический анализ» А.Широкановой [11], «Коммуникация в науке и феномен научного открытия» С.Филиппова [9], «Трансформации научных коммуникаций в процессе формирования современного виртуального пространства: философско-методологический анализ» В.Родиной [7], «Академические социальные сети в процессе цифровой трансформации научной коммуникации» Г.Николаенко [6] и др. Во-вторых, «science communication» – популяризация научных исследований и формирование имиджа ученого для массовой аудитории. Основные направления развития научной коммуникации в данном ракурсе рассмотрены в работах «Научная коммуникация: Руководство для научных пресс-секретарей и журналистов» М.Шипмана [10], «Популяризация науки в медиатекстах журнала “Беларуская думка”» Ю.Лукьянюк [4], «Научная коммуникация в современной медиасреде: фактор публичности» И.Тельновой [8] и др. Цель исследования – охарактеризовать основные тенденции и направления развития научной коммуникации.

Основная часть

Затрагивая вопрос специфики научной коммуникации внутри профессионального сообщества, целесообразно рассмотреть такие направления, как подготовка научных публикаций, наукометрические индексы публикационной активности ученых, онлайновые научные коммуникации, организация и проведение научных мероприятий. В числе основных тенденций, которые влияют на развитие научной коммуникации, – цифровизация, с которой связано появление и функционирование электронных библиотек, создание профилей ученых в электронных базах данных, использование возможностей искусственного интеллекта для популяризации научного знания и др. Процессы цифровизации оказали влияние на развитие научной инфраструктуры. Наряду с традиционными печатными версиями научных изданий (монографий, сборников научных работ, сборников тезисов или материалов научных конференций, научных журналов и др.) появились электронные площадки как формы научной коммуникации:

- электронные библиотеки (например, научная электронная библиотека elibrary.ru, электронная библиотека «Киберленинка» (https://www.cyberleninka.ru), библиотека диссертаций и авторефератов dslib.net, библиотека академических журналов, книг и первоисточников JSTOR);

• электронные архивы: хранилище препринтов (например, архив электронных научных публикаций и препринтов arxiv.org (тематика: физика, математика, информатика, биология, финансы, статистика, экономика и др.) (рис.1), электронный архив ChemWeb.com (тематика: химия), электронный архив Social Science Research Network (тематика: менеджмент, экономика и др.), электронный архив RePEc (тематика: экономика);

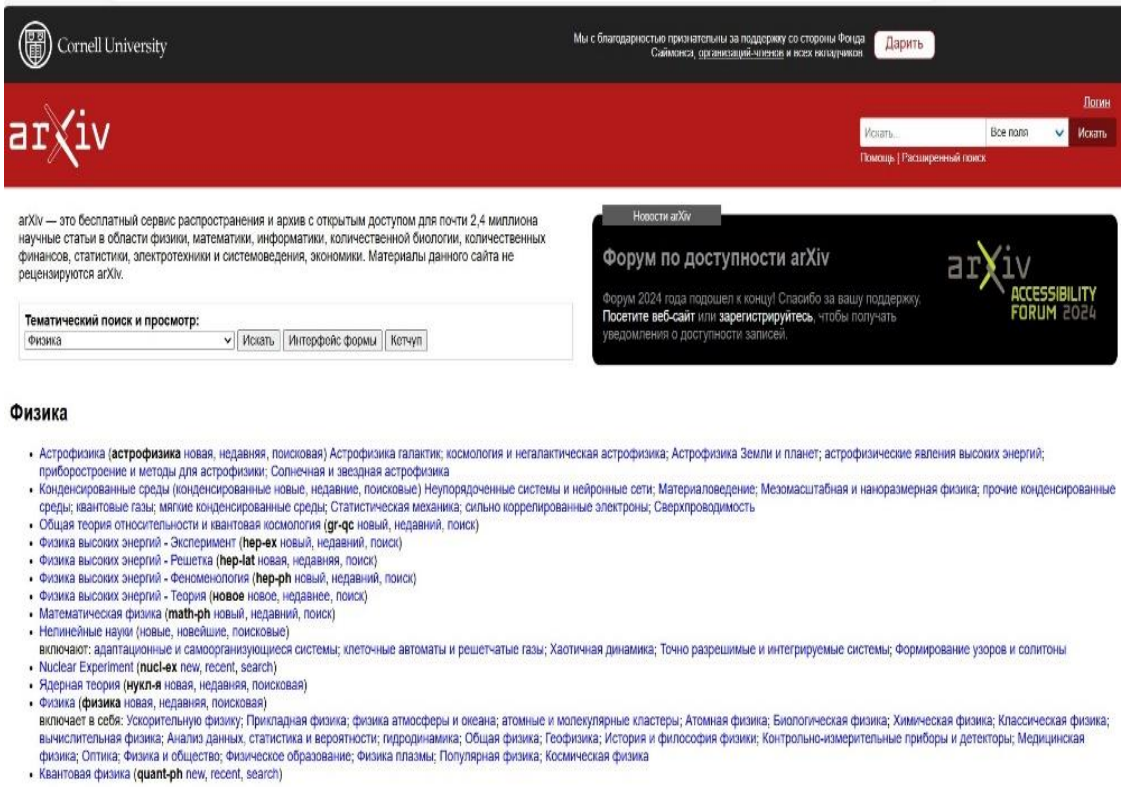


Рис.1. Интернет-сервис arxiv.org
(скриншот страницы https://arxiv.org/)

• онлайновые банки и базы данных (например, бесплатная база данных биомедицинских исследований PubMed, биологический банк белковых структур (rcsb.org), банк данных о цунами (tsun.sscc.ru);

• электронные научные журналы, а также институционные репозитории (например, репозитории «Электронная библиотека Белорусско-Российского университета» (https://www.biblio.bru.by), «Электронная библиотека Белорусского государственного университета» (https://www.elib.bsu.by) (рис.2), «Электронная библиотека Гродненского государственного университета им. Янки Купалы» (https://www.elib.grsu.by), «Электронные документы Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины» (https://www.library.gsu.by), «Научная библиотека Полоцкого государственного университета»

(https://www.lib.psu.by), «Научная библиотека Витебского государственного университета им. П.М.Машерова» (https://www.lib.vsu.by), «Библиотека Барановичского государственного университета» (https://www.elib.barsu.by), «Репозиторий Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники» (https://www.libeldoc.bsuir.by) и др.).

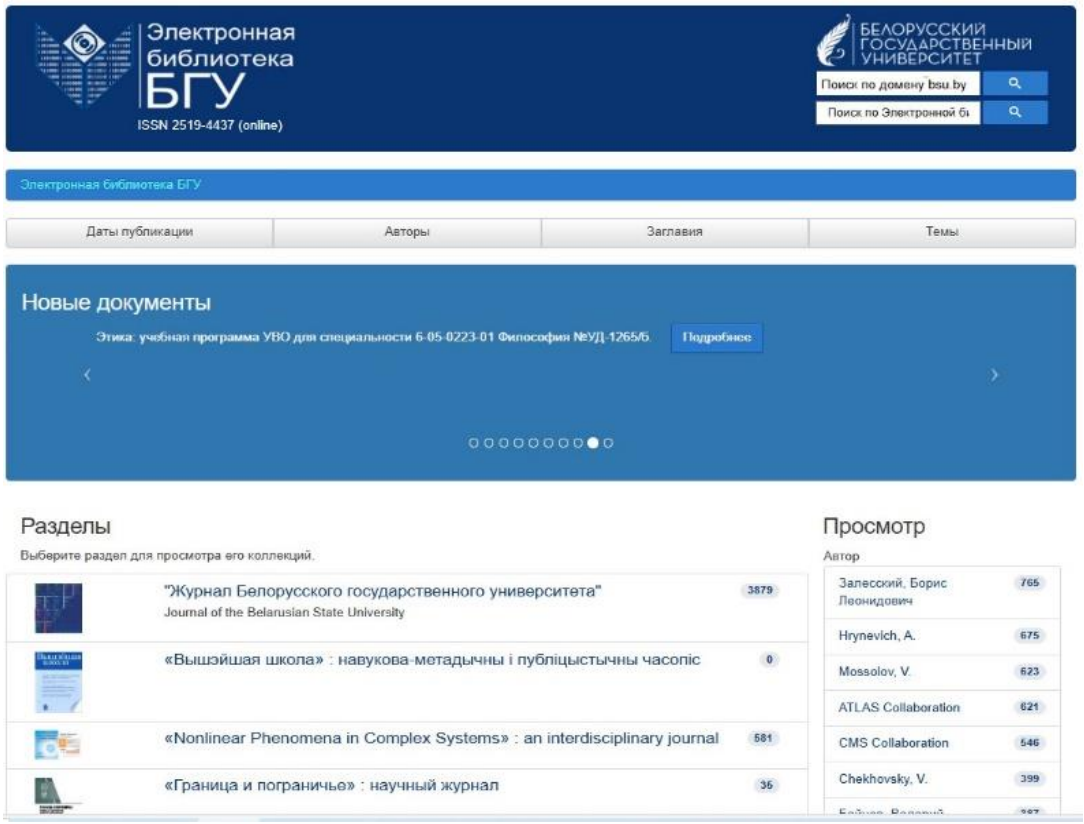


Рис. 2. Электронная библиотека Белорусского государственного университет (скриншот страницы https://elib.bsu.by)

По данным мирового рейтинга репозиториев Transparent Ranking of Repositories в двадцатку лидеров входят два белорусских учреждения высшего образования: 5 место – БГУ (база включает 178000 документов), 17 место – БНТУ (99200 документов).

А.Широканова в диссертационном исследовании «Научная коммуникация в информационном обществе: социологический анализ» выделяет новые формы научной коммуникации:

- «живые обзоры» – обновляемые рецензируемые обзоры («Публикации типа «живой обзор» (https://www.www.livingreviews.org), или «живые статьи» представляют собой написанные экспертами по заказу редакции обзорные рецензируемые статьи, которые раз в 1–2 года обновляются авторами (отсюда эпитет «живой»). Механизм «поручения» служит гарантией качества текстов (он использу-

ется и в научных блогах). Впервые такой тип публикации появился в Институте гравитационной физики Макса Планка (Германия) в 1998 г. и касался исследований относительности, но затем включил другие дисциплины (гелиофизику – 2004; политическое управление в Европе – 2006; исследования ландшафтов – 2007; исследования демократии – 2009). Идея живого обзора родилась из существовавшей в физике культуры обмена препринтами, а также обзорных статей по проблеме, появляющихся примерно раз в десятилетие. С самого начала и по сей день живые обзоры являются открытыми для чтения. Цель обзоров – осветить значимые исследовательские вопросы, направления, произвести оценку понятий, сделать прогноз относительно развития исследований, обозначить важную литературу, а в контексте лавинообразного роста информации – обеспечивать среднесрочные актуальные «точки отсчета» для дисциплины. Особенностью является то, что статьи отдаются на попечение авторам, которые могут обновлять упомянутые данные, разделы или всю статью целиком; и новая версия статьи является новой публикацией, а читателю доступна история. По сравнению с учебниками, обзорные статьи могут обновляться быстрее» [11, с.43]);

- электронные журналы («Появляются виртуальные журналы, цель которых – создание бесплатных авторитетных научных изданий, независимых от научных издательств, такие как «PLoS One» (2010) (рис. 3), «eLife» (2012). Хотя их импакт-факторы ниже, чем у «Science» или «Life», публикации в свободном доступе повышают вероятность цитирования статьи в несколько раз» [11, с.43]).

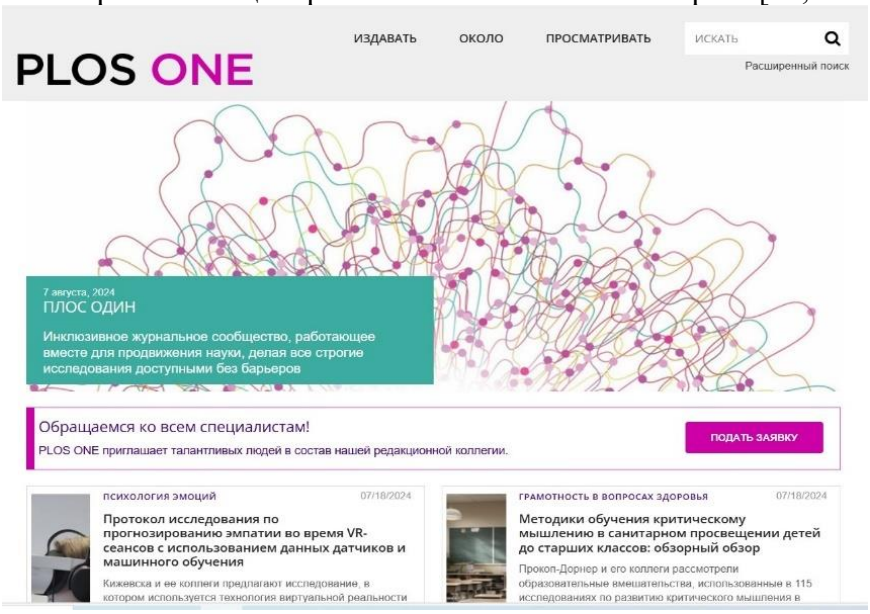


Рис. 3. Сайт международного междисциплинарного рецензируемого научного журнала с открытым доступом для публикаций PLoS One
(скриншот страницы https://journals.plos.org/plosone/)

Таким образом, стратегически важным звеном как для апробации и презентации результатов научных исследований, так и для популяризации деятельности ученых, научных школ являются научные публикации. С развитием информационно-коммуникационных технологий появилась возможность идентификации ученых в онлайн-пространстве. Наличие профилей представителей науки позволяет аккумулировать научные работы автора с помощью создания аккаунта, оптимизировать тематический поиск научных исследований, осуществить мониторинг как предшествующих, так и новых научных работ и др. Среди профилей ученых целесообразно выделить следующие:

- авторские (например, Академия Google (https://www.scholar.google.com));
- формируемые автоматически (например, Web of Science (Researcher ID), база Scopus (Scopus Author ID));
- системы, в которых корректировка данных осуществляется как автоматически, так и с возможностью редактирования (например, ORCID ID (https://www.orcid.org), РИНЦ (SPIN-код в elibrary.ru)).

Одним из важных и вместе с тем спорных вопросов является использование наукометрических показателей в оценке эффективности научной деятельности. В последнее время всё чаще поднимается вопрос значимости цитирования научных работ с использованием специализированных сервисов. В качестве компетентных источников, используемых международными базами цитирования, целесообразно выделить Web of Science, Scopus и Российский индекс научного цитирования. Повышение уровня цитируемости научных публикаций важно как для ученого, так и научного издания. Своего рода индикатором авторитетности научного журнала в мировой практике выступает импакт-фактор, рассчитываемый на основе публикаций, размещенных в названных выше базах цитирования. Для расчета импакт-фактора научного периодического издания определяющим является соотношение числа ссылок на публикации в новым выпуске данного журнала к числу ссылок на публикации его номеров в предыдущие два года. К числу журналов с высоким импакт-фактором относятся «Science», «Nature», «The Lancet», «CA: A Cancer Journal for Clinicians» и др.

Качественные высокоцитируемые научные работы могут влиять не только на импакт-фактор научного издания, но и на международные рейтинги научных организаций и учреждений образования. К наиболее престижным относятся следующие современные рейтинговые системы:

- система рейтинга мировых университетов «Webometrics Ranking of World Universities» (по данным на июль 2024 года в рейтинг лучших университетов мира по цитированию в профилях Google Scholar вошли некоторые белорусские вузы, например: Белорусский государственный университет, Белорусский национальный технический университет, Белорусский государственный экономический университет, Белорусский государственный медицинский университет, Белорусский государственный технологический университет, Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники, Белорусский государственный педагогический университет им.Максима Танка, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, Белорусско-Российский универси-

тет, Белорусский государственный аграрно-технический университет, Белорусский государственный университет транспорта, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Белорусский государственный университет культуры и искусств, Университет гражданской защиты МЧС Республики Беларусь и др.);

- академический рейтинг университетов мира ARWU (Academic Ranking of World Universities, известный как «Шанхайский рейтинг»). При ранжировании вузов учитываются показатели индексов цитирования (составляет до 20% показателя при оценке деятельности учреждения образования), наличие научных публикаций в журналах «Nature» или «Science» (также до 20%), присутствие в кадровом составе ученых из списка высокоцитируемых авторов «Highly Cited Researchers» (до 20%) и сотрудников-лауреатов (до 20% показателя рейтинга) и выпускников-лауреатов (до 10% показателя ранжирования) Нобелевской или Филдсовской премии, а также соотношений названных выше показателей к численности персонала учреждения высшего образования (до 10%). Среди российских вузов в данном рейтинге по данным на 2024 год фигурируют Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова (в интервале 101-150), Санкт-Петербургский государственный университет (в интервале 301-400), Московский физико-технический институт (в интервале 501-600), Уральский федеральный университет (в интервале 601-700), Высшая школа экономики (в интервале 701-800) и др. Белорусский государственный университет уже несколько лет находится в шорт-листе названного рейтинга.
- рейтинг университетов мира «Times Higher Education» (THE), в который входят 1907 университетов из 108 стран мира. Оценка вуза производится по 18 показателям, затрагивающим 5 направлений: преподавание, исследовательская среда, качество исследований, отрасль и международные перспективы; в 2024 году в десятку лидеров вошли известные мировые университеты США (Гарвардский университет (1 место), Массачусетский технологический институт (2 место), Стэнфордский университет (3 место), Калифорнийский университет в Беркли (6 место), Принстонский университет (7 место), Йельский университет (9 место)), Великобритании (Оксфордский университет (4 место), Кембриджский университет (5 место)), Китая (Университет Цинхуа (8 место)) и Японии (Токийский университет (10 место));
- публикуемый ежегодно рейтинг университетов «QS World University Rankings» рассчитывается по 51 показателю по пяти направлениям (исследования и открытия, опыт обучения, трудоустройство, глобальное взаимодействие, устойчивость); в 2024 году в рейтинге QS представлены 1500 учебных заведения мира, лидирующие позиции в нем занимают Массачусетский технологический институт (1 место), Кембриджский университет (2 место), Оксфордский университет (3 место); отдельно формируется также рейтинг QS университетов по предметам, где по трем из четырех направлений первое место занимает Гарвардский университет (искусство и гуманитарные науки, науки о жизни и медицина, естествен-

ные науки), по направлению «Инженерное дело и технологии» рейтинг возглавляет Массачусетский технологический институт. Сводные данные по рейтингам ведущих мировых вузов представлены в таблице 1.

В 2024 году в рейтинге QS белорусские вузы представлены БГУ (387 место), БНТУ (в интервале 801-850) и БГУИР (в интервале 1201-1400). Среди российских вузов (всего их представлено 48) наиболее высокое место у МГУ им. М.В.Ломоносова (94 место).

Таблица 1

Топ-10 лучших университетов, по данным международных рейтингов «Times Higher Education», «QS World University Rankings», 2024 год

Место в рейтинге	Список университетов согласно рейтингу «Times Higher Education»	Список университетов согласно рейтингу «QS World University Rankings»
1 место	Гарвардский университет	Массачусетский технологический институт
2 место	Массачусетский технологический институт	Кембриджский университет
3 место	Стэнфордский университет	Оксфордский университет
4 место	Оксфордский университет	Гарвардский университет
5 место	Кембриджский университет	Стэнфордский университет
6 место	Калифорнийский университет в Беркли	Имперский колледж Лондона
7 место	Принстонский университет	Швейцарская высшая техническая школа Цюриха
8 место	Университет Цинхуа	Национальный университет Сингапура (НУС)
9 место	Йельский университет	ЛХЛ
10 место	Токийский университет	Калифорнийский университет в Беркли (UCB)

**Таблица составлена авторами*

Учитывая современные тенденции развития научной коммуникации, следует отметить: каждый ученый может внести вклад как в реализацию успешной стратегии организации, в которой он работает, так и в целом в развитие научного сообщества. Одним из каналов общения исследователей в мировой практике выступают цифровые сервисы для работы с библиографическими источниками (например, веб-сервис «CiteULike», позволяющий пользователям сохранять цитаты из научных статей и делиться ими, сервисы по управлению библиографическими данными «Zotero» и «Mendeley»), специализированные (научно-информационные) социальные сети (например, «ResearchGate», «Academia.edu») и др.

Новым направлением развития научной коммуникации является движение «Открытая наука» («Open Science»), направленное на снижение барьеров при

обмене информацией среди ученых, приветствующее открытое рецензирование и обсуждение результатов научных исследований, открытость научного процесса. Одной из традиционных площадок для обмена знаниями, апробации результатов научных исследований является организация и проведение научных мероприятий, среди которых – научная конференция, симпозиум, семинар, конгресс и др.

По-прежнему актуальной является проблема качества научного знания, проведения научной экспертизы. Я.Евсеева отмечает: «И Lancet, из-за статьи о связи вакцинации и аутизма, и Science, опубликовавший работу, утверждавшую, что мальки рыб испытывают особую любовь к пластиковым отходам, нанесли вред своей репутации, напечатав исследования, результаты которых были впоследствии признаны сфальсифицированными, но к тому времени они уже были перепечатаны другими научными журналами и подхвачены новостными изданиями (в частности, журналисты BBC News красочно сравнили мальков с подростками, предпочитающими фастфуд здоровой пище). По словам Букки, уже по крайней мере с 1990-х годов начали размываться границы между экспертным знанием и знанием неспециалистов, и научная коммуникация в настоящее время представляет собой динамичный, многообразный, заранее не определенный процесс» [2, с.20-21].

Научная коммуникация связана с популяризацией научных исследований и формированием имиджа ученого для массовой аудитории. Целесообразно выделить три аспекта:

- просветительский, основной задачей является просвещение, повышение образования населения, пример – фестиваль науки с участием представителей сферы образования и науки;
- корпоративный, реализация социальных проектов компании, связанных с популяризацией науки;
- развлекательный, выполняет рекреативную функцию, востребованность развлекательных форматов научной коммуникации продиктована модой на умный досуг, примерами являются эксперимент-шоу, интерактивный музей науки и др.

Одной из форм научной коммуникации для массовой аудитории является проведение специальных (научно-популярных) мероприятий, которые имеют разные форматы: научное кафе, научно-популярное шоу, «научные бои», научный слэм, фестиваль науки и др. Приведем примеры известных международных проектов:

- «TEDx» – конференция, миссия которой заключается в распространении оригинальных идей («ideas worth spreading»), существует с 1964 года;
- «Science Slam» – мероприятие в формате научного слэма, где молодые ученые презентуют свое научное исследование в виде короткого сообщения и руководствуются при этом обязательными правилами для участников: 1) выступление не более 10 минут; 2) могут быть презентованы только собственные исследования; 3) доклады должны быть простыми, рассчитанными на массовую аудиторию; 4) победителя определяют по аплодисментам;

- «International Fame Lab» – крупнейший в мире конкурс по презентации научного исследования учеными (на выступление выделяется 3 минуты) перед экспертами и массовой аудиторией, охват – более 30 стран мира;
- «Курилка Гутенберга» – просветительский проект, который представлен разными форматами научной коммуникации: проведение научно-популярных лекций (биологический, медицинский и другие лектории); организация фестивалей (например, фестиваль парадоксального научного юмора «Парадоксач», фестиваль критического мышления «Инсендио», фестиваль безумных научных теорий «Ну… тоже наука»); издание книг и др.

Важно также отметить тенденцию популяризации науки с помощью социальных проектов, которые реализуются компаниями, демонстрируя их социальную ответственность. Например, масштабная инициатива Госкорпорации «Росатом» – проект «Школа Росатома», который включает разные форматы: конкурс на участие в дополнительной общеразвивающей программе «Международные умные каникулы»; мероприятия инновационной сети образовательных организаций (семинары, открытые гуманитарные аудиты деятельности школы-участницы инновационной сети образовательных организаций и др.); функционирование неформального сетевого центра компетенций «Школа Росатома», сформированного на базе образовательных практик школ и детских садов-участников инновационной сети образовательных организаций «Школа Росатома»; программа «Атомклассы» и др.

Программа социальных инвестиций «Формула хороших дел» ПАО «Сибур Холдинг» содержит семь направлений, среди которых – образование и наука. Мероприятия ПАО «Сибур-Ходинг», связанные с просвещением и научной коммуникацией, представлены разными форматами:

- проект «STEAM FEST» (STEAM – Science, Technology, Engineering, Arts, Mathematics), направленный на популяризацию естественнонаучного образования;
- проект для школьников «Научные смены», в рамках которого по специально разработанным образовательным программам проводятся занятия для учащихся в период каникул;
- международный инженерный чемпионат «CASE-IN», направленный на популяризацию инженерных специальностей и получение участниками практических знаний;
- проект «STEAM школа», представляющий собой проведение интенсивов для учителей по физике, математике, информатике, химии;
- проект «3D-Академия» для учащихся 5-8 классов (ребята знакомятся с циклом переработки полимеров, процессом изготовления из них объемных и функциональных моделей для повседневного применения);
- фестиваль актуального научного кино «ФАНК», который проводится в разных форматах («Научный уикенд», Дни научного кино и др.);

- хакатон «Реактор Знаний» направлен на решение кейсов в области современных компьютерных технологий школьниками, студентами при поддержке экспертов;
- Всероссийский Менделеевский конкурс студентов-химиков, генеральным спонсором которого является компания «Ситбур-Холдинг»;
- региональный предакселератор «Технолидеры будущего», предполагающий обучение педагогов для курирования разработок технологических проектов школьников.

Внимание корпораций и отдельных компаний направлено на популяризацию науки и спонсирование научных проектов. Оно осуществляется в рамках реализации корпоративных стратегий в части демонстрирования социальной ответственности компаний.

Однако основная функция по популяризации науки принадлежит, конечно, научной (образовательной) организации. Среди ведущих направлений работы структурного подразделения научной организации (учреждения), связанного с PR-деятельностью, – работа с журналистами, управление коммуникативными ресурсами организации, являющимися источниками информации и площадками для коммуникации в научной коммуникации и др. Важной задачей при этом является разработка локального документа – Положения об информационной политике научной (образовательной) организации. В Республике Беларусь данный документ разрабатывается с учетом требований белорусского законодательства: в соответствии с Законом Республики Беларусь от 10.11.2008 №455-З «Об информации, информатизации и защите информации»[1], Законом Республики Беларусь от 17.07.2008 № 427-З «О средствах массовой информации»[2], Законом Республики Беларусь от 17.05.2011 № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»[3], Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 №5[4], Указом Президента Республики Беларусь от 06.02.2009 №65 «О совершенствовании

[1] Об информации, информатизации и защите информации: Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 №455-З (в актуальной редакции) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455 (дата обращения: 07.09.2024).

[2] О средствах массовой информации: Закон Республики Беларусь от 17.07.2008 №427-З (в актуальной редакции) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427 (дата обращения: 07.09.2024).

[3] Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь от 17.05.2011 №262-З (в актуальной редакции) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11100262 (дата обращения: 07.09.2024).

4 Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 №5 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 07.09.2024).

работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации»[1] и иными нормативно-правовыми актами.

Информационная политика научной (образовательной) организации направлена на официальное, полное, достоверное и своевременное освещение деятельности данной организации, за исключением распространения и (или) предоставления сведений, составляющих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну, а также носящих конфиденциальный характер; создание имиджа руководителя организации, формирование в общественном сознании положительного образа работника организации, информирование общественности об образовательной, научной, экспертной и других составляющих деятельности научной (образовательной) организации.

В Положении об информационной политике целесообразно отразить, что формирование и продвижение внутреннего и внешнего имиджа научной (образовательной) организации осуществляется посредством:

- подготовки информационных материалов о деятельности научной (образовательной) организации;
- размещения информации в СМИ и на информационных ресурсах;
- создания информационных поводов;
- рассылки пресс-релизов в СМИ и на информационных ресурсах;
- проведения мероприятий с журналистами по вопросам освещения деятельности научной (образовательной) организации (брифинг, пресс-конференция и др.);
- создание PR-текстов для работы со СМИ и на информационных ресурсах (пресс-кит, бэкграундер, факт-лист, биография (руководителя) и др.);
- проведения мероприятий, направленных на формирование корпоративной культуры научной (образовательной) организации;
- подготовки выступлений для аудиовизуальных СМИ.

О важности эффективной научной коммуникации пишет М.Шипман в работе «Научная коммуникация: Руководство для научных пресс-секретарей и журналистов»: «Коммуникации нужны научно-исследовательским организациям по самым разным причинам: например, чтобы добиться финансирования от местных или федеральных властей, привлечь научных сотрудников и аспирантов или распространить информацию о результатах исследований по условиям грантового соглашения. Для решения любой из этих задач организации необходимо установить контакт с различными целевыми аудиториями: законодателями, сотрудниками федеральных ведомств, аспирантами по конкретной дисциплине и, так сказать, «широкой общественностью», чье мнение может повлиять на решения должностных лиц всех уровней» [10, с.7].

[1] О совершенствовании работы государственных органов, иных государственных организаций со средствами массовой информации: Указ Президента Республики Беларусь от 06.02.2009 №65 (в актуальной редакции) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30900065 (дата обращения: 07.09.2024).

Кроме подготовки пресс-релизов, размещения информации на сайте научной (образовательной) организации распространение информации о научной деятельности может осуществляться с помощью агрегаторов научных новостей (например, EurekAlert! (https://www.eurekalert.org) (рис.4), AlphaGalileo (https://www.alphagalileo.org/en-gb), Newswise (https://www.newswise.com) и др.).

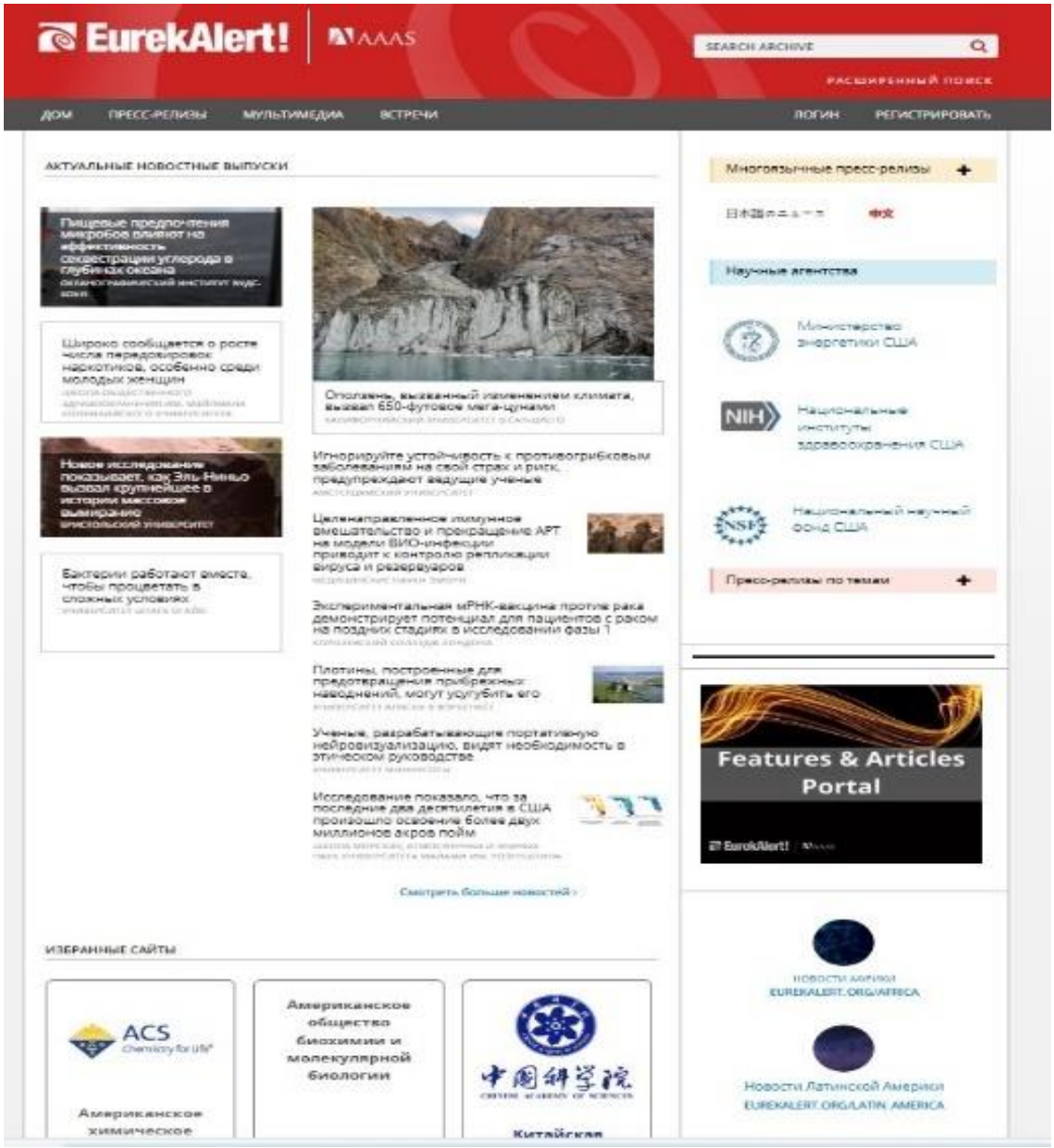


Рис. 4. Сайт агрегатора научной информации EurekAlert!
(скриншот страницы https://www.eurekalert.org/)

Для популяризации достижений научной деятельности существуют специализированные интернет-ресурсы, например: научно-популярный интернет-журнал о научных исследованиях «Universience» (рис. 5), «Кот Шредингера», «Астронет» и др.

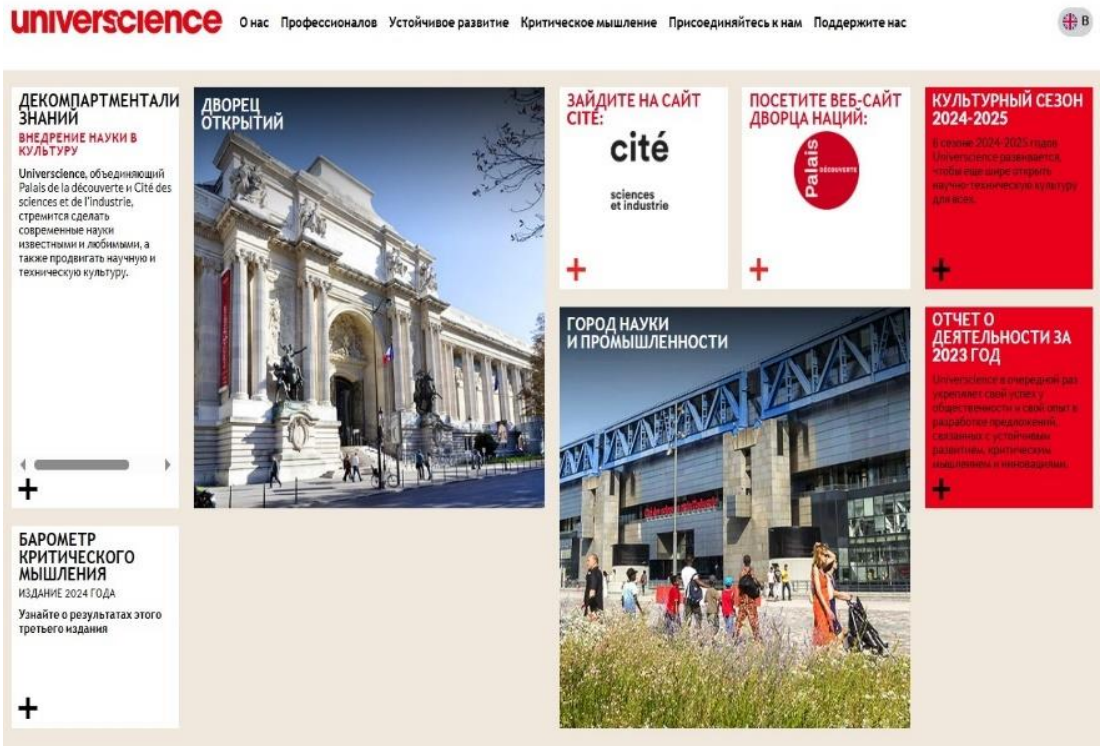


Рис. 5. Сайт научно-популярного интернет-журнала о научных исследованиях «Universience»
(скриншот страницы https://www.universcience.fr/fr/accueil)

Важным вопросом научной коммуникации является формирование лояльности для внутренних (научного сообщества) и внешних аудиторий. С вопросом популяризации науки связана научная журналистика, представляющая собой совокупность публикаций о научной деятельности, открытиях и известных фактах из мира науки. Существуют отдельные СМИ, которые целесообразно отнести к научному сегменту средств масс-медиа. В Республике Беларусь издаются газеты (например, «Навука»), журналы (например, «Наука и инновации»,), которые можно отнести к научно-популярным изданиям (рис. 6).

Рис. 6. Страницы научно-популярных белорусских СМИ «Навука» (скриншот страницы https://www.gazeta-navuka.by) и «Наука и инновации» (скриншот страницы https://innosfera.belnauka.by/jour/index)

В научной журналистике можно выделить три тематических направления. Во-первых, материалы о научной (образовательной) организации. Как правило, данные публикации представлены информационными жанрами: заметкой, информационной корреспонденцией, репортажем, информационным интервью и др. (табл. 2).

Таблица 2

Примеры публикаций о Национальной академии наук Беларуси в белорусских печатных СМИ

Тематика	Публикация (заголовок, автор)	СМИ, выходные данные
Расширенное заседание Бюро Президиума НАН Беларуси	«Национальная академия наук проводит подводит итоги работы» (Н.Марцелева)	Веды. – 2014. – №7. – С.1
История развития и современное состояние НАН Беларуси (материалы пресс-конференции Председателя Президиума НАН Беларуси В.Гусакова)	«Национальная академия наук: вчера, сегодня, завтра»	Навука. – 2018. – №46. – С.2

Реализация государственной программы	«Национальная академия наук в реализации государственных научно-технических программ “Энергетика”» (И.Гуревич, В.Драгун, О.Мартыненко)	Известия Национальной академии наук. Серия физико-технических наук. – 2008. – №4. –С.90-93

**Таблица составлена авторами*

Во-вторых, материалы, рассказывающие об ученых. В основном данные публикации представлены в жанрах информационного, аналитического, портретного интервью, заметки, портретного очерка, некролога и др. (табл. 3).

Таблица 3

Примеры публикаций об ученых Национальной академии наук Беларуси в белорусских печатных СМИ

Тематика	**Публикация (заголовок, автор)**	**СМИ, выходные данные**
Беседа с директором Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К.Крапивы А.Локотко	«А.Локотко: чтобы мы не оставили наших потомков без языка и своей культуры» (А.Максимов)	Веды. – 2006. – №42. – С.3
Некролог памяти ученого в области физики А.Рубанова	«Национальная академия наук простилась с большим ученым» (М.Мясникович, П.Витязь, А.Лесникович)	Вестник Фонда фундаментальных исследований. – 2003. – №3. – С.5-7
Юбилей академика Е.М.Бабосова	«Академику Е.М.Бабосову – 90 лет!» (А.Данилов, П.Водопьянов, М.Волнистая)	Вышэйшая школа. – 2021. – №1. – С.44
Беседа с главным научным сотрудником НПЦ НАН Беларуси по земледелию С.Грибом	«Академик Станислав Гриб: “У меня есть точка опоры!”» (Е.Климович)	Сельская газета. – 2014. – №38. – С.5.

**Таблица составлена авторами*

В-третьих, публикации о научных исследованиях, открытиях, а также об уже известных фактах в мире науки (табл. 4).

Таблица 4

Примеры публикаций о научных достижениях Национальной академии наук Беларуси в белорусских печатных СМИ

Тематика	Публикация (заголовок, автор)	СМИ, выходные данные
Научные достижения для экономики (импортозамещение)	«Технологии будущего: Национальная академия наук Беларуси в ближайшее время готова заместить значительную часть импортной продукции» (И.Емельянович)	Экономика Беларуси. – 2023. – №1. – С.68-75
Разработки для сельского хозяйства	«Автоматика работает на качество: новые разработки НПЦ НАН Беларуси по механизации сельского хозяйства совершенствуют технологические процессы» (В.Гедройц)	Сельская газета». – 2024. – №10. – С.12
Беседа с директором Института почвоведения и агрохимии НАН Беларуси В.Лапой	«Агрохимия: новые решения для сельского хозяйства» (С.Николаев)	СБ. Беларусь сегодня. – 2021. – №14. – С.10
Международное сотрудничество	«Аграриям – ризотрон, полям – беспилотники» (В.Белуга)	Навука. – 2018. – №13. – С.3

**Таблица составлена авторами*

Каналами распространения материалов о деятельности научной (образовательной) организации, известных ученых, научных достижениях являются корпоративные сайты организаций, их аккаунты в мессенджерах и социальных сетях. Все это свидетельствует о том, что в современном мире существует много каналов и форм распространения информации, связанной с миром науки. Ориентируясь в разнообразии форм и способов подачи такого рода информации, PR-специалист может грамотно построить стратегии для формирования имиджа определенного ученого, организации.

Заключение

Научная коммуникация направлена на формирование лояльности как аудитории внутри профессионального сообщества, так и общественности в целом. Рассматривая вектор работы с внутренней аудиторией, необходимо сказать о таких каналах и формах распространения информации, как проведение научных конференций, написание публикаций для печатных и электронных научных изданий, создание профилей ученых на специализированных сервисах и др. Что касается научной коммуникации для массовой аудитории, нужно отметить важность присутствия в структуре научной (образовательной) организации отдела по

связям с общественностью, занимающегося формированием информационной повестки в СМИ о своей организации, руководителе, сотрудниках, а также о научных достижениях. На современном этапе существует ряд сервисов, позволяющих тиражировать информацию о своей научной организации не только на уровне корпоративных, региональных, республиканских изданий, но и для международной аудитории с помощью агрегаторов новостей, размещения информации на площадках информационных агентств, в социальных сетях и др. Также нужно отметить рост проектов, связанных с реализацией такого направления корпоративных стратегий компаний, как социальная ответственность (патронирование исследований молодых ученых) и др.

Литература

1. Долина С.В. Духовные императивы научной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / Долина Светлана Владиславовна. – М., 2012. – 24с.
2. Евсеева Я.В. Научная коммуникация в современном мире [Электронный ресурс] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология. – 2022. – №2. – С.12-23. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-kommunikatsiya-v-sovremennom-mire (дата обращения: 05.09.2024).
3. Канатникова Е.А. Современные научные коммуникации: особенности, тенденции изменения, влияние на развитие науки: дис. ... канд. филос. наук: 5.7.6 / Канатникова Екатерина Андреевна. – М., 2021. – 183 с.
4. Лукьянюк Ю. Популяризация науки в медиатекстах журнала «Беларуская думка» // Труды БГТУ («Белорусский государственный технологический университет»). – 2023. – №2. – С.53-59.
5. Мозговая А.В. Опыт социологического исследования научной коммуникации: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.09 / Мозговая Алла Викторовна. – М., 1983. – 160 с.
6. Николаенко Г.А. Академические социальные сети в процессе цифровой трансформации научной коммуникации: дис. ... канд. соц. наук: 5.4.1 / Николаенко Георгий Александрович. – СПб., 2022. – 581 с.
7. Родина В.А. Трансформации научных коммуникаций в процессе формирования современного виртуального пространства: философско-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.09 / Родина Валерия Андреевна. – М., 2024. – 23с.
8. Тельнова И.Н. Научная коммуникация в современной медиасреде: фактор публичности: дис. ... канд. филол. наук: 5.9.9 / Тельнова Ирина Николаевна. – СПб., 2023. – 373с.
9. Филиппов С.В. Коммуникация в науке и феномен научного открытия: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Филиппов Сергей Валериевич. – М., 1999. – 204 с.
10. Шипман М. Научная коммуникация: Руководство для научных пресс-секретарей и журналистов. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 186 с.
11. Широканова А.А. Научная коммуникация в информационном обществе: социологический анализ: дис. … канд. соц. наук: 22.00.01 / Широканова Анна Александровна. – Минск, 2013. – 129с.

CURRENT TRENDS AND DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

Duktova Liubov Georgievna

Candidate of philological sciences, associate professor,
senior researcher of the department of Belarusian literature of the
20th and 21st centuries
State scientific institution "Center for research of Belarusian culture,
language and literature of the National Academy of sciences of Belarus"
220072, Republic of Belarus, Minsk, Surganov str., 2, bldg 1
Ph.: +3752 97 46 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Sharapova Alena Vasilieuna

Senior lecturer of the humanities chair
Inter-state educational institution of higher education
"Belarusian-Russian university"
212000, Republic of Belarus, Mogilev, Mir ave., 43
Ph.: +375(29) 746 92 21
elenasharapova@tut.by

The article deals with two aspects of scientific communication. First, the communication on approbation of research findings and formation of the scientist's reputational capital within the professional community is examined. The main trends affecting the development of scientific communication include digitalization, which is associated with the electronic libraries emergence and functioning, the creation of profiles of scientists in electronic databases, the use of artificial intelligence to promote scientific knowledge, monitoring the development of the global space of university science through ratings (e.g., ARWU, THE WUR, QS World University Rankings, Webometrics, Ranking Web of Repositories), an increase in the number of projects related to the implementation of such a direction of corporate strategies of companies as social responsibility (patronizing the research of young scientists), etc. Secondly, science communication related to the popularization of scientific research and the formation of a scientist's image for mass audiences is investigated. The main directions of work of a structural unit of a scientific organization (institution) related to PR-activities include cooperation with journalists, organization, holding and coverage of scientific events, special events, management of communication resources of organizations as sources of information and communication platforms in scientific communication, etc.

Keywords: scientific communication; mass media; science popularization; image; promotion; scientific organization.

ТАМОЮЛҲОИ МУОСИР ВА САМТҲОИ РУШДИ РОБИТАҲОИ ИЛМӢ

Дуктова Любов Георгиевна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
ходими калони илмии шӯъбаи адабиёти белоруси асрҳои XX ва XXI
Муассисаи давлатии илмии "Маркази тадқиқоти фарҳанг,
забон ва адабиёти Беларус,
Академияи миллии фанҳои Беларус»
220072, Ҷумҳурии Беларус, Минск, кӯчаи Сурганов, х. 1, кор. 2
Тел.: +3752 97 46 97 77
duktova.liubou7@gmail.com

Шарапова Елена Василевна

Муаллими калони кафедраи фанҳои гуманитарӣ
Муассисаи таълимии байнидавлатии таҳсилоти олӣ
"Донишгоҳи Беларус-Россия"
212000, Ҷумҳурии Беларус, Могилев, хиёбони Мир, 43
Тел.: +375(29) 746 92 21
elenasharapova@tut.by

Мақола ду ҷанбаи иртиботи илмиро баррасӣ мекунад. Аввалан, иртибот оид ба санҷиши натиҷаҳои тадқиқоти илмӣ ва ташаккули сармояи обрӯии олим дар доираи ҷомеаи касбӣ омӯхта мешавад. Тамоюлҳои асосии ба рушди коммуникатсияи илмӣ таъсиркунанда рақамикуниониро дар бар мегиранд, ки бо пайдоиш ва фаъолияти китобхонаҳои электронӣ алоқаманд аст, эҷоди профилҳои олимон дар базаҳои электронии маълумотҳо, истифодаи зеҳни сунъӣ барои оммавӣ кардани донишҳои илмӣ, мониторинги рушди фазои ҷаҳонии илми донишгоҳҳо бо истифода аз рейтингҳо (масалан, ARWU, THE WUR, QS World Webometrics, татбиқи лоиҳаҳои Webometrking Rancht, Reviews аз чунин самтҳои стратегияҳои корпоративии ширкатҳо, ба монанди масъулияти иҷтимоӣ (сарпарастии тадқиқоти олимони ҷавон) ва ғайра мебошад. Дуюм, иртиботи илмӣ омӯхта мешавад, ки бо оммавӣ гардонидани тадқиқоти илмӣ ва ташаккули симои олим барои аудиторияи омма алоқаманд аст. Самтҳои асосии кори воҳиди сохтории ташкилоти (муассисаи) илмӣ, ки ба фаъолияти PR алоқамандand, аз фаъолият бо рӯзноманигорон, ташкил, баргузор ва инъикоси чорабиниҳои илмӣ, чорабиниҳои махсус, идоракунии захираҳои коммуникатсионии ташкилот, ки манбаи иттилоот ва платформаи иртибот дар иртибототи илмӣ мебошанд ва ғайра иборат аст.

Калидвожаҳо: иртиботи илмӣ; ВАО; оммавигардонии илм; имиҷ; пешбарӣ; созмондиҳии илмӣ.

УДК 81'36

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЗМА *(с)даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* В ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Астахова Яна Алексеевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01 доб. 15 86
доцент кафедры русского языка
Институт филологии и истории
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Россия, Москва, Миусская площадь, 6
Ph.: +7(495) 250 64 46
yana_ast87@mail.ru

В статье проведен анализ семантических, синтаксических и прагматических особенностей конструкции *(с)даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]*, которая реализуется преимущественно в рамках диалога. Наиболее частотным заполнителем компонента с местоимением является слово вам; среди заполнителей второго переменного компонента встречаются слова, имеющие нейтральную стилистическую окраску; отрицательная субъективная оценка подчеркивается интонационным оформлением СФ при использовании ИК-2; с точки зрения прагматики СФ употребляется чаще всего в косвенных экспрессивных речевых актах, но отмечены случаи употребления в косвенных директивных речевых актах.

Ключевые слова: грамматика конструкций; синтаксический фразеологизм; семантика; прагматика

Исследование диалогической речи является одной из приоритетных задач современной лингвистики. В настоящей статье мы рассмотрим специфику употребления синтаксического фразеологизма (далее – СФ) *(с)даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* с целью выявления особенностей его семантики и прагматики в диалоге.

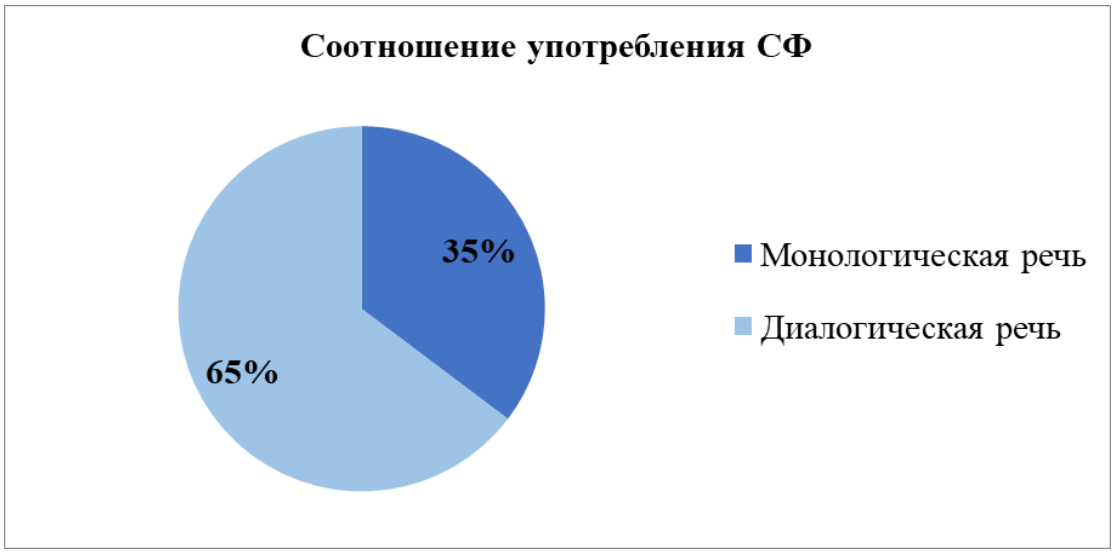
СФ *(с)даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* – простое предложение чаще всего в составе основной клаузы состоит из следующих постоянных и переменных компонентов: возвратных глаголов *сдаться* или *даться* в форме про-

шедшего времени и указательного местоимения *этот* (постоянные), личного местоимения в дательном падеже и именной группы в именительном падеже (переменные).

Глагол *даться* употребляется с целью привлечения внимания к некоторому объекту и имеет отрицательную коннотацию. Глагол *сдаться* является просторечным и имеет значение «оказаться нужным», но также имеет отрицательную коннотацию.

Семантика указательного местоимения *этот* в настоящем СФ не является прототипической: оно не указывает на конкретный объект, но может указывать на что-либо, содержащееся в пресуппозиции. Таким образом, *этот* приобретает функцию, в чём-то сближающуюся с артиклевой, так как для данного СФ возможна только топикальная интерпретация, то есть соотнесение с конкретным объектом в рамках заданной ситуации. *Этот* синтаксически соотносится в модели с переменным компонентом *NP[nom]*, следовательно, изменяется по родам и числам: *этот, эта, это, эти*.

даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]. В основном корпусе НКРЯ исследуемый СФ имеет 187 вхождений в 161 документе. Проанализировав полученные данные на предмет употребления СФ в монологической или диалогической речи, мы получили следующее соотношение:



Как показано на диаграмме, СФ в большинстве вхождений корпуса употребляется в рамках диалога:

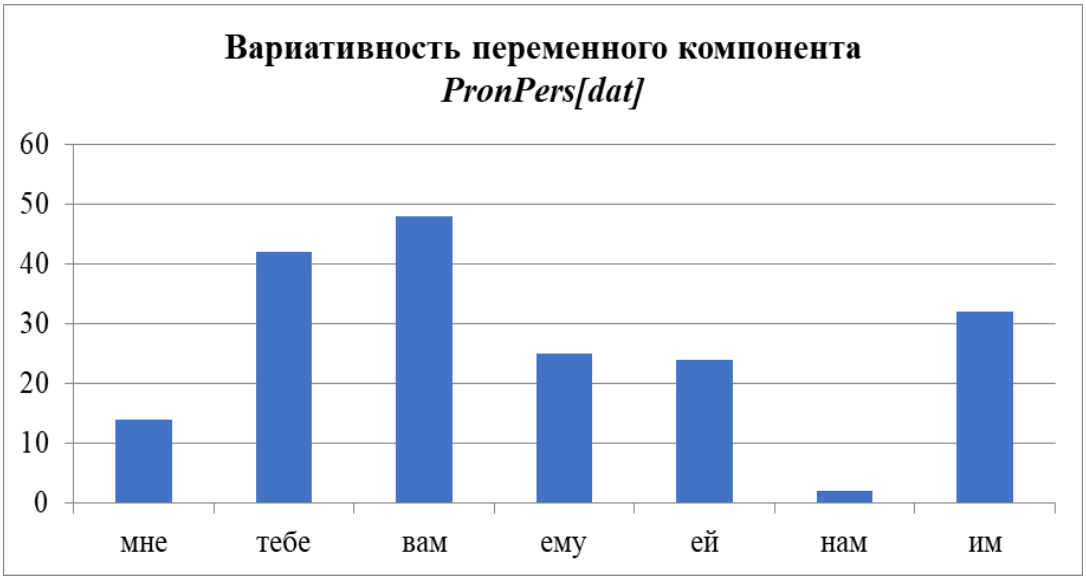
(1) – Знаешь, поедем развлечься! Хотя бы в трактир, что ли?.. – Эк, *дался тебе этот трактир*! – усмехнулся Митька, но на этот раз согласился ехать [М.Н.Волконский. Тайна герцога. 1912].

(2) – Людей твоих, значит, завтра жду. Лисагор тоже встает, слегка покачиваясь. — Ну и упрямый же ты, лейтенант. *Дались тебе эти минные поля*. Свои только подрываться будут [В.Некрасов. В окопах Сталинграда. 1946].

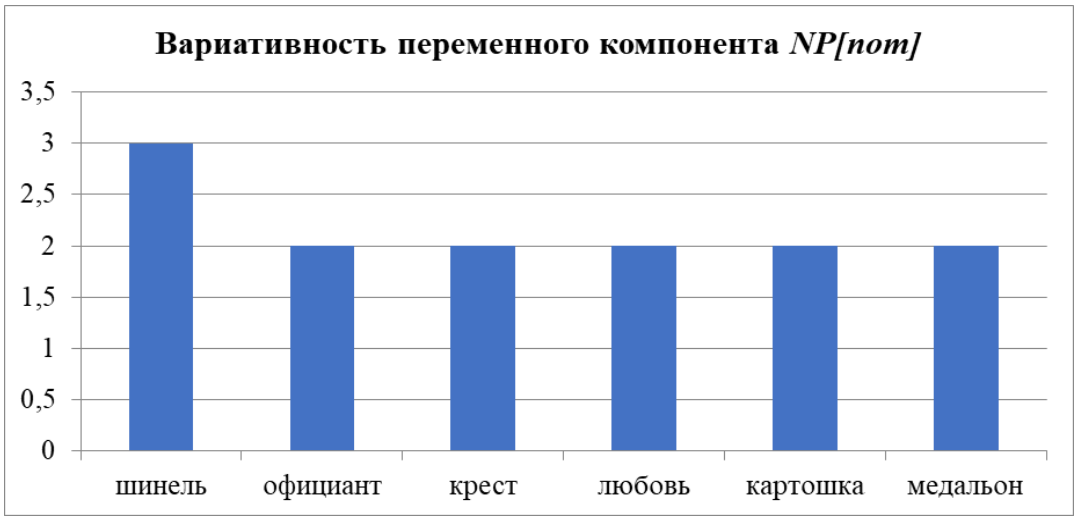
В монологической речи СФ употребляется в рамках внутреннего диалога говорящего:

(3) На такой машине везли, о каких Стёпка и слыхом не слыхал. *Дался им этот портфель*? Стёпке пришла в голову запоздалая идея – выбросить портфель ко всем чертям, пусть подавятся [И.Л.Солоневич. Две силы. 1953].

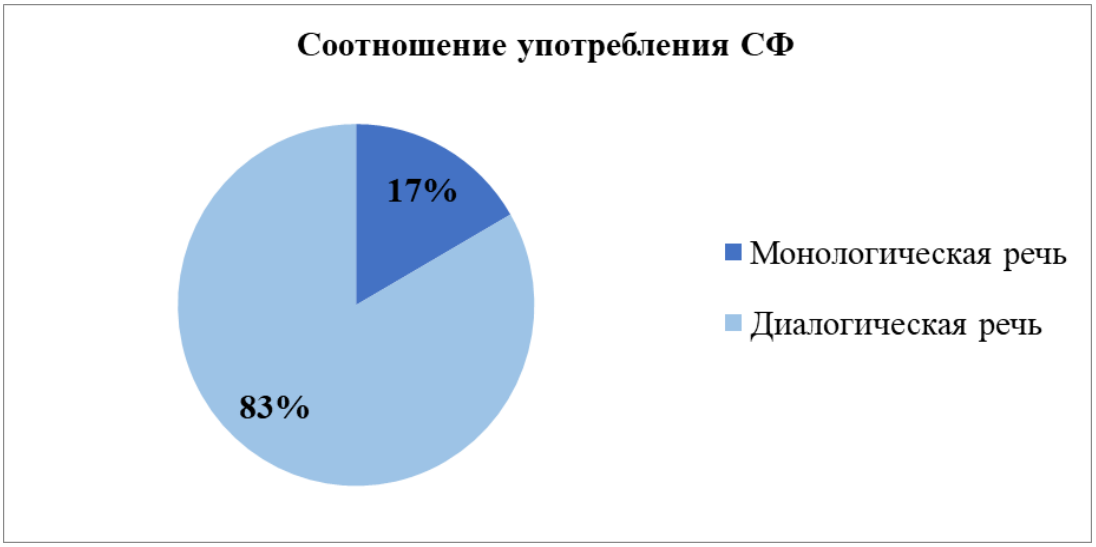
Так как компонент *PronPers[dat]* является в СФ переменным, мы выяснили, основываясь на данных основного корпуса НКРЯ, какой заполнитель будет являться наиболее частотным:



Далее была рассмотрена вариативность переменного компонента СФ, выраженного именной группой в именительном падеже.



(с)даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]. В основном корпусе НКРЯ исследуемый СФ имеет 12 вхождений в 11 документах. Проанализировав полученные данные на предмет употребления СФ в монологической или диалогической речи, мы получили следующее соотношение:



Как показано на диаграмме, СФ в большинстве вхождений корпуса употребляется в рамках диалога:

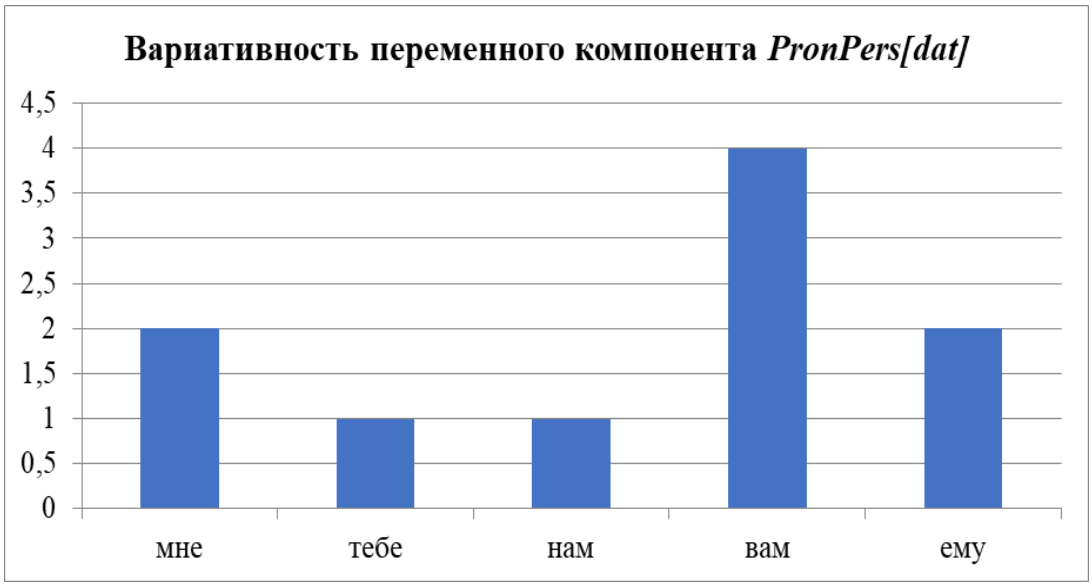
(4) Там где положено, посмотрели на Бурцева непонимающе: – *Сдалась вам эта Евпатория*? Берите вот Ялту, к примеру. – Зачем же мне в Ялту? [О.Воропаев. Предзимний сезон // Бельские просторы. 2018]

(5) – Да что за черт побери?! – рассердился дядя Давид. – *Сдался мне этот бензин*! Надо его вылить в унитаз [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне: сборник. 2012].

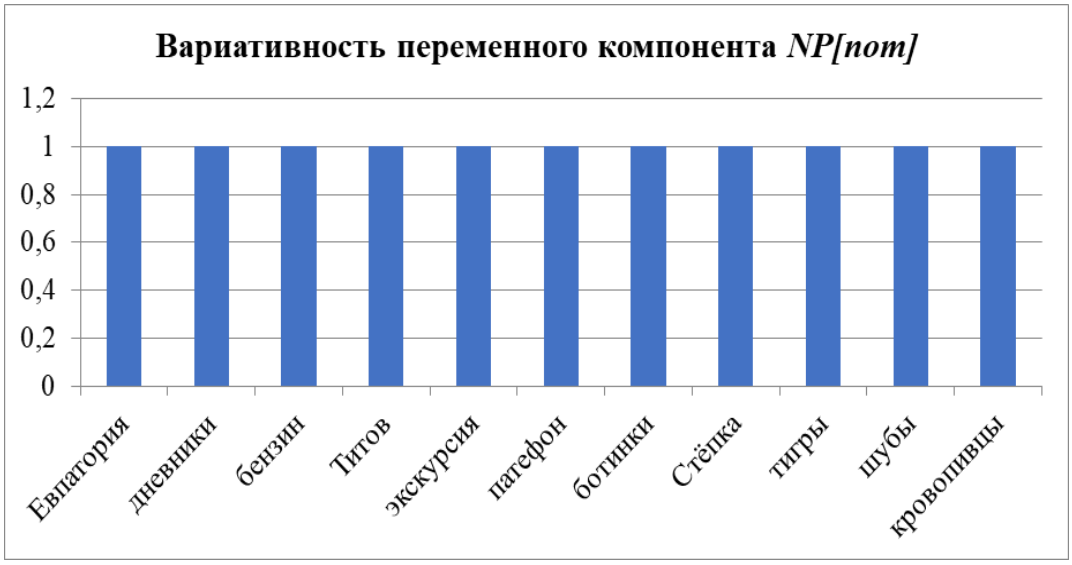
В монологической речи СФ употребляется в рамках внутреннего диалога говорящего:

(6) *Сдался нам этот Титов*! Даже если он и изменяет Светке, это их внутренние проблемы. Мы-то с Наталией здесь при чем? [Варвара Синицына. Муза и генерал (2002)].

По аналогии с исследованием заполнителей переменного компонента *PronPers[dat]* в СФ с глаголом *даться* был проведен анализ в СФ с глаголом *сдаться* и получены следующие результаты:



Далее также была рассмотрена вариативность переменного компонента СФ, выраженного именной группой в именительном падеже:



Для обеих моделей СФ: *сдаться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* и *даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* характерны, во-первых, местоимение *вам* в качестве заполнителя первого переменного компонента, во-вторых, схожие слова в качестве заполнителя второго переменного компонента. По данным корпусной выборки исследуемый СФ наиболее часто встречается в модели с глаголом *даться*.

Следует также отметить, что местоимение *вам* в примерах достаточно часто употребляется при обращении к одному лицу.

Синтаксический фразеологизм отражает негативную реакцию говорящего на то, что собеседник или третье лицо проявляет внимание по отношению к другому лицу или объекту, которого последние, по мнению самого говорящего, не заслуживают.

По семантической классификации синтаксических фразеологизмов А.В.Величко, исследуемый в настоящей работе, относится к третьему типу: СФ, выражающий нецелесообразность, ненужность.

Среди заполнителей переменного компонента в модификациях синтаксического фразеологизма с глаголом *сдаться* наблюдаются следующие слова: Евпатория, ботинки, дневники, тигры, кровопивцы, патефон и др. В модификации с глаголом *даться* — шинель, картошка, любовь, крест, официант, победа, медальон и др.

Данные результаты показывают, что, несмотря на употребление в модели синтаксического фразеологизма двух разных глаголов с похожей семантикой, его общий смысл остаётся неизменным.

Рассмотрим далее *интонационное оформление* СФ. Для этого был произведен поиск в мультимедийном корпусом НКРЯ.

(10) Фрагмент из кинофильма «Бедные родственники» [75]:

[Цаусаки (Даниил Спиваковский, муж, 36, 1969)] А табличка? Зачем эта табличка?

[Эдик (Константин Хабенский, муж, 33, 1972)] *Сдалась вам эта табличка*. Не нравится/ снимете потом. Всё. Пошли скорбеть.

(11) Фрагмент из кинофильма «На Верхней Масловке» [75]:

[Петя и Анна Борисовна сидят за столом]

[Анна Борисовна (Алиса Фрейндлих, жен, 70, 1934)] Как тебе показалась Матвеева жена? По-моему / недурна. И неглупа. Что-то переводит там то ли с испанского/ то ли с португальского. А может/ с того и другого.

[Петя (Евгений Миронов, муж, 38, 1966)] *Далась вам эта Матвеева жена*.

В обоих рассматриваемых примерах СФ имеет резкий ударный центр на первом слоге, в постцентровой зоне тон нисходящий. Данные характеристики относятся к ИК-2 по классификации Брызгуновой.

Как было отмечено в предыдущих зонах анализа СФ, для него характерно употребление в диалогической речи, он также отражает негативную субъективную оценку говорящего и нецелесообразность обращенного собеседником внимания к предмету разговора. СФ помогает передать эмоции говорящего, следовательно, можно сделать вывод о его употреблении в рамках экспрессивных речевых актов.

Также языковое оформление СФ не отражает прямо иллокутивную цель говорящего: отрицание присутствует имплицитно, следовательно, для СФ характерно употребление в косвенных речевых актах.

Самым частым заполнителем переменного компонента *PronPers[dat]* в СФ является местоимение *вам* в формах единственного и множественного числа. Рассмотрев вхождения такой модели в основной корпус НКРЯ, можно отметить, что, помимо негативной оценки говорящего, в них также может быть имплици-

рован призыв к совершению собеседником (или собеседниками) определенного действия.

(12) Суханов и Штромберг тоже остались дома. <…> – *Дались вам эти гости*. Что вы, чаю не видели? У них жидко заваривают, а мы дадим настоящего, английского, – шутила Ольга Евгеньевна [Ю.В.Трифонов. Нетерпение 1973].

В примере (12), во-первых, говорящий считает поход в гости нецелесообразным, негативно оценивает желание собеседников пойти, во-вторых, в СФ имплицирован призыв остаться дома. Эту идею подкрепляет правый контекст употребления СФ: говорящий перечисляет плюсы отказа от похода в гости.

Также в примере (4) настоящей работы говорящий призывает собеседника отказаться от первоначального плана посетить Евпаторию, при этом предлагая тот вариант, который ему кажется наиболее удачным и целесообразным.

В примере (12) местоимение *вам* отражает обращение к множественному собеседнику, в то время как в примере (4) – вежливое обращение к одному собеседнику. Также были проанализированы вхождения СФ в основной корпус НКРЯ с местоимением *тебе*.

(13) – Мне-то что? Я бы поехала, да без Марты не могу! – *Далась тебе эта твоя псина*! – Без Марты – никуда не поеду! – твёрдо повторила Вера [Аркадий Мацанов. Коротким летом на Лене // Ковчег. 2014].

Пример (13) также, помимо субъективной отрицательной оценки, иллюстрирует имплицированный призыв к действию: «не брать собаку в поездку» или «уехать без собаки».

Таким образом, если заполнителем переменного компонента *PronPers[dat]* является местоимение второго лица, употребление СФ может быть связано, помимо экспрессивного с косвенным директивным речевым актом.

При анализе вхождений СФ с местоимением *мне* в качестве заполнителя первого переменного компонента в основной корпус НКРЯ было выделено два типа сценариев речевых ситуаций:

1) отказ от совершения действия;

2) сожаление о невыполнении (или выполнении) некоторого действия в прошлом, которое негативно повлияло на настоящее.

К первой группе относятся примеры, в которых говорящий считает некоторое действие неприменимым в отношении самого себя, так как оно расценивается как ненужное. Так в примере (5) говорящий отказывается от обладания определенным предметом, о чем также сообщает правый контекст употребления СФ.

(14) Да и на кой… *сдалась мне эта сраная экскурсия*? Я пионер, что ли, на экскурсии ездить? [Анна Матвеева. Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера // Звезда. 2002].

В примере (14) отказ от действия аргументируется эпитетом *сраный*, относящимся к стилистически сниженной лексике (в толковом словаре имеет помету *вульг.*). Говорящий также не отождествляет себя с группой, для которой характерно осуществление этого действия. Импликатура: «я не поеду на экскурсию, тем более я не пионер». Тем не менее, атрибутивный признак «*сраный*» в этом примере обусловливает возникновение вариативности интерпретации СФ: с од-

ной стороны, говорящего могут в принципе не интересовать экскурсии, поэтому атрибутив отражает его презрение, с другой стороны, говорящего не интересует именно эта экскурсия, однако на другую он потенциально поехал бы.

На отказ от действия также влияют внеязыковые показатели. Так пример (11) иллюстрирует уход от разговора. Ввиду того, что говорящий и собеседник оба находятся за столом и заняты приёмом пищи, говорящий считает именно это действие приоритетным.

Примеры, относящиеся ко второй группе, малочисленны в корпусе. Они противопоставляют план прошедшего и план настоящего.

(15) И *дался мне этот Островок,* – сокрушалась она, – лучше бы за эти деньги в Турцию слетала или в Коктебель на пару недель [Анна Русских. Не спрашивай почему, или дождливое лето // Дальний Восток. 2019].

В примере (15) говорящий в настоящем сожалеет о неправильном выборе, сделанном в прошлом. Можно выделить следующую импликатуру: «зачем я выбрала Островок, если целесообразней было выбрать Турцию или Коктебель?».

При анализе вхождений СФ с заполнителем первого переменного компонента — местоимением третьего лица в основной корпус НКРЯ было отмечено, что, во-первых, такие СФ чаще употребляются в монологической речи, во-вторых, не имеют дополнительных импликатур, то есть говорящий негативно оценивает действия третьего лица. Тем не менее, в корпусе также присутствуют единичные случаи употребления СФ с несколькими имплицированными значениями.

(16) Верните мне пояс! – Обойдешься подтяжками! – крикнул Гусь. – Странно, *дался ему этот пояс*! [В.А.Каверин. Много хороших людей и один завистник. 1962].

В примере (16) СФ, помимо отражения мнения говорящего о нецелесообразной в актуальный момент просьбы собеседника, реализуется также удивление говорящего самим фактом этой просьбы. По его мнению, для собеседника она не характерна.

(17) – Что вы, тетя… – Опять тетя… *Далась ему эта тетя*… Я и по летам-то тебе в тетки не гожусь… Таких теток зовут и лебедками… Это тебе разве не ведомо… [Н.Э.Гейнце. Людоедка. 1898].

В примере (17) в СФ в качестве первого переменного компонента употребляется местоимение третьего лица единственного числа, однако сам СФ используется в отношении собеседника. Таким образом, форма третьего лица, единственного числа употребляется в переносном значении: второго лица, единственного числа, что эксплицирует пренебрежительное отношение говорящего к собеседнику. В такой форме СФ может употребляться в рамках инвективного экспрессивного речевого акта.

Обобщая данные анализа, можно сделать следующие выводы:

1. СФ *даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* в основном реализуется в диалогической речи;

2. Среди заполнителей первого переменного компонента *PronPers[dat]* наиболее частотны местоимения *вам* применительно к множественному и еди-

ничному собеседнику, а также *тебе* в модели с глаголом *даться[pst]* и *мне* и *ему* в модели с глаголом *сдаться[pst]*;

3. С точки зрения семантики СФ классифицируется как оценочный, отражающий субъективную негативную оценку говорящего, а также отражающий нецелесообразность, ненужность чего-либо;

4. Отрицательная субъективная интонационно оформляется ИК-2;

5. Среди заполнителей второго переменного компонента *NP[nom]* в основном встречаются слова с нейтральным значением;

6. С точки зрения прагматики СФ в основном употребляется в рамках косвенных экспрессивных речевых актов;

7. При анализе первого переменного заполнителя были выделены следующие особенности:

- в СФ с местоимениями *вам* и *тебе* может имплицироваться побуждение к совершению собеседником определенного действия, таким образом, СФ может употребляться в косвенных директивных речевых актах;
- в СФ с местоимением *мне* может имплицироваться отказ от действия, а также сожаление говорящего;
- среди СФ с местоимениями третьего лица помимо негативной оценки говорящего может имплицироваться удивление действиями третьего лица, которые для него не характерны;
- СФ с местоимениями *ему* и *ей*, которые употребляются в переносном значении второго лица единственного числа может отражать пренебрежение говорящего и употребляться в рамках косвенных инвективных речевых актов.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лингвистический процессор для сложных информационных систем / Ю.Д.Апресян, И.М.Богуславский, Л.Л.Иомдин. – М.: Наука, 1992. – 256с.
2. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры как языковой и коммуникативный феномен // Русистика. – 2015. – №4. – С.7-15.
3. Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. – 2016. – №3. – С.7-12.
4. Иомдин Л.Л. Большие проблемы малого синтаксиса // Материалы Международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог – 2003» (г.Протвино, 11-16 июня 2003 г.). – М.: Наука, 2003. – С.216-222.
5. Иомдин Л.Л. Многозначные синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы Международной конференции «Диалог». – М.: РГГУ, 2006. – С.202-206.
6. Иомдин Л.Л. Читать не читал, но...: об одной русской конструкции с повторяющимися словесными элементами // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог – 2013». – М.: РГГУ, 2013. – Вып. 12 (19). – Т.1. – С.309-322.
7. Иомдин Л.Л. Микросинтаксис русского языка. Лекция на сайте «ПостНаука». 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://postnauka.ru/video/49441 (дата обращения: 08.07.2024).

8. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/new/Pragmaticon.2022; https://pragmaticon.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 08.07.2024).
9. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций. – М.: Азбуковник, 2010. – 584с.
10. Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / под ред. Е.В.Рахилиной. – М.: Азбуковник, 2010. – С.18-79.
11. Стародумова Е.А., Ван Жучжэнь Синтаксический фразеологизм «Что бы я (мы) делал (-ла, -ли) без тебя (вас)?(!)» // Научный диалог. – 2019. – №6. – С.9-20.
12. Ушакова А.П. Синтаксические фразеологизмы с семантикой иронического неодобрения в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Ушакова Алина Павловна. – Ярославль, 2018. – 227с.

SPECIFICITY OF USING SYNTACTIC PHRASEOLOGICAL UNIT *(с)даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* IN DIALOGICAL SPEECH

Astakhova Yana Alexeevna

Candidate of philological sciences
associate professor of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01 ext. 15 86
associate professor of the Russian language chair
Institute of philology and history
Russian state humanitarian university
125047, Russia, Moscow, Miusskaya square, 6
Ph.: +7(495) 250 64 46
yana_ast87@mail.ru

In the article the semantic, syntactic and pragmatic features of the construction *(с)даться[pst] PronPers[dat] этот NP[nom]* are analyzed, which is mainly implemented within the framework of a dialogue. The most frequent filler of the component with a pronoun is the word *вам*; among the fillers of the second variable component there are words that have a neutral stylistic coloring; a negative subjective assessment is emphasized by the intonation design of the SF when using IK-2; from the point of view of pragmatics, the SF is used most often in indirect expressive speech acts, but there are cases of use in indirect directive speech acts.

Keywords: grammar of constructions; syntactic phraseological unit; semantics; pragmatics.

ХУСУСИЯТИ ИСТИФОДАИ ВОҲИДҲОИ ФРАЗЕОЛОГИЗМҲОИ СИНТАКСИСӢ
(в) таслим шудан[pst] PronPers[dat] ин NP[ном] ДАР НУТҚҲОИ ДИАЛОГӢ

Астахова Яна Алексеевна

Номзади илмҳои филология
дотсенти кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01 иловагӣ 15 86
дотсенти кафедраи забони русӣ
Институти филология ва таърих
Донишгоҳи давлатии гуманитарии Россия
125047, Россия, Москва, майдони Миусская, 6
Тел.: +7(495) 250 64 46
yana_ast87@mail.ru

Дар мақола вижагиҳои маъноӣ, синтаксисӣ ва прагматикии сохти *(с)даться[pst] PronPers[dat] эту NP[nom]* мавриди таҳлил қарор гирифтааст, ки асосан дар доираи муколама амалӣ мегардад. Пуркунандаи бештари ҷузъ бо ҷонишин калимаи шумост; дар байни пуркунандаҳои ҷузъи тағйирёбандаи дуюм калимаҳое ҳастанд, ки ранги услубии бетараф доранд; баҳои манфии субъективӣ бо тарҳи интонатсияи СФ ҳангоми истифодаи ИК-2 таъкид мешавад; аз нуқтаи назари прагматика СФ бештар дар актҳои нутқи бавосита ифоданок истифода мешавад, вале дар актҳои нутқи бавоситаи фармонӣ истифода шудани он ҷой дорад.

Калидвожаҳо: грамматикаи конструктсияҳо; воҳиди фразеологии синтаксисӣ; семантика; прагматика.

УДК 821.222.8’0

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сайфуллаева Зулайхо Абдухамидовна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой таджикского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 15

В статье предпринимается попытка проследить основные вехи истории периодизации персидско-таджикской литературы, намеченные как средневековыми поэтами и составителями антологий, так и русскими учёными-востоковедами, которые проделали огромную работу по разработке принципов выделения ключевых этапов развития этой литературы. Обосновывается, что критерии и подходы к периодизации литературного процесса, разработанные в русской востоковедческой науке, позволяют уточнить общественно-политические, мировоззренческие, художественно-эстетические тенденции определённых этапов истории литературы и в целом содействуют построению общей концепции литературного процесса.

Отмечается вклад выдающихся русских учёных В.А.Жуковского, А.Е.Крымского, Е.Э.Бертельса, И.С.Брагинского и других в решении данных проблем.

Представлены основные принципы и критерии разграничения стадий движения персидско-таджикского литературного процесса с древнейших времён и до XIX века, основанные, главным образом, на хронологическом подходе, династической модели и особенностях формирования литературных явлений и художественных систем периодов. Вместе с тем, поскольку по настоящее время всё ещё не предложены новые принципы, критерии и подходы периодизации истории персидско-таджикской литературы, решение данного вопроса остаётся открытым. По мнению автора, здесь важно не ограничиваться только теоретическим подходом, но и учитывать специфические особенности явлений самой литературы.

Ключевые слова: периодизация; история литературы; исторические периоды; русское востоковедение; персидская литература; таджикская литература; персидско-таджикская литература.

Проблема периодизации персидско-таджикской литературы является одним из наиболее сложных вопросов, стоявших перед литературоведами как в прошлом, так и в настоящее время. Вот что по этому поводу писал известный востоковед И.С.Брагинский: «Хотя персидская и таджикская литературы изучаются уже более полутора веков современными научными методами, до сих нор не разрешена проблема их периодизации [6, с.5]». Целью периодизации является не создание строгой схемы этапов развития литературы, а обозначение ряда основных ориентиров на каждом этапе литературного движения.

Первая попытка периодизации была предпринята еще в XI в. поэтом Манучехри, который в известной касыде «Эй, нихода бар миёни фарк чоки хештан» в трёх бейтах «перечислил свыше 50 поэтов, своих предшественников и современников, сгруппировав их по географическому признаку (Хорасан, Согд, Бухара, Балх, Мерв и т.д.)» [6, с.5]. Более поздние авторы, такие как Омин Ахмад Рази в XVI в. в географическо-биографической энциклопедии «Хафт иклим» и в XVII в. Лутфали-бек Анар Исфахани в тазкира «Оташкада», так же использовали географический принцип классификации.

В XV в. прославленный Абдуррахман Джами следовал династическому принципу классификации в своей поэме «Силсилат уа-захаб», перечисляя наиболее известных поэтов.

По мнению И.С. Брагинского, «династический принцип классификации оказался особенно устойчивым», так как применялся еще ранее, в арабской литературе, а в персидской – в XIII в. в тазкира Мухаммада Ауфи «Лубоб ул-албоб». «Этого принципа придерживались составители большинства антологий, и до настоящего времени его применяют почти все авторы общих работ по истории персидской литературы» [6, с.7].

К алфавитному принципу классификации прибегали составители в некоторых тазкира и энциклопедических справочников. К примеру, в двухтомной тазкира XIX в. Резакули-хана Хедаята «Мачмаь ул-фусахо» применялся как традиционный алфавитный, так и хронологический принцип: «древние» поэты — до XIV в., поэты «среднего времени» — с XIV по XIX в. и далее «современные» поэты.

В начале XIX в. австрийский учёный-ориенталист Йозеф Гаммеръ-Пургшталь в капитальном труде «История Османской империи» [19] провёл периодизацию по ведущим жанрам или литературным направлениям периодов. Аналогичного критерия придерживался немецкий историк литературы И.Шерр во «Всеобщей истории литературы» [7]. Династическая периодизация и классификация этапов истории литературы по основным жанрам отмечается и во Введении французской «Антологии персидской поэзии (XI-XX вв.)».

Почти все западные ориенталисты начала XX в. придерживались хронологической систематизации по династиям, в частности Э.Г.Броун в «Литературной истории Персии» [18]. Этой же позиции придерживался русский востоковед А.Е.Крымский в издании «История Персии, ее литературы и дервишской теософии» [11], отстаивая весьма спорные понятия: «саманидская поэзия», «литература газневидской эпохи», «литература сельджукского периода» и т. п.

Первые периодизации истории персидско-таджикской литературы были осуществлены русскими востоковедами с опорой на реалии литературной жизни, а именно учитывалось то, что при создании литературных антологий их периодизация проводилась в соответствии с географическими регионами, в алфавитном порядке или с учётом букв той местности, в которой жил и работал составитель данного труда, по степени значимости видов или жанров, литературных стилей или школ, исторических, политических, социальных событий и хронологии.

В результате глубокого исследования научных памятников русскими востоковедами при периодизации персидско-таджикской литературы были предложены новые подходы и критерии, наиболее важными из которых являются: а) периодизация на основе литературных видов, жанров, стилей и школ (в частности с учетом географического происхождения); б) периодизация на основе политических, исторических и социальных реалий; в) периодизация на основе исторического имени.

Сторонники периодизации по литературным видам, жанрам, стилям и школам считают, что она должна основываться на внутренней логике литературного процесса. По их мнению, художественно-эстетические открытия литературы должны быть конкретным критерием выделения того или иного периода.

В.А.Жуковский в статье «Омар Хайям и «странствующие» четверостишия» [10] впервые в русском востоковедении определил и конкретизировал периоды развития литературы, опираясь на практическую периодизацию истории литературы, то есть на принадлежность к правящим династиям и хронологии периода жизни и научно-литературной деятельности О.Хайяма.

А.Е.Крымский так же тяготел к практической форме периодизации персидско-таджикской литературы. В своем труде «Низами и его современники» [12] он остался привержен практической форме исторической периодизации литературы в соответствии со временем правящей династии. Исследователь активно использовал сочетания «стихотворения Саманидов», «литература эпохи Газневидов» и «литература эпохи Сельджуков», конкретизировал периоды и особенности рассматриваемой литературы [12, с.86]. Иногда в исследованиях А.Е. Крымского место династической периодизации занимает направление периодизации на основе важности жанров, что так же берёт начало в реалиях литературной жизни [12, с.102].

Попытки проведения практической периодизации персидско-таджикской литературы на основе правящих династий встречаются в научных трудах А.Болотникова, касающихся вопроса жизни и наследия Омара Хайяма [3; 4; 13]. Исследователь, анализируя рубаяты Хайяма и особенности творчества той эпохи и описывая жизнь и наследие поэта-сочинителя рубаи и учёного-математика, оценивает его четверостишия как конкретный критерий осмысления литературы того периода.

Иранист-филолог Абуль-Касим Заррэ в статье «Очерк литературы Ирана» [13] предложил историко-социологическую периодизацию персидской литературы. Немного ранее эту позицию выразили российские учёные-востоковеды Л.Жирков, К.Чайкин и Р.Галунов в статье «Персидская литература» [9].

Практическая форма периодизации персидско-таджикской литературы, прежде всего, имеет типологическую цель, она развивалась в русском востоковедении с самого начала по 40-е годы XX века и всегда была непосредственно связана с исследованием и оценкой жизни и творчества представителей литературы различных периодов.

В связи с точкой зрения востоковедов, придерживающихся научно - исторической периодизации, напрашивается вывод, что различные периоды

формирования и развития литературы не вполне соответствуют этапам развития и смены политической и социально-экономической систем. Но эта форма периодизации имеет сходства с великими историческими периодами, такими как Древняя эпоха, Средневековье, Новое и Новейшее время. Сходство этапов развития литературы с историческими периодами в рамках крупных исторических эпох, социальных движений и их преломлений в художественной мысли и образе мышления ярко проявляется в творчестве художников слова. Иными словами, каждая великая эпоха обладает специфической историей социальной мысли и особым художественным мышлением, и, таким образом, каждая эпоха имеет свои явные отличия от другой эпохи.

В 1928 г. в Советском Союзе была издана первая сводная работа по истории персидской литературы с древнейших времён до современности – «Очерк истории персидской литературы» [2] Е.Э.Бертельса. Автор придерживался принципа династической периодизации и систематизации персидской литературы по основным жанрам. Однако «впоследствии Е.Э.Бертельс счёл эту свою работу устаревшей» [6, с.8].

Е.Э.Бертельс, приветствуя практическое направление периодизации персидско-таджикской литературы, на основе хронологической периодизации привязывает периоды литературы к правящим династиям. Во введении к книге «История персидско-таджикской литературы» [1] он признаёт важной периодизацию литературы на основе принадлежности правящим династиям, затем в хронологическом порядке, последовательно обосновывает свою позицию. Е.Э.Бертельс высказал ряд мыслей об исторической периодизации литературы, в том числе он пишет, что «сколько-нибудь установившейся исторической периодизации Средней Азии и Ирана советская наука пока не создала. Даже в книге Б.Г.Гафурова «История таджикского народа» [8] главы, посвящённые средневековой истории, ещё основаны, в некоторой степени, на прежнем делении по династиям.

При изучении литературы это деление, пожалуй, в некоторых случаях можно и оправдать. Когда речь идет о придворных поэтах, а средневековая персидско-таджикская поэзия на три четверти состоит из их произведений, нельзя отрицать, что творчество каждой связанной с определённым двором группы поэтов имеет много общего. Это в значительной степени объясняется как стремлением поэтов угодить вкусам властелина, так и тем, что так называемые «цари поэтов» выступали в роли цензоров и руководителей этих поэтов и старались подогнать стихи своих подопечных под один ранжир» [1, с.28-29].

Периодизация на основе исторических, политических и социальных событий и явлений с 30-х годов XX века и далее определяет основные направления исследований русского востоковедения. Эти направления сформировались и развивались под влиянием идеологических механизмов, распространённых в советское время, и имели как положительные, так и отрицательные стороны. Приверженцы данного направления – Е.Э.Бертельс, А.Н.Болдырев, И.С.Брагинский, В.Б.Никитина, Е.В.Паевская и другие тяготели к мнению, что литературные периоды, прежде всего, являются продуктом тех изменений, которые происходили в политической, социальной и культурной истории разных стран.

Так, Е.Э.Бертельс представляет следующую периодизацию персидско-таджикской литературы: литературные памятники древнего периода; литература народов восточного Ирана периода с V века нашей эры по IX век нашей эры; литература X века; литература первой половины XI века; литература второй половины XI века; литература эпохи Караханидов и литература периода правления Сельджуков [1, с.29-30].

Е.Э.Бертельс, хотя и отказался от использования таких терминов, как «литература эпохи Газневидов», всё же признавал, что «отказаться совершенно от традиционного, установленного ещё авторами тезкире деления поэтов по династическому признаку, мы пока не смогли» [1, с.29]. Излагая данную мысль, исследователь подчёркивает, что проблема периодизации персидско-таджикской литературы всё ещё не решена и требует отдельного изучения.

Безвременная кончина Е.Э.Бертельса не дала ему возможности завершить большой труд «История персидско-таджикской литературы». Только после смерти Е.Э.Бертельса, то есть начиная с 50-х и 60-х годов XX века, расширилось научное направление периодизации персидско-таджикской литературы как один из наиболее актуальных вопросов научных исследований русского востоковедения.

В этом плане можно назвать исследования И.С.Брагинского «К вопросу разделения истории таджикской литературы на периоды», «В отношении вопроса исторической периодизации персидско-таджикской литературы», «О пределах периодизации в литературе Востока», А.Н.Болдырева и И.С.Брагинского «Взгляд на периодизацию персидско-таджикской классической литературы», Е.П.Челышева «Теоретические вопросы и методология изучения истории литературы народов Востока», В.Б.Никитиной, Е.В.Паевской и Л.Д.Позднеевой «О периодизации древней литературы Востока», И.В.Боролиной, В.Б.Никитиной, Е.В.Паевской и Л.Д.Позднеевой «О периодизации литературы Востока в средние века» и пр.

Необходимо сказать, что в 60-70-х гг. XX в. иранские литературоведы Хомаи, Шафаг, Сафа и др. пользовались преимущественно династическим принципом классификации, порой в сочетании с географическим признаком. Иранский поэт Малек ош-Шоара Бахар и иранский учёный Саид Нафиси предложили принцип периодизации по сменяющимся друг друга стилям (направлениям) поэзии и прозы.

В это же время индийский учёный Шибли Нумани в оригинальной летописи персидской литературы «Шеър-ул-Аджам» следует династическому принципу «традиционной группировки поэтов на «древних», «средних» и «новых» [6, с.9].

В 60-м году прошлого века были изданы две заслуживающие внимания работы западноевропейских ученых по истории литературы Ирана – итальянская монография А.Паглиаро и А.Баузани «История литературы Персии» [20] и коллективная работа под редакцией чешского литературоведа Яна Рипки «История персидской и таджикской литературы» [14]. Итальянские исследователи разместили литературу по жанровому признаку (касыды, газели, маснави и т. д.) и разделили ее на древнеиранскую, фарси (до XIX в.) и современную. Чешские уче-

ные произвели периодизацию персидской литературы до XIX в. по династическому признаку, а таджикскую (начиная с XVI в.) – по столетиям.

Садриддин Айни – основоположник советской таджикской литературы уделял особое внимание проблеме периодизации истории персоязычной литературы, отмечая, что без разрешения этого вопроса невозможно начать систематическое изучение таджикской словесности и определить закономерности литературного процесса каждой эпохи.

Из развернувшихся дискуссий и некоторых опубликованных исследований можно прийти к выводу, что творческие и структурные особенности литературы невозможно не учитывать при осмыслении особенностей той или иной эпохи персидско-таджикской литературы. Это направление мирового литературоведения также признают исследователи формалистического направления (формалисты), последователи «новой критики», структуралисты и компаративисты.

В предисловии, написанном к «Образцам таджикской литературы», И.С.Брагинский впервые поставил вопрос о праве таджикского народа на литературное и культурное наследие, распределяет историю персидско-таджикской литературы на три периода: древний классический (X-XV вв.), поздний классический (XVI-XX вв.) и советский. Позже в порядке дискуссии на данную тему он опубликовал статью под названием «О вопросе разделения таджикской литературы на периоды», затем вместе с А.Н.Болдыревым – статью «Соображения о периодизации классической персидско-таджикской литературы». Основу его теоретической и методологической концепции по вопросу периодизации персидско-таджикской литературы, прежде всего, составляла идея гуманизма тысячелетней персидско-таджикской литературы, которая приветствовалась научными кругами того времени [см.15].

И.С.Брагинский, отказавшись от династической периодизации, обосновывает её с исторической и культурной позиции. Его предложение по разделению истории литературы на древнеклассический, поздний и советский периоды заложило тенденцию изучения литературных событий в зависимости от эпохи и на этой основе определения сути и особенностей того времени. Данный способ периодизации также учитывает концепцию единства мировой литературы, то есть ставит необходимость изучения персидско-таджикской литературы в контексте общего движения мировой литературы. Исследователь изложил теоретическую и методологическую концепцию на основе следующих требований: первое требование основывалось на том, что история литературы должна быть распределена на периоды на основе конкретных исторических фактов. Этот метод опирается на анализ, подведение итогов и сбор результатов на основе исторических документов, и отвергает всякого рода заштампованность и догматизм; второе требование заключается в том, что периодизация истории литературы должна быть связана с общеисторическим разделением периодов, чтобы на этом основании определить материальный и сословный прогресс литературы различных периодов.

В связи с тем, что разделение литературы на периоды имеет в науке большое значение, учёный подчёркивает, что «изучение истории литературы должно начинаться с установления и фактологичности её периодов» [5, с.34]. Для плодо-

творного завершения этой работы И.С.Брагинский счёл особенно важным чёткое осмысление литературных периодов, для чего следует изучить ранее собранные сведения, чтобы «тексты древних рукописей, библиография и пр. исследовались предварительно, изучались отдельные периоды литературы, отдельные её стороны и представители, а также творчество отдельных писателей» [5, с.34]. Он считал возможной периодизацию таджикской литературы только после завершения таких работ.

Вместе с тем, известный таджикский литературовед А.Сатторзода считает, что «в периодизации на основе исторических периодов, которую И.С.Брагинский называет «исторической литературной периодизацией», хотя она и является весомым достижением современной литературы, всё же скрываются некоторые недостатки и неясности». Учёный видит общий методологический недостаток в периодизации литературы на основе массовых исторических периодизаций в том, что «в ней наблюдается стремление прикрепить периодизацию литературы к исторической периодизации и преобразовать литературный процесс в процесс исторический. До сих пор в отношении периодизации литературы в целом и периодизации персидско-дарийской литературы в частности кроме всеобщих периодов, то есть Эпохи древности, Средних веков и современной эпохи, «отсутствует единство взглядов» [16, с.173].

Действительно, в теории, которую сформулировал И.С.Брагинский по вопросу систематизации литературы, литература не периодизирована с позиции хронологии. Тогда как литературу как творческое явление необходимо осмысливать и периодизировать самостоятельно, чтобы создать благоприятную возможность для проведения научной и методической экспертизы её различных периодов.

Узбекский учёный Ш.Шомухаммедов в результате всех споров пришёл к выводу, что с большой долей уверенности можно утверждать, что «составленный план периодизации персидско-таджикской литературы, несмотря на то, что требует пересмотра и усовершенствования, вполне приемлем и в наши дни» [17, с.192]. Эта мысль Ш.Шомухаммедова была высказана в начале 80-х годов прошлого века, но указания и рекомендации И.С.Брагинского на данную тему всё еще используются специалистами данной области.

Итак, русские востоковеды на основе этапов практической периодизации научной литературы определяют следующие направления:

1. Периодизация литературы с учетом правящих династий.
2. Периодизация литературы на основе хронологии.
3. Периодизация литературы с учетом литературных видов, жанров, стилей и школ (географической территории).
4. Периодизация литературы на основе исторических, политических и социальных событий и явлений.
5. Периодизация литературы на основе исторических периодов.

Русские исследователи персидско-таджикской литературы, проявляя творческую самостоятельность, создали благодатную почву для осуществления научного осмысления методов исследования различных периодов данной литературы. В

большинстве исследований, в которых ведутся дискуссии на тему периодизации персидско-таджикской литературы, суть большинства вышеуказанных факторов, в частности исторического, политического, литературного, а также факторов поколений, эволюции языка как отличающий критерий и исследовательский взгляд, складывается из понимания исторической периодизации персидско-таджикской литературы.

По вопросу периодизации литературы по сегодняшний день не предложено каких-либо новых принципов, критериев или устойчивых методов. В течение долгих лет теоретические и методологические противостояния, которые преимущественно носили идеологический характер, не привели к консенсусу в отношении периодизации литературы в целом и периодизации персидско-таджикской литературы в частности.

Литература

1. Бертельс Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. – М.: Вост. лит-ра, 1960. – 561 с.
2. Бертельс Е.Э. Очерк истории персидской литературы. – Л.: Изд. Ленинградского Восточного ин-та им. А.С.Енукидзе, 1928. – 203 с.
3. Болотников А. Омар Хайям (Философ-поэт-математик) // На рубеже Востока. – 1930. – №1. – С.97-108.
4. Болотников А. Омар Хайям (Философ-поэт-математик) // На рубеже Востока. – 1930. – №2. – С.93-111.
5. Брагинский И.С. К вопросу о периодизации истории литературы // Шарқи сурх. – 1947. – №2-3. – С.34-44 (на тадж.яз.).
6. Брагинский И.С. О проблеме периодизации истории персидской и таджикской литератур // Из истории персидской и таджикской литератур. Избранные работы / отв. ред. акад. Б.Г.Гафуров. – М.: Наука, 1972. – 524 с.
7. Всеобщая исторія литературы: в 2 т. / пер. подъ ред. А.Пыпина. Изданіе О.Бакста. – СПб., 1863. – 426 с. +377 с.
8. Гафуров Б. Краткая история таджикского народа. Т.1. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1947. – 384 с. (на тадж.яз.).
9. Жирков Л. Персидская литература / Л.Жирков, К.Чайкин, Р.Галунов // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т.8. – М.: ОГИЗ РСФСР; Гос. словарно-энцикл. изд-во "Советская Энциклопедия", 1934. – С.548-573.
10. Жуковский В. Омар Хайям и «странствующие» четверостишия // Сборник Ал-музафарийе. – СПб., 1897. – С.325-363.
11. Крымский А.Е. История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. – М.: Типография Х.Улицкого и А.Голованевского (бывш. Я.Ниренберга). 1914-1917. Т.1. От эпохи Халифов до Газневидов. Золотой век персидской литературы. – 196 с.; Т.2. От разложения сельджукского царства до монголов, с общим очерком истории суфийства. – 261 с.; Т. 3. От эпохи монголов Джингиз-хана до водворения Сефевидов в Иране и Великих моголов в Индии XVI-XVIII вв. – 504 с.
12. Крымский А.Е. Низами и его современники. – Баку: Изд-во «Элм», 1981. – 487 с.
13. Литература Ирана X-XV в. Восток: сб. второй / под ред. А.А.Болотникова, А.Н.Тихонова, К.И.Чайкина; очерк лит. Ирана Абуль-Касим Заррэ. – М.; Л.: Academia, 1935. – 492 с.
14. Рипка Ян. История персидской и таджикской литературы / Ян Рипка и др.; пер. Н.А.Кондрашова и П.А.Клейнер; ред. и автор предисл. И.С.Брагинский. – М.: Прогресс, 1970. – 440 с.
15. Сайфуллаева З.А. И.С.Брагинский о периодизации истории таджикской литературы //

Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2015. – №3(50). – С.264-269.
16. Сатторзода А. Периодизация литературы с точки зрения методологии. Кӯҳна ва нав (в поэзии, критике и языке). – Душанбе, 2004. – С.168-174.
17. Шамухамедов Ш. Широта и целеустремленность // Звезда Востока. – 1977. – №4. – С.140-192.
18. Browne Edward Granville. A Literary history of Persia (4 volumes). – London: T.F.Unwin, 1902-1906.
19. Hammer-Purgstall Joseph. Geschichte der schönen Redekünste Persiens. – Heubner und Volke, 1818. – 432 s.
20. Pagliaro A. and Bausani A. Storia della letteratura persiana. – Milan: Nuova accademia editrice, 1960. – 914 p.

TO THE PROBLEM OF PERIODIZATION OF PERSIAN-TAJIK LITERATURE

Saifullaeva Zulaykho Abduhamidovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of the chair of Tajik language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 15

The article attempts to trace the main stages in the history of periodization of Persian-Tajik literature, outlined by both medieval poets and compilers of anthologies, and Russian orientalists, who have done a great deal of work to develop principles for identifying key stages in the development of this literature. It is substantiated that the criteria and approaches to the periodization of the literary process, developed in Russian oriental studies, allow us to clarify the socio-political, ideological, artistic and aesthetic tendencies of certain stages in the history of literature, and generally contribute to the construction of a general concept of the literary process.

The contribution of outstanding Russian scientists V.A.Zhukovsky, A.E.Krymsky, E.E.Bertels, I.S.Braginsky and others in solving these problems is noted.

The main principles and criteria for distinguishing between the stages of the Persian-Tajik literary process from ancient times to the 19th century are presented, based mainly on the chronological approach, dynastic model and features of the formation of literary phenomena and artistic systems of periods. At the same time, since new principles, criteria and approaches to the periodization of the history of Persian-Tajik literature have not been proposed yet, the solution to this issue remains open. According to the author, it is important not to limit ourselves to a non-theoretical approach, but also to take into account the specific features of the phenomena of literature itself.

Keywords: periodization; history of literature; historical periods; Russian oriental studies; Persian literature; Tajik literature; Persian-Tajik literature.

МАСЪАЛАИ ДАВРАБАНДИИ АДАБИЁТИ ФОРСУ ТОҶИК

Сайфуллоева Зулайхо Абдулҳамидовна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи забони тоҷикӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 15

Дар мақола марҳилаҳои асосии таърихи даврабандии адабиёти форсу тоҷик, ки ҳам аз ҷониби муаллифони асримиёнагӣ ва шоирону таҳиягарони тазкираҳо, ҳам аз ҷониби олимону мусташриқони рус, ки доир ба коркарди принсипҳои ҷудокунии марҳилаҳои инкишофи ин адабиёт корҳои зиёдеро анҷом додаанд, мавриди таҳлилу баррасӣ қарор дода шудааст. Асоснок карда шудааст, ки меъёрҳо ва муносибатҳои даврабандии раванди адабӣ, ки дар илми шарқшиносии рус коркард гардидаанд, барои аниқ намудани тамоюлоти ҷамъиятиву сиёсӣ, ҷаҳонбинӣ, бадеиву ахлоқии марҳилаҳои муайяни таърихи адабиёт имконият дода, дар маҷмуъ барои сохта баромадани консепсияи умумии раванди адабӣ мусоидат мекунанд.

Саҳми арзандаи олимони машҳури рус В.А.Жуковский, А.Е.Кримский, Е.Э.Бертелс, И.С.Брагинский ва дигарон дар ҳалли ин мушкилот зикр карда шудааст.

Принсипҳо ва меъёрҳои асосии ҷудокунии марҳилаҳои ҳаракати раванди рушдёбии адабиёти форсу тоҷик аз даврaҳои қадими аввал то асри XIX, ки асосан ба муносибати хронологӣ, амсилаи сулолавӣ ва хусусиятҳои ташаккулёбии ҳодисаҳои адабӣ ва низомҳои бадеии ин даврaҳо такя мекунанд, муайян карда шудаанд. Дар баробари ин, азбаски ҳанӯз ҳам принсипҳо, меъёрҳо ва муносибатҳои нави даврабандии таърихи адабиёти форсу тоҷик пешниҳод нагардидаанд, ҳалли масъалаи мазкур ба охир нарасидааст. Бино ба ақидаи муаллиф, дар ин масъала танҳо бо муносибати ғайриназариявӣ маҳдуд шудан мумкин нест, балки ба назар гирифтани хусусиятҳои хоси ҳодисаҳои худи адабиёт зарур мебошад.

Ключевые слова: даврабандӣ; таърихи адабиёт; даврaҳои таърихӣ; шарқшиносии рус; адабиёти форсӣ; адабиёти тоҷик; адабиёти форсу тоҷик.

УДК 82-95 (575. 3)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ

Шарипов Васид Абдухаликович

Кандидат педагогических наук,
ГОУ «Худжандский государственный университет им. акад. Б. Гафурова»
735700, Республика Таджикистан, Согдийская область,
Худжанд, ул. К.П.Рахматбоева, 60
Тел.: (+992) 770 02 30 (м.)
saripovvosid@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу фрагмента оригинала эпопеи «Шахнаме» А.Фирдоуси и его русского перевода. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что оценка качества русских переводов бессмертной поэмы в фирдоусиведении находится на начальной стадии разработки. Цель статьи заключается в определении мастерства Ц.Б.Бану-Лахути в передаче экспрессивности и эмоциональности поэтического текста с помощью лексических и стилистических средств языка-реципиента и в установлении степени эквивалентности перевода подлиннику.

Автор исследует однозначные эквивалентные соответствия, вариантные соответствия, примеры установления значения по словарю. Показано, что в 14 строках содержится множество примеров лексических переводческих трансформаций, к которым прибегает автор переложения. По мере необходимости затрагивается вопрос о синтаксических и стилистических средствах, о чем более обстоятельно сказано в других работах автора статьи. Предметом особого внимания становятся данные словарей, стилистически маркированная лексика: просторечная, устаревшая.

На основе аналитического разбора лексики и стилистики семи строф, посвященных битве богатыря Рустама с Белым дивом, исследователь приходит к выводу, что Ц.Б.Бану-Лахути максимально использует лексико-семантические и стилистические возможности русского языка, чтобы добиться эквивалентного перевода. Ей удалось передать движение стиха, общий стилистический настрой фрагмента, его эмоциональность и экспрессивность, пафос единоборства героя с Белым дивом, напряженность поединка и в целом образную структуру фрагмента. Особую роль здесь сыграли гиперболы, эпитеты, сравнения, перифразы.

Ключевые слова: лексические стилистические средства; художественный перевод; «Шахнаме»; А. Фирдоуси; экспрессивность; переводческие трансформации; подлинник.

Перевод, как результат переводческой деятельности, является филологической категорией. Современный художественный перевод и оценку его качества немыслимо представить вне связи с наукой, обособленно от лингвистики (фонетики, лексики, грамматики), стилистики и литературоведения. Проблема перевода лексических стилистических средств, как и синтаксических, все более становится предметом пристального внимания и изучения исследователей.

«Вопрос, связанный с трудностями перевода художественных средств изобразительности, является одним из важнейших в литературоведении и лингвистике. Анализ переводов классической и современной таджикской поэзии на русский язык, выполненных выдающимися русскими поэтами и переводчиками, позволяет прийти к выводу, что перевод изобразительно-выразительных средств часто становится для них серьезным испытанием. Отсутствие равнозначного эквивалента в языке перевода, различие в культурах и мировоззрении, трудности в соблюдении авторского стиля неизбежно ведут к проблемам, связанным с адекватностью и качеством перевода» [3, с.153-154].

Современное фирдоусиведение характеризуется почти полным отсутствием научных трудов (статей, монографий, диссертаций), всецело посвященных исследованию вопроса о лексических стилистических средствах в русских переводах «Шахнаме» А.Фирдоуси, тогда как теория и практика перевода настоящего шедевра персидско-таджикской классической литературы, как часть фирдоусиведения, требуют всестороннего подхода к изучению и оценке качества русских переводов бессмертной поэмы.

Не в пример фирдоусиведам, в общей теории перевода в настоящее время уделяется значительное внимание вопросу о лексических соответствиях и трансформациях. Этот вопрос находится в центре внимания многих российских теоретиков и практиков перевода, к числу которых относятся А.В.Фёдоров, Н.К.Гарбовский, Н.И.Герасимова, С.Б.Велидинская, И.Н.Артемьева и др. «Главная цель любого художественного произведения заключается в эстетическом воздействии, в создании художественного образа» [2].

В данном исследовании на примере сравнительного анализа фрагмента из текста «Шахнаме» А.Фирдоуси и его русского перевода, выполненного Ц.Б.Бану-Лахути, рассматриваются способы достижения образности, передачи экспрессивности и эмоциональности с помощью лексических стилистических средств.

Эпизод относится к известному поединку центрального героя эпоса – богатыря Рустама с Белым дивом.

Первая строфа:

Бад-ин гуна бо якдигар размчӯй,

Зи танҳо равон буд хаю хун ба чӯй [7, с.88].

Перевод:

Все жарче, меж тем, разгорается бой,

Пот градом струится, кровь льётся рекой [7, с.88].

Накаленность обстановки поединка в персидско-таджикском варианте передается указанием на то, как, насколько агрессивны, враждебны друг другу противники, где слово «размж=й», согласно данным «Таджикско-русского словаря» под ред. Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова (Душанбе, 2006), означает «1. затевающий войну, поджигатель войны, милитарист; 2. *разг.* затевающий ссору, раздор» [9, с.746.] и является ключевым. В нашем случае – это воинствующие Рустам и Белый див.

Уже второе слово первой строки варианта перевода – сравнительная степень наречия «жарко – жарче», выступающее в функции эпитета, говорит о накаленности атмосферы боя, когда борьба идет не на жизнь, а на смерть. Усиливает это впечатление жестокости поединка вторая строка. В ней, в отличие от подлинника, использованы два сравнения в форме творительного падежа имен существительных: «струится градом, льётся рекой» – полностью передающие содержание второй строки и, кроме того, являющиеся одновременно и гиперболами. В переводе сохранены ключевые слова подлинника, это однозначные эквивалентные соответствия: хай – пот, хун – кровь, ж=й – ручеек, арык, канава, на которых и базируется содержание бейта.

Вторая строфа:

Таҳамтан ба неру ҷонофарин,

Бикӯшид бисёр бо дарду кин [7, с.88].

Перевод:

Могучий, всесильный, Йазданом ведом,

Упорно и яростно бился с врагом [7, с.88].

Первое слово второй строфы подлинника – «таҳамтан». Это перифраз, в котором проявляется позитивное отношение автора к субъекту действия. В «Таджикско-русском словаре» (Душанбе, 2006), «таҳамтан» – «1. богатырь, исполин; 2. сильный, могучий храбрый» [9, с.613]. Под словом «таҳамтан» имеется в виду богатырь Рустам. В первой строке оригинала следует отметить также и семантику лексемы «чонофарин»: «1. дарующий жизнь; 2. *рел.* творец жизни, души (*эпитет бога*)» [Там же, с.755].

Рустам, обозначенный в подлиннике перифразом, в переводе называется субстантивированными прилагательными «могучий, всесильный» — это, по сути, тот же перифраз.

«В процессе перевода, - пишет И.Н.Артемьева, - переводчик вычленяет определенные фрагменты текста – единицы перевода и подыскивает для них соответствия в арсенале языковых средств принимающего языка.

Все соответствия могут подразделяться на три типа:

1) однозначные эквивалентные соответствия;

2) вариантные соответствия (выбранные из нескольких словарных синонимических вариантов);

3) трансформации - соответствия, порожденные самим переводчиком, выведенные им из контекста» [4, с.51].

Третье слово первой строки русского варианта «Йаздан» – это пример, соответствующий второму пункту, когда автор перевода из синонимичного ряда (бог, господь, всевышний, творец) выбрала к слову «чонофарин» вариант соответствия. Хотя Ц.Б.Бану-Лахути имела возможность вместо слова «Йаздан» выбрать русский синоним «всевышний», где присутствуют те же самые три слога, второй из которых ударный, подходящий под размер, но она стилистически разумно остановила свой выбор на слове «Йаздан», ибо данная лексема, с одной стороны, заключает в себе восточно-мусульманский колорит, с другой – окончанием -*ом* образует созвучие с рифмующимися словами «вед*ом*» и «враг*ом*».

Образ действия во второй строке подлинника («бо дарду кин – с болью, презрением, ненавистью») в переводе так же передается обстоятельством образа действия «упор*но* и ярост*но*». Кроме того, эти слова закладывают основы внутренней рифмы во всем фрагменте, ибо такого рода созвучия конечных звуков в лексемах, способствующих не только благозвучию, встречаются и в последующих строфах: «долг*ой* борьб*ой*»; «чер*ное* алч*ное*». Их компоненты, как эпитеты или как лингвистические категории, выступая в качестве обстоятельств образа действия или определения, дают качественную характеристику действия.

Третья строфа:

Саранҷом аз он кинаву корзор,

Бупечид бар худ гави номдор [7, с.88].

Перевод:

Пресытившись долгой борьбой, наконец,

Рванулся к противнику славный боец [7, с.88].

Первая строка подлинника переведена деепричастным оборотом с добавлением к нему вводного слова «наконец». Остановимся на деепричастии «пресытившись». В «Словаре русского языка» С.И.Ожегова дается следующее толкование глагола «пресытиться»: «Насладиться сверх меры, до полного удовлетворения чем-н. *П. развлечениями*» [6, с.519]. Думается, в данном деепричастии содержится ирония Ц.Б.Бану-Лахути, ибо пресыщаются (чрезмерно наслаждаются) чем-нибудь полезным и приятным. Реже этот глагол сочетается и со словами, имеющими негативный оттенок. Во всяком случае, в семантике глагола «пресытиться» и образованного от него деепричастия больше позитивного оттенка, нежели отрицательного. На это указывает уже первое слово приведенного толкования: «Насладиться…». Что хорошего в столкновении с опасным врагом? В подлиннике отчетливо сказано: «*Бупечид бар худ гави номдор*» [7, с. 88]. Слово «печидан» многозначное. Вот что по поводу однозначности, многозначности и неполной соотнесенности слов в подлиннике и переводе пишет: Н.И.Герасимова «Слово может обладать однозначной, независимой от контекста соотнесенностью со словом или словосочетанием языка перевода и передается в этом случае с помощью эквивалентного соответствия.

Слово может обладать многозначностью, и тогда его значение разрешается контекстом, и оно передается с помощью вариантного соответствия.

Слово может обладать неполной соотнесенностью со словом языка перевода и в таком случае вызывает при переводе необходимость трансформации: лексической замены (генерализации, конкретизации и др.)» [5, с.73].

В «Таджикско-русском словаре» (Душанбе, 2006) приводится двенадцать значений слова «печидан». Нет смысла приводить всю эту полисемию. Обратим внимание лишь на первое и шестое значения: «печидан» - 1. скручиваться; 6. страдать [9, с.478]. Разумеется, в нашем случае глагол «скручиваться» имеет лексическое значение «от боли, презрения, ненависти», на что отчетливо указывает шестое значение. Следовательно, когда борьба Рустама стала в тягость, она опротивела ему, он, собрав остаток сил, с презрением «рванулся к противнику». Славный боец не пошел на Белого дива, не двинулся ему навстречу, а рванулся,

т.е. герой был преисполнен желания немедленно покончить с врагом, ибо в столкновении с ним не было ничего приятного. Он вцепился в Белого дива, с ненавистью поднял его и ударил о землю. В четырёхтомном академическом «Словаре русского языка» под редакцией А.П.Евгеньевой приводится два значения слова «пресытиться»: «1. Насытиться чем-л. чрезмерно, в избытке... 2. *перен*. Стать безразличным, равнодушным к чему-л., утомиться вследствие чрезмерного удовлетворения каких-л. потребностей, неумеренного пользования чем-л» [8]. Это как раз тот случай, когда наслаждение переходит все грани и становится в тягость. В нашем же варианте кровавого поединка пресыщаться нечем, следовательно, ирония Ц.Б.Бану-Лахути очевидна. Эти значения совпадают с данными, приведенными в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н.Ушакова (1935-1940) [10]. И в психологическом определении понятия «пресытиться» специалистами отмечается состояние раздражительности и отвращения к роду выполняемой деятельности. В нашем случае – к поединку.

При анализе второй строфы мы затронули вопрос о перифразе. Это стилистическое средство встречается в составе настоящего бейта: как в оригинале («гави номдор – славный бык»), так и в переводе («славный боец»). Лексическая трансформация здесь очевидна. Замена словосочетания «гави номдор – славный бык» происходит через подбор вариантного соответствия – словосочетания «славный боец», где содержится очередная позитивная оценка Рустама автором.

Четвертая и пятая строфы:

Бизад чангу бардошташ наррашер,
Ба гардан бароварду афканд зер.
Задаш бар замин ҳамчу шери жаён,
Чунон к-аз тани вай бурун кард ҷон [7, с.88].

Перевод:

Вцепился пантерою в гриву его
И, вскинув свирепого дива того,
С размаху о землю ударил, да так,
Что с жизнью расстался поверженный враг [7, с.88-89].

Следует отметить, что не только в этих бейтах, но и во всем фрагменте подлинник изобилует однородными членами, что умело передает и переводчик. Подлежащим в этих строках является слово «наррашер». В оригинале имя собственное заменяется перифразом, словами и словосочетаниями «таьамтан» (во второй строфе), «гави номдор» (в третьей строфе), «наррашер» (в четвертой строфе), в пятой строфе подлинника герой сравнивается со львом: «хамчу шерри жаён» – «как лев-самец».

Важно подчеркнуть, что в подлиннике «наррашер»» и «шерри жаён» – это синонимы и в переводе означают «лев-самец». Разница в семантике данных лексем и в форме их передачи в таджикском и русском языках заключается в том, что русское слово «лев» содержит в себе указание на пол известного животного из семейства кошачьих, т.е. «лев» – это особь мужского пола. А для обозначения особи женского пола используется существительное «львица». В персидском таджикском языке и «лев», и «львица» обозначаются словом «шер». При необхо-

димости указать на половую принадлежность данного животного используют слова «наррашер» – «нарашер», «наршер», «шери жаён», где предикативные части «нар» и «жаён» – самец. Это животное мужского пола. Для обозначения особи противоположного пола употребляются слова «модашер», «шерри мода», где предикативная часть «мода» («самка») указывает на особь женского пола.

Трансформация заключается в том, что в первой строке пятой строфы подлинника использовано сравнение: «хамчу шерри жаён» – «как лев-самец». Но Ц.Б.Бану заменила его другим сравнением: «вцепился пантерою». Вместо слова «лев» она употребила лексему «пантера». Следует отметить, что это известная и весьма популярная форма образования сравнения в русском варианте – Т.п. имени существительного (см. также вторую строку первой строфы).

Шестая строфа:

Фуру бурд ханҷар, дилаш бардарид,

Ҷигар-ш аз тани тира берун кашид [7, с.88].

Перевод:

В утробу вонзил ему острый клинок,

И черное алчное сердце извлек [7, с.89].

Интересны лексико-семантический состав и стилистические оттенки слов в предложениях перевода Ц.Б.Бану-Лахути. Если в подлиннике использована стилистически нейтральная лексика, то при характеристике дива в русском переводе используется стилистически маркированная просторечная и устаревшая лексика. И этот случай можно считать стилистической переводческой трансформацией. Лексема «утроба», согласно данным «Словаря русского языка» С.И.Ожегова, – *просторечие.* Предмет речи, по мнению переводчика, не заслуживает того, чтобы о нем говорили возвышенно. Эпитет «алчное» (сердце) во втором значении – это *устаревшее* слово: «2. *Перен.* «Страстно желающий чего-н., стремящийся к чему-н. (*устар.*)» [6, с.25].

«Изучение перевода даже и в литературоведческой плоскости, - пишет А.Б.Фёдоров, - постоянно сталкивается с необходимостью рассматривать языковые явления, анализировать и оценивать языковые средства, которыми пользовались переводчики. И это естественно: ведь содержание подлинника существует не само по себе, а только в единстве с формой, с языковыми средствами, в которых оно воплощено, и оно может быть передано при переводе тоже только с помощью языковых средств» [11, с.21].

Седьмая строфа:

Ҳама ғор яксар тани кушта буд,

Ҷаҳон ҳамчун дарёи хун гашта буд [7, с.88].

Перевод:

Ущелье собой завалил чародей,

Весь мир затопил черной кровью своей [7, с.88-89].

Обилие глаголов во всем отрезке (разгорается, струится, льется, бился, рванулся, вцепился, ударил, расстался, вонзил, извлек, завалил, затопил), помимо повторяющихся конечных *-ется, -ится, -лся, -ил,* способствующих созданию определенной мелодики стиха, а также деепричастных оборотов (пресытившись

долгой борьбой; вскинув свирепого дива того) содействует многосторонней передаче динамизма ожесточенного боя, кровавого поединка.

При изучении и оценке качества художественного перевода, как в нашем случае, уделяется значительное внимание языковой ткани подлинника и перевода. Однако это не тот случай, когда на занятиях по русскому языку в школе и в вузе организуется работа над художественным текстом, когда (очень часто) решаются сугубо лингвистические задачи. При оценке качества перевода художественного произведения мы должны подчинить дело изучения языка решению задач литературоведческих, рассматривать роль языковых средств в достижения эмоциональности, экспрессивности художественного текста выражения авторского стиля, индивидуализации и типизации речи персонажей, словом, как «первоэлемент» литературы.

Творческий подход к переводу, несмотря на отдельные случаи трансформаций, указанные выше, позволил Ц.Б.Бану-Лахути, жертвуя деталями, добиться главного – эквивалентного перевода, передать весь художественный потенциал фрагмента, особенности поэтики текста. Ей удалось передать движение стиха, общий стилистический настрой фрагмента, эмоциональность и экспрессивность, архитектонику синтаксиса, пафос единоборства Рустама с Белым дивом, напряженность поединка и образную структуру. Особую роль здесь сыграли, помимо гиперболы, эпитеты: Рустам – «могучий, всесильный, Йазданом ведом», боец «славный», бился «упорно и яростно», Белый див – «свирепый», враг «поверженный», сердце у него «черное алчное», кровь у него «черная»; сравнения: (пот) струится «градом», (кровь) льётся «рекой», вцепился «пантерою»; перифраз: «танъамтан», «гави номдор, – славный бык», «славный боец», «наррашер».

Несомненно, воссоздание в переводе живых картин или искренних человеческих треволнений, мыслей и эмоциональных всплесков души и сердца, словом, целостных художественных образов возможно лишь при владении переводчиком всеми тонкостями языка перевода. Лишь в этом случае переводчик способен найти те редкие, самые подходящие, незаменимые слова и устойчивые выражения, которые помогут ему в деле достижения максимальной точности перевода. Сказанное Н.Г.Чернышевским по поводу художественности в равной степени относится и к переводу: «Художественность состоит в том, чтобы каждое слово было не только у места, но – чтобы оно было необходимо, неизбежно и чтоб как можно меньше слов» [1, с.135].

Таким образом, на основе сравнительного анализа лексики и стилистики фрагмента из оригинала «Шахнаме» и его перевода нами была предпринята попытка рассмотреть вопрос о синтаксических стилистических ресурсах художественного текста, о переводческих трансформациях, о звуковой организации стиха. Вывод однозначен: Ц.Б.Бану-Лахути максимально использовала все возможности русского языка (в лексико-семантические средства, их стилистические оттенки), чтобы добиться эквивалентного перевода. В 14 строках можно обнаружить множество примеров переводческих трансформаций, синтаксических стилистических средств, о чем более обстоятельно сказано в отдельных работах автора статьи. Данная тема далеко не исчерпана и требует дальнейших изысканий.

Литература

1. Абрамович Г. Л. Введение в литературоведение: учебник для студентов пед. ин-тов – 7 изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1979. – 352 с.
2. Алимова М.В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2012. – №2. – С.47-52. – Режим доступа: https://cvberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-osnovnye-kriteriiperevoda-hudozhestvennogo-teksta (дата обращения: 14.03.2024).
3. Аминов А.С. Репрезентация эпитетов рубаи Хайяма как художественно-изобразительных средств в их русских переводах // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №1 (79). – С.153-162.
4. Артемьева И.Н. Теория и практика перевода: учеб. пособие. – СПб.: РГГМУ, 2020. – 130 с.
5. Герасимова Н. И. Курс лекций по дисциплине «Теория перевода» для бакалавров. – Ростов-на-Дону, 2010. – 135 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю.Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1983. – 816 с.
7. Самадов А. Тонкости перевода. – Душанбе: Изд-во «Сабрина-К», 2016. – 183 с. (на тадж. яз.).
8. Словарь русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А.П.Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т.3. П-Р. – 750с. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения: 08.03.2024).
9. Таджикско-русский словарь. – Изд. 2-е, доп. и исп. / под ред. Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова. – Душанбе, 2006. –813 с.
10. Толковый словарь русского языка: в 4 т. [Электронный ресурс] / под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. –Т.3: П-Ряшка / гл. ред. Б.М.Волин, Д.Н.Ушаков; сост. В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, Б.А.Ларин, С.И.Ожегов, Б.В.Томашевский, Д.Н.Ушаков; под ред. Д.Н.Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 1424 стб. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/969754 (дата обращения: 08.03.2024).
11. Федоров А.Б. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков: учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; – М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.

LEXICAL STYLISTIC MEANS IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF FIRDAUSI'S "SHAHNAME"

Sharipov Vasid Abduhalikovich

Candidate of pedagogical sciences,
SEI "Khujand state university named after academician B. Gafurov"
735700, Republic of Tajikistan, Sughd region,
Khujand, K.P.Rakhmatboev str., 60
Ph.: (+992) 770 02 30 (m.)
saripovvosid@mail.ru

The article is devoted to a comparative analysis of a fragment of the original epic "Shahname" by A.Firdausi and its Russian translation. The relevance of the research topic is due to the fact that the assessment of the quality of Russian translations of the immortal poem in Firdausi studies is at the initial stage of development. The purpose of the article is to determine the mastery of Ts.B.Banu-Lahuti in conveying the expressiveness and emotionality of a poetic text using lexical and stylistic means of the recipient language and to establish the degree of equivalence of the translation to the original.

The author examines unambiguous equivalent correspondences, variant correspondences, examples of establishing meaning according to the dictionary. It is shown that 14 lines contain many examples of lexical translation transformations used by the author of the translation. As necessary, the issue of syntactic and stylistic means is touched upon, which is discussed in more detail in other works by the author of the article. The subject of special attention is the data of dictionaries, stylistically marked vocabulary: colloquial, obsolete. Based on the analytical analysis of the vocabulary and style of seven stanzas dedicated to the battle of the hero Rustam with the White Divine, the researcher comes to the conclusion that Ts.B.Banu-Lahuti makes maximum use of the lexical-semantic and stylistic possibilities of the Russian language in order to achieve an equivalent translation. She managed to convey the movement of the verse, the general stylistic mood of the fragment, its emotionality and expressiveness, the pathos of the hero's single combat with the White Divine, the tension of the duel and the overall figurative structure of the fragment. Hyperboles, epithets, comparisons, and periphrases played a special role here.

Keywords: lexical stylistic devices; literary translation; "Shahnameh"; A.Firdausi; expressiveness; translation transformations; original.

ВОСИТАҲОИ УСЛУБИИ ЛУҒАВӢ ДАР ТАРҶУМАИ РУСИИ «ШОҲНОМАИ» ФИРДАВСӢ

Шарипов Васид Абдухалиқович

Номзади илмҳои педагогӣ,
Муассисаи давлатии таълимии «Донишгоҳи давлатии Хуҷанд
ба номи акад. Б. Ғафуров»
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, Хуҷанд,
кӯчаи К.П.Раҳматбоев, 60
Тел.: (+992) 770 02 30 (м.)
saripovvosid@mail.ru

Мақола ба таҳлили қиёсии пораи достони аслии «Шоҳнома»-и А.Фирдавсӣ ва тарҷумаи русии он бахшида шудааст. Аҳамияти мавзӯи тадқиқот дар он аст, ки баҳодиҳии сифати тарҷумаҳои русии ашъори ҷовидонӣ дар равияи омӯзиши осори Фирдавсӣ дар марҳилаи ибтидоии рушд қарор дорад. Мақсади мақола муайян намудани маҳорати С.Б.Бону-Лоҳутӣ дар интиқоли ифоданокӣ ва эҳсосии матни шеърӣ бо истифода аз воситаҳои луғавӣ ва услубии забони қабулкунанда ва муайян кардани дараҷаи баробар будани тарҷума ба нусхаи аслӣ мебошад.

Муаллиф мутобиқоти якхелаи эквивалент, мутобиқоти вариант ва мисолҳои муқаррар намудани маъно аз луғатро таҳқиқ менамояд. Нишон дода шудааст, ки дар 14 сатр намунаҳои зиёди табдили тарҷумаи луғавӣ, ки муаллифи тарҷума истифода кардааст, оварда шудааст. Дар мавриди зарурат ба масъалаи воситаҳои синтаксисӣ ва услубӣ дахл карда мешавад, ки дар ин бора дар дигар асарҳои муаллифи мақола муфассалтар сухан меравад. Мавзӯи таваҷҷӯҳи махсус ба маълумотҳои луғатҳо, лексикаи аз ҷиҳати услубӣ ишорашуда: гуфтугӯӣ, кӯҳнашуда мебошад.

Дар асоси таҳлили луғавӣ ва услубии ҳафт мисраи ба муҳорибаи паҳлавон Рустам бо Деви Сафед бахшидашуда муаллиф ба хулосае меояд, ки С.Б.Бону-Лоҳутӣ барои ба даст овардани тарҷумаи баробар аз имкониятҳои лексикӣ-семантикӣ ва услубии забони русӣ ҳарчи бештар истифода мебарад. Вай муяссар шудааст, ки ҳаракати байт, табъи умумии услубии порча, эҳсосот ва ифоданокии он, пафоси муҳорибаи тан ба тани қаҳрамон бо Деви Сафед, шиддати муҳориба ва сохтори умумии образии порчаро баён намояд. Дар ин ҷо гипербола, эпитет, муқоиса ва перифраза нақши махсус бозиданд.

Калидвожаҳо: воситаҳои услубии луғавӣ; тарҷумаи адабӣ; "Шоҳнома"; А.Фирдавсӣ; ифоданокӣ; тағйироти тарҷума; аслият.

УДК 81-139

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В НОВОЙ ПАРАДИГМЕ: ОТ ИЗУЧЕНИЯ ПРИРОДЫ ЯЗЫКА К ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ ПРИЛОЖЕНИЯМ ДЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Давлатов Мухиддинджон Абдулхакимович

Кандидат филологических наук,
докторант
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 98 591 83 53 (м.)
muhiddin89@mail.ru

В статье рассматривается переход современной когнитивной лингвистики от традиционного описательного изучения языка к «производственной» парадигме, ориентированной на внедрение языковых знаний в системы искусственного интеллекта. Классические направления лингвистики (лексикология, грамматика, фразеология, стилистика и т.д.) более не ограничиваются теоретическими изысканиями, а становятся базисом для разработки «языкового сознания» ИИ. Такая переориентация основана на стремлении интегрировать новейшие лингвокогнитивные модели в мозгоподобные вычислительные системы, способные оптимизировать человеческое мышление и коммуникацию. Автор иллюстрирует эти идеи, опираясь на примеры лексико-номинативных моделей морально-нравственной характеристики человека (а также психоэмоциональных и социальных качеств), и показывает, как когнитивная лингвистика может послужить основой для успешных междисциплинарных приложений, связанных с генеративными возможностями ИИ.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; производственная парадигма; искусственный интеллект; языковое сознание; лексико-номинативные модели; морально-нравственная характеристика.

Введение

Научные исследования в области лингвистики на протяжении последних десятилетий охватывают широкий круг вопросов: происхождение языка, его эволюция, структура, внутренняя организация, связь языка с культурой и мышлением, роль языка в функционировании мозга [6; 2, с.27; 13, с.48]. Благодаря накопленному опыту современные лингвисты уже относительно хорошо представляют себе базовые законы функционирования языка, его место в когнитивных процессах и способы взаимодействия языковых средств с мышлением.

Однако, как утверждается в ряде последних работ [12, с.94; 4, с.63], исследования, повторяющие классические сюжеты и подкрепляющие уже сформированные теории, редко дают действительно прорывные результаты. В результате ак-

туальным становится поиск новых «производственных» приложений лингвистики – тех, где язык играет роль катализатора для более широких задач, связанных с человеческим и искусственным мышлением.

Цель настоящей статьи – показать, что когнитивная лингвистика, традиционно изучавшая природу взаимодействия языка и мозга, способна с успехом реализовать инновационную «производственную» парадигму, ориентируясь на обеспечение языкового фундамента для систем искусственного интеллекта. Особенно перспективно это направление выглядит на примере разработки лексико-номинативных моделей, отражающих морально-нравственную характеристику человека.

Теоретическая база и последние тенденции в когнитивной лингвистике. Длительное время лингвистика развивалась преимущественно как «описательная дисциплина», которая детально анализировала внутреннюю структуру языка и описывала законы его функционирования. Уже к середине XX века сформировались основные классические направления: лексикология, грамматика, фонетика, дискурс-анализ, стилистика и т.д. [9, с.665]. Эти области дали фундаментальные результаты, позволяющие более-менее полно понимать, *каким* образом устроены языковые системы (фонетический уровень, морфология, синтаксис, словарный состав и т.п.).

Однако с появлением когнитивной лингвистики фокус сместился к исследованию того, *как* язык соотносится с мышлением, культурой и мозгом [10, с.45; 14, с.19-26; 7, с.12], и «на данном этапе развития лингвистика стала занимать одно из центральных мест в парадигме научных интересов» [8, с.95]. Это направление поставило ряд новых вопросов:

1. В какой мере языковые конструкции отражают образцы концептуализации мира?
2. Как формируется и проявляется национально-культурная специфика в грамматических и лексических средствах?
3. Какова роль метафоры (в широком понимании) в мышлении и речи?
4. Насколько язык влияет на обработку информации мозгом, особенно когда речь идёт о сложных абстрактных или эмоциональных понятиях?

Ответы на эти вопросы привели к мультидисциплинарному синтезу: лингвисты стали сотрудничать с психологами, нейробиологами, философами и антропологами.

Однако в последние годы, по мнению ряда исследователей, классические исследования (выявление очередных метафорических паттернов, анализ еще одного аспекта синтаксического влияния на мышление) стали повторять уже известные модели, редко принося принципиально новые результаты. Подобная «зрелость» дисциплины закономерна, ведь большая часть ключевых идей и открытий по поводу структуры языка и его связи с культурой уже сформулирована.

На этом фоне возникает *«производственная» парадигма* – качественно новый этап, суть которого в следующем:

1. Язык рассматривается не просто как объект исследования, но и как мощный инструмент для расширения когнитивных возможностей человека.

2. Накопленные знания о лексике, грамматике, дискурсивных практиках теперь *внедряются* в системы искусственного интеллекта, формируя полноценное «языковое сознание» ИИ [8, с.34-35].

3. Классические области лингвистики (лексикология, фразеология, стилистика) *«перезапускаются»* в новом качестве, становясь фундаментом для обогащения ИИ как *единого научного сознания* [5, с.36]. Другими словами, вместо «узкоакадемического» анализа отдельных языковых фактов, эти направления дают материал для активной разработки алгоритмов, способных расширить и человеческое мышление, и машинные возможности по пониманию и генерации речи.

Таким образом, «производственная» лингвистика выходит за рамки привычной филологической экспертизы и превращается в дисциплину, которая целенаправленно *создаёт лексические и синтаксические инструменты* для решения прикладных задач – будь то обучение языку, автоматический перевод, реабилитация глухонемых, или же генерация формально-логических конструкций в интеллектуальных системах.

Первоначально когнитивная лингвистика мыслилась как широкое междисциплинарное поле, в котором лингвистические и психологические методы пересекаются с нейробиологическими и культурологическими [3, с.56; 13, с.12-13]. На ранних этапах основной упор делался на объяснение того, как мозг обрабатывает лингвистические стимулы, как формируются концепты при восприятии речи, почему языковые структуры отражают определённые паттерны мышления.

Но с быстрым развитием машинного обучения и вычислительной лингвистики возник спрос на «языковедов», способных переносить когнитивные знания в алгоритмическую сферу. Проще говоря, исследования по природу языка стали востребованы в индустрии разработки ИИ: чтобы машина не просто разбирала «тексты», а понимала их смысл и могла продолжать человеческую мысль.

Встает вопрос:

1. Как передать ИИ функциональные и продуктивные знания о языке и мышлении, не ограничиваясь лишь статистическими шаблонами?

2. Какими должны быть лексические и концептуальные модели**,** чтобы ИИ мог «продолжать» ход человеческой мысли, «договаривать» незавершённые идеи, делать их более ясными и таким образом устранять барьеры, возникающие при человеческой коммуникации?

3. Как конструировать язык ИИ**,** чтобы он учитывал культурно-специфические концепты (не только общеизвестные моральные и социальные категории, но и тонкие оттенки эмоциональной сферы)?

С учётом этого, когнитивная лингвистика начинает тесно взаимодействовать с вычислительной лингвистикой (natural language processing, NLP), нейронными сетями и другими ИИ-подходами. Такие подходы уже используются в современных больших языковых моделях (LLM), но часто им недостаёт именно

когнитивно обоснованной схемы, где бы отражались глубинные концепты, морально-нравственные оценки, эмоциональные оттенки и т. д.

Именно здесь и проявляется полная значимость «производственной» парадигмы когнитивной лингвистики: она не только выясняет, *как* язык функционирует в мозге, но и формулирует практические методы, позволяющие внедрить результаты в ИИ, расширив его возможности понимать, интерпретировать и порождать человеческую речь.

Новая производственная модель: лингвокогнитивная поддержка и обогащение ИИ. Один из ключевых тезисов современных исследований в области когнитивной лингвистики состоит в том, что накопленные научные знания о природе языка и мышления могут быть переориентированы на практическое усиление когнитивных процессов. Под «усилением» подразумевается, прежде всего, осознанная поддержка этапов мышления за счёт более чёткого, гибкого и точного языкового оформления идей. Как отмечают Fauconnier и Turner [7, с.115], язык может не только описывать уже сформированные концепты, но и «побуждать» мозг к новому типу мыслительной активности, когда слова и конструкции буквально «раскрывают» пространство для новых решений.

Если классическая когнитивная лингвистика акцентировала внимание на том, *как* язык связан с работой мозга [6], то в «производственной» парадигме фокус сдвигается на *методы* целенаправленного расширения языкового репертуара индивида и общества. Считается, что достаточно богатая и систематизированная лексико-семантическая база позволяет:

- Минимизировать «пустые зоны», где мысль остаётся невыраженной вследствие отсутствия подходящей языковой формы.
- Ускорить поиск нужной вербализации, когда возникает интуитивный инсайт или сложная абстрактная идея: если слово или конструкция готовы к использованию, сформировать фразу легче и быстрее.
- Увеличить вариативность мышления, когда лингвистические инструменты стимулируют неоднозначные или дополнительные пути рассуждения, метафоризацию, аналогии и т. п.

В качестве наглядного кейса выступает проект по сбору и систематизации слов, отражающих *морально-нравственные, психоэмоциональные, социальные и интеллектуальные* качества человека. Это могут быть как единицы, активно употребляемые современными носителями, так и малоизвестные, устаревшие или заимствованные. Суть в том, чтобы *предложить максимально тонкое спектральное разделение* качеств:

- *Морально-нравственные* (справедливый – «адолатманд», милосердный – «дилсӯз», жестокий – «бераҳм», обманщик – «фиребгар», щедрый – «хилъатпеша» и т. п.).
- *Интеллектуальные* (сообразительный – «зирак», малоучёный – «камдон»).
- *Социальные* (человеколюбивый – «инсондӯст», обманывающий народ – «мардумфиреб», сочувственный – «бомурувват»).

В кандидатской диссертации автора [1] проводился *семантико-концептуальный анализ* подобных лексем: выявлялись «микромодели»,

отражающие внутренние критерии, по которым носители языка дифференцируют разнообразные интеллектуальные и моральные качества (например, «скорость мысли», «глубина понимания», «добросердечие» vs «жестокость», «продуманная хитрость» vs «отсутствие дальновидности» и т. п.). Такие микромодели показывают, как в сознании носителя формируется обобщённая схема (концепт) – и какие ядро/периферия значений прилагаются к ней.

• *Более точная концептуализация*. Когда у человека или сообщества есть в распоряжении понятные и «живые» слова для описания нюансов поведения (справедливый/предусмотрительный/проницательный и т.д.), облегчается процесс постановки задачи, оценки ситуации, формулировки запроса к самому себе или к окружающим.

• *Сокращение «мыслеутраты»*. Благодаря готовым лексическим «цепочкам» (например, цепочки с семантикой «доброта» или «лукавство») ускоряется процесс нахождения подходящей формы выражения; мысль не теряется из-за недостатка слов.

• *Развитие рефлексии.* Богатая морально-нравственная лексика позволяет человеку (и сообществу) точнее анализировать собственное поведение и эмоции, расширять «репертуар» самоописания и самопонимания.

Разработанные лексико-семантические модели могут быть напрямую интегрированы в языковые модули ИИ, что даёт ряд преимуществ:

• *ИИ получает тонкие категориальные сетки*, описывающие морально-нравственные и интеллектуальные характеристики. Машина способна «читать» и «писать» тексты, учитывая тонкие оттенки (к примеру, различать «дилсӯз» – мягкосердечный, «бомурурват» – заботливый, «набовар» – скептический и т. д.).

• *Генеративные возможности*. Модель ИИ, обученная на подобных микромоделях, более гибко и адекватно продолжает человеческую мысль (например, при помощи больших языковых моделей), «договаривает» её до конца, подбирает меткие формулировки.

• *Когнитивное консультирование*. ИИ может выступать «вербальным помощником», когда человеку трудно мгновенно подобрать нужное слово – машина подсказывает варианты, основываясь на богатой базе лексико-семантических моделей.

Таким образом, осознанное расширение лингвистического кода посредством внедрения «новых-старых» или специально сконструированных лексем (особенно в морально-нравственной сфере) способно повысить выраженность и глубину когнитивных процессов – как у человека, так и у искусственного интеллекта. В этом и состоит суть «производственной» модели: язык не просто описывает мир, но *производит* конкретные инновации в мышлении, позволяя быстрее и точнее формулировать идеи, эмоции, цели.

Интеграция морально-нравственных характеристик в языковое сознание ИИ. Помимо интеллектуальных и когнитивных качеств, особую ценность представляет лексика, отражающая этические и социальные аспекты поведения человека. Включение подобных нюансов в обучающие датасеты и онтологии ИИ даёт

возможность машине более глубоко понимать человеческий дискурс, ситуацию, эмоции, а также более адекватно генерировать ответы [4, с.64].

1. Базовая процедура: формирование (естественным или искусственным образом) производных лексем, способных дифференцировать тонкие морально-нравственные оттенки.

2. Тестирование этих единиц на пилотных моделях ИИ (например, в генеративных моделях, подобных GPT), обучаемых распознавать и продуцировать «человеческий дискурс».

3. Оценка влияния расширенной лексической базы на способность ИИ продолжать мысли человека, вести продуктивный диалог, создавать более гибкие тексты и находить названия для новых концептов.

В результате решается задача обогащения возможностей ИИ, который, опираясь на когнитивные модели (микроконцепты), может «договаривать» мысль до логического конца, находить нейминг для новых явлений и концептов, содействовать более тонкой экспликации (в т.ч. для глухонемых, людей с ограниченными способностями к речи и т. п.).

Практические выгоды: от помощи глухонемым до глобальной интеграции человечества. Помимо когнитивного и лингвистического вкладов, «производственная» парадигма когнитивной лингвистики нацелена на решения, повышающие качество жизни:

- *Помощь людям с ограниченными возможностями*: глухонемые за счёт специальных приборов, интегрированных с языковым модулем ИИ, могут мгновенно «говорить» на любом языке.
- *Упрощённое обучение*: обучение языкам при помощи ИИ, обладающего богатым и точным словарём, даёт результат лучше любого человеческого репетитора [11, с.92].
- *Глобальная интеграция*: ИИ как «единое научное сознание», непрерывно самоусовершенствующееся, нуждается в языке, способном гибко и всесторонне отражать человеческую мысль.

Роль лингвиста в новой парадигме: вызовы и перспективы (детализированная версия). В рамках классического подхода лингвист, как правило, занимался описанием языковой системы: фиксацией грамматических закономерностей, лексических единиц, словообразовательных моделей, дискурсивных приёмов и т.д. Главным продуктом его работы были статьи, словари, учебные пособия, методические указания.

В «производственной» же парадигме лингвист переходит от роли пассивного описателя к *роли архитектора*. Теперь перед ним стоят следующие задачи:

1. Проектирование лексико-семантических моделей, способных отразить тонкие различия в человеческих концептах (например, когда речь идёт о спектре эмоциональных состояний: от лёгкой досады до глубокой обиды, от мягкой иронии до злостного сарказма).

2. Разработка синтаксических конструкций или дискурсивных паттернов, которые помогают эффективно и быстро формулировать мысль в конкретных

ситуациях – например, в научной коммуникации, в публичных выступлениях, в текстах инструкций.

3. Внедрение этих моделей в интеллектуальные системы (ИИ, обучающие платформы, когнитивные тренажёры). Лингвист становится своего рода «технологом» речи, который, зная внутренние закономерности языка, подбирает и комбинирует их так, чтобы расширить возможности как человеческого, так и искусственного интеллекта.

Так, если раньше вопрос стоял: «Как в языке X выражается категория Y?», то теперь возникает вопрос: «Как нам *сконструировать* в языке (или в языковой модели ИИ) максимально удобный инструмент для выражения нового или сложного концепта, чтобы пользователь мог его мгновенно использовать?»

Другой важный аспект новой парадигмы – поиск «спящих» ресурсов языка и формирование новых единиц**.** Языковое сообщество нередко забывает или не использует часть лексики, которая потенциально богата нюансами. Лингвист:

1. *Разыскивает* старые, редкоупотребимые или архаичные слова, фразеологизмы, метафоры, обращается к историческим словарям, архивам, корпусным данным.

2. *Проверяет* их релевантность и потенциал: не все устаревшие формы действительно подходят для современного дискурса, но многие могут быть восстановлены в новой функции.

3. *Интегрирует* эти слова в актуальные коммуникационные практики: через словари, тексты, обучающие курсы. В некоторых случаях слова могут видоизменяться, подстраиваясь под нормы сегодняшней речи.

4. *Создаёт инновационные термины* или неологизмы, когда необходимо выразить концепт, для которого не существовало подходящей лексики. При этом лингвист проводит эксперименты с носителями языка или тестирует слова в больших языковых моделях ИИ, чтобы убедиться, что новые единицы понятны и легко осваиваются.

Таким образом, «омоложение» и «расширение» лексики – это не просто повышение «красоты» языка, но и реальное увеличение когнитивного пространства носителей, позволяющее быстрее и точнее формулировать мысли.

Для того чтобы результаты лингвистических разработок были по-настоящему востребованы в системах искусственного интеллекта, необходимо формализованное и универсальное представление языковых знаний. Речь идёт о:

1. Корпусных ресурсах: больших массивах размеченных текстов, где каждая лексема и грамматическая конструкция сопровождается метаданными (часть речи, семантические связи, частотность, контекст).

2. Онтологических ресурсах: специализированных базах (knowledge graphs), описывающих концепты, их иерархию, связи между ними, синонимические и антонимические отношения, перекрёстные ссылки на культурно-специфические элементы и т. п.

3. Методах интероперабельности**:** чтобы эти ресурсы могли быть легко «подключены» к самым разным системам машинного обучения, нужна единая структура данных (например, форматы JSON-LD, RDF, XML, OWL). Тогда ИИ-

модели, опираясь на эти ресурсы, смогут глубже понимать и генерировать тексты с учётом тонких когнитивно-семантических особенностей [8, с.40-42; 5, с.72-73].

Отсюда вытекает требование: современный лингвист должен владеть не только филологическими методами, но и основами информационных технологий, иметь навыки корпусной и компьютерной лингвистики. Он выступает медиатором между языковой наукой и программистами, формализуя знания о языке в виде удобном для алгоритмов ИИ.

Одним из наиболее острых вопросов новой парадигмы является этический аспект**.** Когда языковой инструментарий (особенно в сочетании с когнитивными моделями) становится сильно расширенным, возникает опасность:

- Манипуляций и пропаганды, когда язык используется для скрытого внушения, агрессивных дискурсов, управляемого психологического воздействия на массы.
- Дискриминации отдельных групп (например, если ИИ, обученный на некачественных данных, закрепит в своей речевой модели «стереотипные» или «неуважительные» словоупотребления).
- Усиления негативных дискурсов (разжигание вражды, кибербуллинг, поддельные тексты и «фейки»).

Лингвист, обладая знаниями о механизмах воздействия языковых конструкций на сознание, берёт на себя ответственность за то, чтобы внедряемые модели и расширение лексики не превращались в инструмент увеличения агрессии или манипуляций. Его задача – обеспечить гуманизм и открытость в реализации «производственной» лингвистики, выставляя своего рода этические рамки:

1. Тщательный отбор и маркировка лексики, особенно той, что содержит оскорбительные или резко негативные оттенки.
2. Нормы и соглашения**,** ограничивающие использование некоторых форм речи или дискурсов в определённых контекстах (детские ресурсы, образовательные платформы, публичные выступления).
3. Сотрудничество с психологами, социологами**,** философами для выработки правил, регулирующих этический аспект разработки и внедрения языковых технологий.

Таким образом, в новой парадигме *лингвист* одновременно выполняет роли:

- Научного исследователя**,** продолжающего традицию академического описания языка.
- Инженера-«конструктора», создающего или модернизирующего языковые модели, необходимые в ИИ и когнитивных приложениях.
- Культурного медиатора, поддерживающего диалог с обществом и следящего за тем, чтобы расширение языковых возможностей не приводило к деструктивным последствиям.

В совокупности все эти аспекты – архитектура языковых моделей, «омоложение» лексики, формализация знаний, этический контроль – формируют

новую роль лингвиста в «производственной» парадигме когнитивной лингвистики.

Заключение

Современная когнитивная лингвистика всё активнее поворачивается к «производственной» парадигме, в которой язык перестаёт быть лишь предметом исследования и становится мощным инструментом для инновационной деятельности. Лингвисты получают новую миссию: проектировать языковые ресурсы для человеческого и искусственного интеллекта, снимая препятствия на пути свободной вербализации мыслей.

На примере лексико-номинативной характеристики человека (морально-нравственной, психоэмоциональной, интеллектуальной, социальной) видно, что этот подход уже приносит ощутимые результаты:

- Расширяется лексико-семантическое поле для сложных этических и эмоциональных понятий, снижая языковые барьеры, тормозящие развитие мысли.
- Использование старых (забытых) и новых форм создаёт более богатую базу данных для тренировки ИИ, который научается «договаривать» незавершённые человеческие идеи, помогая в формулировании мыслей.
- Глобальная интеграция ИИ и человечества становится реальнее: язык – связующее звено, позволяющее ИИ непрерывно совершенствоваться и становиться «единым научным сознанием».

В итоге лингвистика XXI века занимает центральное место среди наук, связанных с когнитивными технологиями, обеспечивая основу для формирования искусственного языкового сознания, которое может оптимизировать и обогащать мышление человека.

Литература

1. Давлатов М.А. Лингвокогнитивный анализ лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках: дис.… канд. филол. наук: 10.02.20 / Давлатов Мухиддинджон Абдулхакимович. – Душанбе, 2020. – 234 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Шамбезода Х.Дж. Современные тенденции развития лингвистики в Средней Азии // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №1 (83). – С.90-96.
4. Boroditsky L. How Language Shapes Thought // Scientific American. – New York, 2011. – Vol. 304. – № 2. – P.62-65.
5. Croft W. Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective // Oxford University Press. – 2001. – 448p.
6. Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction // Edinburgh University Press. – 2006. – 848p.
7. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind’s Hidden Complexities // Basic Books, 2002. – 464 p.
8. Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure // University of Chicago Press. – 1995. – 265 p.

9. Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies // Language. – Washington, D.C., 2010. – Vol. 86. – №3. – P.663-687.
10. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By // University of Chicago Press. – 1980. – 242p.
11. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. – Stanford: Stanford university Press, 1987. – 540p.
12. Levelt W. J. M. Speaking: From Intention to Articulation. – Cambridge: MIT Press, 1989. – 566p.
13. Pulvermüller F. The Neuroscience of language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 328p.
14. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487 p.

COGNITIVE LINGUISTICS IN THE NEW PARADIGM: FROM STUDYING THE NATURE OF LANGUAGE TO INDUSTRIA APPLICATIONS FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Davlatov Muhiddinjon Abdulhakimovich

Candidate of philological sciences
doctoral candidate
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave. 17
Ph.: (+992) 98 591 83 53 (m.)
muhiddin89@mail.ru

This article deals with the transition of modern cognitive linguistics from traditional descriptive studies of language to an "industrial" paradigm focused on the integration of linguistic knowledge into artificial intelligence systems. Classical branches of linguistics (lexicology, grammar, phraseology, stylistics, etc.) are no longer confined to theoretical research but serve as a foundation for developing the "language consciousness" of AI. This reorientation is based on the ambition to integrate cutting-edge linguo-cognitive models into brain-like computational systems capable of optimizing human thinking and communication. The author illustrates these ideas through examples of lexico-nominative models representing the moral and ethical characterization of individuals (as well as their psycho-emotional and social qualities) and demonstrates how cognitive linguistics can serve as a foundation for successful interdisciplinary applications related to AI's generative capabilities.

Keywords: cognitive linguistics; industrial paradigm; artificial intelligence; language consciousness; lexico-nominative models; moral and ethical characterization.

ЛИНГВИСТИКАИ КОГНИТИВӢ ДАР ПАРАДИГМАИ НАВ: АЗ ОМӮЗИШИ ТАБИАТИ ЗАБОН ТО ЗАМИМАҲОИ ИСТЕҲСОЛӢ БАРОИ ЗЕҲНИ СУНЪӢ

Давлатов Муҳиддинҷон Абдулҳакимович

Номзади илмҳои филология, докторант
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рудакӣ, 17
Тел.: (+992) 98 591 83 53 (м.)
muhiddin89@mail.ru

Дар мақола гузариши забоншиносии когнитивии муосир аз омӯзиши анъанавии тавсифии забон ба парадигмаи «истеҳсолӣ», ки ба ҷорӣ намудани донишҳои забонӣ дар системаҳои зеҳни сунъӣ (ЗС) нигаронида шудааст, баррасӣ мешавад. Самтҳои классикии забоншиносӣ (луғатшиносӣ, грамматика, фразеология, услубшиносӣ ва ғайра) дигар бо таҳқиқоти назариявӣ маҳдуд намешаванд, балки барои таҳияи «шуури забонӣ»-и ЗС замина мегузорад. Чунин тағйири самт ба кӯшиши ҳамгиро кардани моделҳои навтарини лингво-когнитивӣ дар системаҳои компютерии ба мағзи монанд, ки қодиранд тафаккури инсон ва муоширатро оптимизатсия кунанд, асос ёфтааст. Муаллиф ин ғояҳоро бо такя ба мисолҳои моделҳои лексико-номинативии тавсифи ахлоқӣ-этикии инсон (инчунин сифатҳои психоэмотсионалӣ ва иҷтимоӣ) нишон медиҳад ва нишон медиҳад, ки чӣ гуна забоншиосии когнитивӣ метавонад барои замимаҳои байнифаннии муваффақ, ки бо имкониятҳои генеративии ЗС алоқаманданд, замина гузоранд.

Калидвожаҳо: лингвистикаи когнитивӣ; парадигмаи истеҳсолӣ; зеҳни сунъӣ; шуури забонӣ; моделҳои луғавӣ-номинативӣ; тавсифи ахлоқӣ-этикӣ.

УДК 323.1+811

ЯЗЫК КАК ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ И КОНСОЛИДАЦИИ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ[1]

Слуцкая Людмила Владимировна

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии
Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, Минск, пр. Независимости, 4
Тел.: (+37517) 209 55 72
slutskayalv@bsu.by

В связи с процессами глобализации, миграции, цифровизации и появлением новых возможностей коммуникации особую актуальность приобретают исследования языка как фактора различных форм идентичности и интеграции в цифровом пространстве. Онлайн-общение открывает новый потенциал использования языка, поскольку язык, выступая инструментом мягкой силы, позволяет оказывать влияние на политические процессы далеко за пределами ареала своего распространения.

В статье раскрыта роль языка как фактора идентичности и консолидации в цифровом пространстве. Выделены аспекты, подчеркивающие интегрирующее значение языка в формировании идентичности в виртуальном пространстве. Язык является выражением и сохранением культурной идентичности, традиций и ценностей; позволяет сохранять и подчеркивать национальную идентичность; способствует формированию социальной идентичности; выступает фактором создания образовательного и досугового цифрового пространства. В цифровом социуме язык межкультурных коммуникаций не кодифицирован, его выбор основан на удобстве и экологичности общения, что позволяет расширять круг его участников, не в ущерб национальным или этническим особенностям. Сделан вывод, что язык позволяет приобщиться к ценностям, культуре и традициям, которые позиционируют виртуальные сообщества, а полилингвизм следует рассматривать как консолидирующий фактор национальной идентичности.

Ключевые слова: язык; идентичность; консолидация; диаспора; цифровое пространство; виртуальные сообщества; полилингвизм.

Введение

Изучение различных аспектов функционирования языка в цифровом пространстве стало неотъемлемой частью исследований представителей различных наук: филологии, психологии, социологии, политологии, философии и других.

[1] Данная статья подготовлена в рамках НИР «2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», №ГР 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021-2025 гг.)

Всплеск лингвистических исследований приходится на 2010-е гг., что обусловлено процессами глобализации, миграции, регионализации и появлением новых возможностей коммуникации. Эти процессы усиливают конкуренцию между языками, а онлайн-коммуникация открывает новый потенциал использования языка, поскольку язык, выступая инструментом мягкой силы, позволяет оказывать влияние на политические процессы далеко за пределами ареала своего распространения. Однако, как отмечает доктор филологических наук Е.Б.Гришаева, «далеко не все современные языки обладают одинаковым спектром функциональной загруженности. Как свидетельствует мировой опыт, крупные культурные общности способны оказывать существенное политическое влияние, ассимилируя более мелкие и слабые культурные образования» [4, с.57]. В фокусе анализа ученых находится широкий спектр лингвистических вопросов: проблемы взаимодействия и взаимовлияния языка (Р.Р.Исхаков, Р.В.Борисов), культуры, мышления (Н.Г.Аветисян, С.К.Восканян); особенности языковой политики (Е.Б.Гришева, Н.Борисова, Н.М.Мухарямов); роль языка в формировании национальной/социальной/культурной идентичности (Э.Хобсбаум, Ж.Т.Уталиева, Т.Г.Стефаненко, А.И.Донцов, Н.Базарова, И.Г.Белых, Н.Байгабатова и др.); язык и межкультурные коммуникации (З.Г.Прошин, С.Г.Тер-Минасова, А.П.Садохин и др.), языки диаспоры [14]. В 2023 г. вышел тематический номер российского журнала «Политическая наука»: Лингвистические повороты в политических и социальных науках [8]. Все публикации указанного номера были посвящены возможностям языка и речи, а также достижениям лингвистики в современной политологии. Все это актуализирует проблему анализа языка как фактора идентичности в цифровом пространстве.

Цель статьи – раскрыть роль языка как фактора идентичности и консолидации в цифровом пространстве.

Методологической основной исследования является функциональный подход, который позволил определить и выделить консолидирующую роль языка в формировании идентичности в цифровом пространстве. На основе анализа онлайн-платформ и социальных сетей представителей франкоязычных диаспор, а также постсоветского пространства определен ряд аспектов, которые подчеркивают роль языка как фактора идентичности и консолидации в виртуальной среде.

Цифровизация и усиление консолидирующей роли языка

Процесс цифровизации, проникающий во все сферы жизни общества, стал неотъемлемой частью современных государств. Дигитализация и медиареальность общества привели к трансформации способов взаимоотношений различных субъектов и сообществ. «Цифровые технологии резко увеличили скорость связывания людей в сообщества… Сегодня для попадания к “своим” достаточно только включить компьютер или смартфон и войти на желаемый сайт, в форум или социальную сеть», – отмечает российский философ И.О.Щедрина [13, с.126]. Ключевую роль в этом процессе играет язык, который выступает фактором консолидации различных субъектов в виртуальном пространстве независимо от их расстояния друг от друга.

По меткому утверждению Э.Хобсбаума, «чтобы вывести язык из дома и с улицы в широкий мир, его больше не нужно делать официальным» [12, с.55]. И это наглядно видно в виртуальном пространстве, где государства не могут законодательно установить на каком языке общаться в той или иной социальной сети, люди выбирают язык, во многом исходя из удобства общения или прагматических соображений. Так, будь то русский язык для выходцев с постсоветского пространства или английский, французский, испанский, португальский языки для населения бывших колоний Африки или Азии становятся консолидирующим фактором, объединяя множество людей на одной платформе, позволяя подчеркивать свою культурную и национальную идентичность, независимо от расстояния. Хотя можно заметить, что и государства Африки, которые уделяют большое внимание работе с соотечественниками и стремятся выстроить долгосрочные, взаимовыгодные отношения, также очень рационально подходят к выбору языка в онлайн-среде. Так, в ноябре 2023 г. министр иностранных дел Бенина представил основные стратегические направления бюджета на 2024 г., среди которых ключевое место занимает проект «электронная диаспора», направленный на сближение бенинцев, проживающих за рубежом, со своей страной [17]. Ранее, в 2021 г., было основано Сообщество «10 000 программистов Бенина», которое объединяет бенинцев проживающих в стране, бенинцев, проживающих за его пределами, и друзей Бенина, желающих внедрить цифровые технологии для устойчивого развития и внести вклад в достижение 10 приоритетных целей по согласованию с правительством [16]. Анализ онлайн-платформ бенинцев демонстрирует очевидный выбор в пользу французского языка независимо от страны присутствия: Сообщество бенинцев в Facebook (Communauté Béninoise), в Instagram (Communauté Béninoise d'ISM), объединяющих бенинцев по всему миру; Сообщество бенинцев в Германии, Финляндии, Франции и в других европейских странах в Facebook, Сообщество бенинцев Техаса, Квебека, Ассоциация бенинцев Рона-Альпы (Association des Béninois de Rhônes-Alpes) в Facebook и другие. Государственные структуры Бенина представлены большей частью в X (Twitter), Facebook, YouTube. Согласимся с точкой зрения, что «в полиэтническом обществе функционируют различные языки, и этническая идентичность каждой из действующих групп в значительной степени обусловлена компетентностью ее членов в "чужих" языках и степенью соответствия реального и желаемого их использования» [5, с.76].

Роль языка как фактора идентичности и консолидации в цифровом пространстве

В период становления национальных государств в конце XIX-начале вв. возникла «потребность в едином национальном языке», поскольку тогда «простые граждане стали важной составляющей государства» [12, с.51] и для управления страной необходимо было стандартизировать язык, который выполнял интегративную функцию. В начале XXI в. язык не утратил своей объединяющей силы, а только усилил ее. Возросла и конкуренция между языками. Нельзя не согласиться с утверждением Э.Хобсбаума, что «мы живем в эпоху, когда, по крайней мере в настоящее время, существует только один язык всеобщего глобального обще-

ния, а именно – определенная разновидность английского» [12, с.55]. В то же время ряд языков (французский, португальский, русский, китайский) продолжают доминировать в тех регионах, где они долгое время являлись официальными языками общения и выполнять консолидирующую роль, подчеркивая идентичность его носителей.

Можно выделить ряд аспектов, которые подчеркивают роль языка как фактора идентичности и консолидации в онлайн-среде.

1. В онлайн-среде язык используется *для выражения и сохранения культурной идентичности, традиций и ценностей,* что может проявляться в использовании характерных слов или выражений, которые являются уникальными для определенной культуры или языковой группы: «язык как бытие объективированного духовного становится способом сохранения и воспроизводства культурной идентичности в социуме» [6, с.87]. Приобщение к общим ценностям и традициям (легенды и мифы, особые литературные жанры, религиозные верования, национальные символы и т.д.) с помощью языкового дискурса позволяет формировать культурную идентичность. Французский исследователь Патрик Шародо отмечает: «язык необходим для формирования коллективной идентичности, он гарантирует социальную сплоченность сообщества, представляет собой его цемент … Язык заставляет нас нести ответственность за прошлое, создает солидарность с ним, делает нашу идентичность погруженной в историю…» [15]. При этом один и тот же язык может быть транслятором разных культурных ценностей, например, русский язык в России, в странах Европы или Азии, либо французский или португальский в странах Европы и Африки наполнены разным дискурсом, который зависит от культурных или религиозных обычаев сообщества/группы, к которой принадлежит тот, кто использует его в качестве общения.

Размытость границ цифрового пространства позволяет консолидировать людей по языковому принципу, поскольку язык становится одним из факторов идентичности. В глобальном виртуальном пространстве национальные языки помогают сохранить и подчеркнуть *национальную идентичность*, особенно в рамках диаспор или людей, признающих общий язык, но проживающих в разных странах: «Язык действует как интегратор наций, когда на одном национальном языке может говорить множество наций, т.е. когда лингвистическая общность простирается за пределы национальных территориальных границ. В этом случае язык объединяет нации в рамках одной цивилизации, способствуя формированию их общей цивилизационной идентичности» [6, с.87]. Так, для выходцев с постсоветского пространства общим языком в онлайн-среде является русский язык. Еще в советское время он стал языком наднационального общения, а его распространение в советских республиках «позволило советской культуре структурироваться через общие каналы коммуникации (радио, телевидение, пресса, театр и т. д.), породило создание единой системы образования для всех народов СССР» [1]. Этот фактор определяет сегодня то, что русский язык выступает не просто средством общения представителей разных государств и народов, но и инструментом консолидации для представителей диаспор, живущих в разных уголках мира Например, корейцев из России, Узбекистана, Казахстана, Кыргыз-

стана и других стран постсоветского пространства русский язык объединяет на различных онлайн-платформах: Ассоциация Корё-сарам в Республике Корея (общественное объединение русскоговорящих корейцев, представленное на вебсайтах, в Facebook, Instagram, KakaoTalk, YouTube, Telegram); Вся Корея (новости, факты об истории о Корее и корейцах со всего мира, представленное на вебсайтах, в Telegram, Facebook, Instagram, ВКонтакте,TikTok) [2]; Telegram-канал Корея и СНГ+, о том, что связывает Корею и корейцев со странами бывшего СССР (и их гражданами) [10]; страничка ВКонтакте Russian Koreans – Корейцы СНГ – 고려사람. Примеров использования онлайн-платформ социальных сетей достаточно много, где русский язык объединяет представителей из бывших стран СССР [1]. Схожую тенденцию на примере Польши отмечают казахские исследователи, где русский язык является функционально основным для большей части представителей казахской диаспоры. «К этой категории относятся респонденты среднего возраста. Функционально непервыми являются казахский и польский языки, их коммуникативная частота зависит от языковой обстановки и необходимости употребления» [11, с.158].

В случаях, подобных описанным, полилингвизм и билингвизм, будучи исторически укорененными, не только не размывают национальную идентичность, а наоборот, способствуют ее укреплению и консолидации наций. «В виртуальном сетевом пространстве развивается новое сознание культурного единства», – подчеркивает французский специалист по правам меньшинств и истории этнокультурной ситуации и идентичности стран Балтии Ив Плассеро [7, с.122]. Именно использование общего языка, который выступает исторической скрепой и наследием сосуществования народов на онлайн-платформах, расширяет и укрепляет как национальное, так и межкультурное единство. Согласно статистическим данным на 2020 г., большинство пользователей говорят на английском языке, второе место у китайского, французский и русский занимают седьмое и девятое места соответственно [18], а среди наиболее распространенных языков контента в 2017 г. русский язык занимал второе место после английского [9].

2. Язык способствует формированию *социальной идентичности*. В социальных сетях, мессенджерах, форумах язык выступает фактором создания сообществ/групп с общими интересами/убеждениями, что способствует формированию общих связей и чувства сопричасности. В данном случае язык выполняет функцию социализации, объединяя личный опыт с опытом группы, с которой индивид себя идентифицирует, что позволяет ориентироваться не только в цифровом пространстве, но и находить и передавать нужную информацию. Язык выступает фактором построения идентичности в медиапространстве, формируя комфортную коммуникацию, «создавая чувство принадлежности к сообществу или даже гарантируя его социальную сплоченность» [19].

Тем не менее, важен не только сам по себе язык общения, но дискурс, кото-

[1] Более подробно см.: «Цифровые диаспоры» мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей / науч. ред. И.П.Кужелева-Саган. Томск: Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2016. 168 с.

рый во многом зависит от участников группового общения. Так, жители России будут использовать ресурсы русского языка иначе, чем жители постсоветского пространства (Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и других республик бывшего СССР), поскольку их образ жизни, социальные нормы, которые регулируют отношения с другими, его суждения отличаются от россиян, живущих в Российской Федерации. В данном случае он создает комфортную коммуникацию в иносреде.

3. Язык выступает фундаментальным фактором создания *образовательного и досугового цифрового пространства*, в котором люди могут свободно общаться, обмениваться полезной информацией, знаниями и опытом, не испытывая при этом языковых или культурных барьеров. Такие онлайн-платформы используются для обучения, организации совместных праздников, деловых встреч, национальных или религиозных праздников, способствуют координации деятельности оффлайн-сообществ. Они выступают своего рода эмоциональной терапевтической поддержкой соотечественников и выражением этнической солидарности [3, с.148], позволяя выстраивать офлайн-коммуникации с соотечественниками за пределами родины. Среди таких платформ можно выделить различные сообщества алжирской диаспоры, которые представлены в Facebook, Instagram, TikTok, где доминирует французский язык. И это неудивительно, поскольку французский или английский языки гораздо конкурентоспособнее и выгоднее на рынках труда, нежели африканские языки: «этот язык облегчает социальные контакты и гарантирует академический и профессиональный успех» [20]. То же можно сказать и об использовании русского языка мигрантами в России, который несомненно более выгоден на рынке труда, чем языки стран Центральной Азии. На таких платформах можно получить информацию различного характера, медицинскую и правовую помощь, консультативную и справочную поддержку, помощь в трудоустройстве, поиске жилья, субсидий, образовательных программ, что способствует культурной адаптации и социальной интеграции. По данным казахских ученых молодое поколение казахов в Польше использует «польский язык, так как все коммуникативно-речевые процессы, связанные с социальнокультурными, образовательными ресурсами реализуются посредством данного языка. Английский, русский и казахский языки также используются в их коммуникативном пространстве, но их языковое сознание строится через доминирующий язык, то есть польский, который их окружает и в официальной, и непринужденной среде» [11, с.158].

Заключение

Таким образом, в онлайн-среде, где границы стран не имеют четко очерченных границ, язык становится одним из существенных факторов идентичности, консолидируя людей в рамках определенных сетевых сообществ или групп. Благодаря разнообразию дискурсов, язык позволяет приобщиться к ценностям, традициям, которые виртуальные сообщества позиционируют. Роль языка как фактора идентичности и консолидации в виртуальной среде определяют следующие компоненты: через использование характерных слов или выражений, которые являются уникальными для определенной культуры или языковой группы язык

выступает способом *выражения и сохранения культурной идентичности, традиций и ценностей*; *фактором построения социальной идентичности* в медиапространстве; фундаментальным фактором создания *образовательного и досугового цифрового пространства*, в котором люди могут свободно общаться, обмениваться полезной информацией, знаниями и опытом.

В цифровом социуме язык межкультурных коммуникаций не кодифицирован, его выбор основан на удобстве и экологичности общения, что позволяет расширять круг его участников, не в ущерб национальным или этническим особенностям. Язык не только способствует национальной и социальной идентичности сообществ, сохранению культурной идентичности, традиций и ценностей, но и распространению этих ценностей среди всех, кто желает к ним приобщиться, он также выступает основой создания образовательного и досугового цифрового пространства.

Литература

1. Бертолази Э. Русский язык как фактор идентичности. О миссии русского слова в многополярном мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.stoletie.ru/vzglyad/russkij_jazyk_kak_faktor_identichnosti_485.htm
2. Все о Корее. Справочно-информационный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vseokoree.com/
3. Глухов А.П., Окушова Г.А. Российские мигранты из стран Центральной Азии: цифровизация идентичности // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2017. – №37. – С.139-161.
4. Гришаева Е.Б. Язык как инструмент реализации политической власти и как объект воздействия политики // Язык и культура. – 2018. – №41. – С.55-71.
5. Донцов А.И. Язык как фактор этнической идентичности / А.И.Донцов, Т.Г.Стефаненко, Ж.Т.Уталиева // Вопросы психологии. – 1997. –№4. – С.75-86.
6. Мирзабекова А.Ш. Культурно-идентификационная роль языка в цивилизационном измерении: социально-философский аспект // Вестник Карагандинского университета. – 2015. – №1. – С.86-90.
7. Плассеро И. Идентичность народов Европы / пер. с фр. А.Пондопуло. – М. – СПб.: Нестор-История. 2019. – 249с.
8. Политическая наука. Лингвистические повороты в политических и социальных науках. – 2023. – № 3.
9. Самые популярные языки Интернета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nauchkor.ru/media/samye-populyarnye-yazyki-interneta-59e51d415f1be76c059e98be
10. Телеграм-канал Корея и СНГ+ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://t.me/korea_SNGplus
11. Фаткиева Г.Т., Жуманова С.К. Язык – достояние индивида: анализ языковой ситуации среди представителей казахской диаспоры Финляндии и Польши // Язык, культура, диаспора: казахи Европы. – Кокшетау: Изд-во КГУ им. Ш.Уалиханова, 2014. – С.146-162.
12. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. – 2005. – №4. – С.49-59.
13. Щедрина И.О. Идентичность в цифровом пространстве: нарратив между когнитивным и экзистенциальным // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2023. – №3. – С.124-129.
14. Язык, культура, диаспора: казахи Европы. – Кокшетау: Изд-во КГУ им. Ш.Уалиханова, 2014. – 167 с.

15. Charaudeau P. Langue, discours et identité culturelle // Ela. Etudes de linguistique appliquée. – 2001. – №3-4. –P.341-348. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.cairn.info/revue-ela-2001-3-page-341.htm
16. Communauté 10.000 Codeur BENIN. [Electronic resource]. – Access mode: https://10000codeurs.com/communaute-10000-codeurs-benin/
17. Création d'un conseil consultatif de haut niveau sur la diplomatie de la diaspora / Source d'information fiable [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ena.et/web/fre/w/fre_3907231
18. Internet world users by languages. Top 10 Languages [Electronic resource]. – Access mode: https://www.internetworldstats.com/stats7.htm
19. Martineau M.E.J. La langue comme outil de construction de revendication identitaire. 25 août 2022. [Electronic resource]. – Access mode: https://apropos.erudit.org/concepts-langue/
20. Tangan Meli L. Sur l'importance de la langue maternelle pour les enfants de la Diaspora / Afrique &Science. [Electronic resource]. – Access mode: https://africa-and-science.com/?p=7012.

LANGUAGE AS A FACTOR OF IDENTITY AND CONSOLIDATION IN THE DIGITAL SPACE

Slutskaya Liudmila Vladimirovna

Candidate of historical sciences,
associate professor of the chair of political science
Belarusian state university
220030, Republic of Belarus, Minsk, str. Nezavisimosti, 4
Ph.: (+37517) 209 55 72
slutskayalv@bsu.by

In connection with the processes of globalization, migration, digitalization and the emergence of new communication opportunities, studies of language as a factor in various forms of identity and integration in the digital space are becoming especially relevant. Online communication opens up new potential for using language, since language, acting as an instrument of soft power, allows influencing political processes far beyond the area of its distribution.

The article reveals the role of language as a factor of identity and consolidation in the digital space. Aspects that emphasize the integrating significance of language in the formation of identity in the virtual space are highlighted. Language is an expression and preservation of cultural identity, traditions and values; allows you to preserve and emphasize national identity; contributes to the formation of social identity; acts as a factor in the creation of educational and leisure digital space. In a digital society, the language of intercultural communications is not codified, its choice is based on the convenience and environmental friendliness of communication, which allows expanding the circle of its participants without compromising national or ethnic characteristics. It is concluded that language allows one to become involved in the values, culture and traditions that virtual communities position, and multilingualism should be considered as a consolidating factor of national identity.

Keywords: language; identity; consolidation; diaspora; digital space; virtual communities; multi-lingualism

ЗАБОН ҲАМЧУН ОМИЛИ ҲУВИЯТ ВА МУТТАҲИДӢ ДАР ФАЗОИ РАҚАМӢ

Слутская Людмила Владимировна

Номзади илмҳои таърих,
дотсенти кафедраи сиёсатшиносӣ,
Донишгоҳи давлатии Беларус
220030, Ҷумҳурии Беларус, Минск, хиёбони Истиқлолият, 4
Тел.: (+37517) 209 55 72
slutskayalv@bsu.by

Дар робита ба равандҳои ҷаҳонишавӣ, муҳоҷират, рақамисозӣ ва пайдоиши имкониятҳои нави коммуникатсионӣ, тадқиқоти забон ҳамчун омили шаклҳои гуногуни ҳувият ва ҳамгироӣ дар фазои рақамӣ аҳамияти хоса пайдо мекунад. Муошират онлайн имконоти нави истифодаи забонро мекушояд, зеро забон, ки ҳамчун воситаи қувваи нарм баромад мекунад, имкон медиҳад, ки ба равандҳои сиёсӣ берун аз доираи паҳншавии он таъсир расонад.

Дар мақола нақши забон ҳамчун омили ҳувият ва муттаҳидшавӣ дар фазои рақамӣ ошкор шудааст. Ҷанбаҳое таъкид шудаанд, ки аҳамияти интегративии забонро дар ташаккули ҳувият дар фазои маҷозӣ таъкид мекунанд. Забон ифода ва ҳифзи ҳувияти фарҳангӣ, анъана ва арзишҳост; имкон медиҳад, ки ҳувияти миллӣ ҳифз ва таъкид шавад; ба ташаккули шахсияти иҷтимоӣ мусоидат мекунад; ҳамчун омили эҷоди фазои рақамии таълимӣ ва фароғатӣ баромад мекунад. Дар ҷомеаи рақамӣ забони муошират байнифарҳангӣ кодификатсия нашудааст, интихоби он ба роҳатӣ ва муҳити зисти муошират асос ёфтааст, ки имкон медиҳад доираи иштирокчиёни он бидуни осебпазирии хусусиятҳои миллӣ ё этникӣ васеъ карда шавад. Хулоса мешавад, ки забон имкон медиҳад, ки ба арзишҳо, фарҳанг ва анъанаҳое, ки ҷомеаҳои маҷозӣ ҷой доранд, шомил шаванд ва бисёрзабонӣ бояд омили муттаҳидкунандаи ҳувияти миллӣ дониста шавад.

Калидвожаҳо: забон; шахсият; муттаҳидшавӣ; диаспора; фазои рақамӣ; ҷомеаҳои виртуалӣ; бисёрзабонӣ.

УДК 070.46:316.346.2 – 055.2(575.3) (091)

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ ЖЕНСКОЙ ТЕМАТИКИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ОВОЗИ ТОДЖИК» (20-е годы XX века)

Сохибназарбекова Райхон Мамадаминбековна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 44 620 42 13, (+992) 93 526 05 33 (м.)
raihon2009@mail.ru

В процессе социализации женщин и включения их в контекст общественных отношений в таджикском обществе в начале XX века значительную роль сыграли печатные СМИ Таджикистана, в частности, первая таджикская советская газета «Овози тоджик». В связи с этим анализу подвергаются материалы, освещающие женскую тематику на страницах данного издания.

Создание газеты «Овози тоджик» в 1924 году было связано с важнейшим событием в новой истории таджикского народа – образованием Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики. Её выход стал новым этапом в освещении женского вопроса в таджикском обществе начала XX столетия.

Материалы, посвященные женскому вопросу, представляют следующую проблематику: неграмотность значительной части женщин-таджичек; проблемы, связанные с ношением паранджи; полигамия; принудительная выдача замуж; принуждение несовершеннолетних девочек к браку; уплата калыма; нехватка школ для женщин; насилие в семье и т.д.

Реализации информационной политики издания, направленной на освещение женской тематики в рамках большевистской теории решения женского вопроса, способствовали, во-первых, сотрудничество с редакцией «Овози тоджик» видных представителей таджикской интеллигенции, во-вторых, развитие в 20-30-х годах в Таджикистане рабселькоровского движения.

Публикации на страницах газеты показывают, что женский вопрос способствовал заполнению новой остроактуальной ниши, востребованной таджикоязычной аудиторией в условиях становления государственности Таджикистана, и требует специального изучения как важный исторический опыт формирования и использования системы государственных СМИ в процессе социальных реформ.

Ключевые слова: Таджикистан; периодическая печать; газета «Овози тоджик»; гендерная тематика; СМИ; журналист; публицист.

Появление модернизированных отношений в таджикском обществе в начале XX века положительно повлияло на повышение социального статуса таджикских женщин, в котором значительную роль сыграли СМИ.

Как отмечает российский исследователь С.Корконосенко, «в социальной сфере роль прессы связана с процессами социализации индивидов, групп

населения и целых поколений, то есть с усвоением ими социально-культурного опыта предшественников и включением его в контекст общественных отношений. Люди воспринимают чужой опыт через общение, которое, в свою очередь, составляет содержание массовой коммуникации. Соответственно информационно-коммуникативная роль прессы способствует осознанию членами общества своего статуса и функций, согласованию всех элементов социальной системы и их взаимодействию. Именно в связи с данной ролью первостепенное значение имеет информационная природа журналистики, тогда как в других социетальных системах категория информации не является главной [7, с.141].

В освещении вопросов эмансипации женщин в таджикском обществе, помимо других таджикских газет и журналов, особая роль принадлежит первой таджикской советской газете «Овози тоҷик» («Голос таджика»), которая стала своеобразным рупором в борьбе за раскрепощение женщин.

В настоящей статье рассматривается вопрос специфики освещения женского вопроса в указанном издании, подходы и методы, используемые редакцией для отражения положения женщин и реализации политики советского государства, направленной на изменение их социального статуса.

В 20-е годы XX столетия важным событием в истории таджикского народа стало образование Таджикской Автономной Советской Социалистической республики, обусловленное изменением политической ситуации в Средней Азии после большевистской революции 1917 года и установления советской власти в 1920 году в Бухарском эмирате. Новая власть, учитывая специфические особенности СМИ как эффективного средства пропаганды идей новой системы и формирования общественного мнения, для укрепления своей позиции все силы и средства направляет на создание печати на языках народов, населяющих территорию региона. Таким образом в 20-е годы на таджикском языке выходят первые советские газеты и журналы. Однако еще до выпуска первых советских газет, т.е. до революции, при режиме Бухарского эмирата на таджикском языке в 1912 году выходила газета «Бухорои шариф» («Священная Бухара»). Она появилась по инициативе представителей передовой интеллигенции края и культурно-просветительского движения джадидизма – Мирзо Мухиддина и Мирзо Сироджа Хакима. Однако газета просуществовала недолго, и её выпуск был прекращен в 1913 году (всего за этот период вышло 153 экземпляра). История создания газеты «Бухорои шариф» и её дальнейшего развития подробно описана в книге основоположника современной таджикской литературы, публицистики и журналистики С.Айни «Таърихи инқилоби фикрӣ дар Бухоро» («История идейной революции в Бухаре») [4].

В 1924 году начинает выходить газета «Овози тоҷик» («Голос таджика»). История создания этого печатного органа рассматривается в трудах таджикских исследователей А.Нуралиева, И.Усманова, М.Абдуллаева, А.Азимова, М.Султанова. Следует сказать, что в первых номерах самого издания изложены условия и предпосылки его появления. В 1919 году после установления совет-ской власти в Туркестанском генерал-губернаторстве и создания ТАССР в 1918 году был организован выпуск еженедельника на таджикском языке под названием

«Шӯълаи инқилоб» («Пламя революции»). Учитывая большой вклад «Шуълаи инқилоб» в обсуждение судьбоносных проблем таджикского народа в самый сложный период его новой истории и его значимость в развитии таджикской журналистики и публицистики, включая сатирическую публицистику, и тот факт, что именно редакция «Шуълаи инкилоб» стала профессиональной школой, где формировались многие будущие журналисты, литераторы и публицисты, это издание можно считать первым советским печатным СМИ на таджикском языке.

Появление «Шӯълаи инқилоб» связано с образованием персидского отдела в административной структуре Туркестанской АССР. Персидский отдел преследовал цель объединить персоязычные народы: таджиков, иранцев и афганцев в их устремлении к строительству нового справедливого общества. Редактором издания был назначен литератор, публицист, переводчик и общественный деятель Саидризо Ализода, имевший многолетний опыт работы в таджикской и тюркоязычной периодической печати края дореволюционного периода. На него была возложена также обязанность руководителя персидского отделения.

Следует отметить, что в научных исследованиях как советского периода, так и периода независимости, посвящённых «Шӯълаи инкилоб», нет единого мнения относительно типологии издания. В некоторых работах, начиная с первого исследования, посвящённого «Шӯълаи инкилоб», издание называется журналом. Опираясь на него, многие последующие авторы научных трудов, включая публикации периода независимости, так и называют издание журналом. Возможно, это связано с тем, что сами создатели издания определили его типологию как журнал. Например, в его паспорте отмечено: «Общественно-политический еженедельный журнал областной партийной организации». Не только в каждом номере, но и в объявлениях и других сообщениях, связанных с изданием, оно называется журналом, хотя при этом его формат не соответствовал журналу, отсутствовала также обложка.

В других работах издание названо «еженедельником», под которым может подразумеваться как журнал, так и газета.

В исследованиях профессора И.Усманова [11] «Шӯълаи инкилоб» назван газетой. Аргументируя свою позицию, автор, в частности, отмечает, что, если рассматривать параметры журнала, то это периодическое издание отличается от газеты объёмом и формой подачи материала. С точки зрения периодичности издания, ученый обращает внимание на то, что газета может быть ежедневной, журнал ежемесячным. В данном случае речь идет о еженедельнике. С точки зрения использования жанров репортажа и зарисовки, то они также не специфичны для журнала, в котором, как правило, используются интервью и аналитические материалы. В газетах используются в основном информационные и информационно-аналитические жанры, тогда как в журналах – аналитические и художественно-публицистические.

Таким образом, для обозначения типологии «Шӯълаи инқилоб», на наш взгляд, наиболее подходящим термином является именно «еженедельник».

Через два года после закрытия еженедельника «Шӯълаи инкилоб» и в связи с необходимостью создания периодического издания на таджикском языке в 1924

году начинает выходить газета «Овози тоджик» («Голос таджика»). Выход газеты – органа областной организации КП Туркестана был, прежде всего, обусловлен образованием Таджикской АССР в составе Узбекской ССР.

Обязанности редактора газеты выполнял Абдукаюм Курби, назначенный на эту должность Самаркандским областным комитетом партии.

Первый номер издания вышел 25 августа 1925 года в объеме 4-х страниц и тиражом около 2000 экземпляров. Первоначально газета называлась «Овози тоҷики камбағал» («Голос бедняка – таджика»). Она распространялась не только на территории Таджикской АССР, но и за её пределами, имела читателей также в Афганистане и Иране. В развитии газеты в 20-е гг. выделяют три периода: «первый период – 1924-1926 гг., второй период – 1926-1928 гг. и третий период – 1928-1930 гг.» [1, с.7].

До января 1925 года газета выходила один раз в неделю, ее тираж составлял 2000 экземпляров. В 1926 году меняется состав редакционной коллегии, в неё входят видные представители культуры и просвещения: Мухамеджан Хасани, Маъруф Расули, Садриддин Айни, Саидризо Ализода, Туракул Зехни и др. Постепенно возрастает число корреспондентов из числа рабочих и крестьян. Увеличивается также число подписчиков до 2000 человек, а тираж достигает 5000 экземпляров.

С газетой сотрудничали также видные литераторы А.Лахути, А.Дехоти, Пайрав Сулаймони, Гулом Козимзаде, Бахлулзаде, Рахим Хашим, Ноил Шерзода, С.Джавхаризода и др.

С 12 номера (30 ноября 1924 года) газета становится органом Оргбюро КП(б) Узбекистана в Таджикистане и Ревкома Таджикской АССР.

В начале июня 1925 года официальным органом партийной организации Таджикистана и правительства республики стала газета «Бедории тоҷик» («Пробуждение таджика»), первый номер которой вышел 15 марта 1925 года под названием «Иди тоҷик» («Праздник таджика»). Газета «Овози тоджик» с этого времени выпускается как орган КП(б) Узбекистана и правительства Узбекской ССР с целью обеспечения информацией на родном языке таджиков, проживающих в Узбекистане.

С 1 января 1931 г. «Овози тоджик» была переименована в «Ҳақиқати Узбекистон» («Узбекистанская правда»), с марта 1938 года её выпуск был прекращен. С 5 марта 1950 г. она начала выходить под названием «Узбекистони сурх» («Красный Узбекистан»), а после 1964 г. была переименована в «Ҳақиқати Узбекистон» («Узбекистанская правда»). В настоящее время она издается под названием «Овози тоджик» («Голос таджика») в Ташкенте.

Таким образом, начиная с конца 1921 года, т.е. после закрытия «Шуълаи инқилоб», по 25 августа 1924 года в пределах Туркестана и Бухары не было ни одного периодического издания на таджикском языке. Такая ситуация затрудняла политическую, просветительскую и социальную пропаганду среди таджикязычного населения территории, что и вызвало необходимость создания новой газеты.

В первые годы своего функционирования газета уделяла особое внимание таким актуальным проблемам, как подготовка таджикских учителей, открытие таджикских школ, издание периодической печати и книг на таджикском языке, развитие таджикской советской литературы, в том числе детской литературы, утверждение норм таджикского литературного языка. В качестве приложения к «Овози точик» создаются новые газеты и журналы на таджикском языке, и таким образом она стала основой появления других таджикских печатных СМИ, таких как «Рахнамои мухбирон» («Путеводитель корреспондентов»), «Рахбари дониш» («Путеводитель знаний»), сатирического издания «Мушфики» и др.

Центральной темой на страницах издания становится также положение таджикских женщин, изменение их социального статуса в контексте новых социально-политических условий Таджикистана. «Одним из важных дискурсов той поры был так называемый «женский вопрос» – совокупность различных аспектов положения женщины в новом обществе, её социальных ролей и прав, жизненных схем и установок, отвечающих запросам времени и общества» [5, с.3].

На проходившем в декабре 1926 года 1-ом Учредительном съезде Советов в столице Таджикской АССР Душанбе была принята Декларация о раскрепощении женщин, в которой «провозглашалось равноправие веками угнетенных и находившихся в положении рабынь в дореволюционном Таджикистане женщин, во всех областях государственной, общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни и предусматривались суровые меры наказания за принудительную выдачу несовершеннолетних замуж, уплату и получение калыма и всякого рода ущемления прав женщин»[6, с.141].

В первые годы деятельности газеты на её страницах появляются специальные рубрики, не только рассказывающие о важных событиях в жизни женщин-таджичек, но и предлагавшие разные пути решения проблем, возникающих в связи с бытовавшими в сознании общества предрассудками о месте женщины в семье и в общественной жизни. Например, наряду с такими рубриками, как «Вести из Канибадама», «Из таджикского округа Ходжент», «Путеводитель таджикского просвещения», «За литературный таджикский язык», «Наши книги», «Жизнь партии», «В советских республиках», «По зарубежным странам», «В Самарканде», печатавшимися из номера в номер, создаются также рубрики под названиями: «Дайте руку женщинам», «Из жизни женщин», «Жизнь женщин и девушек», «На передовой женской свободы» и т.д.

В статье «Занонро бояд тарбия кард» («Женщин нужно воспитывать») за 1925 год издание называет себя голосом женщин. Автор Бибиоиша, обращаясь к новой власти, пишет: «Молодая национальная власть! Мы, угнетенные женщины, в своем освобождении надеемся на вас. Вы не должны забывать об этом и не жалейте свои силы и старания в борьбе за наше освобождение»[1].

Далее в статье отмечается, что новая власть выступает за активное участие женщин-таджичек в партийной работе. Однако, констатирует автор, они все еще

[1] Женщин нужно воспитывать // Овози тоджик. 1925. №15 (на тадж.яз.).

не могут выполнять эту великую задачу, поэтому необходимо уделить внимание их воспитанию, а главное – освободить их от невежества. Подобная установка соответствовала марксистской теории решения женского вопроса, согласно которой единственный путь к раскрепощению женщин – это их участие в пролетарском движении, причем необходимы их организация, политическое воспитание и вовлечение в борьбу рабочего класса. В газете широко освещается деятельность отделов по работе среди женщин, созданных в 1919 году в Туркестанском краевом комитете Коммунистической партии с целью повышения уровня политического сознания, общей грамотности работниц, крестьянок, домохозяек и их подготовки к деятельности в государственных и общественных учреждениях. В течение 1919-1920 гг. подобные отделы появляются и в областях республики.

Кроме женских отделов, в 20-30-е годы прошлого века создавались специальные женские клубы[1] и женские красные уголки – основные формы работы с женщинами-мусульманками. В 1926 году этих клубов в Таджикистане было уже 5 – в Хороге, Гарме, Ура-Тюбе, Душанбе, Пенджикенте. Например, небольшая заметка информирует о выделении властями здания для организации клуба женщин в Кулябе. В другой корреспонденции «Аҳволи мактаби духтарон» («Положение в школах для девочек») рассказывается о школе, созданной в 1922 году в Канибадаме. В газете публикуются также информационные заметки о работе среди женщин Ура-тюбе, Пенджикента и Ходжента.

Кроме сугубо информационно-пропагандистских материалов, освещающих женскую тематику, на страницах таджикской печати 20-х годов XX в. встречаются также образцы литературного творчества на эту тему. В рубрике «Литература» газеты «Овози тоджик» опубликованы стихотворения, посвященные женщинам, в которых поэты призывают их бороться за свои права, за свободу, бороться с неграмотностью и т.д.

Следует сказать, что об актуальности и остроте вышеуказанных проблем свидетельствует активное участие в работе периодической печати тех лет персидско-таджикского поэта, классика новой таджикской литературы, переводчика, редактора и журналиста, корреспондента всесоюзной газеты «Правда» Абулкасыма Лахути, который посвятил женской тематике немало поэтических строк, опубликованных им не только на страницах «Овози тоджик», но и других изданий: «Ба духтарон»(«Девушкам»)[2], «Ба духтарони ранҷбари Ирон» (Девушкам Ирана»)[3] и т.д.

При этом, если в его ранних стихах наблюдается приверженность, традициям классической романтической поэзии Востока, то в образцах, опубликованных на страницах печати 20-х годов XX века, появляются новые реалистичные образы женщин, которых поэт призывает к активной борьбе за свои права, к просвещению, к выражению своей активной жизненной позиции. Такая идейно-содержательная трансформация наблюдается также и в творчестве друга и

[1] Женский клуб – один из видов культурно-просветительских учреждений.
[2] Лахути. Девушкам // Овози тоджик. 1925. №16 (на тадж.яз.).
[3] Лахути. Трудящимся девушкам Ирана // Овози тоджик. 1926. №87 (на тадж.яз.).

единомышленника Абулкасыма Лахути – Садриддина Айни, и молодого поэта Пайрава Сулаймони[1], что свидетельствует, на наш взгляд, об эволюции взглядов таджикской передовой интеллигенции на женскую проблематику.

На страницах «Овози тоджик» Садриддин Айни публикует свое первое реалистическое произведение «Приключение одного бедного таджика», впоследствии изданное им отдельной книгой под названием «Одина». В ней он создал образ женщины-таджички Гульбиби – тихой, покорной, забитой девушки, неспособной пойти наперекор обществу, обычаям, законам, чтобы отстоять свое право на любовь и достойную жизнь. Однако в последующих произведениях героини писателя, вначале забитые, несчастные, пройдя через испытания, становятся сознательными и активными борцами за свое счастье, любовь и за свои права.

Следует отметить, что к образу женщин С.Айни обращался и ранее, например, в своей книге «Духтарбача ё ки Холида» («Девочка, или Холида»), написанной им в 1922 году, где показывает духовную эволюцию девочки-мусульманки Холиды [3]. Однажды отец купил ей на рынке книгу «Знаменитые женщины» – произведение известного татарского мыслителя, педагога и журналиста Ризоэддина Фахретдина, который своими прогрессивными идеями сыграл огромную роль в эволюции взглядов на положение женщин-мусульманок. Его труды были известны и в Средней Азии.

В произведении рассказывается о мусульманских женщинах, среди которых 80 женщин знали хадисы[2], 14 женщин, изучая теологию, стали муфтиями[3], 24 женщины известны как авторы книг по теологии, 84 женщины были поэтессами, 24 женщины стали мударрисами[4] и занимались преподаванием, 28 женщин занимались проповедничеством, направляя людей на праведный путь [3, с.36].

С.Айни также упоминает это произведение в книге «Таҳзиб-ус-сибён» («Воспитание детей»), написанной им в 1910 году. «Таҳзиб-ус-сибён» («Воспитание детей») была предназначена для обучения детей в новометодных школах. В 1917 году автор дополнил её новыми текстами – рассказами о семье некоего Махмадюсуфа, у которого было четыре сына и две дочери. Его сын Мухамадфарид во время летних каникул остается в городе для продолжения учебы. Он пишет письмо родителям, братьям и сестре Зайнаб. Зайнаб в ответном письме просит брата найти ей книгу «Знаменитые женщины» [2, с.39]. В этом небольшом рассказе обращают на себя внимание три момента: 1. Девочка Зайнаб имеет образование, она умеет читать и писать. 2. Просит, чтобы ей отправили книгу «Знаменитые женщины». 3. Она читает газету «Вақт» («Время»). Таким образом,

[1] Пайрав С. Цветы просвещения // Овози тоджик. 1926. №114 (на тадж.яз.).

[2] Хадис (араб.) – повествования, переданные со слов или о деяниях пророка Мухаммеда. Хадисы рассматриваются традиционными школами юриспруденции как важные инструменты для понимания Корана и в вопросах юриспруденции.

[3] Муфти – высшее духовное лицо у мусульман. Наделён правом выносить решения по религиозно-юридическим вопросам, давать разъяснения по применению шариата.

[4] Мударрис (араб.) – преподаватель и руководитель медресе.

писатель доходчиво и убедительно пропагандирует пользу образования и его значимость для женщин.

В работе газеты «Овози тоджик» активное участие принимал также Бободжон Гафуров[1] – известный научный, государственный и общественный деятель Таджикистана, считавшийся самым активным корреспондентом издания. Его публицистическая деятельность начинается в конце 20-х и начале 30-х годов. Бободжон Гафуров является не только борцом за культурную революцию, но и внес значительный вклад в развитие таджикской журналистики и публицистики. Первые его корреспонденции и статьи в 1928-1930-е годы печатались на страницах «Овози тоджик». Газета тогда выходила в Самарканде. Как следует из биографии Бободжона Гафурова, «в конце 1928 года по путевке комсомола он поехал учиться на Высшие юридические курсы в г. Самарканд» [8, с.10] и с этого момента начинается его сотрудничество с изданием.

Исследователь Садулла Хайдаров, рассматривая публицистическое творчество Б.Гафурова, отмечает, что «одной из примечательностей его публицистики этого периода является то, что он большое внимание уделяет женскому вопросу. Проблема эмансипации женщин: их участие в делах государства, учеба, полная свобода от вредных религиозных традиций – стали основными темами его публицистики. Особой публицистической страстностью и пафосом выделяются статьи «10 сол ва зани озодшуда» («10 лет и освободившаяся женщина»), и «Мубориза ба муқобили боқимондаҳои феодалӣ – боӣ нисбат ба занон қувватнок карда шавад» («Усилить борьбу против вредных феодально – байских привычек, вывести из унижения женщин»)» [12, с.10]. По мнению автора, «эти статьи с точки зрения сегодняшнего дня не имеют большой значимости, они пропагандировали установки Коммунистической партии того времени» [12, с.10].

С подобной оценкой трудно согласиться, поскольку она незаслуженно умаляет значимость вклада интеллигенции тех лет в прогресс общества, в позитивные социальные процессы того времени. Именно в 20-е годы прошлого столетия было положено начало многим гендерным преобразованиям, благодаря чему таджикские женщины впервые получили свои права, которыми пользуются до настоящего времени.

Безусловно, свобода и равенство женщин пропагандировались в рамках большевистской теории решения женского вопроса, были недочеты, ошибки, тем не менее, бесспорным является тот факт, что женщины-таджички стали свободными именно в советский период развития Таджикистана.

Изучая тематическую особенность публицистики Б.Гафурова, С.Хайдаров приходит к выводу, что «…женская тематика главенствует в публицистике 30-х годов. Автор радуется тому, что на его Родине «слово женщина наконец – то звучит гордо», что «6 женщин-таджичек избраны в Верховный Совет СССР, а 86 – в Верховный Совет Таджикистана» [12, с.11].

На женскую тематику в газете «Овози тоджик» писал также

[1] Бободжон Гафуров (1908-1977) – академик АН СССР, в 1956-1977 гг. являлся директором Института востоковедения АН СССР.

Пирмухаммадзода Абдушукур, брат известного таджикского литератора Абдусалома Дехоти. Например, в одной из своих публикаций он называет «Овози тоджик» газетой женщин и девушек-таджичек[1], в других своих статьях он сетует на то, что вопросу свободы женщин не уделяют особого внимания[2], говорит о необходимости привлечения женщин-таджичек к получению образования[3].

Таким образом, авторами материалов, посвященных женской тематике на страницах «Овози тоджик», являются видные представители таджикской интеллигенции – писатели, поэты, публицисты и общественные деятели, активно сотрудничающие с газетой. Эти публикации, в основном, носят аналитическую направленность. Встречаются также материалы новостного характера, авторами которых являются корреспонденты издания, живущие в разных регионах сначала Таджикской АССР, затем Таджикской ССР, так называемые рабселькоры. Некоторые корреспонденты писали под своей настоящей фамилией, другие под псевдонимами, третьи сокращали свои имена и фамилии и подписывались инициалами, в связи с чем установить личности первых таджикских журналистов, писавших на женскую тематику, иногда затруднительно. Следует сказать, что писать на женскую тематику в традиционном таджикском обществе 20-х годов было также небезопасно.

При освещении женской тематики редакцией газеты использованы как информационные, так и аналитические подходы. К информационным заметкам относятся небольшие журналистские материалы, отвечающие на три основных вопроса (что произошло, где и когда) [8], их задача – информирование читателей о каком-либо событии. Подобные публикации составляют значительную часть информационного потока издания. К этой категории материалов относятся такие публикации, как «Занон ва маориф» («Женщины и просвещение»), «Кор байни духтарон» («Работа среди девушек»), «Инқилоб занони Шарқро бедор кард» («Революция разбудила женщин Востока»), «Аҳволи мактаби духтарони Конибодом» («Положение в школах для девочек в Канибадаме»).

На страницах газеты встречаются материалы, показывающие результативность работы редакции в освещении женского вопроса, например, в издании за 1928 год опубликована небольшая заметка «Помогла газета «Овози тоджик» автора К.Мансурзаде: «Под заголовком «Не уделяют внимание свободе женщин» появилась заметка о ситуации со свободой женщин в Ура-тюбе. Учитывая это, местные организации в течение месяца готовились к празднику. Многие трудящиеся женщины были освобождены от паранджи и им объяснили их права. Мы надеемся, что «Голос таджика» и в будущем возглавит местные организации в борьбе за свободу женщин»[4].

Подводя итог, отметим, что после еженедельника «Шӯълаи инкилоб»

[1] Пирмухаммедзаде А. Газета женщин и девушек – таджичек) // Овози тоджик.1926. 6 сент. (на тадж. яз.).
[2] Пирмухаммедзаде А. Не уделяют внимание свободе женщин // Овози тоджик. 1929. 24 февр. (на тадж.яз.).
[3] А.П. На курсах по ликвидации безграмотности // Овози тоджик. 1928. 5 авг. (на тадж.яз.).
[4] Мансурзода К. Помогла газета «Овози точик» // Овози тоджик. 1928. №16 (на тадж.яз.).

создание газеты «Овози тоджик» стало важным этапом в решении женского вопроса в таджикском обществе начала XX века.

Редакция «Овози тоджик» освещала все стороны жизни таджикских женщин, рубрики о жизни женщин под разными названиями были постоянными на страницах газеты. Материалы, посвященные женскому вопросу, представляют следующую проблематику: неграмотность значительной части женщин-таджичек; правовая неграмотность женщин; проблемы, связанные с ношением паранджи; полигамия; принудительная выдача замуж; принуждение несовершеннолетних девочек к браку; традиция выкупа(калыма) невесты; нехватка школ для женщин; насилие в семье и т.д.

Реализации информационной политики издания, направленной на освещение женской тематики, способствовало, во-первых, сотрудничество с редакцией «Овози тоджик» видных представителей таджикской интеллигенции, во-вторых, развитие в 20-30-е гг. в Таджикистане рабселькоровского движения.

Публикации на страницах газеты показывают, что женский вопрос освещался через призму агитации идей социализма и социалистического образа жизни. Данный вопрос способствовал заполнению новой остроактуальной информационной ниши, востребованной таджикоязычной аудиторией в условиях становления новой государственности Таджикистана, и требует дальнейшего специального изучения как важный исторический опыт формирования и использования системы СМИ в процессе социальных реформ.

Литература

1. Азимов А. Газета «Голос таджика» как исторический источник // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – Душанбе: Сино, 2015. – №3-5. – С.5-8.
2. Айни. С. Воспитание детей. – Душанбе: Маориф, 1994. – 45 с. (на тадж. яз.)
3. Айни С. Девочка, или Холида. – Душанбе: Истеъдод, 2010. – 48 с. (на тадж. яз.).
4. Айни С. История идейной революции в Бухаре. – Душанбе, 2005. – 276 с. (на тадж. яз.)
5. Говряков И.Ю. Женский вопрос в советской публицистике 1920-х гг.: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.01.10 / Говряков Игорь Юрьевич. – М., 2015. – 30 с.
6. Иркаев М. Очерк истории советского Таджикистана (1917-1957 гг.) / М.Иркаев, Ю.Николаев, Я.Шарапов. – Сталинабад, 1957. – 504 с.
7. Корконосенко С. Основы журналистики. – М.: Аспект-пресс, 2001. – 287 с.
8. Мухторов А., Шарифов Ш. Академик Бободжан Гафуров. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 208 с. (на тадж. яз.)
9. Сохибназарбекова Р.М., Рахимов А.А. Печатные СМИ Таджикистана 20-30-х годов и вопросы эмансипации женщин// Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет. – Душанбе: РТСУ, 2019. – №4(68). – С.256-265.
10. Тертычный А.А. Жанры периодической печати [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https //www.evartist.narod.ru.
11. Усмонов И., Давронов Д. История таджикской журналистики. – Душанбе, 2008. – 280 с. (на тадж. яз.)
12. Хайдаров С. Бободжон Гафуров – публицист: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.03 / Хайдаров Садулла Бахриевич. – Душанбе, 1993. – 24 с.

SPECIFICITY OF COVERING WOMEN'S TOPICS ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER "OVOZI TOJIK" (20s y. of the XX century)

Sohibnazarbekova Raihon Mamadaminbekovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of national and international journalism
Russian -Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzoda str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 13, (+992) 93 526 05 33 (m.)
raihon2009@mail.ru

In the process of socializing women and including them in the context of public relations in Tajik society at the beginning of the 20th century, the print media of Tajikistan, in particular, the first Tajik Soviet newspaper «Ovozi Tojik» («Voice of Tajik»), played a significant role. In this regard, the materials covering women's issues on the pages of this publication are analyzed.

The creation of the newspaper «Ovozi Tojik» («Voice of Tajik») in 1924 was associated with the most important event in the modern history of the Tajik people – the formation of the Tajik Autonomous Soviet Socialist Republic. Her release marked a new stage in the coverage of the women's issue in Tajik society at the beginning of the 20th century.

The materials devoted to the women's issue present the following issues: illiteracy of a significant part of Tajik women; problems related to wearing the burqa; polygamy; forced marriage; forcing underage girls to marry; bride price; lack of schools for women; domestic violence, etc.

The implementation of the publication's information policy aimed at covering women's issues within the framework of the Bolshevik theory of solving the women's issue was facilitated, firstly, by the cooperation with the editors of «Ovozi Tojik» of prominent representatives of the Tajik intelligentsia, and secondly, by the development of the labor movement in Tajikistan in the 20-30s.

The publications on the newspaper's pages show that the women's issue has contributed to filling a new acutely relevant niche with a sought-after Tajik-speaking audience in the context of the formation of Tajikistan's statehood and requires special study as an important historical experience in the formation and use of the state media system in the process of social reforms.

Keywords: Tajikistan; periodical press; newspaper "Ovozi Tajik" ("Voice of Tajik"); gender issues; mass media; journalist; publicist.

МАХСУСИЯТҲОИ ИНЪИКОСИ МАСОИЛИ ЗАНОН ДАР САҲИФАИ РӮЗНОМАИ “ОВОЗИ ТОҶИК” (солҳои 20-и асри XX)

Соҳибназарбекова Райҳон Мамадаминбековна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи журналистикаи ватанӣ ва байналхалқӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 44 620 42 13, (+992) 93 526 05 33 (м.)
raihon2009@mail.ru

Дар раванди ба корҳои ҷамъиятӣ ҷалб намудани занон расонаҳои чопии Тоҷикистон, аз ҷумла, аввалин рӯзномаи шӯравии тоҷик "Овози тоҷик", нақши назаррас бозиданд. Аз ин лиҳоз, маводи инъикоскунандаи масоили занон дар саҳифаҳои нашрияи зикршуда мавриди таҳлил қарор гирифта шудааст.

Таъсиси рӯзномаи "Овози тоҷик" дар соли 1924 ба чорабинии муҳим дар таърихи навини халқи тоҷик – ташаккулёбии Ҷумҳурии Мухтори Шӯравии Тоҷикистон алоқаманд буд. Нашри он ба марҳилаи нав дар инъикоси масоили занон дар ҷомеаи тоҷики аввали асри XX оғоз бахшид.

Маводе, ки ба масъалахои занон бахшида шудаанд, мушкилотхои зеринро ба миён гузоштаанд: бесаводии аксарияти занони тоҷик; мушкилоти марбут ба пӯшидани фаранҷӣ; бисёрзанӣ; издивоҷи маҷбурӣ; маҷбур кардани духтарони ноболиғ ба издивоҷ; пардохти қалин; норасоии мактаб барои занон; зӯроварӣ дар оила ва ғ.

Ба татбиқи сиёсати иттилоотии нашрия, ки ба инъикос кардани масоили занон дар доираи назарияи болшевикии ҳалли масъалаи занон равона шудааст, пеш аз ҳама ҳамкории намояндагони намоёни зиёиени тоҷик бо идораи нашрияи "Овози точик" ва баъдан рушди ҳаракати мухбирони коргару деҳқон дар солҳои 20-30 дар Тоҷикистон, мусоидат намудааст.

Маводи дар саҳифаҳои рӯзнома нашршуда бозгӯи онанд, ки масоили занон барои пур намудани халои наву хеле муҳиму зарурӣ барои хонандагони тоҷикзабон дар шароити ташаккулёбии давлатдории Тоҷикистон мусоидат намудааст ва ба ҳайси таҷрибаи нодири таърихии рушд ва истифодаи системаи ВАО-и давлатӣ дар раванди ислоҳоти иҷтимоӣ ба пажуҳиши вижа ниёз дорад.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон; матбуоти даврӣ; рӯзномаи "Овози тоҷик" ("Овози тоҷик"); мавзӯи гендерӣ; ВАО; рӯзноманигор; публитсист.

УДК 81'1:1

ПРОБЛЕМА ГРАММАТИЧЕСКОГО СТАТУСА ВОЗВРАТНОГО ПЕРФЕКТИВНОГО ПАССИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лонцкая Мария Алексеевна

Старший преподаватель кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
lontskayamaria@gmail.com

В статье приводятся некоторые результаты исследования одного из важных дискуссионных вопросов русской грамматики: статус страдательного залога совершенного вида с формантом *-ся*. Этому вопросу в последние годы уделяется большое внимание, что в значительной степени объясняется заметным уменьшением таких форм в русском речевом узусе 19–20 веков – особенно в конструкциях с явно выраженным агентом в творительном падеже типа *Оно [стихотворение] скоро позабылось мною, но первый стих остался у меня в памяти: «Как хороши, как свежи были розы»* (И.С.Тургенев). Во многих работах, посвященных таким конструкциям, отмечается, что после практического исчезновения таких форм они начали появляться в узусе в значительном количестве, но с некоторым изменением смысла: формы страдательного залога совершенного вида стали функционировать как самостоятельные глаголы, обозначающие действия, осуществляемые сами по себе, без участия агента-человека.

Ключевые слова: возвратный перфективный пассив; грамматическая категория залога; лексическая семантика; совершенный вид; агенс; система языка; декаузативные глаголы.

Несмотря на изученность грамматического строя русского языка, выявление функционирующих в нем моделей, структур, конструкций, определение смыслового наполнения грамматических категорий и их роли в системе языка, в коммуникации, некоторые аспекты требуют уточнения.

В частности, значительное внимание следует уделить принципам взаимодействия грамматических категорий, выражаемых различными лексическими единицами с учетом синтаксической структуры предложения. Речь идет о том, что в возвратных перфективных конструкциях русского языка лингвисты выявляют многоаспектное комплексное соотношение категорий залога и вида глагола, а также его лексической семантики.

Исследование строится на важности понимания места в глагольной парадигме пассивных возвратных форм совершенного вида (СВ). Несмотря на то, что статус этих форм в грамматиках до конца не прояснен, возвратный перфективный пассив – причем иногда в сопровождении агенса в твор. падеже – в послед-

ние десятилетия испытывает нечто вроде ренессанса в русском языке. Это определяет актуальность выбранной темы.

Пользуясь поисковыми системами Национального корпуса русского языка (НКРЯ; ruscorpora), мы постарались проверить возможность образования и употребления возвратных форм пассива от интересующих нас глаголов СВ, что и определяет научную новизну работы.

Целью настоящего исследования является изучение аспектуальной характеристики возвратных пассивных конструкций глаголов СВ в русском языке. Данная цель определяет следующие задачи:

1) рассмотреть семантические характеристики возвратных глаголов в связи с проблемой выделения возвратного перфективного пассива;

2) удостовериться в существовании группы глаголов, в которых действие происходит «само по себе» (или опровергнуть его).

Проблема соотношения декаузативности и возвратного перфективного пассива является важнейшей для изучения и понимания рассматриваемой в работе проблемы. Декаузативность подразумевает эксплицитно представленное отсутствие актора в структуре предложения [2], что проявляется, например, в следующих предложениях: *чашка разбилась, дверь открылась.*

Говоря о специфике возвратного перфективного пассива, нельзя не охарактеризовать особенности категории вида в русском языке. Декаузатив противопоставляется пассиву как конструкция с лексически удалённым актором, в то время как в пассиве, если актор не выражен, он удалён синтаксически [12]. Как отмечает Д.И.Коломацкий, русское словосочетание *само собой* семантически выражает категорию декаузативности [5]. Например: *дело разрешилось само собой*.

Е.В.Падучева, в свою очередь, указывает на то, что декаузатив невозможен с глаголами, обозначающими действия, которые может совершать только человек [12], например, предложение «*чашка принеслась*» не существует в русском языке с точки зрения устройства действительности.

Исследователь также делает акцент и на том, что декаузативы можно рассматривать как продуктивный, распространенный в языковой системе тип производного использования непереходных каузаторов. Часто декаузативация не имеет в грамматической системе языка выражения на формальном уровне, поскольку соотносится с семантической деривацией.

Более того, Е.В.Падучева утверждает, что декаузатив близок пассиву тем, что в них объект действия становится субъектом, переходя в позицию подлежащего. Однако, если в структуре пассивной конструкции глагол в страдательном залоге остается агентивным (в силу наличия каузатора), то декаузатив применяется для выражения особенностей ситуаций, в которых целеполагающий агенс отсутствует [11, с. 52].

В контексте особенностей декаузативного использования постфикса *-ся* речь идет о том, что агенс не имеет значения и удаляется. То есть, в рамках использования возвратных глаголов при декаузации ситуация воспринимается как сформировавшаяся и существующая без каузатора, то есть, без агенса: *Чашка разбилась.*

Во многом декаузативное употребление возвратных глаголов соотносится по смысловому и прагматическому наполнению с модально-пассивным употреблением, так как речь идет о существенном ослаблении роли участника ситуации, выражаемого в исходном глаголе через подлежащее в синтаксической структуре предложения. Эта категория глаголов с декаузативным значением вербализируется за счет использования глаголов разных семантических групп, например, глаголов, которые выражают деструкцию (*сломаться, разбиться, растрескаться*), а также глаголов, которые позволяют выразить действия, в отношении которых можно допустить самопроизвольное протекание без агенса (*надпись стерлась*) [6; 10].

Речь идет о необходимости установить, какой из членов оппозиции – инхоативный или декаузативный – считать исходным, немаркированным [5].

В русском языке инхоативный член производен от каузативного, что отражает значимость декаузативности в формировании синтаксических структур предложений и выражения необходимой семантики [6].

Как указывает Д.И.Коломацкий, для декаузативов характерно внимание к невозможности эксплицирования актора действия, что отличает их от пассивных глагольных структур [5].

При этом прослеживается факт устранения синтаксической валентности при декаузации, либо же факт формирования ложного актанта, без грамматических признаков актанта, в структуре предложения с декаузативными конструкциями [15, с.205].

Изучение особенностей возвратного перфективного глагола как проблемной области грамматической системы русского языка следует начать с характеристики категории вида глагола – этот аспект, наряду с залогом, имеет первостепенное значение для выделения указанной формы глагола в грамматике русского языка.

В первую очередь, следует рассмотреть инвариантные особенности глагольных форм совершенного вида.

Первая из них – законченность действия. То есть, речь идет о таких глаголах, которые имеют форму, выражающую факт завершения, окончания действия. М.Я.Гловинская отмечает, что у глаголов с выраженным значением начала действия (*запеть, заплакать, засмеяться, заиграть, невзлюбить*) форма несовершенного вида отсутствует, но ее можно создать, если морфологическая структура русского языка позволяет сформировать форму с указанием на длительность действия (*зацветать – зацвести*) [3].

Следующая особенность – предельность действия, которое выражается глаголом в форме совершенного вида, что подразумевает описание действия, продолжительность которого предписана определенными временными рамками (*читать – прочитать*) [16, с.145-153].

Грамматическое понятие предельности, в сущности, относится только к лексически предельным глаголам. М.Я.Гловинская указывает, что существуют целые группы глаголов, форма совершенного вида которых не обозначает действия, доведенного до качественного предела: большой класс глаголов, обозначающих изменения свойства или положения в пространстве и имеющих толкова-

ние ‘стать более каким-то’ (*возрасти, повысить(ся), удлинить(ся), уменьшить(ся), ускорить(ся), утоньшить(ся*)) [3].

Речь идет о том, что вышеприведенные глаголы обозначают действие, которое может быть продолжено. Семантически все перечисленные глаголы можно считать производными от качественных прилагательных: *углубиться = ‘стать глубже’, уменьшиться – ‘стать меньше’, расшириться =‘стать шире’* и т.п. [9].

Далее, выделяется результативность действия как признак глагольной формы совершенного вида. Речь идет о том, что глаголы совершенного вида описывают действия, которые достигли требуемого результата. Как отмечает М.Я.Гловинская, результативность и предельность не тождественны друг другу, что следует из семантики глаголов, например, *вставать – встать – стоять*: первый глагол обозначает действие, второй глагол обозначает результат, третий – новое состояние [3].

Непротяженность и недлительность действия также являются отличительными признаками глаголов в форме совершенного вида. Близким к этим особенностям М.Я.Гловинская считает и понятие целостности действия. Указанные свойства глаголов не позволяют им сочетаться с “фазовыми” глаголами типа *начать, продолжать, кончить* [9; 16].

Форма возвратного перфективного пассива представляет собой важный элемент грамматической системы русского языка, а ее выделение является спорным вопросом современной лингвистики. Н.В.Перцов замечает, что ряд исследователей (А.А.Зализняк, Т.Н.Молошная, Ю.Д.Апресян и др.) считают неуместным выделение этой категории глаголов в грамматической системе русского языка [14].

С точки зрения А.А.Зализняка, переходные глаголы несовершенного вида отличаются многообразием и многоаспектностью, поскольку к ним возможно отнести единиц разных форм, с семантикой страдательности как залоговой категории. В то же время, как указывает исследователь, если глагол с *-ся* не имеет семантики страдательного залога, то его в грамматической системе языка следует классифицировать именно как возвратный глагол.

Например:

(a) *картина рисуется художником;*

(b) *он рисуется перед публикой*

В предложении (a) использована форма глагола в страдательном залоге, в предложении (b) – возвратный глагол, так как в этом предложении подлежащее и субъект действия совпадают [4, с.6-7].

Однако, как указывает Н.В.Перцов [14], среди сформированных подходов к грамматической структуре русского языка существуют и те, которые выделяют возвратный перфективный глагол как отдельную категорию (например, И.Г.Милославский, В.С.Храковский и др.).

По утверждению И.Г.Милославского, «формами и действительного и страдательного залогов могут обладать многие переходные глаголы совершенного вида». Например: *Сама собою жизнь ведь не построится, вода под камешек не потечет,* где *построится* представляет собой форму страдательного залога, по-

скольку согласованное с ним подлежащее *жизнь* представляет собой объект описываемого действия [7, с.210].

Для Н.В.Перцова существование формы возвратного перфективного глагола является важной особенностью грамматического строя русского языка, причем, они могут использоваться в различных временных формах, что указывает на универсальность этого явления [13].

Исследователь, однако, указывает, что «эту форму никак нельзя признать частой и свободно образуемой; она не характерна для научно-делового, официального, формального стиля речи – быть может, правильнее сказать, что она в нем почти исключена» [14, с.47].

С точки зрения исследователя, возвратно-перфектный залог глагола – несомненная ценность грамматической системы русского языка, поскольку он подразумевает следование принципам разграничения факторов семантики и грамматики на морфологическом уровне языка, что подразумевает ситуацию «потенциального морфологического существования единиц, отвергаемых исключительно семантическими факторами, но допускаемых системой языка» [14, с.66].

Таким образом, возвратный перфективный пассив как языковой, семантический, грамматический феномен передается с выражением семантики декаузативности, в ходе чего акцент делается не на субъекте действия, а на самом действии. Именно информация о конкретном действии выходит на первый план при формировании глагола этого типа, что отражается как на морфологической структуре такого глагола, так и на синтаксической структуре предложения с глаголом в этой форме.

Рассмотрим залоговые значения перфективных форм глаголов в русском языке. С целью определения и классификации этих значений был сформирован корпус примеров по следующей методике:

1. выделялись глаголы действия в форме совершенного вида без *-ся*;

2. в соответствии с грамматическими и словообразовательными моделями русского языка подбирались парные к ним глаголы в форме совершенного вида с *-ся*;

3. производился семантический анализ, в ходе которого устанавливалось, является ли глагол с *-ся* формой возвратного перфективного пассива глагола без *-ся* или самостоятельным глаголом, имеющим валентность активного агента (прототипически, агента-человека).

В рамках исследования были выделены три категории глаголов на *ся*: 1. глаголы со значением самостоятельного действия, без агенса, 2. возвратные глаголы, в которых субъект совпадает с объектом, 3. глаголы, в которых действие происходит «само по себе».

Глаголы со значением самостоятельного действия

Первая категория – самостоятельные глаголы, которые не требуют внешнего каузатора для выражения своего смыслового наполнения.

Разбить – разбиться

(1) Больной взял стакан и выпил то, что было в нем, но рука его дрогнула, и опустевший стакан разбился у его ног. [М.А.Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)].

Интроспективный анализ показывает, что в этом примере использован глагол совершенного вида *разбиться* со значением ‘распасться на куски, потерять целость (от удара, ударов, от падения, броска и т.п.)’ [18]. То есть, с лексикографической точки зрения, толкование этого глагола не требует внешнего каузатора, процесс “разбития” может происходить независимо. Иными словами, семантика пассивного залога в этом примере отсутствует (невозможно сказать **стакан разбился мной*, где глагол выступал бы в форме возвратного перфектного залога для глагола *разбивать*).

Открыть – открыться

(2) Этот мир должен был открыться передо мною, и притом с самой наилучшей стороны — на вечеринке должны были быть первейшие представители литературы, весь ее цвет [М.А.Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937)].

Анализ указывает на то, что в этом примере также используется самостоятельно существующий глагол *открыться* со значением ‘стать доступным для проникновения извне’, его семантика не требует каузатора. При этом, как видно из синтаксической структуры этого предложения, *мир*, будучи подлежащим, выступает как актор, а человек, выражаемый местоимением *я* с предлогом (*передо мною)* – не агент, а реципиент.

Образовать – образоваться

(3) Банк образовался в ходе реализации первого этапа реформы немецкой почты в июле 1989 г., когда было принято решение выделить из единого государственного ведомства телекоммуникационную и банковскую службы, ставшие впоследствии совершенно самостоятельными организациями [Денежные переводы мигрантов – фактор инновационного развития мировой финансовой инфраструктуры // Вопросы статистики. 2004].

(4) Ухаживала за ним помещичья дочь, милая, тихая, застенчивая девица, с которой образовался роман, роман их развивался в точности по традициям, установленным со времен пушкинского "Станционного смотрителя" [Даниил Гранин. Зубр. 1987].

В приведенном примере используется глагол *образоваться*, который имеет значение ‘Возникать (возникнуть) где-л., в чем-л., на поверхности чего-л. (о различного рода естественных, природных новообразованиях) или создаваться (создаться) в результате соглашения и деятельности людей по определенным правилам (о каких-л. группах, организациях и т.п.)’ [18]. Примечательно, что, как показывает структура предложения и семантика глагола, эта единица может быть классифицирована как возвратный перфективный глагол. В нем отсутствует информация об исполнителе действия, так как делается акцент именно на значении, сути того действия, которое этим глаголом выражается.

Глаголы, в которых субъект совпадает с объектом

Обращает на себя внимание, что глаголы данной группы обладают разными семантическими и сочетаемостными особенностями, которые влияют на соотношение между ними и производящими глаголами без *-ся.*

Посмотреть – посмотреться

Хорошим примером тут является глагол *посмотреться,* смысл которого богаче, чем словосочетание *посмотреть на себя*. У глагола *посмотреться* безусловно прослеживается дополнительный семантический актант инструмента, который заполняется словом со значением ‘зеркало’ (чаще всего именно этим словом; ср.

(5) Я посмотрелся в зеркало; тусклая бледность покрывала лицо мое [М.Ю.Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)].

Добавим, что этот актант оказывается почти обязательным и синтаксически: фразы с этим глаголом, не упоминающие зеркало, существуют, но их немного, причем идея зеркала даже в таком случае выражается в близком контексте:

(6) Маруся раскопала среди сувениров маленькое зеркальце и посмотрелась в него – ничего. [Полина Волошина, Евгений Кульков. Маруся (2009)].

Другой пример лексического своеобразия демонстрирует глагол *постираться,* в смысл которого, в отличие от глагола *постирать,* входит множественность объекта, ср. *Она постирала себе платье* и *Она постиралась* (вряд ли стирка ограничилась одним платьем).

Постирать – постираться

(7) Все были расслабленные, все всё время отпрашивались в отпуск, в отгул, помыться, постираться, поболеть, на сотню сестер полноценных едва набиралось шесть-семь человек. [Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние (2004)].

Далее рассмотрим глаголы третьей группы – глаголы с *-ся* в форме возвратного перфективного пассива, которые характеризуют действия, происходящие «сами по себе».

Уничтожить – уничтожиться

(8) Обнищание, предвидимое на много лет, повело к расширению тротуаров за счет проездов, – конный транспорт почти уничтожился, автотранспорт приватный не развивается, толпа прет по улицам невероятная, – серая, грязная, грубая [И.И.Шитц. Дневник «Великого перелома» (март 1928 – август 1931). 1930].

В этом примере используется глагол *уничтожиться* со значением, близким к ‘прекратить своё существование’ [18]. Мы понимаем, что сам по себе транспорт исчезнуть не может, для осуществления этого процесса необходимо внешнее воздействие. Тем не менее идет речь о процессе, который рассматривается, как происходящий сам по себе, без участия деятеля. По нашему мнению, это типичный представитель самой интересной группы возвратного перфекта – декаузативных глаголов, которые обозначают действие, совершающееся агентом, но оцениваемое как происходящее само по себе.

Стоит сравнить употребление это глагола в предыдущем примере с употреблением того же глагола в предложении

(9) То был страх перед конечным исчезновением или уничтожением: «есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы неизбежной, предстоящей мне смертью?» Это делало и саму жизнь невозможной, – зачем? [Георгий Флоровский. Пути русского богословия. 1936].

В этом предложении процесс исчезновения рассматривается как вызванный каузатором *смерть*, выражаемым агентивным дополнением в творительном падеже: глагол *уничтожился* здесь очень близок к обычному пассиву, а факт его появления в совершенном виде представляется нам для современного состояния русского языка почти невозможным.

Раскупить – раскупиться

(10) Ну что поделаешь, рынок. Тираж, тем не менее, великолепно раскупился… [Светлана Епифанова. Клон «Идиота». 2003 // Интернет-альманах «Лебедь». 26.05.2003].

Как показывает анализ, в этом примере используется глагол *раскупиться*, со значением ‘Купить одно за другим, по частям всё’ [18]. В ходе анализа было установлено, что семантически этот глагол делает акцент на действии, а агенс уходит в тень, что позволяет соотнести его с категорией возвратных перфективных пассивных глаголов. Однако, агенс подразумевается на основании того факта, что совершить покупку может только человек.

Продать – продаться

(11) «МегаФон» столкнется с трудностями при выходе на новый рынок, так как в России практически не осталось активов, готовых продаться с дисконтом, говорят аналитики. [Александр Дементьев. «МегаФон» подключится к Интернету (23.04.2009) // http://www.rbcdaily.ru/2009/04/23/media/411896.shtml. 2009].

Семантический анализ показывает, что глагол *продаться*, со значением ‘Отдать за определённую плату’ [18] относится к категории возвратных перфективных глаголов, так как он делает смысловой акцент на действии, а не на его исполнителе. При этом можно сделать вывод о том, что агенсом являются люди, так как только они могут продавать или покупать что-либо.

Призвать – призваться

(12) Так как он призвался иркутским военкоматом, возможно, здесь сохранилось дело о его ранении, — говорит житель Иркутска Валерий Жуков. [В областном военкомате найдены архивные документы Леонида Гайдая // Vesti.ru. 22.01.2013].

В этом примере примечательным компонентом синтаксической структуры предложения является наличие агентивного дополнения в творительном падеже – *военкоматом*.

Побелить – побелиться, обстроить – обстроиться, окрасить - окраситься

(13) Кочующий турист считает Париж своим; он его покупает, жуирует им и очень хорошо знает, что он нужен Парижу и что старый Вавилон обстроился, окрасился, побелился не для себя, а для него [А.И.Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж. 1862-1866].

В приведенном примере были выделены три глагола, которые относятся к категории возвратных перфективных пассивных глаголов. Все они семантически в тексте предложения делают акцент на совершаемом действии, при том, что информация об исполнителях этих действий отходит на второй план. Значение глагола *побелиться* – ‘Сделать нечто белым’ [18], глагол *обстроиться* имеет значение ‘Окружить строениями; возвести постройки, застроить’ [18], в то время как глагол *окраситься* имеет значение ‘Покрыться, пропитаться какой-л. краской, чем-л. красящим’ [18].

Заключение

На основе НКРЯ был проведен комплексный анализ глаголов в форме возвратного перфективного пассивного залога. Анализ показал, что они семантически разделяются на три основные категории. К первой из них относятся самостоятельные по значению глаголы, которые не требуют внешнего каузатора. Вторая группа глаголов охватывает возвратные глаголы, в которых обозначаемое действие направлено на агенса-человека. Третья группа глаголов обладает наиболее яркими признаками возвратного перфективного пассива: относящиеся к ней лексические единицы обозначают действия, воспринимаемые как «совершающиеся сами по себе».

Именно третья категория выражает содержательные признаки и обладает грамматическим своеобразием возвратно-перфективного пассива на русском языке. Данная категория глаголов подразумевает смещение акцента с агенса на само действие, в рамках чего формируется ощущение того факта, что действие совершается без внешних стимулов. Примечательно, что в ряде случаев в этой категории упоминаются актант и агенс, их появление обусловлено смысловым наполнением глагола, а также синтаксической структурой предложения (*посмотреться*). Агенс выражается в таких случаях в форме творительного падежа, формируя агентивное дополнение (*призваться*).

Таким образом, проведенное исследование доказало, что категория возвратного перфективного глагола в грамматической системе русского языка может быть правомерно выделена, так как рассмотренные примеры доказывают наличие глаголов этого типа в русском языке.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Взаимодействие лексики и грамматики: лексикографический аспект // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 3. – С.10-29.
2. Гаврилова В.И. К вопросу о взаимодействии категорий переходности и залога (на материале русского и английского языков) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2012. – №2. – С.41-57.
3. Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видовременной системе русского глагола. – М.: Азбуковник: Русские словари, 2001. – 319 с.
4. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. – М., 1977. – 880с.
5. Коломацкий Д.И. Теория семантической переходности и дистрибуция русских пассивных форм // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2009. – №2. – С.6-13.

6. Летучий А.Б. Между пассивом и декаузативом: русские модальные пассивы // Acta Linguistica Petropolitana: труды Института лингвистических исследований. – 2014. – №3. – С.9-18.
7. Милославский И.Г. Какому залогу принадлежит глагол «нравиться»? // Проблемы теории грамматического залога. – Л., 1978. – С.208-213.
8. Молошная Т.Н. Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. – М., 2001. – 96 с.
9. Молчанова И.И. Употребление глаголов несовершенного и совершенного вида в форме будущего времени (учебные материалы) / И.И.Молчановв, И.Е.Чехонина, М.Д.Яхно // Образовательный вестник «Сознание». – 2018. – №7. – С.77-84.
10. Никитина Е.Н. Акциональность/неакциональность возвратных глаголов и категория субъекта: к грамматической сущности категории залога: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Никитина Елена Николаевна. – М., 2008. – 365 с.
11. Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. – 2002. – №1(1). – С.52-79.
12. Падучева Е.В. Структура события: семантические роли, аспектуальность, каузация // Научно-техническая информация. Серия 2. – 2009. – №6. – С.38-45.
13. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. – М., 2001. – 279 с.
14. Перцов Н.В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. – 2003. – №4. – С.43-71.
15. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М.: РГГУ, 2001. – 796 с.
16. Хандархаева И.Ю. Глаголы совершенного вида с перфектным значением в аспекте типов речи // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. – 2015. – №10. – С.145-153.
17. НКРЯ. – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 09.06.2024).
18. МАС – Малый академический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp/ (дата обращения: 12.06.2024).

THE PROBLEM OF GRAMMATICAL STATUS OF THE REFLEXIVE PERFECTIVE PASSIVE IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Lontskaya Maria Alexeevna

Senior lecturer of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1586
lontskayamaria@gmail.com

In the article some results of the study of one of the important controversial issues of Russian grammar: the status of the perfective passive voice with the formant *-sya*, are presented. In recent years, much attention has been paid to this issue, which is largely explained by the noticeable decrease of such forms in the Russian speech usage of the 19th-20th centuries, especially in constructions with an explicit agent in the instrumental case, such as *It [the poem] was soon forgotten by me, but the first verse remained in my memory: "How good, how fresh were the roses*" (I.S.Turgenev). In many works devoted to such constructions, it is noted that after the practical disappearance of such forms, they began to appear in the usus in considerable numbers, but with a certain change of meaning: the forms of the perfect

passive voice began to function as independent verbs denoting actions carried out by themselves, without the participation of an agent-person.

Keywords: reflexive perfective passive; grammatical category of voice; lexical semantics; perfective form; agent; language system; decausative verbs.

ПРОБЛЕМАИ ВАЗЪИ ГРАММАТИКИИ ПАССИВИ БАРГАРДАНДАИ ПЕРФЕКТИВӢ ДАР ЗАБОНИ РУСИ

Лонтская Мария Алексеевна

Муаллими калони кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, иловагӣ 1586
lontskayamaria@gmail.com

Дар мақола баъзе натиҷаҳои омӯзиши яке аз масъалаҳои муҳими баҳсбарангези грамматикаи русӣ: мақоми овози пассивии ҷанбаи комил бо форманти -ся оварда шудааст. Солҳои охир ба ин масъала таваҷҷӯҳи зиёд зоҳир карда мешавад, ки ин бештар ба таври қобили мулоҳиза коҳиш ёфтани чунин шаклҳо дар корбурди гуфтори русӣ дар асрҳои XIX ва XX – бахусус дар конструктсияҳо бо инъикоси равшани дар сиғаи эҷодӣ ифодаёфта намуди Ӯ [шеър] аз ҷониби ман зуд фаромӯш шуд, вале байти аввал дар хотираи ман боқӣ монд: «Чӣ гуна зебо буданд, чӣ гуна тару тоза буданд» (И.С.Тургенев). Дар аксар асарҳои ба чунин конструктсияҳо бахшидашуда, қайд карда мешавад, ки баъди аз байн рафтани амалии чунин шаклҳо онҳо дар истеъмоли умумӣ бо теъдоди зиёд, лекин бо тағйири нисбатан кам пайдо шуданд; шаклҳои ҳолатҳои ғайрифаъоли намуди комил ҳамчун феълҳои мустақили ҳаракатро ифодакунандаи худ бо худ амалӣ мешуда бидуни иштироки инсон-агент амал мекарданд.

Калидвожаҳо: пассиви перфективии баргарданда; категорияи грамматикии тарзи мафъул; семантикаи луғавӣ; намуди мутлақи феъл; агенс; системаи забон; феълҳои таназзул.

УДК [811.161.1:811.133.1:811.134.2:811.62]'373

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА АРГЕНТИНЫ

Пшеничникова Ангелина Юрьевна

Ассистент кафедры русского языка №1
Институт русского языка
Российский университет дружбы народов
117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, доб. 1586
angelina82@mail.ru

Гастрономическая лексика Аргентины, рассмотренная на материале гастрономического тезауруса, позволяет отразить особенности осмысления народом Аргентины базовых ценностей, социальных связей и традиций. В статье рассматриваются наименования блюд, напитков и продуктов питания в аргентинском варианте испанского языка. Представление об обособленных в большей или меньшей степени национальных языках (castellanos nacionales) делает необходимым употребление термина национальный язык Аргентины. Новизной исследования является классификация малоизученной гастрономической лексики Аргентины, установление ее связей с менталитетом и фрагментами языковой картины мира аргентинцев. Цель исследования заключается в описании лексики национальных блюд, выявление их этнокультурных и этимологических особенностей. В результате описания лексики данной группы автор приходит к выводу о том, что гастрономическая лексика национального языка Аргентины отражает сложный этнический состав аргентинской нации, ее историю и традиции, что обогащает культурологическое и лингвистическое представление о формах существования испанского языка.

Ключевые слова: языковая картина мира; аргентинский национальный вариант; испанский язык; гастрономическая лексика; Аргентина.

Введение

Испанский язык в Латинской Америке представлен национальными вариантами; в Аргентине испанский язык является государственным языком и имеет свою специфику, которую можно определить на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях [6; 9; 11; 12; 8]. Объектом исследования стала гастрономическая лексика аргентинского варианта испанского языка, поскольку «в разных языках существуют лингвоспецифичные обозначения объектов материальной культуры, например, особых кушаний или напитков. Ясно, что наличие таких слов самым непосредственным образом связано с гастрономическими обычаями носителей соответствующих языков» [2, с.7].

Аргентина является типично «переселенческой страной, население которой сформировалось под влиянием массовой европейской иммиграции и впитало традиции многих народов, что наложило отпечаток на культуру, быт, нравы и

обычаи аргентинцев» [7, с.160]. Для понимания своеобразия современной аргентинской кухни следует принять во внимание этнокультурное разнообразие аргентинской нации: аргентинская кухня, являясь органичной частью кухни Южной Америки, удачно синтезировала индейские, итальянские, испанские и другие традиции, сохранив одновременно и самобытные традиции приготовления, потребления еды и их отражения в языке. О.С.Чесноковой пишет о том, что «национальные кухни испаноязычных стран, их метаязык, коммуникативная значимость и языковая символика образуют целостный фрагмент картины мира испаноговорящих народов и важные составляющие лингвокультурологической компетенции при изучении и преподавании испанского языка» [9, с.109-134].

Гастрономическая лексика испанского языка и его территориальных вариантов рассматривалась в лингвистических работах в аспектах тематического разнообразия [10, с.4], перевода [3], в паремиологии [1, 5].

Материалы и методы исследования

Материалы исследования составили лексические единицы, относящиеся к тематическим группам «Продукты питания», «Блюда», «Напитки», полученные методом сплошной выборки из словарей, прежде всего, «Real Academia Espanola. Diccionario de la lengua espanola» [13], а также из сборников рецептов аргентинской кухни. Критерием отбора послужило их толкование как принадлежащих к гастрономической традиции Аргентины в толковом или энциклопедическом контексте. Общее число проанализированных лексических единиц – 400, фразеологических единиц – 100. Для анализа был использован сопоставительный, этимологический, словообразовательный методы, а также метод компонентного анализа.

Результаты исследования

Исследование показало, что гастрономическая лексика, используемая в контексте кухни Аргентины, может быть классифицирована на следующие группы:

1) *названия продуктов питания*, которые характерны для гастрономической культуры Аргентины и которые произрастают в Латинской Америке (*pepino dulce, chullpi*);

2) *названия блюд*, которые характерны для кухни Аргентины, представленные 3 подтипами:

- общеиспанские названия блюда, которые имеют особую значимость или отличия на территории Аргентины (*parillada, puchero, alfajores*);
- названия, которые являются заимствованиями из европейских языков (*milanesa, gelato*);
- названия, которые являются собственно аргентинскими (*asado, pastel de choclo*) или панлатиноамериканскими (*tamal*);

3) *названия напитков,* которые характерны для кухни Аргентины и являются собственно латиноамериканскими (*maté, tereré*).

Названия продуктов питания

Примерами лексики рассматриваемой группы являются, прежде всего, наименование сельскохозяйственных культур и их плодов, произрастающие в Латинской Америке, как эндемиков, так и завезенных в результате великих гео-

графических открытий. Лексика рассматриваемой группы является значимым фрагментом гастрономической лексики Аргентины. Единицы данной группы представлены как собственно испанскими, так и заимствованными лексемами:

- *pepino dulce* ‘пепино, дынная груша’ досл. ‘сладкий огурец’ – вечнозелёный кустарник семейства пасленовых который выращивается ради плодов со сладким вкусом, напоминающих дыню, использующихся в Аргентине в сладких салатах, для приготовления джемов, десертов и компотов; собственно испанское название растения, имеющего латиноамериканское происхождение;
- *chullpi* ‘чульпи, разновидность кукурузы’ – эндемик провинции Жужуй и Сальты на северо-западе Аргентины, отличается овальной или конической формой початка, в котором насчитывается по 18-24 зерна; жареные зерна отличаются от других сортов сладким вкусом и их традиционно едят вместе с козьим сыром; кечуизм.

Названия блюд

Остановимся на некоторых наиболее значимых региональных особенностях повседневных аргентинских блюд. Одним из наиболее известных национальных блюд аргентинцев является асадо: *asado* ‘мясное филе, жареное на углях на решетке’. Асадо готовится из телятины или говядины, преимущественно используются ребра, но для праздников на углях запекаются туши. Считается, что первыми это блюдо готовили аргентинские пастухи, которые зажаривали на углях целые телячьи души. Лексема является испанской по происхождению, однако в аргентинском варианте испанского языка произошло деривационное развитие – появление лексемы *asador* ‘человек, который жарит мясо; устройство для жарки мяса’. С данной лексемой также известен фразеологизм *se pasó el asado* в значении ‘где ты раньше был? Проморгал!, проворонил!’ буквально ‘где-то ходил и сжег мясо’;

- *milanesa* ‘миланеса’ – популярное аргентинское блюдо, тонкий хорошо отбитый кусок мяса в тройной панировке, зажаренный в масле на сковороде; представлено вариантами *milanesa de lomo* ‘миланеса из говядины’, *milanesa de pollo* ‘миланеса из курицы’. Лексема имеет итальянское происхождение, от названия города Милан;
- *parillada* ‘паррильяда’ – говядина, жареная на решетке; лексема имеет испанское происхождение, однако данное блюдо в Аргентине отличается способом приготовления;
- *pastel de choclo* ‘пирог в южноамериканской кухне’, дословно ‘пирог из кукурузы’ – сладкую кукурузу choclo измельчают до пасты, смешивают с молоком, базиликом и сливочным маслом и проваривают; начинку из говяжьего фарша с приправами заливают кукурузной смесью и выпекают. В аргентинском варианте испанского языка отмечен и фразеологизм с лексемой *choclo: dejarle (meterle) a uno el choclo* ‘1) возвести напраслину, поклеп на кого-либо; 2) взвалить на кого-либо, навязать кому-либо тяжелую работу’. Лексема *choclo* имеет кечуанское происхождение;

• *tamal* ‘тамале, мезоамериканское блюдо’ – в аргентинской, как и в латиноамериканской кухне в целом, делают тамале – куски кукурузного теста с начинкой, завернутые в банановый или кукурузный лист и выпекаемые на пару. О.С.Чеснокова считает, что «это говорит об известном единстве латиноамериканского гастрономического тезауруса и о взаимном обогащении национальных вариантов испанского языка заимствованиями-индихенизмами» [11, с.81]. Рецептура приготовления тамале разнообразна, однако считается, что в северных провинциях Аргентины существует собственный рецепт приготовления, отличный от других регионов;

• *puchero* ‘пучеро, аргентинское рагу’ – в Аргентине рагу или мясную похлебку с овощами подают в горшочке *olla.* Блюдо является испанским по происхождению, получившим распространение в Аргентине и с особым рецептом вошедшее в национальную кухню. Отмечается существование фразеологизмов с лексемой *puchero*: 1) *puchero de grillos* ‘беспорядок, путаница’: *Me parece que la hermanita es una chicuela con un puchero de grillos en la cabeza* (A.Palacio Valdés. La hermana San Sulpicio) ‘Сдается мне, что ваша монашенка – шалая девчонка, в голове у нее полный сумбур’ (Испанско-русский фразеологический словарь); 2) *por el puchero* ‘на хлеб насущный, на пропитание’; 3) *comer puchero* ‘скромно питаться’ дословно ‘есть похлебку, жить скромно’; 4) *ganar su puchero* ‘зарабатывать на жизнь’ дословно ‘зарабатывать на похлебку’;

• *gelato* ‘мороженое’. Наиболее известным десертом в Аргентине является *gelato.* Блюдо появилось в результате адаптация привезенного из Италии мороженого, однако в аргентинской кухне оно менее жирное, имеет кремовую структуру и не подвергаю и не подвергается глубокой заморозке. Лексема имеет итальянское происхождение;

• *dulce de leche* ‘дульсе де лече, вареная сгущенка’ – представляет собой нежный крем, напоминающий вареное сгущенное молоко, но имеющий более жидкую консистенцию и карамельный вкус; употребляется как самостоятельный десерт и входит в состав других сладких блюд. Название имеет испанское происхождение;

• *alfajores* ‘альфахорес, печенье’ – лакомство, состоящее из двух тонких ломтиков теста, прикрепленных друг к другу. Лексема *alfajor* происходит от الفاخر [ælˈfæːxɪr] в значении ‘фантастические великолепные сладости’. Данный десерт является испанским по происхождению, в Аргентине отличается особым рецептом (с дульсе де лече), который позднее распространился во всех испаноязычных странах.

Названия напитков

Традиционным напитком аргентинцев является *maté* ‘мате’ – настой из *йерба мате* – особого рода травы, произрастающие на территории Аргентины и Уругвая. Словарь Испанской Королевской Академии регистрирует лексему, *maté* ‘маленькая тыква’ (Lagenaria vulgaris), кечуизм (www.rae.es), которая традиционно используется как сосуд для заваривания и пития мате. «Еще с давних времен мате стали приготовлять индейцы гуарани, превратившие питье мате в ритуальную церемонию. Эта горьковатая, терпкая на вкус горячая жидкость действует осве-

жающе и ободряюще. Она оказалась незаменимым средством утоления жажды и снятия усталости после долгой верховой езды по степи» [7, с.186].

Индейцы гуарани довольно многочисленны и расселены на большей части Парагвая и северо-востоке Аргентины. Благодаря такому расселению гуарани на этих территориях распространены такие мате-слова:

- *bambucua*, сокращенно от *mbarambacua = mba (связка, ворох)+ ra + mbacua* ‘что-то подсушенное или поджаренное’;
- *caa – maté;*
- *caa-guara* ‘человек, который пьет мате’;
- *caa-i-gua* ‘сосуд мате-тыква’;
- *caa-u-ei* ‘жажда мате, тяга к мате’;
- *mborovire* ‘грубое мате, куски побегов, высушенные и измельченные’;
- *sapeca, sambeca, sapeu* ‘обозначение процесса разворачивания листьев мате в горячей воде’: *poca, pea, mbeca* ‘открываться’ + *za* или *sa* ‘глаз’.

Еще один популярный напиток на территории Аргентины, Парагвая и Уругвая – это *tereré* ‘терере’ – это напиток, приготовленный из йерба мате и холодной воды, в некоторых местах его могут смешивать с лекарственными травами. Словарь Испанской Королевской Академии регистрирует данную лексему как имеющую происхождение от языка гуарани.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что гастрономическая лексика аргентинского варианта испанского языка образует несколько тематических групп: названия продуктов питания, названия блюд и названия напитков, единицы которых различаются по происхождению и отражают сложный этнический состав аргентинской нации, ее историю и традиции. Гастрономическая лексика аргентинского варианта испанского языка сформирована преимущественно на испанской основе со значительным влиянием гастрономической лексики европейских языков эмигрантов и индейцев.

Литература

1. Алуарт Де Ля Крус М.Ф. Этнокультурные особенности кубинских фразеологизмов в сопоставительном аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2010. – №2 (2-12). – С.137-141.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
3. Грунина Ю.А. Особенности перевода гастрономических реалий с испанского языка на русский // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – №13 (7). – С.283-286.
4. Пшеничникова А.Ю. Лексика традиционных блюд регионов Испании, имеющая иноязычное происхождение // Litera. – 2023. – №3. – С.59–71. DOI 10.25136/2409–8698.2023.3.39892
5. Смирнова Е.В. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с гастрономическим компонентом как отражения национального характера испанцев и русских // Русистика. – 2013. – №3. – С.57-62.

6. Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. – М.: Ленанд, 2021. – 328 с.
7. Страны и народы: Науч.-попул. геогр.-этногр. изд. в 20-ти т. Южная Америка / редкол.: В.В.Вольский и др. – М.: Мысль, 1983. – 285 с., ил., карт.
8. Тарнаева Л.П., Никульникова Н.Ю. Особенности лексического строя колумбийского национального варианта испанского языка // Язык и культура. – 2022. – №59. – С.94–109.
9. Фирсова Н.М. Испанский язык и культура в испаноязычных странах. – М.: Ленанд, 2021. – 176 с.
10. Фирсова Н.М. Национальная кухня и напитки венесуэльцев // Ученые записки Худжандского государственного университета им. акад. Б.Гафурова. Гуманитарные науки. – 2013. – №2 (35). – С.99-105.
11. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики. Языковая картина мира. – М.: ЛЕНАНД, 2020. – 204 с.
12. Чеснокова О.С. Колумбия в мире испанского языка. – М.: ЛЕНАНД, 2021. – 76 с.
13. Real Academia Espanola. Diccionario de la lengua espanola. Version en linea [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archive.org/details/real-academia-espanola-diccionario-de-la-lengua-espanola (дата обращения: 15.09.2024).

GASTRONOMIC VOCABULARY OF ARGENTINE

Pshenichnikova Angelina Yurievna

Assistant of the Russian language chair №1
Russian language Institute
RUDN University
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
Ph.: +7 (495) 434 00 01, ext. 1586
angelina82@mail.ru

The gastronomic vocabulary of the Argentine national version of the Spanish language, based on ethnic dishes, allows us to reflect the peculiarities of the people s understanding of basic values and traditions. The article examines the names of ethnic dishes in the Argentine linguaculture. The idea of separate national languages (castellanos nacionales) makes it necessary to use the term national language of Argentina. The novelty of the study is the interpretation of the little-studied vocabulary of national dishes of Argentina, establishing its connections with the mentality of Argentines. The aim of the study is to describe the vocabulary of national dishes and identify their ethnocultural characteristics. As a result of the description of the vocabulary of this group, the author comes to the conclusion that gastronomic vocabulary of the national language of Argentina reflects complex ethnic composition of the Argentine nation, its history and traditions, which enriches the cultural and philological understanding of the forms of existence of the Spanish language.

Keywords: linguistic picture of the world; Argentine national variant; Spanish language; national dish; Argentina.

ЛУҒАТИ ГАСТРОНОМИИ АРГЕНТИНА

Пшеничникова Ангелина Юревна

Ассистенти кафедраи забони русии №1
Институти забони русӣ
Донишгоҳи дӯстии халқҳои Россия
117198, Россия, Москва, кӯчаи Миклухо-Маклай, 6
Тел.: +7 (495) 434 00 01, иловагӣ 1586
angelina82@mail.ru

Луғати гастрономии Аргентина, ки бо истифода аз маводи тезауруси гастрономӣ баррасӣ шудааст, ба мо имкон медиҳад, ки хусусиятҳои фаҳмиши мардуми Аргентина дар бораи арзишҳои асосӣ, робитаҳои иҷтимоӣ ва анъанаҳо инъикос карда шавад. Ин мақола номҳои хӯрокҳо, нӯшокиҳо ва маҳсулоти хӯрокворӣ дар намуди аргентинии забони испаниягӣ баррасӣ мекунад. Тасаввурот дар бораи алоҳида будани идеяи забонҳои миллӣ (castellanos nacionales) дар сатҳи зиёд ё кам зарурати истифодаи истилоҳи забони миллии Аргентинаро мекунад. Навоварии тадқиқот таснифоти луғати гастрономии кам омӯхташудаи Аргентина, муқаррар намудани робитаи он бо ҳувият ва порчаҳои тасвири лингвистии олами Аргентина мебошад. Мақсади таҳқиқ тавсифи луғати таомҳои миллӣ ва муайян намудани хусусиятҳои этнофарҳангӣ ва этимологии онҳо мебошад. Дар натиҷаи тавсифи лексикаи ин гурӯҳ муаллиф ба хулосае меояд, ки луғати гастрономии забони миллии Аргентина таркиби мураккаби этникии миллати Аргентина, таърих ва анъанаҳои онро инъикос мекунад, ки фаҳмиши фарҳангӣ ва лингвистии шаклҳои мавҷудияти забони испаниро бой мегардонад.

Калидвожаҳо: тасвири забонии ҷаҳон; варианти миллии Аргентина; забони испанӣ; луғати гастрономӣ; Аргентина.

УДК 316.77:654.197.525.55

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ СТЕРЕОТИПОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Хакимов Айрат Айдарович

Младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории
этнокультурологии и социокультурных исследований
Научно-исследовательский институт
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 985 03 51 65 (м.)
ayrat.98@list.ru

В статье речь идёт о влиянии средств массовой информации на процесс стереотипизации сознания таджикской молодёжи. В современном мире доступ к информации практически неограничен, в связи с чем средства массовой информации играют огромную роль в формировании общественного мнения, в том числе в молодёжной среде. СМИ, особенно Интернет, становятся ведущими трансляторами стереотипных оценок фактов и явлений общественной жизни, формируя, таким образом, поведенческие установки молодых людей. Цель исследования – выявить, как средства массовой информации генерируют стереотипы в молодёжной аудитории, показать механизмы, через которые осуществляется это воздействие. Методом исследования послужило анкетирование, проведённое среди студентов Российско-Таджикского (Славянского) университета через онлайн-сервис. Основываясь на результатах эмпирического исследования, автор приходит к выводу, что к наиболее распространяемым стереотипам респонденты относят этнокультурные, связанные с этнической и культурной принадлежностью, гендерные, отражающие предвзятые представления о роли женщины и мужчины в общественной жизни. Отмечены также профессиональные и возрастные стереотипы, которые так же оказывают то или иное влияние на сознание пользователей информации. Результаты проведённого исследования позволили определить механизмы формирования стереотипов посредством средств массовой информации через повторяемость и ограниченность информации. Автор предлагает рекомендации для уменьшения влияния СМИ на молодёжь, среди которых включение в образовательные программы курсов по медиаграмотности и формированию критического мышления. В статье внимание акцентируется на значимости осознания влияния средств массовой информации в процессе формирования стереотипов и подчёркивается необходимость активных действий, направленных на их преодоление.

Ключевые слова: средства массовой информации; стереотипы; молодёжь; восприятие; медиаграмотность; критическое мышление; межкультурное общение.

С развитием информационных технологий, внедрением искусственного интеллекта в социокультурную практику средства массовой информации оказывают большое влияние на сознание и мышление людей. Это обусловлено тем, что именно средства массовой информации, такие как социальные сети, телевидение,

радио и газеты, являются главным источником получения информации, порождая в сознании людей определённые предрассудки, убеждения и стереотипы.

Средства массовой информации (далее – СМИ) выполняют несколько функций, среди которых образовательная, информационная, социализирующая, коммуникативная функции. Иначе говоря, высокотехнологические сети являются источником получения запрашиваемой информации, средством межкультурного общения и интегратором современного общества. М.Кастельс утверждал, что «стремительное распространение Интернета существенно влияет на повседневный уклад жизни человечества. Процесс информатизации значительно повлиял как на формирование современных социальных структур, так и на эффективность общественного мнения» [5, с.148].

О роли средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания говорит в своём исследовании Н.А.Акопян. Он рассматривает понятие «социальная установка» и её разновидности, такие как стереотип и предрассудок, приводя примеры из СМИ [1]. Некоторые аспекты данной проблемы также были освещены в работах В.А.Янчука [12], Р.А.Зобова [4], Я.Н.Засурского [3], А.И.Волковой [2].

Средства массовой информации значительно трансформируют способы взаимодействия людей, способствуют воспроизводству и трансформации информации. Современный человек, получая информацию через СМИ, считает её достоверной, однако это не всегда так, и тогда в его сознании формируются ложные представления об интересующей его информации. Естественно, самостоятельно проверить достоверность полученных фактов невозможно, потому человек полагается на ту информацию, которую находит в сети Интернет.

Таким образом, воздействие средств массовой информации на сознание современного человека является одним из главных факторов формирования стереотипов.

Понятие «стереотип» впервые было введено в научный оборот английским учёным У. Липпманом в 1922 году. Липпман определил стереотипы как упрощённые представления, которые не основаны на конкретном индивидуальном опыте и уже существуют в сознании общества. Учёный рассматривал стереотипы как регулярные, схематичные и культурно определённые «образы» мира в сознании человека, которые упрощают процесс познания сложных социальных явлений. Стереотипы помогают защищать ценности, права и мнения людей, формируют обычаи и традиции. У.Липпман писал о стереотипах: «Мы допускаем, что человеческие поступки основываются не на прямом и очевидном знании, а на картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого. Если в его атласе говорится, что мир плоский, он не станет близко подплывать к тому месту, которое он полагает краем земли, опасаясь свалиться» [7, с.77]. Под «картинами мира» Липпман понимал мир реальный, отличный от мира хаотичного, т.е. под стереотипом он подразумевал печатную копию, снятую с реального объекта и предназначенную для многократного копирования; стереотипы – упрощённое искажение реальности.

Российский социолог И.С.Кон считает, что стереотип — это «предвзятое, то есть не основанное на свежей, непосредственной оценке каждого явления, а выведенное из стандартизованных суждений и ожиданий мнение о свойствах людей и явлений» [6, с.198].

П.Н.Шихирев делал основной акцент на том, что в силу своей высокой устойчивости, стереотипы «как-то меняются… но этот процесс происходит крайне медленно» [10, с.174].

У.Олбиг под стереотипом понимал эмоционально окрашенные ярлыки, используемые пропагандистами для подавления критического восприятия информации реципиентами [13, с.48].

Проблему влияния СМИ на создание и распространение стереотипов в обществе в своей работе рассматривают В.О.Попова и Е.А.Балезина. Авторы поднимают вопрос о том, каким образом СМИ могут усиливать и уменьшать стереотипы, а также о механизмах, через которые информация становится общепринятой. [8, с.90].

В итоге стереотип рассматривается как упрощённое и обобщённое представление о группе, явлении, объекте или ситуации, сформированное на основе повторяющихся впечатлений, опыта и информации, которое влияет на восприятие, мышление и поведение человека.

В информационную эпоху роль СМИ в формировании общественных ценностей, ориентаций и воззрений значительно возрастает. Медиа всё глубже стали проникать в жизнь людей и оказывать динамическое и целенаправленное воздействие на массовое сознание. Однако вместо того, чтобы расширять горизонты развития человеческого сознания, давать ему суверенность и независимость в суждениях, современные СМИ всё жёстче манипулируют сознанием масс с помощью растиражированных стандартов поведения [11, с.25].

Объектом исследования в данной работе выступает таджикская молодёжь, находящаяся под воздействием различных средств массовой информации, в том числе Интернета. Молодёжная аудитория, о которой пойдёт речь, включает людей в возрасте от 18 до 37 лет, активно потребляющих медиаконтент через телевизионные каналы, интернет-площадки, социальные сети, печатные и электронные издания.

Для выявления роли средств массовой информации в формировании стереотипов был применён один из основных общенаучных методов – анкетирование. Опрос проводился автором с 22 апреля по 22 мая 2024 года посредством онлайн-сервера Webanketa. Для сбора необходимой информации респондентам была выслана ссылка на опрос – http://webanketa.com/forms/6gs3jd9j68qk8s1gc8sp4s9h/ на двух языках – русском и таджикском, так как распространение опроса на двух языках позволило привлечь к участию больше респондентов, включая тех, кто является носителями таджикского языка. Это дало возможность получить более точные и полные ответы, так как респонденты могли выразить свои мысли на языке, который им ближе. Каждый респондент имел возможность поделиться ссылкой данного опроса с другими людьми. Таким образом, в опросе приняли

участие 50 респондентов – студентов, аспирантов и сотрудников университета (30% – представители мужского пола, 70% – женского пола).

Согласно анкетированию, главным источником получения медиаконтента являются социальные сети (72% респондентов). Кроме того, респонденты регулярно посещают интернет-порталы и новостные сайты для получения информации о текущих событиях и других темах (66%). Большая часть опрошенных также предпочитают пользоваться видеохостингами (YouTube) для просмотра различных видеороликов. Некоторая часть (28%) смотрят телевидение для развлечения и получения новостей. Лишь малая часть респондентов слушают радио (4%) и читают газеты и журналы для получения информации о текущих событиях и других темах (4%), а 2% опрошенных используют все виды получения информации. Это может сигнализировать о снижении интереса к традиционным медиаресурсам (рис. 1). Молодёжь выбирает те ресурсы, которые соответствуют их интересам и удобны в использовании.

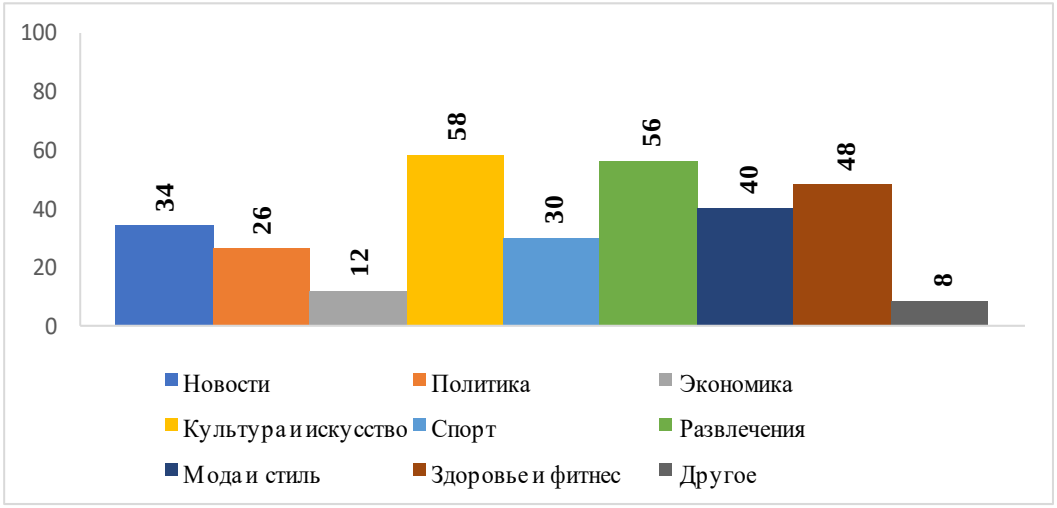


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие медиаресурсы Вы чаще всего используете (выбор нескольких вариантов приветствовался) в %

Далее мы выяснили, какие разделы и тематики контента предпочитает современная молодёжь. 58% опрошенных выбрали категорию «Культура и искусство», что свидетельствует о высоком интересе респондентов к культурным и художественным мероприятиям (посещение музеев, выставок, концертов и участие в других культурных событиях). Следующей по популярности категорией является «Развлечения», в которую могут входить кино, концерты, телевизионные шоу и другие формы досуга. Исходя из этого, можно полагать, что респонденты ценят разнообразные способы проведения свободного времени. Категорию «Здоровье и фитнес» выбрали 48% опрошенных, что говорит о значительном внимании респондентов к своему здоровью и здоровому образу жизни. Возможно, среди участников опроса есть люди, которые активно следят за здоровым питанием. Новости интересуют 34% респондентов, что указывает на их желание

быть в курсе последних новостей и событий. 30% опрошенных проявляют интерес к спортивным событиям, соревнованиям к выступлениям своих любимых команд. Кроме того, умеренный интерес вызывает и категория «Политика» (26%) – интерес к событиям внутренней и внешней политики. Довольно низкий показатель у категории «Экономика» (12%): новости о состоянии экономики страны, бизнесе и других, связанных с этим, темах. 8% опрошенных включили такие категории, как «Образование», «Детективы» и «Природа» в категорию «Другое», что свидетельствует о наличии интересов, которые не охвачены основными предложенными категориями. Это говорит о разнообразии предпочтений респондентов и указывает на специфические области, которые также важны для них (рис. 2).

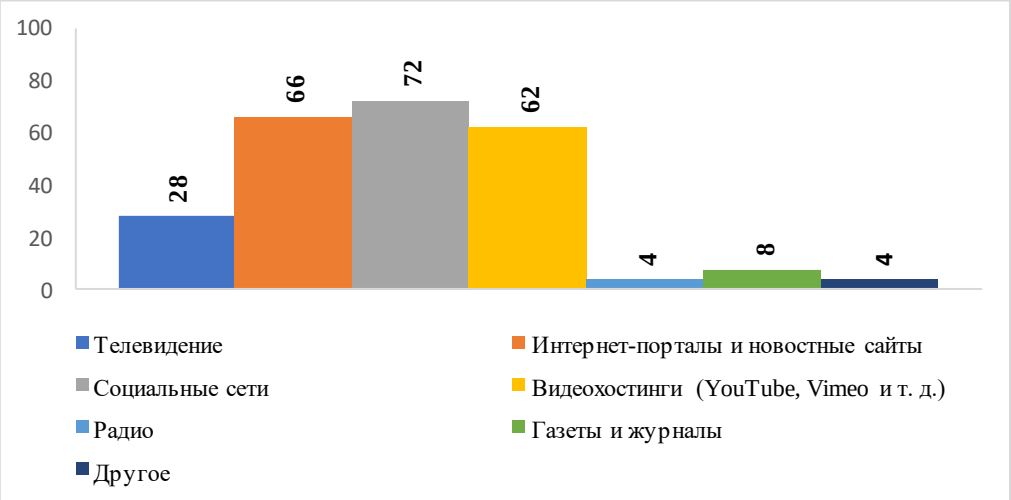


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: Разделы и тематики контента, которые Вы чаще всего выбираете (выбор нескольких вариантов приветствовался) в %

Изучение наиболее распространённых в СМИ стереотипов позволило нам понять, какие именно стереотипы имеют наибольшее влияние на аудиторию.

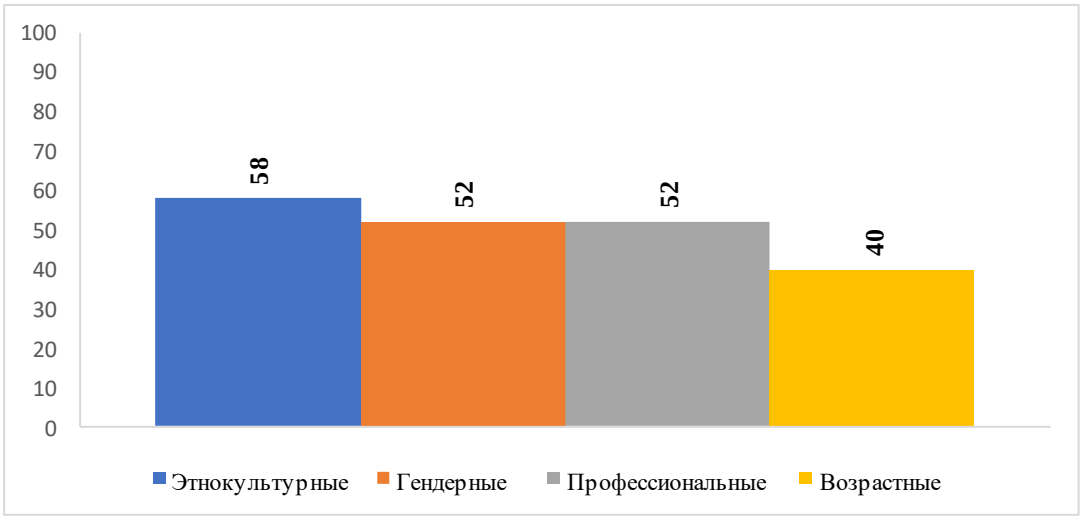


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Виды стереотипов, которые, по Вашему мнению, активно распространяются СМИ (выбор нескольких вариантов приветствовался)» в %

Наибольшее количество опрошенных (58%) отметили этнокультурные стереотипы как наиболее распространяемые в средствах массовой информации, к которым можно причислить стереотипы, связанные с этнической и культурной принадлежностью. Значительное место занимают и гендерные стереотипы, отражающие предвзятые представления о роли мужчин и женщин в обществе (52%). 52% респондентов также отметили профессиональные стереотипы, то есть предрассудки о профессиональной компетентности и карьере людей. Наименьший процент участников опроса (40%) указали на возрастные стереотипы, которые также могут оказывать негативное влияние на различные возрастные группы (рис. 3).

Далее респондентам был задан вопрос «Опишите пример стереотипа, который вам запомнился», что позволило собрать конкретные примеры стереотипов, наиболее запомнившиеся опрошенным, и понять, какие стереотипы имеют наибольшее эмоциональное влияние и остаются в памяти. Среди ответов:

50 респондентов выделили следующие стереотипы:

- *ассоциация русских с водкой и пьянством*. Этот стереотип упоминался несколько раз и отражает негативное восприятие русских. Он поддерживается медиа и произведениями (поэма Н.А.Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», пьеса М.Горького «На дне»), так или иначе часто изображающими русских в связи с этой темой;
- *блондинки глупые*. Часто упоминается и усиливается в масс-медиа через комедийные образы (сериал «Счастливы вместе» 2006 г.), что создаёт упрощённое представление людей на основе внешности;

• *азиаты изображаются слишком умными в кино.* Данный стереотип связан с этническими представлениями, приписывающими азиатам высокий интеллект;

• *Сирия – страна ужаса и хаоса.* Этот стереотип сформировался средствами массовой информации во время освещения конфликтов и войн в этой стране, что приписывает ей негативные черты и приводит к стигматизации её жителей;

• *немцы пунктуальны и чистоплотны.* Подобный стереотип считается положительным, но все равно обобщает целую нацию, не учитывая индивидуальные различия;

• *Мексика – бедная страна, где царят беззаконие и наркоторговля:* негативный стереотип, подкрепляемый новостями о бедности и преступности, что формирует однобокое восприятие страны;

• *таджики – террористы или гастарбайтеры*. Эти стереотипы формируются на основе отдельных негативных событий с участием таджиков (например, теракт, произошедший в концертном зале Crocus City Hall) и миграционных процессов, что приводит к отрицательным ассоциациям в отношении целой этнической группы;

• *женщины должны заниматься домом и детьми/ мужчины лучше подходят для руководящих должностей, чем женщины*. Респонденты также отмечают стереотипы, связанные с гендерными ролями. Такие стереотипы приводят к дискриминации и стигматизации, в результате чего усиливается социальное неравенство и предвзятость.

Как отмечает российский исследователь О.В.Стасенко, социальный стереотип является неотъемлемым элементом сознания, отличается устойчивостью и имеет тенденцию к искажению действительности, что сближает его в определённых пределах и с предрассудками и догмами [9, с.9-10].

При определении уровня самосознания, т.е. того, насколько респонденты осознают влияние СМИ на их собственное мировоззрение и восприятие других культур, было выявлено, что большинство респондентов (64%) считают, что СМИ действительно влияют на формирование их мировоззрения и представлений о других культурах (см. рис. 4). Это указывает на достаточно высокую степень осознания влияния СМИ на их личное восприятие и убеждения. Небольшой процент опрошенных (10%) считает, что СМИ не оказывают влияния на их мировоззрение, это говорит либо о недооценке влияния медиа на их восприятие, либо о высоком уровне критического мышления и медиаграмотности у данной категории людей. Существенная часть респондентов (26%) затрудняется ответить на вопрос, что свидетельствует о неуверенности в степени влияния СМИ на их мировоззрение.

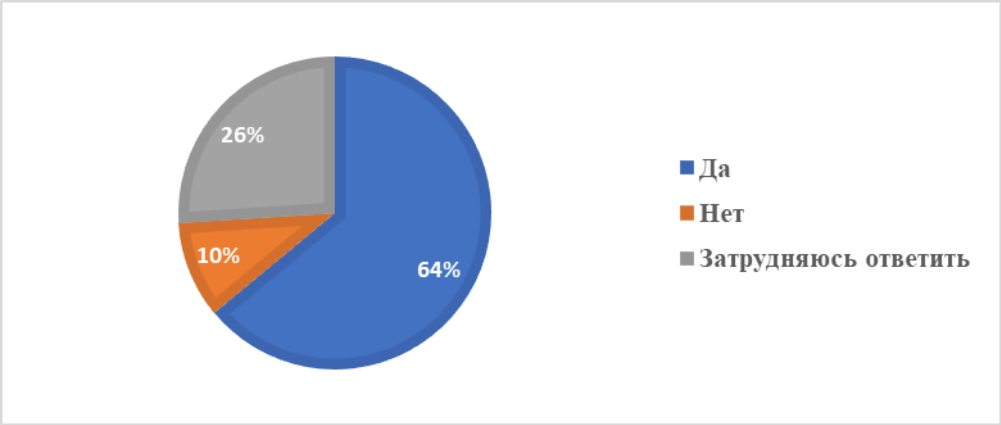


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, влияют ли СМИ на формирование Вашего мировоззрения и представлений о других культурах?» в %

Для оценки степени влияния средств массовой информации на формирование их стереотипов респондентам необходимо было воспользоваться шкалой от 1 до 5, где 1 – очень маленькое влияние, 5 – очень большое влияние. 58% респондентов считают, что массмедиа оказывают существенное воздействие на формирование культурных стереотипов в обществе, что подчёркивает важность дальнейшего изучения данной темы. 38% опрошенных считают влияние СМИ умеренным (вариант «3»), то есть часть аудитории наблюдает влияние СМИ на формирование стереотипов, но не считает его доминирующим. Лишь малая часть (4% – вариант «2», 0% – вариант «3») говорит о том, что влияние СМИ на формирование стереотипов практически отсутствует.

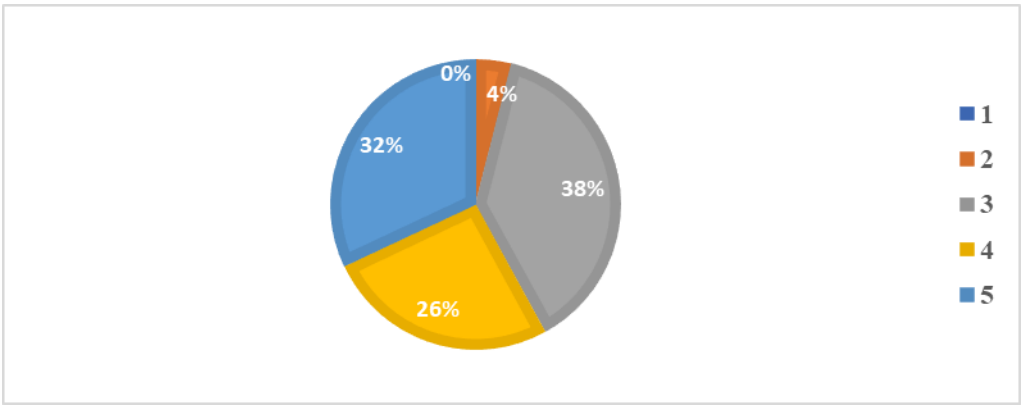


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы считаете, что медиа влияют на формирование культурных стереотипов в обществе? (от 1 до 5, где 1 – очень малое влияние, 5 – очень большое влияние)» в %

Было интересно понять, как респонденты оценивают потенциальные меры по борьбе со стереотипами в СМИ через образовательные программы и культурное разнообразие. Большая часть опрошенных (44%) поддержала идею снижения стереотипов посредством образовательных программ и идей культурного разнообразия, что подтверждает их востребованность и значимость в обществе. 44% (средний уровень оценки) признают важность образовательных программ и культурного разнообразия в снижении влияния стереотипов, однако, возможно, не считают их единственными или наиболее эффективными. Оставшаяся часть опрошенных (12%) скептически относится к роли образовательных программ в борьбе со стереотипами.

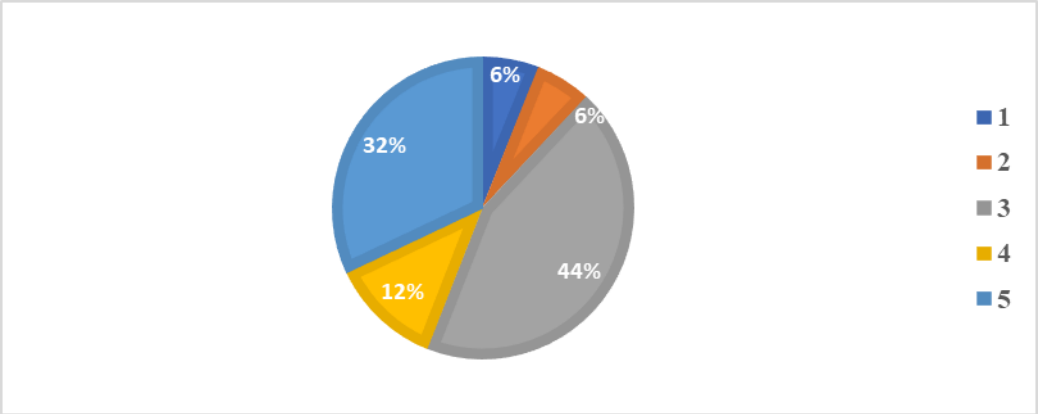


Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете роль образовательных программ и культурного разнообразия в снижении стереотипов, представленных в СМИ? (от 1 до 5, где 1 – очень малую роль, 5 – очень большую роль)
(от 1 до 5, где 1 – очень малое влияние, 5 – очень большое влияние)» в %

Участники анкетирования привели несколько примеров и ситуаций, когда медиаконтент в СМИ повлиял на их представление о какой-либо культуре или народе:

- *влияние телевидения (показ фильмов) на восприятие культур*: фильм «Аватар» оказывает влияние на восприятие народов, живущих в джунглях. Фильм создал стереотип о них как о простых и некультурных людях, несмотря на высокоразвитую культуру, показанную в фильме. Однако фильм «Черная пантера» расширил представления о культурном разнообразии и богатстве Африки;
- *влияние образовательных телепрограмм и интернет-блогинга:* респонденты отметили значимость поучительного и познавательного контента на телевидении, который побуждает к изучению уникальных обычаев и традиций других культур (шоу «Орёл и решка», «Жизнь других») и помогает лучше понять и уважать культурные ценности других народов;

• *влияние новостного контента*: респонденты отметили, что новостной контент значительно изменяет представления о различных культурах и народах (новости о войне в Сирии и массовых беженцах, изображение мусульман в новостях как террористов, угнетателей женщин и религиозных фанатиков).

Приведённые примеры подтверждают, что медиаконтент оказывает огромное влияние на формирование и изменение представлений о различных культурах и народах. Респонденты, не испытывающие влияния массмедиа, отмечают, что для снижения негативных стереотипов важен личный опыт и критическое мышление. Это может стать рекомендацией для уменьшения отрицательного воздействия средств массовой информации.

По мнению участников анкетирования, основными мерами по снижению негативного влияния СМИ на формирование культурных стереотипов могут быть:

• *обучение медиаграмотности*: многие респонденты подчёркивают значимость обучения медиаграмотности в образовательных учреждениях с целью сокращения отрицательного влияния СМИ, что осуществимо через внедрение учебных дисциплин по медиаграмотности в учебные планы школ и высших учебных заведений. Обучение медиаграмотности поможет людям развивать критическое мышление и аналитические способности при восприятии информации из СМИ;

• *создание качественного контента*: респонденты отмечают необходимость увеличения количества высококачественных видеороликов и материалов, которые объективно и с научной точки зрения рассказывают о различных культурах, что поможет расширить мировоззрение людей и минимизировать случаи межкультурных конфликтов;

• *достоверность информации*: борьба с дезинформацией в СМИ, полное освещение событий без искажения фактов помогают людям правильно понимать ситуацию и избегать поспешных выводов;

• *самообразование и межкультурное общение:* поощрение самостоятельного изучения культур через чтение книг и проведение самостоятельных исследований, а не только через массмедиа; путешествия с целью расширения мировоззрения и мировосприятия в ходе общения с представителями других культур.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что значимость медиаграмотности является ключевой стратегией в борьбе с негативными стереотипами, формируемыми средствами массовой информации. Стереотипы могут ставить людей в неловкие ситуации по нескольким причинам: они могут отражать и защищать ценности определённых групп людей; стереотипное мышление может заставить людей действовать автоматически, не задумываясь о последствиях; стереотипы ограничивают способность видеть уникальные характеристики людей, что приводит к недопониманию, конфликтам и заблуждениям.

Средства массовой информации должны активно способствовать продвижению позитивных образов, в противовес негативным стереотипам. Это может быть создание контента, подчёркивающего уникальность и ценность каждого

народа, личности независимо от её этнической, гендерной, профессиональной или возрастной принадлежности. Кроме того, следует развивать у молодежи и всей аудитории СМИ критическое мышление с целью самостоятельного выявления и анализа информации. Эти меры являются эффективными в устранении негативного влияния средств массовой информации на формирование стереотипов в молодёжной среде.

Литература

1. Акопян Н.А. СМИ как фактор формирования стереотипов в молодёжной среде: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Акопян Нона Артуровна – Майкоп, 2010. – 24 с.
2. Волкова А.И. Психология общения. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 445 с.
3. Засурский Я.Н. Человеческое измерение информационного общества // Вестник Московского университета. Серия 10. – Журналистика. – 2003. – №3. – С.4-7.
4. Зобов Р.А. Проблемы стереотипа в средствах массовой информации // Журналист. Пресса. Аудитория. Вып. 3 / под ред. С.В.Смирнова. – Л.: Наука, 1991. – С.58-67.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Кон И.С. Психология предрассудка: о социально-психологических корнях этнических предубеждений // Новый мир. – 1966. – № 9. – С.187-205.
7. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В.Барчуновой; ред. перевода К.А.Левинсон, К.В.Петренко. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384с.
8. Попова В.О., Балезина Е.А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2015. – №2. – С.88-94.
9. Стасенко О.В. Воспроизведение и формирование гендерных стереотипов средствами массовой информации: автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.06 / Стасенко Оксана Викторовна. – Ставрополь, 2004. – 28 с.
10. Шихирев П.Н. Исследование стереотипов в американской социальной науке // Вопросы философии. – 1971. – № 5. – С. 168-175
11. Якубова Я.Н. СМИ в процессе преодоления стереотипов и предрассудков по отношению к детям с ограниченными возможностями // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2013. – №4(43). – С. 251-256.
12. Янчук В.А. Введение в современную социальную психологию. – Минск: АСАР, 2005. – 467 с.
13. Albig W. Public Opinion and Propaganda. – Sturgis Press, 2007. – 496 p.

THE ROLE OF MASS MEDIA IN THE FORMATION OF STEREOTYPES AMONG YOUNG PEOPLE

Khakimov Ayrat Aydarovich

Research assistant of educational and scientific laboratory
of ethnoculturology and sociocultural research
Research Institute
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 985 03 51 65 (м.)
ayrat.98@list.ru

The article deals with the influence of place and mobile information on the process of stereotyping Tajik youth consciousness. In the modern world, access to information is practically unlimited, and the media play a huge role in shaping public opinion, including in the youth environment. The media, especially the Internet, are becoming the leading interpreters of stereotypical assessments of facts and phenomena of public life, shaping the behavioral attitudes of young people. The purpose of the study is to determine what stereotypes the media create in the youth audience, to show the mechanisms through which this influence is implemented. The research method is a survey conducted among students of the Russian-Tajik (Slavonic) university through an online service. Based on the results of the experimental study, the author comes to the conclusion that the respondents have ethnocultural stereotypes related to ethnicity and culture, gender stereotypes that reflect preconceived ideas about the role of men and women in society. Also, professional and age stereotypes are noted, which also to some extent indicate the awareness of information users. The results of the conducted research made it possible to determine the mechanism of the formation of stereotypes through the mass media due to the repetition and limitation of information. The author offers recommendations for reducing the influence of the media on young people, including the inclusion of media literacy courses in educational programs and the development of critical thinking for analyzing information. The article focuses on the importance of awareness of the influence of the media in the process of forming stereotypes, emphasizing the need for active actions to eliminate them.

Keywords: mass media; stereotypes; youth; perception; media literacy; critical thinking; Intercultural communication.

НАҚШИ ВАО ДАР ТАШАККУЛИ СТЕРЕОТИПҲО ДАР МУҲИТИ ҶАВОНОН

Хакимов Айрат Айдарович

Ходими хурди илмии лабораторияи таълимию илмии
этнокультурология ва тадқиқоти иҷтимоӣ-фарҳангӣ
Институти тадкикоти илмӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 985 03 51 65 (м.)
ayrat.98@list.ru

Дар мақола таъсири иттилооти маконӣ ва мобилӣ ба раванди қолабсозии созмонҳои ҷавонони тоҷик баррасӣ мешавад. Дар ҷаҳони муосир дастрасӣ ба иттилоот амалан номаҳдуд аст ва ВАО дар ташаккули афкори ҷамъиятӣ, аз ҷумла дар муҳити ҷавонон нақши бузург дорад. Воситаҳои ахбори омма, бахусус Интернет тарҷумони пешқадами баҳодиҳии қолабӣ ба далелу падидаҳои ҳаёти ҷамъиятӣ гардида, муносибатҳои рафтории ҷавононро ташаккул медиҳанд. Мақсади таҳқиқ муайян кардани он аст, ки ВАО дар аудиторияи ҷавонон чӣ гуна стереотипҳоро ба вуҷуд меорад, нишон додани механизмҳои татбиқи ин таъсир мебошад. Усули таҳқиқ пурсишест, ки байни донишҷӯёни Донишгоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон тавассути хидмати онлайн гузаронида мешавад. Муаллиф дар асоси натиҷаҳои таҳқиқоти таҷрибавӣ ба хулосае меояд, ки посухдиҳандагон қолабҳои этнофарҳангии марбут ба этникӣ ва фарҳанг, стереотипҳои гендерӣ доранд, ки тасаввуроти пешакиро дар бораи нақши зану мард дар ҷомеа инъикос мекунанд. Инчунин, стереотипҳои касбӣ ва синнусолӣ қайд карда мешаванд, ки онҳо низ то андозае огоҳии истифодабарандагони иттилоотро нишон медиҳанд. Натиҷаҳои таҳқиқи гузаронидашуда имкон доданд, ки механизми ташаккули қолабҳо тавассути воситаҳои ахбори омма аз ҳисоби такрор ва маҳдудияти иттилоот муайян карда шавад. Муаллиф барои коҳиш додани таъсири ВАО ба ҷавонон, аз ҷумла ворид намудани курсҳои саводнокии ВАО ба барномаҳои таълимӣ ва рушди тафаккури интиқодӣ барои таҳлили иттилоот тавсияҳо медиҳад. Дар мақола ба аҳаммияти дарки таъсири ВАО дар раванди ташаккули қолабҳои қолабӣ таваҷҷуҳ ҷалб гардида, зарурати амалҳои фаъол барои бартараф намудани онҳо таъкид шудааст.

Калидвожаҳо: ВАО; қолабҳо; ҷавонон; идрок; саводнокии ВАО; тафаккури интиқодӣ; муошират байнифарҳангӣ.

УДК 336.71:330.332

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ БАНКОВСКИХ ПРОДУКТОВ В УСЛОВИЯХ РЫНКА

Кодирзода Диловар Бахридин

Доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 10 600 18 81 (м.)
dilovark@mail.ru

Махмудов Файзидин Изатулоевич

Соискатель кафедры банковского дела
Таджикский государственный финансово-экономический университет
734067, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Нахимова, 64/1
Тел.: (+992) 90 290 11 11 (м.)
fayz@mail.ru

Кодирова Мадина Диловаровна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры финансов и кредита
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 54 59

В статье рассмотрены теоретические основы исследования таких основных категорий банковского сектора, как «банковский продукт», «банковская услуга», «банковская операция» в современных условиях. С учетом анализа зарубежного опыта и практики страны показано, что в Республике Таджикистан до сих пор еще законодательно не закреплена экономическая природа таких важных категорий кредитной системы, как «банковский продукт» и «банковская услуга». Такое упущение в нормативно правовых актах страны приводит к формированию различных подходов при раскрытии экономической природы данных понятий.

Исходя из этого, авторы, рассматривая различные подходы к определению понятия «банковский продукт» в банковской системе страны, дают авторскую трактовку данного понятия, в которой выделены субъекты экономических отношений, т.е. банки и клиенты (физические и юридические лица), законодательно установленные услуги, современные технологии, позволяющие некоторые продукты предоставить без непосредственного участия клиента, а также результат предоставления продуктов для участников рыночного процесса. Такой подход с учетом особен-

ностей предпочтений клиентов направлен на удовлетворение их запросов путем предоставления банковских продуктов с помощью цифровых технологий, обеспечивающие доступность, экономичность и своевременность их получения.

Ключевые слова: банк; банковская деятельность; банковские продукты; банковские услуги; банковские операции; цифровые технологии; новации; кредитные учреждения; институты; кредит; депозит; сбережения.

Переход к рыночным отношениям и трансформация социально-экономических отношений привели к коренным преобразованиям во всех сферах общественной жизни. Происходят определенные изменения в структуре общественного производства и производительных сил страны. Возникают новые предпосылки для исследования отдельных сторон экономических отношений и категорий воспроизводственного процесса. Особо эти вопросы актуализируются в условиях углубления интеграционных процессов и повсеместного внедрения в производственный процесс достижений научно-технического прогресса.

В условиях глобализации и цифровой трансформации отдельных отраслей мировой экономики, цифровые технологии в первую очередь внедряются в банковскую систему, что повышает эффективность деятельности банковской системы. Следует отметить, что в современных условиях цифровая трансформация банковской системы эффективно влияет на отдельные процессы и операции банковской деятельности. Цифровые технологии охватывают все звенья технологической цепочки в банковской системе. Внедрение цифровых технологий влияет на экономическую эффективность функционирования банковской системы, поскольку способствует сокращению всех издержек работы, а также уменьшению всех расходов, связанных с использованием рабочей силы при оказании банковских услуг.

В современных условиях происходит процесс активной цифровизации национальной экономики в целом, а также банковской системы Республики Таджикистан, в частности, что содействует переходу банковской сферы на качественно новый уровень. Цифровизация банковской деятельности страны вполне соответствует нынешнему этапу цифрового преобразования национальной экономики, которое осуществляется согласно нормам Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года, Концепции цифровой экономики в Республике Таджикистан, Среднесрочной программы развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы и Национальной стратегии финансовой инклюзивности Республики Таджикистан на 2022-2026 годы.

Активное внедрение цифровых технологий в банковскую систему способствует эффективному развитию бизнес-схем и моделей в банковской сфере. Кроме того, цифровизация банковской системы совершенствует технологию интернет-банкинга, а также способствует эффективной трансформации отдельных операций банков.

Цифровая трансформация банковской системы Республики Таджикистан и активное внедрение инновационных технологий способствует стабильному и устойчивому развитию банковских учреждений. Важно отметить, что в совре-

менных условиях внедрение цифровых технологий, как драйвер изменений в банковской сфере является устойчивой платформой и важным приоритетом в банковском секторе. При этом, следует заметить, что в настоящее время банковская система Республики Таджикистан находится на начальном этапе внедрения цифровых и инновационных технологий. Поэтому вопросы предоставления банковских продуктов требуют новых теоретико-прикладных исследований в данном направлении. Для этого необходимо сначала раскрыть экономическую природу понятия «банковский продукт», ибо на данном этапе развития национальной экономики в научной литературе можно увидеть очень много споров и дискуссий по данному вопросу. При этом отдельные отечественные либо иностранные ученые выделяют разные характерные черты этой категории, отражающие отдельные аспекты данного понятия.

Необходимо заметить, что в основном разные группы ученых-экономистов выделяют такие понятия, как: «банковский продукт», «банковская услуга» и «банковские операции», которые по экономической природе и проявлению очень близки друг к другу. Поэтому отдельные авторы считают их синонимами, а другая группа экономистов выделяют отличительные особенности этих понятий. Для определения сущности и содержания категории «банковский продукт» более подробно рассмотрим позиции отдельных ученых-экономистов и в заключении обобщив их позицию можно будет дать собственную трактовку данного понятия.

Так, например, на основе анализа различных понятий, которые приведены в институциональных нормах России по поводу регулирования работы кредитных учреждений можно прийти к такому выводу, что системно пока еще не выделены отличительные особенности категорий «услуга» и «операция», в настоящее время оказываемые коммерческими банками. Также в современных правовых нормах Российской Федерации не рассматривается категория «банковская услуга». Не выделены также особенности взаимодействия и взаимосвязи отдельных видов услуг с банковскими услугами. Это предполагает совершенствования нормативно-правовых норм, регулирующих деятельность кредитных учреждений. Такая модернизация институциональных основ функционирования кредитных учреждений позволяет обновлять ассортимент и перечень предоставляемых банковских продуктов, с учетом цифровизации отдельных отраслей и сфер экономической деятельности в Республике Таджикистан.

В действующем законодательстве Таджикистана о банковской деятельности отсутствуют конкретные определения таких важных категорий, как «банковский продукт» и «банковская услуга». Вместо этого используются более широкие термины «банковская операция» и «банковская сделка». Такой подход, хотя и охватывает широкий спектр банковской деятельности, может создавать определенные сложности при классификации инновационных финансовых продуктов и услуг, возникающих в современной банковской практике. Отсутствие четких определений может также затруднять регулирование и надзор за деятельностью банков, а также приводить к различным толкованиям правовых норм участниками банковского рынка.

Введение в законодательство детальных определений категорий «банковский продукт» и «банковская услуга» позволило бы повысить прозрачность и предсказуемость правового регулирования, а также способствовать развитию финансовых инноваций. Необходимо обратить внимание на то, что в международной практике существуют различные подходы к определению категорий «банковский продукт» и «банковская услуга». При разработке национального законодательства следует учитывать международный опыт и адаптировать его к специфике банковской системы Таджикистана.

Согласно Закона Республики Таджикистан «О банковской деятельности» под банковскими операциями понимаются [7, с.5]:

- привлечение депозитов и сбережений;
- выдача кредитов (обеспеченных и необеспеченных);
- открытие и ведение банковских счетов;
- купля и продажа для себя или клиентов следующих средств:

а) инструментов денежного рынка (включая чеки, векселя, гарантийные письма и депозитные сертификаты);

б) иностранной валюты;

в) акций и других передаваемых ценных бумаг;

г) форвардных контрактов, соглашений о свопах, фьючерсах, опционах и других производных, касающихся валют, акций, облигаций, драгоценных металлов и камней или курсов и процентных ставок;

- предоставление банковских гарантий, учёт условных обязательств, включая гарантии и аккредитивы для себя и клиентов;
- расчеты и переводы денежных средств, в том числе электронные переводы денежных средств, эмиссия и/или обслуживание платежных инструментов, за исключением почтовых переводов;
- посредничество на денежном рынке;
- сейфовые операции, хранение ценностей (деньги, ценные бумаги, металлы, драгоценности и другое) и управление ими;
- оказание трастовых услуг (управление денежными средствами, ценными бумагами и другое в интересах и по поручению доверителя);
- любые другие операции, вытекающие из операций, указанных в данной статье, и предусмотренные нормативными правовыми актами Национального банка Таджикистана;
- кассовые операции: прием, пересчет, размен, обмен, упаковка и хранение банкнот и монет;
- инкассация и пересылка банкнот, монет и ценностей.

На основе анализа деятельности институтов банковской сферы можно отметить, что кредитные организации, кроме банковских операций вправе осуществлять следующие сделки:

«- выдача поручительства, предусматривающего исполнение денежного обязательства перед третьим лицом;

- финансовая аренда (лизинг);

- операции с драгоценными металлами и драгоценными камнями в соответствии с законодательством;
- предоставление услуг в качестве финансового агента;
- предоставление услуг в качестве советника или финансового консультанта;
- услуги по предоставлению финансовой и кредитной информации» [7, с.6].

Анализ экономической литературы позволяет выделит несколько групп авторов, которые по-разному группируют основные категории предоставляемых банковских продуктов. Так, например, Ю.И.Коробов, Ю.С.Масленченков, А.П.Мирецкий и др. в своих исследованиях основной упор делают на клиентах, то есть получатели услуг определяют различия между основными понятиями [14; 15; 16].

Так, например, Ю.И.Коробов писал, что «объектом купли-продажи на банковском рынке (банковским товаром) являются не деньги, а банковские услуги. Услуги являются одним из результатов осуществления банковских операций» [14, с.14-15].

Другой ученый, Ю.С.Масленченков рассматривает банковскую услугу как комплексный результат, включающий в себя как внутренние процессы банка, так и удовлетворение разнообразных потребностей клиентов, от кредитования до операций с ценными бумагами [15, с.20]. Автор в своем определении выделяет такие основные моменты предоставления банковской услуги, как определенные усилия по предоставлению услуги, способность удовлетворения потребностей клиентов, а также достигаемые результаты.

Изучение и анализ высказываний Ю.С.Масленченкова по определению разницы между категориями «банковский продукт», «банковская услуга» и «банковская операция», позволяет отметить, что в рамках отдельных направлений, выделенных автором есть попытка разграничения этих понятий, но четкого определения сущности, содержания и отличительных особенностей этих категорий в рамках этих направления не наблюдается. Поэтому для определения значимости основных категорий, выделенных в ходе исследования, рассмотрим позиции других ученых.

Другая группа ученых при рассмотрении отличий банковского продукта и банковской услуги акцент делают на денежные аспекты предоставляемых операций. Так, например, К.А.Калужин и Е.С.Вдовина отмечают, что: «постсоветские исследователи серьезно расходятся во взглядах по поводу терминов, используемых в банковской деятельности. Вследствие этого, единого понимания понятий «банковский продукт» и «банковская услуга» в постсоветских источниках до сих пор не существует. Неоднозначность подходов различных авторов к трактовке данных категорий все еще не преодолена, а значит, необходимость разграничения данных понятий сохраняет свою актуальность» [9, с.87].

Другой экономист-исследователь А.А.Брегада изучая экономическую природу категории банковская услуга «...считает, что это набор упорядоченных действий банка, которые не являются напрямую связанными с формированием и использованием ресурсов банка и не несут риска их потери» [5, с.10].

Разные моменты выделены в определениях сущности понятия «банковская услуга» отдельных авторов. Так, к примеру, А.В.Калтырин особо подчеркивает посредничество кредитных учреждений в результате оказания услуг или предоставления банковского продукта, а также нетоварную форму оказываемых услуг: «Банковская услуга – посредническая деятельность банка, нацеленная на удовлетворение потребностей клиента при проведении банковской операции, не приводящая к изменению формы продукта труда» [8, с.34].

Другая группа ученых, то есть К.А.Калужин и Е.С.Вдовина дают собственное понимание категорий «банковская операция», «банковская услуга» и «банковский продукт»: «Банковская операция – это комплекс взаимосвязанных действий банка как субъекта сферы финансовых услуг, направленных на удовлетворение финансово-экономических потребностей хозяйствующих субъектов и населения, как банковской клиентуры. Реализация конкретной банковской операции подразумевает оказание конкретных банковских услуг.

Банковская услуга – это совокупность технико-технологических, финансово-экономических и профессионально-интеллектуальных возможностей банка, без достаточного обеспечения которых невозможно эффективное осуществление банковских операций для клиентуры и самого банка.

Банковский же продукт представляет собой совокупность таких элементов, которые позволяют банковской операции, а значит и соответствующим услугам материализоваться так, как это необходимо для удовлетворения потребностей клиентуры. Совокупность банковских продуктов, предоставляемых банком клиентам, определяется нами как портфель банковских услуг» [9, с.88-90]. Здесь можно выделить четкую позицию авторов по разграничению характерных особенностей банковских операций, услуг и продуктов. Такое разграничение основных понятий банковской деятельности позволяет исследователям отдельно рассматривать каждую категорию и выделить свою позицию по ним.

Существует несколько подходов к определению банковской услуги:

- процессуальный: Банковская услуга – это совокупность операций, выполняемых банком по поручению клиента;
- результативный: Банковская услуга – это конечный продукт, который банк предоставляет клиенту;
- комплексный: Банковская услуга – это удовлетворение потребностей клиента через широкий спектр банковских операций, направленных на получение прибыли.

По нашему мнению, при определении экономической природы понятия «банковская услуга» необходимо акцентировать внимание на ее характерные черты, которые исходят из особенностей услуги, как неосязаемого, нематериального продукта, предоставляемого вне зависимости от места оказания и с помощью современных технология. Эта особенность банковской услуги отражается на процессе их оказания, который может происходит и без непосредственного участия клиентов.

А.Н.Коленов и И.Н.Гюнтер в своих исследованиях сделали попытку выделения отличительных особенностей банковской услуги и банковских операций. Анализ показывает, что эти понятия очень тесно взаимосвязаны и взаимопереплетены, хотя выделены некоторые их отличительные признаки. Эти ученые в своих исследованиях отмечают, что банковская услуга – это совокупность действий, осуществляемых коммерческим банком по запросу клиента, направленных на управление его денежными средствами и активами с целью удовлетворения его финансовых потребностей и получения прибыли банком. Результатом банковской услуги является решение конкретной финансовой задачи клиента посредством выполнения комплекса операций. Предложенное определение банковской услуги достаточно полно отражает ее суть, подчеркивая взаимоотношения между банком и клиентом, цель деятельности и результат. Однако, для более глубокого понимания необходимо учитывать разнообразие банковских услуг, их индивидуальный характер, регулирование законодательством, а также роль технологий. Банковская услуга – это не просто операция, а комплексный процесс, требующий от банка профессионализма, надежности и постоянного развития. Важно отметить, что банковские услуги должны быть безопасными, а банки должны быть конкурентоспособными и инновационными.

В свою очередь сущность банковской операции проявляется как совокупность процедур, связанных с реализацией банковской услуги. Банковские услуги имеют свои особенности по сравнению с продуктами материальной сферы. К таким особенностям относятся следующие:

- отсутствие материального воплощения в традиционном понимании;
- преимущественно долгосрочный характер;
- неразрывность процесса предоставления и потребления услуги;
- оперирование различными формами денег.

Сущность банковской услуги можно определять набором определенных операций, которые осуществляет персонал коммерческого банка. А сущность банковской операции – как совокупность процедур, связанных с реализацией банковской услуги. Банковские услуги имеют свои особенности по сравнению с продуктами материальной сферы. К таким особенностям относится следующее: отсутствие материального воплощения в традиционном понимании; преимущественно долгосрочный характер; неразрывность процесса предоставления и потребления услуги; оперирование различными формами денег [13, с.88-89].

О.В.Беспалова, Е.А.Веремьева, В.А.Копач и М.С.Помаз более конкретно определили сущность банковского продукта и банковской услуги, отмечая: «Банковский продукт – это предложение банком клиенту документально оформленного комплекса взаимосвязанных банковских услуг и операций, направленных на удовлетворение потребности клиента в таких услугах, имеющих определенное назначение, параметры исполнения, оговоренные особенности предоставления. Банковская услуга – деятельность банка, осуществляемая по поручению и в интересах клиента с целью удовлетворения его потребностей в банковском обслуживании» [4, с.57].

В исследованиях отечественных ученых также особое внимание уделены характерным особенностям банковских услуг и технологии их предоставления. Например, М.М.Киличева пишет, что: «Взаимодействие клиента с банком находит свое отражение в банковской услуге – это процесс, в котором клиент активно использует банковский продукт для удовлетворения своих финансовых потребностей. Банковский продукт выступает основой, а услуга – это его практическое применение. Таким образом, даже при схожем наборе продуктов у разных банков, успех зависит от того, насколько эффективно они могут предоставить клиентам удобные и востребованные услуги. Лидеры рынка – это те банки, которые лучше всего умеют превращать свои продукты в полезные для клиентов решения» [12, с.92].

Также М.М. Киличева пишет, что: «Банковские услуги выражают отношения между производителем и потребителем, а банковский продукт отношения внутри банка-производителя» [11, с.55]. Следовательно, автор выделяет в качестве отличительной черты банковских услуг и банковского продукта субъектно-объектные отношения, которые имеет разные рамки общения и субъектов взаимодействия. Особо отмечается о первичности банковского продукта по сравнению с банковской услугой, так как предоставление продукта выступает основой деятельности кредитного учреждения. В свою очередь оказание банковской услуги завершает процесс доведения продукта до конечных потребителей.

В свою очередь можно рассмотреть определение данной категории, предложенное Е.В.Алексановой в своей статье, где она пишет, что: «Банковский продукт – это банковский документ, который выпускается банком для обслуживания клиентов и проведения банковских операций. Каждый продукт обладает определенными особенностями, которые отличают его от других продуктов. Особенности банковских продуктов: имеет форму договора, быстро повторяется (заимствуется), ограничен временными рамками и имеет абстрактную или документарную форму» [2, с.164].

Введение новых продуктов и услуг в банковской сфере является веянием времени, результатом внедрения передовых технологий в процесс функционирования банков и цифровизации отраслей национальной экономики. При этом выделены конкретные продукты, которые считаются новыми на рынке банковских услуг. Так, например, по мнению Е.В.Алексановой в составе основных новых банковских продуктов необходимо выделить такие услуги, как:

«- электронные системы платежей с применением банкомата;

- ноте banking – обслуживание клиентов банками на месте работы и на дому;

- форвардные операции (опцион);

- своп-операции;

- операции по сочетанию единого банковского счета (контокоррента) с овердрафтом и др.» [2, с.166].

Перечень банковских продуктов, предлагаемых кредитными организациями, постоянно расширяется. По мере развития технологий и совершенствования менеджмента банков, на рынке появляются все новые финансовые инструменты. Таким образом, существующие описания банковских продуктов носят времен-

ный характер и не могут охватить весь спектр услуг, которые банки предлагают своим клиентам. Развитие цифровых технологий позволяет банкам создавать новые продукты и услуги, которые были невозможны ранее. Например, появление мобильного банкинга, интернет-банкинга, криптовалют и различных платежных систем значительно расширило возможности клиентов. Клиенты становятся все более требовательными и ищут индивидуальные решения, которые соответствуют их уникальным потребностям. Банки вынуждены адаптироваться к этим изменениям и предлагать более персонализированные продукты. Высокая конкуренция на банковском рынке стимулирует банки к постоянному поиску новых идей и решений. Для привлечения и удержания клиентов банки предлагают все более сложные и инновационные продукты. Динамика банковского рынка требует от всех участников постоянного обучения и адаптации. Банкам необходимо не только создавать новые продукты, но и обеспечивать их прозрачность и доступность для клиентов. Клиентам, в свою очередь, следует быть более внимательными при выборе банковских продуктов и обращаться за консультацией к специалистам.

Рассмотрение отдельных определений экономической природы категорий «банковский продукт», «банковская услуга» и «банковские операции» свидетельствует о том, что среди представителей экономистов нет единой позиции по рассмотрению сущности данных понятий. И каждая группа ученых выделяет разные характеристики этих категорий. В то же время среди работников банковской сферы, т.е. практиков такого разнообразия позиций не наблюдается и часто эти понятия рассматриваются как синонимы.

Следовательно, такая ситуация приводит к определенным трудностям в ходе раскрытия экономической природы и содержания данных понятий. Поэтому, на наш взгляд, лучше будет отдельно изучить определения экономической категории «банковские услуги» и с учетом этих позиций дать собственное определение данного понятия, которое играет ключевую роль в процессе деятельности кредитных учреждений.

Следует отметить, что в своей статье С.В.Каширин рассматривает такие основные признаки банковских услуг, при этом отмечая: «Можно выделить такие ключевые признаки, характеризующие понятие банковской услуги:

- имеет возмездный характер;
- специальный субъектный состав (исключительное право кредитных организаций);
- строгое закрепление в законодательстве;
- является сделкой по своей обязательственно-правовой форме;
- включает в свой состав выполнение определенных банковских операций, а также иных сделок;
- направлена на удовлетворение потребностей клиентов, связанных с движением финансовых потоков.

Следовательно, можно предложить следующее определение понятия банковской услуги. Банковская услуга – это осуществляемая специальными субъектами

банковской деятельности на возмездной основе в рамках определенного сегмента финансового рынка совокупность законодательно установленных сделок (операций и иных сделок), направленных на удовлетворение потребностей клиентов, связанных с перемещением финансовых средств» [10, с.131].

П.Р.Пирзода писал, что: «несмотря на многочисленные исследования, посвященные регулированию банковской сферы, некоторые правовые вопросы теории банковских услуг еще не получили должного освещения. Например, терминальная база связи банковских услуг, влияние основных тенденций развития мировой экономики на развитие банковских услуг, особенности использования опыта зарубежных банков для решения вопросов, связанных с развитием банковских услуг, международные банковские услуги мало изучены» [17, с.277].

Другой отечественный исследователь, Д.Ш.Сангинов, раскрывая экономическую природу банковских услуг тесно связывает их с банковскими операциями, отмечая что : «банковские услуги – это результат банковских операций, т.е. результат или полезный эффект банковских операций (целенаправленной трудовой деятельности банковских служащих), который представляет собой удовлетворение требований клиента (заем, финансовый учет, услуги, гарантии, покупка и продажа ценных бумаг, иностранной валюты и т.д.)» [18, с.379].

По мнению Т.А.Хафизовой банковские услуги и банковские продукты выступают однопорядковыми понятиями, которые характеризуют одни и те же процессы. При этом автор отмечает, что: «банковские продукты (услуги) – это различные операции коммерческих банков на финансовых рынках, денежно-кредитные операции, которые предполагают выплату определенной заработной платы в соответствии со спросом и предложением денежных средств, а также операции, направленные на организацию и повышение эффективности банковского дела» [20, с.92]. Мы полностью согласны с автором, который дает четкое и логичное определение этого понятия. Осуществленный анализ говорит о том, что между категориями «банковская услуга» и «банковский продукт» на самом деле можно выделить определенную схожесть, которая отражает среду взаимодействия и результаты деятельности банковских работников. Кроме того, многие ученые-исследователи не выделяют разницу между этими двумя понятиями, а также в Законе Республики Таджикистан «О банковской деятельности» эти понятия не выделены.

Ф.И.Аминова отмечает, что «Банковская услуга – это совместная деятельность банка и клиента, направленная на удовлетворение финансовых потребностей последнего посредством выполнения ряда операций» [3, с.156].

С.Х.Хамидова, М.Д.Солихова писали: «Банковская услуга – это основная деятельность каждой кредитной организации, от которой зависит количество клиентов, умножение операций, максимизация прибыли банка, обеспечение ликвидности его активов, максимизация степени удовлетворения потребителей, рост имиджа банка, а также повышение рентабельности и конкурентоспособности» [19, с.192].

Р.Г.Ганиев отмечал: «Банковская услуга результат или полезный эффект банковской операции, состоящий в удовлетворении заявленной клиентом по-

требности в них» [6, с.25]. На наш взгляд, автор дает очень краткое и содержательное определение банковских услуг, хотя не выделены субъекты экономических отношений, механизм и технология предоставления услуг, а также результаты его оказания.

Таким образом, на основе проведенного исследования позиции различных групп ученых-экономистов по раскрытию экономической природы банковского продукта хотелось бы отметить, что отдельные исследователи акцентировали внимание на разных аспектах характеристики данной категории. На основе анализа нами предлагается следующая трактовка понятия банковский продукт: *банковский продукт* – это совокупность отношений между банковским учреждением и клиентами (физическими или юридическими лицами) по поводу осуществления законом установленных сделок посредством использования современных технологий с целью удовлетворения потребностей клиентов в определенных продуктах и получения соответствующего дохода. Нами в данном определении выделены субъекты экономических отношений, т.е. банки и клиенты (физические и юридические лица), законодательно установленные услуги, современные технологии, позволяющие некоторые продукты предоставить без непосредственного участия клиента, а также результат предоставления продуктов для участников рыночного процесса.

На основе проведенного исследования экономической природы категории «банковский продукт» нами выделены следующие ее основные определения и авторская трактовка, которые представлены в табл. 1.

В условиях цифровизации повышение качества банковских услуг и использование современных инновационных оборудований в процессе работы кредитных учреждений может иметь определенный эффект. Во-первых, использование инновационных технологий в банковской деятельности способствует повышению эффективности банковской деятельности, а также модернизации, оказываемых банками услуг. Во-вторых, внедрение банковских инноваций может способствовать к увеличению угроз при совершении банковских операций. Данное обстоятельство связано с внедрением цифровых технологий в банковской деятельности. Однако, в большинстве случаев данная угроза возрастает при минимальном внедрении банковских инноваций. Следовательно, необходимо проводить обучение клиентов и сотрудников банка по вопросам безопасности цифровых операций, чтобы предотвратить возможные угрозы и мошеннические действия.

В условиях цифровой трансформации экономики важно разработать программу обеспечения финансовой устойчивости банка. Эта программа включает следующие элементы:

1. Стратегическая модель прогнозирования угроз и определения уровня безопасности банка.

В условиях цифровизации банковской системы возрастают риски, связанные с киберугрозами, утечкой данных, мошенничеством и другими факторами. Для обеспечения безопасности банка необходимо разработать стратегическую модель прогнозирования угроз, которая позволит:

Таблица 1

Основные определения банковского продукта*

Автор	Определение
А.О.Абашев, Н.В.Аброчнова	Банковский продукт – это предложение банком клиенту документально оформленного комплекса взаимосвязанных банковских услуг и операций, направленных на удовлетворение потребности клиента в таких услугах, имеющих определенное назначение, параметры исполнения, оговоренные особенности предоставления
Р.Г.Ганиев	Банковская услуга результат или полезный эффект банковской операции, состоящий в удовлетворении заявленной клиентом потребности в них
К.А.Калужин и Е.С.Вдовина	Банковский продукт представляет собой совокупность таких элементов, которые позволяют банковской операции, а значит и соответствующим услугам материализоваться так, как это необходимо для удовлетворения потребностей клиентуры
Д.Ш.Сангинов	Банковские услуги (продукты) – это результат банковских операций, т.е. результат или полезный эффект банковских операций, который представляет собой удовлетворение требований клиента (заем, финансовый учет). услуги, гарантии, покупка и продажа ценных бумаг, иностранной валюты и т.д.)
Е.В.Алексанова, Д.Н.Миронов	«Банковский продукт – это банковский документ, который выпускается банком для обслуживания клиентов и проведения банковских операций. Особенности банковских продуктов: имеет форму договора, быстро повторяется (заимствуется), ограничен временными рамками и имеет абстрактную или документарную форму»
Т.А.Хафизова	Банковские продукты (услуги) – это различные операции коммерческих банков на финансовых рынках, денежно-кредитные операции, которые предполагают выплату определенной заработной платы в соответствии со спросом и предложением денежных средств, а также операции, направленные на организацию и повышение эффективности банковского дела
Ф.И.Аминова	банковские услуги (продукты) как результат одной или нескольких операций, которые реализуются посредством сотрудничества банка и клиента с целью удовлетворения потребностей разных групп клиентов в банковских услугах
С.Х.Хамидова, М.Д.Солихова	Банковские продукты (услуги) – это основная деятельность каждой кредитной организации, от которой зависит

	количество клиентов, умножение операций, максимизация прибыли банка, обеспечение ликвидности его активов, максимизация степени удовлетворения потребителей, рост имиджа банка, а также повышение рентабельности и конкурентоспособности
Ф.Махмудов	банковский продукт – это совокупность отношений между банковским учреждением и клиентами (физическими и юридическими лицами) по поводу осуществления законом установленных сделок посредством использования современных технологий с целью удовлетворения потребностей клиентов в определенных продуктах и получения соответствующего дохода

** Источник: составлена автором на основе проведенного исследования*

- идентифицировать потенциальные угрозы;
- оценить их вероятность и потенциальный ущерб;
- разработать меры по предотвращению и минимизации рисков.

2. Финансовый план развития банка с учетом внедрения инновационных технологий.

Внедрение инновационных технологий является ключом к успешному развитию банка в условиях цифровизации. Однако внедрение таких технологий требует значительных инвестиций. Поэтому необходимо разработать финансовый план развития банка, который будет учитывать расходы на внедрение инновационных технологий и обеспечит их окупаемость.

3. Разработка автоматизированной системы мониторинга реализации банковской стратегии и управления финансовыми потоками.

Для обеспечения эффективного управления банком в условиях цифровизации необходимо разработать автоматизированную систему мониторинга реализации банковской стратегии и управления финансовыми потоками. Эта система позволит:

- отслеживать ход реализации стратегических целей банка;
- контролировать финансовые показатели деятельности банка;
- оперативно реагировать на изменения внешней и внутренней среды.

Реализация этих трех ключевых направлений позволит банку:

- **о**беспечить свою безопасность в условиях цифровизации;
- повысить свою конкурентоспособность;
- устойчиво развиваться в долгосрочном периоде.

Таким образом, на основе проведенного исследования было выявлено, что в ходе деятельности банковских учреждений по оказанию банковских услуг возникают такие взаимосвязанные с ними понятия, как банковский продукт и банковские операции. Эта взаимосвязь является очень тесным, а порой по мнению отдельных исследователей эти категории являются синонимами. Однако в ходе исследования были выделены те основные аспекты, которые отличают эти понятия друг от друга и отражают те элементы, которые характеризуют понятия

«банковская услуга», «банковский продукт» и «банковские операции». Среди упомянутых понятий важное значение имеет понятие банковские продукты, которые направлены на удовлетворение потребностей клиентов и получение прибыли банковскими учреждениями. Их предоставление на основе инновационных технологий и принципов цифровизации экономики позволяют снижать транзакционные издержки, повышать качество предоставляемых банковских продуктов и доступность различным слоям населения.

Литература

1. Абашев А.О. Разработка и обоснование розничного банковского продукта / А.О.Абашев, Н.В.Аброчнова // Экономист года – 2019: сб. статей межд. научно-исслед. конкурса. – Петрозаводск: 2019. – 277 с.
2. Алексанова Е.В. Банковские продукты, услуги и информационные технологии / Е.В.Алексанова, Д.Н.Миронов // Образование и наука без границ. – 2022. – №17. – С.164-172.
3. Аминова Ф.И. Оценка обеспеченности и инструменты расширения рынка банковских услуг Республики Таджикистан: дис… канд. экон. наук: 08.00.10 / Аминова Фируза Исмоиловна. – СПб., 2014. – 174 с.
4. Беспалова О.В. Банковские услуги для физических лиц / О.В.Беспалова, Е.А.Веремьева, В.А.Копач, М.С.Помаз // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – №7. – С.57-65.
5. Брегеда О.А. Рынок банковских услуг в Украине: современное состояние и перспективы развития: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.10 / Брегада Ольга анатольевна. – Киев, 2002. – 25 с.
6. Ганиев Р.Г. Модернизация банковских услуг населению в условиях рыночной экономики. – Душанбе: ЭР-граф, 2017. – 204 с.
7. О банковской деятельности: Закон Республики Таджикистан от 19 мая 2009 года №524 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28092
8. Калтырин А.В. Деятельность коммерческих банков. – Р-на-Д: Феникс, 2004. – 330 с.
9. Калужин К.А. Понятия банковского продукта и банковской услуги, их роль в деятельности современных коммерческих банков / К.А.Калужин, Е.С.Вдовина / Поколение будущего: взгляд молодых ученых: сб. науч. статей 6-й Межд. молодежной научной конф.: в 4 т. Т.1. – Курск: 2018. – 296 с.
10. Каширин С.В. К вопросу о понятии «банковская услуга» // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2014. – №6. – С.131-140.
11. Киличева М.М. Внешние и внутренние факторы трансформации банковских услуг в транзитивной экономике // Известия Академии наук Республики Таджикистан: отделение общественных наук. – 2018. – №1. – С.55-61.
12. Киличева М.М. Совершенствование инструментов регулирования рынка банковских услуг населению // Таджикистан: экономика и управление. – 2021. – №1. – С.92-99.
13. Коленов А.Н. Тенденции внедрения инновационных продуктов в современный банковский сектор России / А.Н.Коленов, И.Н.Гюнтер // Региональная и отраслевая экономика. – 2023. – №2. – С.88-97.
14. Коробов Ю.И. Банковская конкуренция в условиях становления рыночных отношений: автореф. дис. …д-ра экон. наук: 08.00.01 / Коробов Юрий Иванович. – Саратов, 1996. – 41 с.
15. Масленченков Ю.С. Технология и организация работы банка: теория и практика. – М., 1998. – 210 с.
16. Мирецкий А.П. Конкурентная позиция банка: дис. … канд. экон. наук: 08.00.10 / Мирецкий Алексей Петрович. – Саратов, 1999. – 178 с.

17. Пирзода П.Р. Становление и правовые особенности банковской услуги // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2017. – №2/2. – С.277-281.
18. Сангинов Д.Ш. Предпринимательское право Республики Таджикистан. – Душанбе: ЭР-граф, 2013. – 410 с.
19. Хамидова С.Х. Основные направления развития рынка банковских услуг Республики Таджикистан / С.Х.Хамидова, М.Д.Солихова // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: Сино, 2017. – №2/9. – С.187-193.
20. Хафизова П.А. Банковские продукты (услуги): содержание и принципы размещения // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. – Душанбе, 2013. – №1 (53). – С.89-99.

CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR STUDYING THE ESSENCE AND CONTENT OF BANKING PRODUCTS IN MARKET CONDITIONS

Kodirzoda Dilovar Bakhridin

Doctor of economic sciences,
professor of the chair of economic theory
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17
Ph.: (+992) 10 600 18 81 (m.)
dilovark@mail.ru

Mahmudov Fayzidin Izatuloevich

Candidate for a degree of the chair of banking
Tajik state financial and economic university
734067, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Nakhimov str., 64/1
Ph.: (+992) 90 290 11 11 (m.)
fayz@mail.ru

Kodirova Madina Dilovarovna

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of finance and credit
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992 37) 227 54 59

The article deals with the theoretical foundations of the study of such main categories of the banking sector as “banking product”, “banking service”, “banking operation” in modern conditions. Taking into account the analysis of foreign experience and the country's practice, it is shown that in the Republic of Tajikistan the economic nature of such important categories of the credit system as “banking product” and “banking service” has not yet been legally established. Such an omission in the country’s regulatory

legal acts leads to the formation of different approaches to revealing the economic nature of these concepts.

Based on this, the authors, considering various approaches to defining the concept of "banking product" in the country's banking system, give the author's interpretation of this concept, in which the subjects of economic relations are highlighted, i.e. banks and clients (individuals and legal entities), legally established services, modern technologies that make it possible to provide some products without the direct participation of the client, as well as the result of providing products for participants in the market process. This approach, taking into account the specific preferences of clients, is aimed at satisfying their requests by providing banking products using digital technologies, ensuring accessibility, cost-effectiveness and timeliness of their receipt.

Keywords: bank; banking activities; banking products; banking services; banking operations; digital technologies; innovations; credit institutions; institutions; credit; deposit; savings.

АСОСҲОИ КОНСЕПТУАЛИИ ОМӮЗИШИ МОҲИЯТ ВА МАЗМУНИ МАҲСУЛОТИ БОНКӢ ДАР ШАРОИТИ БОЗОР

Қодирзода Диловар Бахридин

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
профессори кафедраи назарияи иқтисодӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17
Тел .: (+992) 10 600 18 81 (м.)
dilovark@mail.ru

Маҳмудов Файзидин Иззатулоевич

Довталаби кафедраи бонкӣ
Донишгоҳи давлатии молиявию иқтисодии Тоҷикистон
734067, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи Нахимов, 64/1
Тел .: (+992) 90 290 11 11 (м.)
fayz@mail.ru

Қодирова Мадина Диловаровна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи молия ва қарз
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел .: (+992 37) 227 54 59

Дар мақола асосҳои назариявии омӯзиши мафҳумҳои асосии бахши бонкӣ, аз қабили «маҳсулоти бонкӣ», «хизматрасонии бонкӣ», «амалиёти бонкӣ» дар шароити муосир баррасӣ шудааст. Бо дарназардошти таҳлили таҷрибаи хориҷӣ ва дохилӣ нишон дода мешавад, ки дар

Ҷумҳурии Тоҷикистон моҳияти иқтисодии чунин категорияҳои муҳимми низоми қарзӣ, аз қабили «маҳсулоти бонкӣ» ва «хизматрасонии бонкӣ» ҳанӯз ба таври қонунӣ муқаррар карда нашудаанд. Чунин беэътиноӣ дар санадҳои меъёрии ҳуқуқии кишвар боиси ташаккули равишҳои гуногун барои ошкор намудани моҳияти иқтисодии ин мафҳумҳо мегардад.

Дар асоси ин, муаллифон бо дарназардошти равишҳои мухталифи таърифи мафҳуми “маҳсулоти бонкӣ” дар низоми бонкии кишвар, тафсири муаллифии ин мафҳумро медиҳанд, ки дар он субъектҳои муносибатҳои иқтисодӣ ҷудо карда шудаанд. Яъне, бонкҳо ва мизоҷон (шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ), хизматрасониҳои қонунан муқарраршуда, технологияҳои муосир имкон медиҳанд, ки баъзе маҳсулот бе иштироки бевоситаи муштарӣ, инчунин натиҷаи пешниҳоди маҳсулот барои иштирокчиёни раванди бозор пешниҳод карда шаванд. Ин равиш, бо дарназардошти афзалиятҳои мушаххаси мизоҷон, ба қонеъ гардонидани дархостҳои онҳо тавассути пешниҳоди маҳсулоти бонкӣ бо истифода аз технологияҳои рақамӣ барои таъмини дастрасӣ, камхарҷӣ ва саривақтӣ гирифтани онҳо нигаронида шудааст.

Калидвожаҳо: бонк; фаъолияти бонкӣ; маҳсулоти бонкӣ; хизматрасониҳои бонкӣ; амалиёти бонкӣ; технологияҳои рақамӣ; инноватсияҳо; муассисаҳои кредитӣ; институтҳо; қарз; амонат; пасандоз.

УДК 332.1

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Баринов Михаил Александрович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики инноваций и финансов
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г.Столетовых
600005, Россия, Владимир, ул. Чайковского, д.36, кв.45
Тел.: +7 920 623 0240
3lf84@mail.ru

В статье рассмотрены теоретические и методические аспекты инновационного развития территорий на базе региональной составляющей. В своем исследовании автор исходит из наличия общенациональной стратегии инновационного развития страны, в которой в качестве основного инструмента, направленного на повышение эффективности функционирования административно-территориальных образований, выбран вектор на увеличение импортозамещения, особенно в высокотехнологичных отраслях. Данное решение возможно реализовать через формирование инновационно-ориентированных кластеров на базе административно-территориальных образований. Важными инструментами их формирования служат инновационный потенциал предприятий реального сектора экономики, повышение уровня концентрации энергетических, финансовых и иных ресурсов, направленных на обеспечение территорий инновационными продуктами. В статье предложена оценка социально-экономических систем на базе Центрального Федерального округа РФ, позволяющая диагностировать зависимость эффективности территориального управления от развития инновационной среды. Отличительной особенностью исследования является построение прогнозной модели и разработка подхода к формированию инновационных кластеров с учетом результирующей составляющей, что дает возможность сгруппировать субъекты и идентифицировать их в зависимости от уровня модернизационного потенциала.

Ключевые слова: кластер; результирующая составляющая; региональное развитие; инновации; оценка.

Проблемное поле, связанное с развитием мезотерриторий, всегда находилось в центре внимания зарубежных и отечественных ученых. Формирование грамотной системы мониторинга пространственной организации экономических факторов является ключевым критерием, влияющим на экономическую составляющую региона в целом.

Цель научного исследования заключается в разработке аналитических основ по определению трансформационных изменений в экономической сфере региона с построением кластеров.

В ходе исследования решались следующие задачи:

✓ изучение теоретических аспектов и особенностей функционирования инновационной сферы и кластеризации как базы для развития региональных систем;

✓ формирование набора показателей, позволяющих диагностировать состояние субъектов;

✓ построение эконометрической модели с возможностью прогнозирования уровня Валового регионального продукта на основе его аддикции с организациями, выполнявшими научные исследования и разработки.

✓ графическое отображение группировкиа регионов по кластерам с учетом инновационной составляющей.

Научная новизна исследования заключается в формировании регрессионной модели функционирования мезотерриторий и группы кластеров, позволяющих идентифицировать субъекты по уровню развития инновационной среды.

В ходе исследования использовались общенаучные методы, спектр статистических показателей, описывающих влияние факторов на функционирование региональных систем.

Результаты. Значимость исследования состоит в подборе и обосновании экономических индикаторов, определяющих уровень развития субъектов, и построении на их базе дендрограммы, характеризующей развитие регионов с позиции модернизационно-инновационных процессов.

Выводы. Сформирована система показателей, позволяющая диагностировать степень влияния внешних и внутренних факторов на Валовой региональный продукт, которая может быть использована в качестве оценочного инструмента в управленческой деятельности региональных органов власти.

На современном этапе развития российской экономики, которое сопровождается становлением новых экономических отношений, актуализация проблем стратегического развития, поляризация и дифференциация региональных систем является необходимым условием, позволяющим в меньшей степени основываться на сырьевой модели развития. Традиционные факторы, оказывающие воздействие на экономическую составляющую жизнедеятельности общества, практически исчерпали себя, поэтому необходима новая альтернатива при выборе и реализации стратегических решений. В связи с этим возникают задачи профилирующих видов деятельности, определяющих модернзационный потенциал территорий с учетом имеющихся ресурсов.

Формирование модернизационных кластеров неразрывно связано с инновационным развитием территорий, аспекты и особенности развития которых были рассмотрены в работе В.А.Бывшева [2], причем акценты сделаны на научно-технологической системе как факторе экономического роста. Можно сделать вывод о том, что именно инновационная среда является основополагающим фактором, нивелирующим негативное влияние факторов внешней среды в период экономических трансформаций. Важным является построение модели, учитывающей специфику и региональные особенности развития территорий, базой для развития которых были фундаментальные принципы спирали инноваций. Функционирование региональных систем с позиции организационной целостности и

влияние инноваций рассматривали и ряд других исследователей [4; 5; 6; 7]. В целом, для перехода систем на инновационные «рельсы» необходимо стимулировать развитие малого и среднего предпринимательства, которое может осуществляться через реализацию федеральных программ, ведь внедрение инновационных технологий и использование высокотехнологичных процессов позволят в значительной мере привлечь имеющийся потенциал территорий и повысить эффективность управления. Непосредственно ключевым инструментом при определении вектора социально-экономического развития региональных систем являются инновации, которые должны совмещать в себе использование механизмов хозяйствования и мер государственной поддержки. Создание кластеров, в том числе инновационных, на базе ведущих отраслей промышленного производства является неотъемлемой частью механизма защиты от негативного воздействия, особенно в сложившихся условиях международной конкуренции. Кластер можно рассматривать как совокупность предприятий, интегрированных в единую группу, однако автором рассматривается данная совокупность с позиции региональной принадлежности и инновационной составляющей в субъектах федерации, которая позволяет поддерживать их конкурентоспособность, то есть повышать уровень развития территории и экономики в целом.

Следует заметить, что существует проблема диспропорции в уровне социально-экономического развития российских регионов. Данную ситуацию и может исправить процесс кластерного развития территорий по ряду сформулированных ключевых признаков, на базе которых осуществляется воздействие и взаимодействие со всеми уровнями бизнеса и государственных структур. Кроме того, кластеры, обладающие достаточным инновационным потенциалом, могут транспонировать его на макро- микро- и мезоэкономические уровни. При этом достаточно лишь выполнение определенного ряда функций, позволяющих на основе совместного взаимодействия элементов кластера получить синергетический эффект.

Для поддержания и повышения конкурентоспособности регионального развития правительства и администрации регионов все больше проводят целенаправленную политику, направленную на взращивание кластеров, используя не только собственные источники, но и привлекая частные инвестиции. Интересной представляется работа отечественного исследователя И.С.Феровой, где речь идет о кластерной модели развития страны в ретроспективном аспекте [9].

Если рассматривать инновационную стратегию развития, необходимо заметить, что именно миссия кластеров должна быть ведущей в создании инноваций, однако их проявление может быть различным – как в форме информационных, программных, так и материальных воплощений. Данные изыскания и результаты деятельности могут касаться формирования новых концепций и геополитических теорий, а также идентификации новых источников энергии или методик оценки функционирования отдельных систем. Ведь структура инновационного кластера или оценка ее составляющей проходит путь от разработки фундаментальной идеи до ее эмпирического применения. Структура инновационного кластера может быть достаточно разнообразной, но должна сама по себе включать ряд со-

ставляющих, таких как креативная и ориентация на формирование технологий, которые можно внедрить и использовать с целью повышения эффективности деятельности или функционирования предприятий, отраслей и регионов. То есть распространение новшеств и инновационно-модернизационных технологий в различных сферах должно быть неотъемлемой частью процесса хозяйствования, что позволит обеспечить конкурентоспособность рассматриваемых систем.

Рассматривая отличительные особенности кластерного подхода, направленного на стимулирование инновационной деятельности в регионе, стоит заметить, что на его основе должна осуществляться перегруппировка факторов производства и производственных ресурсов, а также рост совокупной капитализации на территории субъектов. Кластеры выступают современным инструментом регионального развития и являются своеобразным каркасом, обеспечивающим стабильность и рост экономики регионов.

Согласно данным официальной статистики, именно доля инновационной продукции в 2023г. составила 23,5% от ВВП, что, несомненно, является положительным моментом, позволяющим сократить издержки товаропроизводителей, повысить эффективность функционирования отдельных предприятий и отраслей, принимать более грамотные управленческие решения, однако максимум ее был достигнут в 2020г, где четверть от ВВП относилась к высокотехнологичным отраслям (см.рис.1)[1]

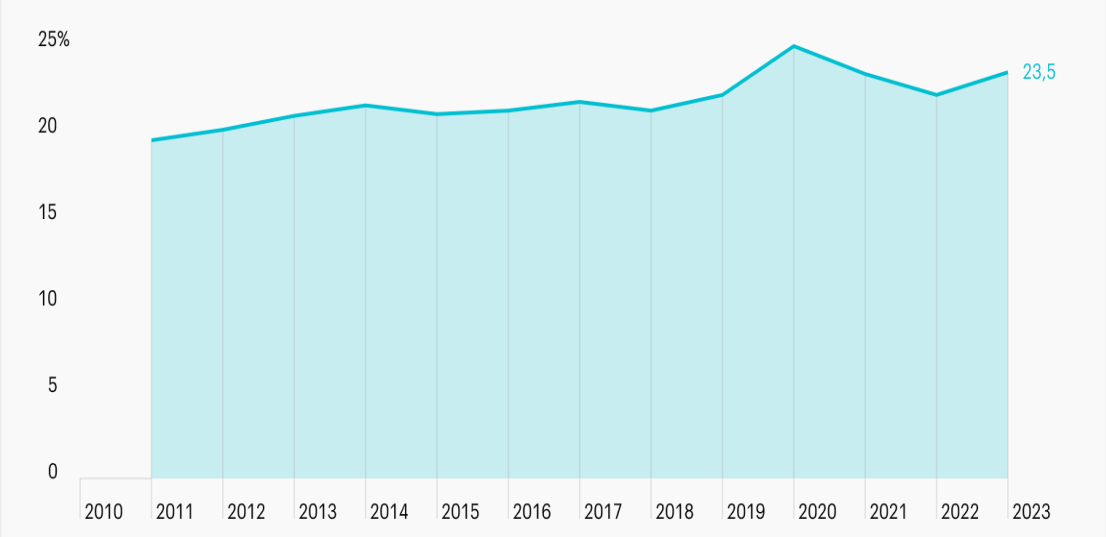


Рис.1. Доля высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВВП России

[1] Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 11.11.2024)

Рассматривая же динамику с 2010г., следует отметить значительный рост в 2022г. более чем в пять раз – до 6,37 триллионов рублей. Экспорт продукции осуществлялся в 154 страны мира. Что касается затрат на инновации, то необходимо отметить, что их размер увеличился в 6,6 раз в 2022г. по сравнению с данными 2010г., причем лишь только 26,1% из них являются средствами, выделяемыми бюджетами различного уровня. Естественно, больше всего затрат на инновации наблюдается в таких инновационно-активных отраслях, как обрабатывающая промышленность, горнодобывающие компании, и в информационной сфере. При определении лидирующих позиций регионов необходимо отдать первенство по доле инновационных организаций Санкт-Петербургу — 35%, Ростовской области — 47,3% и Татарстану — 46%.

Следующим шагом в исследовании было выявление и отбор критериев X, которые потенциально могут оказать воздействие на ключевой показатель, определяющий развитие регионов Y (Валовой региональный продукт) с дальнейшим отбором факторов, по которым можно осуществить группировку регионов в кластеры. Это даст более обоснованный и достоверный результат. Показатели для исследования (см.табл.1):

x1 – организации, выполнявшие научные исследования и разработки (единиц);

x2 – численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками (человек);

x3 – численность исследователей в возрасте 30-39 (человек);

x4 – численность зарегистрированных безработных (на конец года; тысяч человек);

x5 – инвестиции в интеллектуальную собственность (в % от общего объема инвестиций);

x6 – инвестиции предприятий без субъектов малого предпринимательства (в %);

x7 – число организаций, на конец года (единиц);

x8 – количество предприятий обрабатывающей промышленности (единиц).

Таблица 1

Исходные данные исследования по субъектам ЦФО

Код субъекта/ Показатель	Y	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
С1	1 311 232,6	31	1 478	205	3,5	0,8	14	26326	2447
С2	549 347,1	18	411	55	3,3	1,7	10,8	14907	1290
С3	780 490,4	30	4 298	551	4,3	2,3	4	25404	2885
С4	1 377 736,5	66	11 042	1900	8,7	0,4	15,1	40279	3242
С5	364 016,5	20	588	116	2,6	0,5	8,1	23534	2999
С6	693 947,6	51	8 007	803	2,2	2,4	5,4	21525	2510
С7	276 043,9	9	53	3	1,4	0,4	8,1	13013	1450
С8	665 472,5	20	2 843	224	2,4	0,3	4,3	17325	1264
С9	792 823,2	17	580	94	2,2	0,6	7,2	18441	1573
С10	7 720 842,6	268	83 642	10260	17,8	1,7	7,3	188185	18105
С11	369 901,2	18	776	107	2	0,6	4,7	11962	1053
С12	619 185,0	23	2 285	197	3,1	0,7	7,5	22991	2268
С13	483 299,8	26	965	171	3,2	0,4	7,5	24942	1883
С14	473 768,7	32	791	82	2,5	0,6	5,9	13553	958
С15	629 399,0	30	2 857	293	3,4	1,5	4,9	27136	2461
С16	1 004 283,2	31	4 963	1120	2,3	2,7	7,6	24423	2579
С17	748 305,6	43	5 988	607	4,8	1,4	4,6	32077	2954
С18	28 507 429,1	825	208 434	29902	28,1	14	21,3	583411	33859

Примечание: Обозначение субъектов осуществлено согласно их представлению в Российском статистическом ежегоднике: С1 – Белгородская область,... С18 – г.Москва.

**Составлено по данным Росстата*[1]

С целью отбора показателей для включения их в регрессионную модель и с последующим построением дендрограммы, формирующей инновационные кластеры по выбранным субъектам, необходимо проведение парного корреляционного анализа, позволяющего исключить из рассмотрения факторы, которые взаимосвязаны между собой (см.табл.2).

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат.сб. / Росстат. М., 2023. 1126с.

Таблица 2

Итоги парного корреляционного анализа факторов

Показатель	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
X_1	1,000	0,996	0,999	0,952	0,943	0,702	0,999	0,981
X_2	0,996	1,000	0,998	0,967	0,920	0,674	0,995	0,993
X_3	0,999	0,998	1,000	0,959	0,936	0,697	0,998	0,987
X_4	0,952	0,967	0,959	1,000	0,827	0,680	0,950	0,979
X_5	0,943	0,920	0,936	0,827	1,000	0,660	0,942	0,886
X_6	0,702	0,674	0,697	0,680	0,660	1,000	0,703	0,650
X_7	0,999	0,995	0,998	0,950	0,942	0,703	1,000	0,982
X_8	0,981	0,993	0,987	0,979	0,886	0,650	0,982	1,000

**Составлено автором по материалам исследования*

Условиями для отбора показателей для включения в модель и формирующих инновационный кластер послужил ряд параметров, представленных в виде формулы 1:

$$Y_{Ix} = \begin{cases} X_i, p \le q \\ X_i, p \le 0{,}05 \\ X_i, R \ge 0{,}7 \end{cases} \qquad (1)$$

где $К_{хп}$ – коэффициент влияния факторов X_i на Y ; p– уровень значимости X_i; R– коэффициент корреляции; q – пороговое значение p.

Произведен корреляционно-регрессионный анализ с учетом отобранных факторов X и результативного показателя Y. На основе выполненных расчетов для дальнейшего исследования были выбраны факторы X_1 и X_6, так как уровень значимости статистики Стьюдента p по ним составляет 0,0000 и 0,0006083 соответственно, что значительно ниже порогового значения в 5%. В таблице 3 приведены результаты множественного линейного регрессионного анализа для эконометрической модели. Однако при дальнейшем анализе с ВРП выявлено превышение значения значимости по X_6 (0,196083), следовательно исключаем его из дальнейших вычислений. Статистически значимый коэффициент выделен в таблице курсивом.

Таблица 3

Результаты множественного линейного регрессионного анализа для X_1, X_6 и Y

№ п/п	Показатель	Параметр коэффициента	Ошибка модели	p
1	Постоянная индивидуальная переменная (ПИП)	-676729	269136,2	0,023816
2	X_1	33683	821,7	0,000000
3	X_6	47677	35237,1	0,196083

**Составлено автором по материалам исследования*

Вопрос влияния факторов на региональные системы был рассмотрен в работах ряда исследователей [1; 3; 8]. Процесс моделирования с целью определения параметров математических моделей осуществлялся в программном комплексе *Statistica10.0*. Мониторинг проводился для Центрального федерального округа в пространственном аспекте за 2022 год. По итогам анализа выявлена взаимосвязь организаций, выполнявших научные исследования и разработки с ВРП, что дает возможность не только построить и определить кластеры, являющиеся двигателем инновационного роста, но и сформировать рабочую модель, позволяющую спрогнозировать изменчивость результирующего признака во времени.

Таблица 4

Результаты линейного регрессионного анализа для X_1 и Y

№ п/п	Показатель	Параметр	Ошибка модели	t	Уровень значимости p
1	Постоянная индивидуальная переменная (ПИП)	-351451	124098,1	-2,83204	0,012019
2	X_1	34463	600,4	57,40159	0,000000

**Составлено автором по материалам исследования*

Результат проделанных вычислений свидетельствует о целесообразности и возможности использования анализируемого факторного признака X_1 в регрессионной модели (4).

Следовательно, зависимость будет выглядеть следующим образом (2):

$$Y = -351451 + 34463 \times X_1 \quad (2):$$

и параметры графически представлены на рисунке 2:

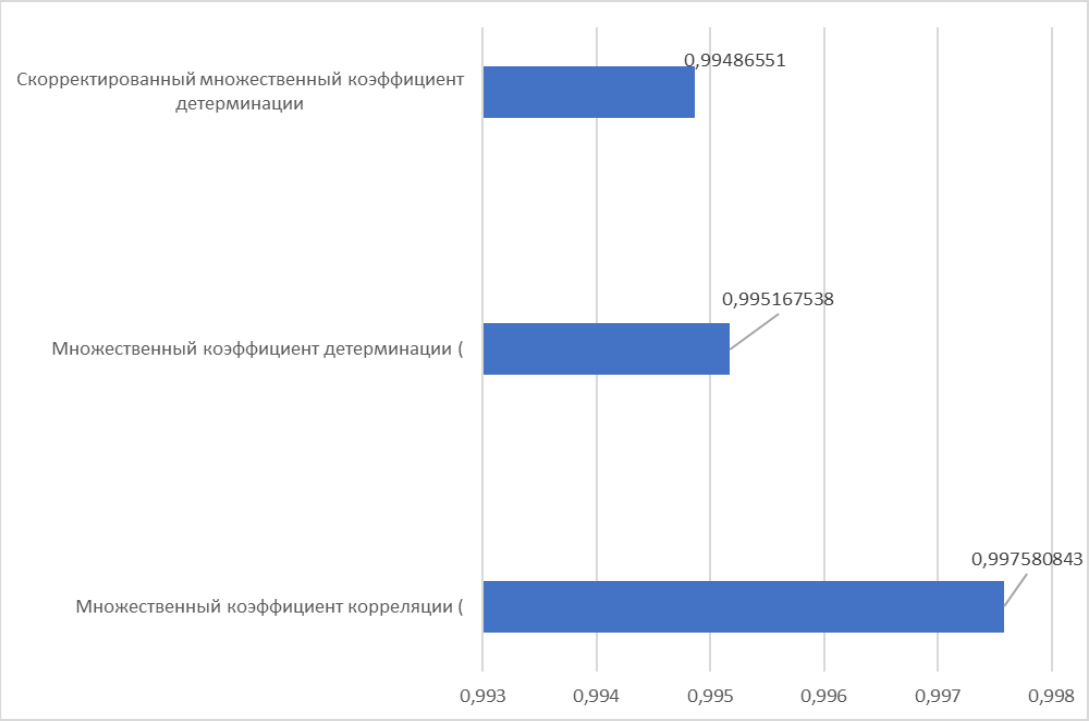


Рис.2. Параметры регрессионной модели, диагностирующей инновационное развитие территории

Следующим этапом исследования было построение дендрограммы, показывающей расположение субъектов ЦФО и отнесение их к соответствующему кластеру на основе отобранного факторного признака. Отличительная характеристика одного кластера от другого представлена в виде значений на горизонтальной оси. Объединения регионов показаны на рисунке прямоугольниками (см.рис.3). Были сформированы 4 группы кластеров с учетом результирующей составляющей, и им даны названия исходя из значений показателей отобранного в ходе регрессионного анализа –X_1:

1 группа – «звезды» по результирующей составляющей;
2 группа – регионы-«лидеры» по результирующей составляющей;
3 группа – «догоняющие» по результирующей составляющей;
4 группа – «отстающие» по результирующей составляющей.

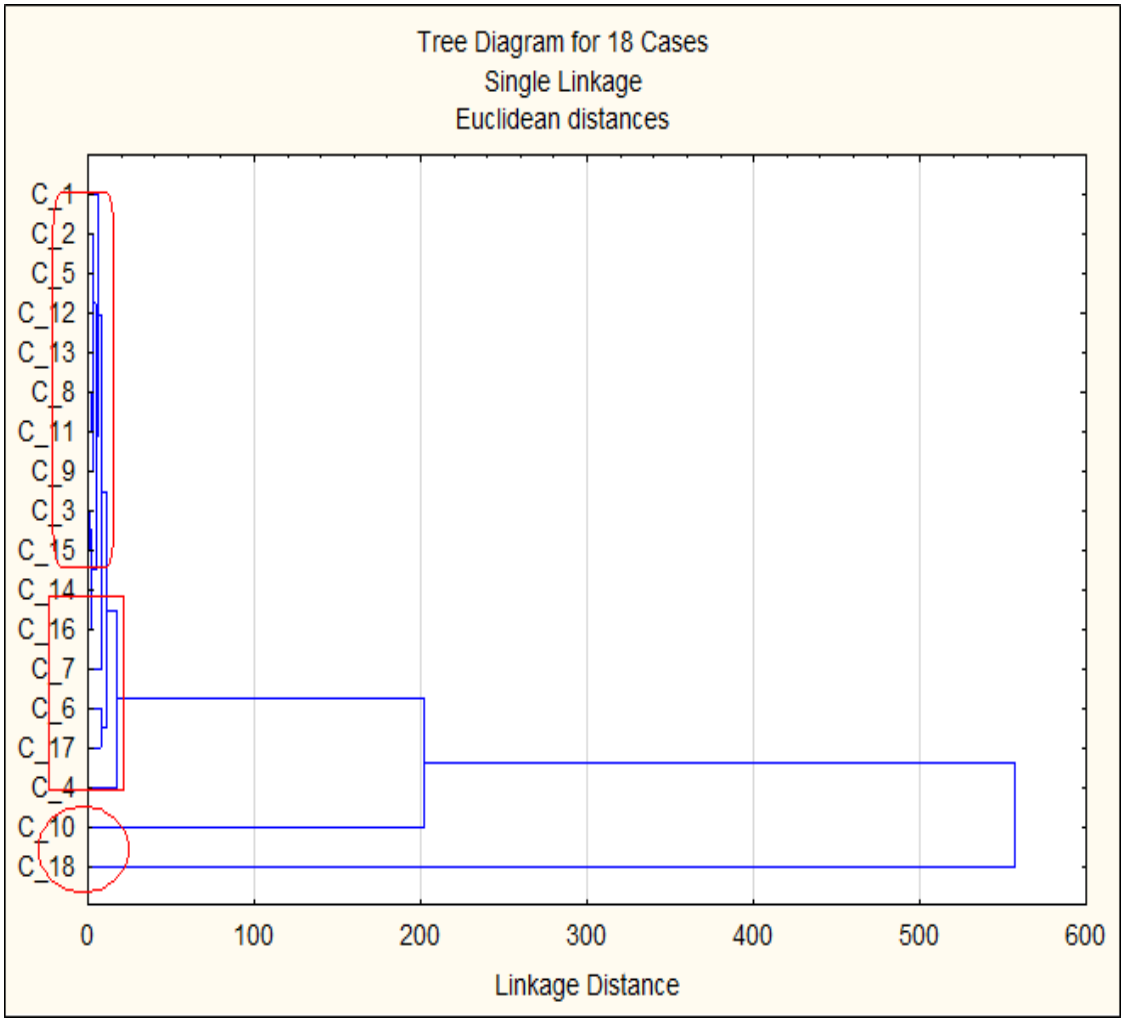


Рис.3. Распределение субъектов ЦФО по кластерам с учетом результирующей составляющей

Создание региональных кластеров с учётом результирующей составляющей основывается на отборе факторных признаков, отражающих влияние на ВРП с учетом количества организаций, осуществляющих инновационную деятельность, развития на их территории обрабатывающей промышленности и количества субъектов хозяйствования, что повысит их конкурентоспособность и эффективность регионального управления. Средой кластера являются предприятия отрасли, а непосредственным драйвером – инвестиционная привлекательность и их потенциал.

В дендрограмме представлено распределение субъектов ЦФО по кластерам с учетом критериев, оказывающих влияние на Валовой региональный продукт. Согласно произведенным расчетам и графическому отображению кластеров, были сделаны выводы о принадлежности г.Москвы (С18) к группе «звезды», что

является вполне обоснованным, так как значения по всем показателям, характеризующим результативность функционирования территорий, существенно превышают аналогичные по другим регионам. То есть одно представительство в кластере не является статистическим выбросом и его можно учитывать в отдельной группе.

Ко второму кластеру регионы-«лидеры» относятся Белгородская и Воронежская области. В данных субъектах наблюдаются высокие значения показателей, которые характеризуют численность предприятий в регионе. Рассматривая данную составляющую, ряд исследователей определяют ее как одну из ключевых при оценке мезотерриториального развития [10; 11]. В целом по кластеру наблюдаются достаточно приемлемые значения, что характеризует экономический климат как благоприятный.

К третьему кластеру регионы "догоняющие" по рассматриваемому индикатору относятся Владимирская, Ивановская, Калужская, Липецкая, Московская, Смоленская, Тверская, Тульская и Ярославская области. Однако многие имеют потенциал роста (Владимирская область со значением 0,276), благодаря чему они не сильно отстают от субъектов «лидеров» с максимальным значением, равным 0,245, и могут в дальнейшем претендовать на переход в группу «лидеры». Следует заметить, что в данном кластере присутствует Московская область, которая, являясь одним из лидеров ЦФО по экономическому развитию, не занимает лидирующих позиций. К четвертому кластеру отнесли Брянскую, Костромскую, Курскую, Орловскую, Смоленскую и Тамбовской области. Необходимо отметить, что Костромская область по инвестициям предприятий без субъектов малого предпринимательства имеет достаточно высокое значение – 8,1 и может претендовать на переход в другой кластер – «догоняющие», однако оставляет желать лучшего значения по другим критериям.

Таким образом, формирование инновационных кластеров с учетом потенциала и ряда составляющих должно базироваться не только на ресурсах, которые обеспечивают предприятия и отрасли инновационной продукцией, но и на грамотной методике, позволяющей идентифицировать ключевые параметры и на их основе уже формировать соответствующие кластеры, что даст возможность более точного прогноза и достаточного обоснования принимаемых управленческих решений на различных уровнях власти.

Литература

1. Афанасьева Т.В., Казанбиева А.Х. Подход к оценке развития цифровой экономики на основе кластеризации субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Экономика региона. – 2022. – №18 (4). – С.1075-1088. – Режим доступа: https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-8
2. Бывшев В.И. Формирование модели научно-технологической и инновационной политики в субъекте Российской Федерации // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. – 2024. – №17(1). – С.117-136. EDN: LCПDT

3. Гамидуллаева Л.А. Промышленный кластер региона как локализованная экосистема: роль факторов самоорганизации и коллаборации [Электронный ресурс] // П-Есопоту. – 2023. – Т.16, №1. – С.62-82. – Режим доступа: https://doi.org/10.18721/JE.16105
4. Голова И.М. Научно-технический потенциал регионов как основа технологической независимости РФ [Электронный ресурс] // Экономика региона. – 2022. – №18(4). – С.1062-1074. – Режим доступа: https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-4-7
5. Горячева Т.В. Исследование факторов формирования инновационного потенциала вертикально-интегрированных компаний в макрорегионе / Т.В.Горячева, О.А.Мызрова, И.А.Горячева [Электронный ресурс] // Экономика региона. – 2022. – Т.18, вып.1. – С.265-279. – Режим доступа: https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-19
6. Езангина И.А. Инновационная экосистема как новая форма организационной целостности и механизм финансирования и воспроизводства инноваций / И.А.Езангина, А.Е.Маловичко, А.А.Хрысева // Финансы: теория и практика. – 2023. – №27(3). – С.17-32. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-3-17-32
7. Леонидова Г.В., Кабакова Е.А. Востребованность социально-трудовых инноваций в сфере общего образования // Terra Economicus. – 2022. – №20(1). – С.102-116. DOI: 10.18522/20736606-2022-20-1-102-116
8. Носонов А.М. Формирование инновационных территориальных кластеров в регионах России [Электронный ресурс] // Регионология. – 2023. – Т.31, №3. – С.498-513. – Режим доступа: https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.498-513
9. Ферова И.С. Кластерная модель развития в экономике России: 10 лет спустя // Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. – 2023. – №16(9). – С.1655-1663. EDN: XSQZEO
10. Filatov E.A.Author's regional measurement of investment intensity of gross regional product of irkutsk region // IOP Conference Series: materials science and engineering. New technologies and special-purpose development priorities. – 2019. – P.012-023.
11. Tarasyev A.M. Development of a model of the gross regional product of the kurgan region / A.M.Tarasyev, V.F.Turygina, A.V.Usova, J.Vasilev // "Applications of mathematics in engineering and economics, AMEE 2020: Proceedings of the 46th International conference. – 2021. – C.150-008.

FORMATION OF INNOVATIVE TERRITORIAL CLUSTERS IN THE REGIONS OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT

Barinov Michael Alexandrovich

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of economics of innovations and finance
Vladimir state university named after A.G. and N.G.Stoletovs
600005, Russia, Vladimir, Tchaikovsky str., 36, apt. 45
Ph.: +7 920 623 02 40
3lf84@mail.ru

In the article theoretical and methodological aspects of innovative development of territories based on the regional component have been considered. In his study, the author proceeds from the existence of a national strategy for innovative development of the country, in which the vector of increasing import substitution, especially in high-tech industries, is chosen as the main tool aimed at improving the efficiency of administrative-territorial entities. This solution can be implemented through the formation of innovation-oriented clusters based on administrative-territorial entities. Important tools for their for-

mation are the innovative potential of enterprises in the real sector of the economy, an increase in the concentration of energy, financial and other resources aimed at providing territories with innovative products. In the article, an assessment of socio-economic systems based on the Central Federal District of the Russian Federation is proposed, which makes it possible to diagnose the dependence of the effectiveness of territorial management on the development of the innovation environment. A distinctive feature of the study is the construction of a forecast model and the development of an approach to the formation of innovative clusters taking into account the resulting component, which makes it possible to group entities and identify them depending on the level of modernization potential.

Keywords: cluster; resulting component; regional development; innovation; assessment.

ТАШАККУЛИ КЛАСТЕРҲОИ ИННОВАТСИОНИИ ҲУДУДӢ ДАР МИНТАҚАҲОИ ҲАВЗАИ МАРКАЗИИ ФЕДЕРАЛӢ

Баринов Михаил Александрович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёти инноватсия ва молия
Донишгоҳи давлатии Владимир ба номи А.Г. ва Н.Г.Столетовҳо
600005, Русия, Владимир, кӯчаи Чайковский, 36, х. 45
Тел.: +7 920 623 0240
3lf84@mail.ru

Дар мақола ҷанбаҳои назариявӣ ва методологии рушди инноватсионии ҳудудҳо дар асоси ҷузъиёти минтақавӣ баррасӣ карда мешавад. Муаллиф дар таҳқиқоти худ аз мавҷудияти стратегияи миллии рушди инноватсионии кишвар бармеояд, ки дар он вектори афзоиши воридотивазкунӣ, бахусус дар соҳаҳои технологияи олӣ ҳамчун воситаи асосии баланд бардоштани самаранокии фаъолияти субъектҳои маъмурию ҳудудӣ интихоб шудааст. Ин ҳалли масъаларо тавассути ташаккули кластерҳои ба инноватсия нигаронидашуда дар асоси сохторҳои маъмурӣ-ҳудудӣ амалӣ кардан мумкин аст. Воситаҳои муҳими ташаккули онҳо иқтидори инноватсионии корхонаҳои бахши воқеии иқтисодиёт, баланд бардоштани сатҳи тамаркузи захираҳои энергетикӣ, молиявӣ ва дигар захираҳо мебошанд, ки ба таъмини ҳудудҳо бо маҳсулоти инноватсионӣ нигаронида шудаанд. Дар мақола арзёбии системаҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ дар асоси Ҳавзаи Марказии Федералии Федератсияи Русия пешниҳод карда мешавад, ки имкон медиҳад вобастагии самаранокии идоракунии ҳудудӣ аз рушди муҳити инноватсионӣ ташхис карда шавад. Хусусияти фарқкунандаи тадқиқот ин сохтани модели пешгӯӣ ва таҳияи равиши ташаккули кластерҳои инноватсионӣ бо дарназардошти ҷузъи натиҷавӣ мебошад, ки имкон медиҳад субъектҳо вобаста ба сатҳи потенсиали модернизатсия гурӯҳбандӣ ва муайян карда шаванд.

Калидвожаҳо: кластер; ҷузъиёти натиҷавӣ; рушди минтақавӣ; навоварӣ; арзёбӣ.

УДК 339.16.012.23

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ НА ОСНОВЕ МЕТОДА АНАЛИЗА ИЕРАРХИИ

Ниёзов Джамолиддин Сафарович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры туризма и предпринимательства
Худжандский международный институт международного
университета туризма и предпринимательства Таджикистана
735716, Республика Таджикистан, Худжанд, 27 мкр., д. 1
Тел.: (+992) 92 777 88 79 (м.)
Jsafarovich84@gmail.com

В статье рассматриваются возможности оценки конкурентоспособности предприятий розничной торговли на потребительском рынке на основе метода анализа иерархии. Проанализирована деятельность 18 супермаркетов и ранжировано 6 супермаркетов-лидеров по объему товарооборота в продовольственном сегменте рынка города Худжанда Республики Таджикистан. Определено конкурентное преимущество розничных торговых предприятий города Худжанда по четырем группам факторов на основе экспертного анализа. Согласно выводу автора, с помощью метода анализа иерархии и используя мнения экспертов (потребителей), можно объективно оценить уровень конкурентоспособности розничных торговых предприятий на потребительском рынке. Данная методика дает возможность субъектам розничной торговли, изучая критерии спроса потребителя, совершенствовать свои услуги, повышать качество обслуживания покупателей, обеспечивая конкурентоспособность в выбранном сегменте потребительского рынка и в конечном итоге – свою финансовую устойчивость.

Ключевые слова: конкуренция; розничные предприятия; иерархия; потребитель; потребительский рынок; сегмент; конкурентоспособность; спрос; товарооборот; супермаркет.

В практике потребительского рынка существуют разнообразные методы оценки обеспечения конкурентоспособности предприятий розничной торговли [1, с.24]. По мнению Р.Г.Ташбаевой, принципы оценки конкурентности предприятий аналогичны принципам оценки конкурентоспособности товаров: комплексность и относительность. Комплексность оценки означает необходимость анализа совокупности (комплекса) критерием. Относительность предполагает сравнительный характер оценки, сравнения с конкурентами [7, с.106].

Для оценки конкурентоспособности предприятий розничной торговли необходимо обозначить факторы, обеспечивающие функционирование предприятий на потребительском рынке, а потом провести экспертное исследование по определенным параметрам конкурентоспособности предприятий [10, с.8]. В условиях рыночной конкуренции конкурентоспособность предприятий розничной торгов-

ли зависит от удовлетворения критериям спроса потребителей, и ее можно фиксировать с помощью математической функции [3, с. 114]:

$$М_к = f(x_1, x_2, \dots, x_n), (1)$$

Сегодня все торговые субъекты в своей деятельности должны функционировать на основе следующей модели [2, с. 64]:

$$М_к = \sum_{i=1}^{n} У_с + \sum_{k=1}^{n} У_ч \rightarrow П_{max}, (2)$$

где, $М_к$ – модель конкурентоспособности предприятий розничной торговли; $У_с$ – удовлетворение критериям спроса потребителя; $У_ч$ – увеличение численности потребителей, чел.$П_{max}$– максимизация прибыли, сом.

Рыночный принцип обеспечения конкурентоспособности торговых субъектов гласит, что удовлетворение критериям спроса потребителей и увеличение численности потребителей являются основным механизмом обеспечения конкурентоспособности розничных торговых предприятий и устойчивости их финансовой стабилизации на потребительском рынке [8, с.81]. Удовлетворение критериям спроса и увеличение численности потребителя зависят также от ассортимента услуг и уровня обслуживания, которые предоставляют розничные предприятия. Поэтому с целью точной оценки уровня обслуживания торговых предприятий на потребительском рынке в качестве экспертов мы выбрали постоянных потребителей, чтобы оценить уровень конкурентоспособности розничных торговых предприятий с помощью метода анализа иерархии.

Процесс реализации метода анализа иерархии включает в себя следующие этапы, которые можно иллюстрировать следующим образом (рис. 1):

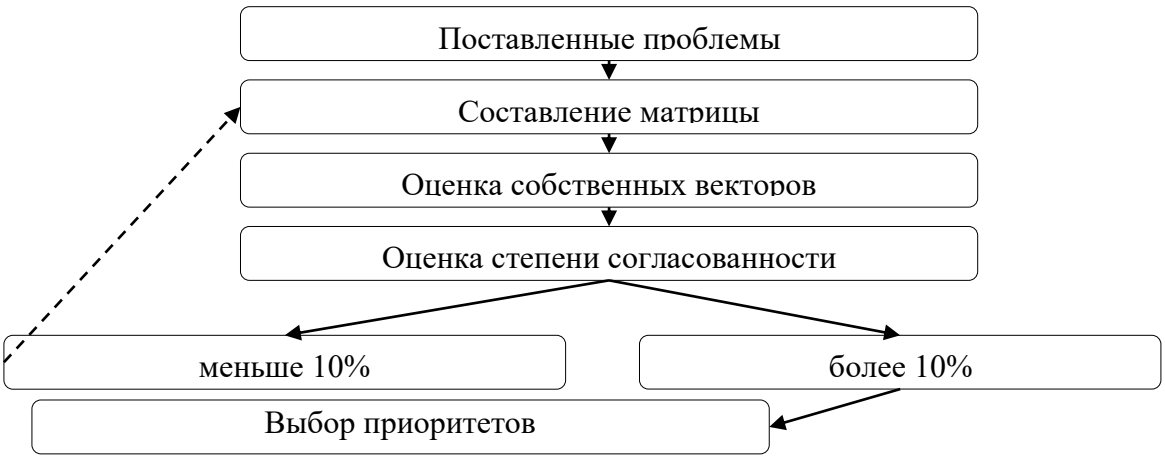


Рис.1. Алгоритм метода анализа иерархии [4, с.46]

После построения матрицы парных сравнений нам необходимо рассчитать собственное значение векторов (V_i) и их нормированную оценку с помощью следующей формулы:

$$V_i = \sqrt[n]{\prod_{j=1}^{n} a_j}, (3),$$

где V_i – значение собственного вектора в рассчитываемых задачах;

$a_j - j$ –й элемент в строках рассчитываемых матриц парных сравнений;

n – размерность рассчитываемых матриц.

Однако не всегда выводы экспертов носят объективный характер. Всесторонняя оценка объектов экспертами зависит от уровня их квалификации, профессии и эмпирического опыта [5, с.59]. Поэтому с целью проверки нам необходимо использовать такие показатели, как индекс и оценка уровня согласованности мнений экспертов, используя следующую формулу:

$$S_j = \sum_{i=1}^{n} a_{ij}, (4),$$

где S_j – сумма, $i - \mathrm{x}$ элементов в каждом, j –м столбце матрицы парных сравнений.

$$\lambda = \sum_{i=1}^{n} S_j * \mathrm{w}, (5),$$

В данной формуле поменяем индексы (индекс i на индекс j, они равны в силу того, что количество строк и столбцов в матрице парных сравнений совпадают)

$$\lambda_{\max} = \sum_{j=1}^{n} \lambda_j, (6),$$

$$\mathrm{КС} = \frac{\lambda_{\max}}{n-1}, (7),$$

где $\mathrm{КС}$ – коэффициент согласованности для рассматриваемой матрицы парных сравнений.

$$\mathrm{СС} = \frac{\mathrm{КС}}{k}, (8)$$

где $\mathrm{СС}$ – степень согласованности для рассматриваемой матрицы парных сравнений, k – случайная согласованность, зависящая от n.

Значение случайной согласованности берется из таблицы соотношения между случайной согласованностью матриц [9, с.11]. В качестве объектов исследования мы выбрали субъекты потребительского рынка города Худжанда на период 2022-2023 гг.

Так, на потребительском рынке города Худжанда функционируют 18 супермаркетов, которые предоставляют услуги конечным потребителям. Среди них лидирующее место занимают магазины Анис, Оазис-2, Амид, Оазис-1, Сафия и Мухаё (табл. 1).

Таблица 1

Динамика рыночной доли ритейлеров на потребительском рынке по продаже продовольственных товаров

№	Наименование магазинов	2022 год		2023 год		Отклонение (+,-)	
		объем продаж (тыс. сомони)	доля рынка, %	объем продаж (тыс. сомони)	доля рынка, %	сумма (тыс. сомони)	уд. вес, %
1	«Анис»	9422,9	16,2	12883	20,0	3460,1	53,1
2	«Оазис - 2»	5568,5	9,6	6633,5	10,3	1065	16,3
3	«Амид»	6041,8	10,4	6545,9	10,1	504,1	7,7
4	«Оазис-1»	7493,5	12,9	6411,7	9,9	-1081,8	16,6
5	«Сафия»	5591,5	9,6	5936,6	9,2	345,1	5,3
6	«Мухаё»	5298,1	9,1	5424,1	8,4	126	1,9
7	«Дустон»	4131,8	7,1	5150,4	8,0	1018,6	15,6
8	«Бахор»	2898,3	5,0	2909,2	4,5	10,9	0,2
9	«Панч Дирам»	2105,3	3,6	2313,9	3,6	208,6	3,2
10	«Доро»	1609,1	2,8	1737,5	2,7	128,4	2,0
11	«Шарифчон»	1440,2	2,5	1541,3	2,4	101,1	1,6
12	«Ариз»	1075,9	1,9	1247,1	1,9	171,2	2,6
13	«Тавхид»	892,2	1,5	1166,3	1,8	274,1	4,2
14	«Файзинисо 2»	1290,4	2,2	1099,7	1,7	-190,7	2,9
15	«Хумоён»	935,3	1,6	1091,9	1,7	156,6	2,4
16	«Асал»	848,1	1,5	994,5	1,5	146,4	2,2
17	«Набичон»	749,9	1,3	892,1	1,4	142,2	2,2
18	«Фаровон»	636,5	1,1	568,9	0,9	-67,6	1,0
	Итого	**58029,3**	**100**	**64547,6**	**100**	**6518,3**	**100**

Источник: рассчитано автором по данным: Статистический ежегодник Согдийской области Республики Таджикистан. Худжанд, 2024. С.380.

Для оценки уровня конкурентоспособности ритейлеров по продажам продовольственных товаров определяем наиболее значимые параметры оценки, предлагаемые альтернативы (лидирующие ритейлеры на потребительском рынке) и проведем экспертный анализ оценки (табл.2).

Таблица 2

Динамика рыночной доли шести ритейлеров по продаже продовольственных товаров на потребительском рынке

№	Наименование магазинов	2022 год		2023 год		Отклонение (+,-)	
		объем продаж (тыс. сомони)	доля рынка, %	объем продаж (тыс. сомони)	доля рынка, %	сумма (тыс. сомони)	уд. вес, %
1	«Анис»	9422,9	16,2	12883	20,0	3460,1	53,1
2	«Оазис - 2»	5568,5	9,6	6633,5	10,3	1065	16,3
3	«Амид»	6041,8	10,4	6545,9	10,1	504,1	7,7
4	«Оазис - 1»	7493,5	12,9	6411,7	9,9	-1081,8	16,6
5	«Сафия»	5591,5	9,6	5936,6	9,2	345,1	5,3
6	«Мухаё»	5298,1	9,1	5424,1	8,4	126	1,9

Источник: рассчитано автором по данным: Статистический ежегодник Согдийской области Республики Таджикистан. Худжанд, 2024. С.380.

Как свидетельствуют данные таблицы 2, среди 18 ритейлеров на потребительском рынке по продаже продовольственных товаров, лидирующие место занимают шесть ритейлеров. Среди шести лидеров первое место занимает магазин «Анис», второе место магазин «Оазис-2» и третье место занимает магазин «Амид».

Для оценки уровня конкурентоспособности шести ритейлеров группируем важные факторы конкурентоспособности предприятий сферы услуг на цифровой период хозяйствования (табл.3).

Таблица 3

Факторы конкурентоспособности ритейлеров на потребительском рынке

№	Финансы	Кадры	Услуга	Расположения
1	Платежеспособность	Специалисты	Наличие ассортимента продукции	Радиус доступности
2	Эффективность	Квалификация	Качество обслуживания	Число покупателей
3	Ликвидность	Возраст	Цена	Структура населения
4	Товарооборот	Креативность	Онлайн услуги	Структура дохода населения
5	Левиридж	Производительность труда	Офлайн услуги	Число общественных объектов

6	состояние фондов	Коммуникабельность	Уровень мотивации потребителя	Доля рынка
7	Кеш-флоу	Привлекательность	Дизайн помещения	Площадь магазина

Источник: составлено автором

Используя факторы таблицы 3, составим иерархию для оценки факторов конкурентоспособности шести лидеров на потребительском рынке города Худжанда за период 2022-2023 гг. (рис.2).

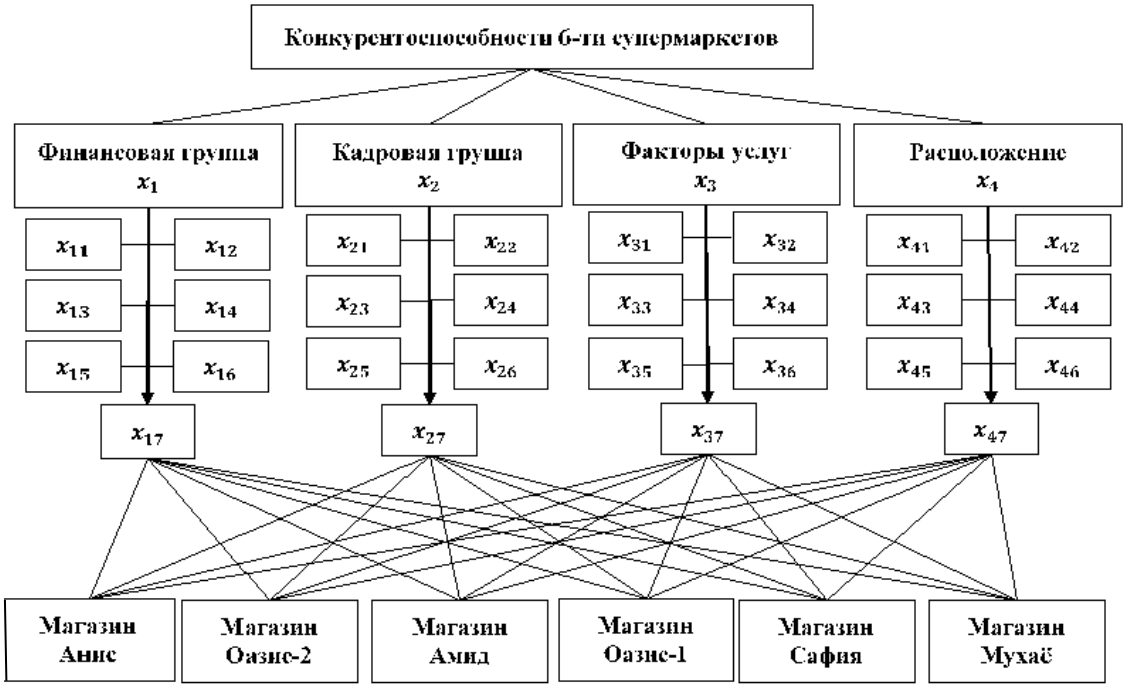


Рис.2. Дерево иерархии конкурентоспособности предприятий розничной торговли

Таким образом, необходимо определить цель, критерии и альтернативы, которые будут оценены экспертами (табл. 4).

Таблица 4

Этапы и составляющие элементы метода анализа иерархии

Уровень		Наименование	Критерии оценки
1		Цель – оценка конкурентоспособности 6 магазинов на основе МАИ (ОЭПР)	
2	Финансовая группа	Платежеспособность	x_1
		Эффективность	x_2
		Ликвидность	x_3
		Товарооборот	x_4
		Левиридж	x_5

		Состояние фондов	x_6
		Кеш-флоу	x_7
	Кадры	Специалисты	x_8
		Квалификации	x_9
		Возраст	x_{10}
		Креативность	x_{11}
		Производительность труда	x_{12}
		Коммуникабельность	x_{13}
		Привлекательность	x_{14}
	Услуга	Наличие ассортимента продукции	x_{15}
		Качество обслуживания	x_{16}
		Цена	x_{17}
		Онлайн услуги	x_{18}
		Офлайн услуги	x_{19}
		Уровень мотивации потребителя	x_{20}
		Дизайн помещения	x_{21}
	Расположение	Радиус доступности	x_{22}
		Число покупателей	x_{23}
		Структура населения	x_{24}
		Структура доходов населения	x_{25}
		Число общественных объектов	x_{26}
		Доля на рынке	x_{27}
		Площадь магазина	x_{28}
3		Альтернативы	
		Магазин Анис	A_1
		Магазин Оазис-2	A_2
		Магазин Амид	A_3
		МагазинОазис-1	A_4
		Магазин Сафия	A_5
		МагазинМухаё	A_6

Источник: составлено автором

Далее проведем парные сравнения элементов иерархии по отношению к заданному элементу вышестоящего уровня. Данный этап приводит к записи обратно симметричной матрицы, имеющей следующее свойство:

$$a_{ij} = \frac{1}{a_{ij}}, (9)$$

При сравнении элемента матрицы с самим собой значимость равна единице. Таким образом, матрица парных сравнений имеет вид:

$$\begin{bmatrix} 1 & a_{12} & a_{13} & \dots & a_{1n} \\ 1/a_{12} & 1 & a_{23} & \dots & a_{2n} \\ 1/a_{13} & 1/a_{23} & 1 & \dots & a_{3n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots & \dots \\ 1/a_{1n} & 1/a_{2n} & 1/a_{3n} & \dots & 1 \end{bmatrix}, \quad (10)$$

В рассматриваемой иерархии данные матрицы составляются для каждого из критериев второго уровня по отношению к цели задачи. Далее строится матрица парных сравнений для альтернатив (подходов к оценке) по отношению к критериям второго уровня.

Таблица 5

Матрица парных значений факторов по группам

a_{ij}	Финан	Кадр	Услуга	Распол	∑	1/n	Z	W
финан	1	5	4	4	14	0,25	1,93434	0,3122
кадр	0,2	1	4	3	8,2	0,25	1,69221	0,2731
услуга	0,25	0,25	1	2	3,5	0,25	1,36778	0,2208
распол	0,25	0,33333	0,5	1	2,08333	0,25	1,20141	0,1939
∑	1,7	6,58333	9,5	10	27,7833	0,25	6,19573	1
λ	0,53075	1,79807	2,09724	1,93909	-	-	-	-
λ μακ	6,36514	-	-	-	-	-	-	
инд. согл	0,78838	-	-	-	-	-	-	-
отн. согл	0,87598	-	-	-	-	-	-	-

Как показывают данные таблицы 5, расчет индекса согласованности (ИС) и отношения согласованности (ОС) показывают, что мнения экспертов по поводу однородности приближенности оценки рангов матрицы совпадают на 78,8% или имеют отношение 87,5%, что является хорошим показателем.

Таблица 6

Результат расчета доли критерия выбора альтернатив

	Наименование	x1	x2	x3	x4	x5	x6	x7	0,159	k	%	Рейтинг
Финансовая	Анис	0,198	0,177	0,171	0,198	0,176	0,166	0,183	0,160	0,181	18,14	1
	Оазис-2	0,186	0,181	0,175	0,181	0,166	0,176	0,180	0,151	0,178	17,80	2
	Амид	0,181	0,178	0,182	0,180	0,170	0,183	0,164	0,144	0,177	17,73	3
	Оазис-1	0,149	0,164	0,175	0,147	0,186	0,168	0,186	0,134	0,167	16,71	4
	Сафия	0,146	0,173	0,164	0,146	0,164	0,169	0,152	0,136	0,159	15,93	5
	Мухаё	0,141	0,127	0,132	0,148	0,138	0,137	0,136	0,116	0,137	13,68	6
									0,161			
Кадровая	Анис	0,185	0,190	0,185	0,179	0,178	0,170	0,164	0,158	0,179	17,94	2
	Оазис-2	0,168	0,173	0,173	0,170	0,184	0,173	0,165	0,158	0,172	17,24	4
	Амид	0,166	0,167	0,176	0,180	0,186	0,188	0,185	0,140	0,177	17,74	3
	Оазис-1	0,166	0,185	0,188	0,183	0,170	0,186	0,187	0,127	0,180	18,05	1
	Сафия	0,153	0,154	0,144	0,143	0,139	0,147	0,165	0,133	0,149	14,92	5
	Мухаё	0,142	0,131	0,134	0,144	0,144	0,136	0,135	0,123	0,138	13,78	6
									0,167			
Услуга	Анис	0,173	0,177	0,181	0,187	0,177	0,170	0,171	0,148	0,177	17,66	3
	Оазис-2	0,161	0,185	0,178	0,180	0,183	0,174	0,169	0,151	0,175	17,55	4
	Амид	0,182	0,186	0,180	0,173	0,184	0,189	0,186	0,136	0,183	18,29	1
	Оазис-1	0,174	0,179	0,181	0,176	0,179	0,180	0,188	0,135	0,179	17,94	2
	Сафия	0,167	0,135	0,135	0,139	0,136	0,147	0,143	0,141	0,144	14,36	5
	Мухаё	0,142	0,138	0,145	0,145	0,142	0,140	0,143	0,123	0,142	14,21	6
									0,168			
Расположение	Анис	0,179	0,190	0,167	0,183	0,176	0,196	0,168	0,165	0,180	18,01	2
	Оазис-2	0,177	0,178	0,184	0,163	0,177	0,166	0,160	0,152	0,173	17,29	4
	Амид	0,179	0,182	0,192	0,181	0,174	0,187	0,192	0,131	0,184	18,36	1
	Оазис-1	0,185	0,173	0,169	0,188	0,187	0,163	0,181	0,131	0,178	17,78	3
	Сафия	0,137	0,136	0,143	0,144	0,148	0,137	0,161	0,129	0,143	14,33	5
	Мухаё	0,143	0,141	0,144	0,142	0,138	0,150	0,138	0,125	0,142	14,22	6

Источник: рассчитано автором

Как свидетельствуют данные таблицы 6, по финансовым группам конкурентоспособности предприятий розничной торговли, первое место в рейтинге занимает магазин Анис – 18,14%, второе место – магазин Оазис-2 – 17,80% и третье место – магазин Амид – 17,73.

Конкурентоспособность предприятий розничной торговли на потребительском рынке по кадровым группам: первое место в рейтинге занимает магазин Оазис-1 – 18,05%, второе место магазин Анис – 17,94% и третье место магазин Амид – 17,74%.

Конкурентоспособность предприятий розничной торговли на потребительском рынке по группам услуг: первое место в рейтинге занимает магазин Амид – 18,29%, второе место занимает магазин Оазис-1 – 17,94%, третье место занимает магазин Анис – 17,66%.

На основе данных таблицы 6 суммируем значение оценки каждого магазина по четырем группам для выводов о рейтинге каждого магазина на потребительском рынке (табл. 7).

Таблица 7

Рейтинг конкурентоспособности магазинов по четырем группам факторов на потребительском рынке

Наименование	Балл	Рейтинг
Амид	71,75	1
Анис	69,88	2
Оазис-2	72,13	3
Оазис-1	70,48	4
Сафия	59,54	5
Мухаё	55,90	6

Как свидетельствуют данные таблицы 7, в топ-3 рейтинга конкурентоспособности предприятий розничной торговли на потребительском рынке входят магазины Амид, Анис и Оазис. Результат проведенного опроса респондентов свидетельствует о том, что эти магазины комплексно удовлетворяют критерии спроса потребителя. Они предоставляют дифференцированные услуги и качественное обслуживание потребителям. Один из видов обслуживания потребителей – это наличие ассортимента товаров в магазине, другой вид обслуживания – доступная цена и местонахождение магазина в доступном радиусе движения населения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с помощью метода анализа иерархии и используя мнения экспертов (потребителей), можно объективно оценить уровень конкурентоспособности розничных торговых предприятий на потребительском рынке. Данная методика дает возможность субъектам розничной торговли, изучая критерии спроса потребителя, совершенствовать услуги, повышать качество обслуживания покупателей и обеспечивать свою конкурентоспособность в выбранном сегменте потребительского рынка.

Литература

1. Исоков А.А., Ниёзов Дж.С. Совершенствование системы управления конкурентоспособностью предприятий розничной торговли. – Душанбе: Ирфон, 2019. – 175 с.
2. Раджабов Р.К. Сфера услуг: проблемы и перспективы развития / Р.К.Раджабов, Х.Н.Факеров, М.Нурмахмадов, М.Х.Саидова. – Душанбе: Дониш, 2007. – 544 с.
3. Рауфи А. Конкурентная экономика: монография / под общ. ред. д.э.н., проф. О.Б.Бобоева. – Душанбе: Дониш, 2014. – 208 с.
4. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / пер. с англ. – М.: Радио и связь, 1993. – 278с.
5. Салихова Р.Р. Управление конкурентоспособностью торговых организаций на основе регулирования их эффективности: дис. … канд. экон. наук: 08.00.05 / Салихова Регина Рафаилевна. – М., 2014. – 160 с.

6. Статистический ежегодник Согдийской области. – Худжанд, 2024. – 396 с.
7. Ташбаева Р.Г. Анализ методик определения конкурентоспособности организации // Вестник университета «Российско-Таджикский (Славянский) университет». – Душанбе: РТСУ, 2016. – №4(56). – С.106-112.
8. Шарипов М.М. Экономическое обеспечение конкурентоспособности потребительской кооперации на рынке продовольственных товаров: теория, методология, практика: автореф. дис. … д-ра экон. наук: 08.00.05 / Шарипов Мумин Машокирович. – Новосибирск, 2011. – 32с.
9. Ялунина Е.Н. Конкурентоспособность розничного торгового предприятия: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.05 / Ялунина Екатерина Николаевна. – Екатеринбург, 2007. – 26с.

ASSESSMENT OF COMPETITIVENESS OF RETAIL TRADE ENTERPRISES BASED ON THE METHOD OF HIERARCHY ANALYSIS

Niyozov Jamoliddin Safarovich

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of tourism and entrepreneurship
Khujand international institute
International university of tourism and entrepreneurship of Tajikistan
735716, Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand, 27 mcd, b.1
Ph.: (+992) 92 777 88 79 (m.)
Jsafarovich84@gmail.com

The article deals with the possibilities of assessing the competitiveness of retail enterprises in the consumer market based on the method of hierarchy analysis. The activities of 18 supermarkets were analyzed and 6 supermarkets-leaders in terms of turnover in the food segment of the market of the city of Khujand, Republic of Tajikistan were ranked. The competitive advantage of retail trade enterprises of the city of Khujand is determined by four groups of factors based on expert analysis. According to the author, using the hierarchy analysis method and using the opinions of experts (consumers), it is possible to objectively assess the level of competitiveness of retail trade enterprises in the consumer market. This technique enables retail entities, by studying the criteria of consumer demand, to improve their services, improve the quality of customer service, ensuring competitiveness in the selected segment of the consumer market and, ultimately, their financial stability.

Keywords: competition; retail enterprises; hierarchy; consumer; consumer market; segment; competitiveness; demand; turnover; supermarket.

БАҲОДИҲИИ РАҚОБАТПАЗИРИИ КОРХОНАХОИ САВДОИ ЧАКАНА БО УСУЛИ ТАҲЛИЛИ ИЕРАРХИЯ

Ниёзов Ҷамолиддин Сафарович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи сайёҳӣ ва соҳибкорӣ
Донишкадаи байналмилалии Хуҷанди
Донишгоҳи байналмилалии сайёҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон
735716, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, Хуҷанд, мкр. 27, х. 1
Тел.: (+992) 92 777 88 79 (м.)
Jsafarovich84@gmail.com

Дар мақола имкониятҳои арзёбии рақобатпазирии корхонаҳои чакана дар бозори истеъмолӣ дар асоси усули таҳлили иерархӣ баррасӣ карда шудааст. Фаъолияти 18 фурӯшгоҳи бузург (супермаркет) мавриди таҳлил қарор гирифта, 6 супермаркети пешқадам аз рӯйи ҳаҷми гардиши молӣ дар сегменти бозори молҳои хӯрокворрии шаҳри Хуҷанди Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян карда шудаанд. Бартариятҳои рақобатии корхонаҳои савдои чакана дар шаҳри Хуҷанд аз рӯйи чор гурӯҳи омилҳо дар асоси таҳлили экспертӣ муайян карда шудааст. Тибқи хулосаи муаллиф, бо истифода аз усули таҳлили иерархӣ ва бо истифода аз андешаҳои коршиносон (истеъмолкунандагон) сатҳи рақобатпазирии корхонаҳои савдои чаканаро дар бозори истеъмолӣ объективӣ арзёбӣ кардан мумкин аст. Усули мазкур ба субъектҳои савдои чакана имкон медиҳад, ки бо омӯзиши меъёрҳои талаботи истеъмолкунандагон хизматрасонии худро беҳтар гардонанд. Инчунин, сифати хизматрасониро ба мизоҷон баланд бардошта, рақобатпазириро дар сегменти интихобшудаи бозори истеъмолӣ таъмин намуда, дар ниҳоят устуворрии молиявии худро низ таъмин намоянд.

Калидвожаҳо: рақобат; корхонаҳои чакана; иерархия; истеъмолкунанда; бозори истеъмолӣ; сегмент; рақобатпазирӣ; талабот; гардиши молӣ; супермаркет.

УДК 338.24:378

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПОИСКУ МАЛОЗАТРАТНОГО МЕХАНИЗМА БАЛАНСИРОВАНИЯ СПРОСА НА КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ КАДРЫ И ИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сангинов Назрулло Сангинович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и организации предпринимательства
Таджикский государственный университет коммерции
734055, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Дехоти, ½
Тел.: (+992) 93 444 55 11 (м.)
cpte@mail.ru

В статье определена значимость наиболее оптимального выбора из числа возможных вариантов достижения равновесия между спросом на квалифицированные кадры разных профессий и специальностей и их предложением. Обоснована целесообразность применения ситуационного подхода к анализу и планированию дальнейших действий учреждений профессионального образования и субъектов рынка труда, направленного на успешное трудоустройство будущих выпускников по выбранной специальности. Проведён сравнительный анализ соотношения спроса на квалифицированные кадры с начальным, средним и высшим профессиональным образованием в Республике Таджикистан в разрезе групп специальностей и их предложения, выявлены причины возникновения тех или иных ситуаций. Определены возможные варианты дальнейших действий структурных подразделений Министерства образования и науки Республики Таджикистан, Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан с привлечением соответствующих субъектов рынка образовательных услуг и труда для достижения баланса спроса и предложения на данных рынках с указанием их положительных и отрицательных сторон. Предложено создание единого официального общедоступного сайта с общей информационно-аналитической онлайн-платформой на пространстве республик Центральной Азии и Российской Федерации. Обоснована сравнительная эффективность предложенной автором информационно-аналитической платформы с общедоступным сайтом в условиях прогрессирующей тенденции интеграции и интернационализации рынков образовательных услуг и труда.

Ключевые слова: Республика Таджикистан; квалифицированные кадры; рынок труда; рынок образовательных услуг; ситуационный подход; спрос; предложение; информационная платформа.

Характерная особенность нынешнего этапа социально-экономического развития Республики Таджикистан заключается в последовательном переходе от аграрно-индустриального к индустриально-аграрному сценарию развития. Повышение доли промышленности (включая энергетику) в общем объёме производства валового внутреннего продукта с 12,1% в 2012 году до 16,9% в 2022 году, т. е. на 4,8 пункта, при соответственном повышении доли сельского хозяйства

с 23,3% до 24,6%, т.е. всего на 1,3 пункта, подтверждает обоснованности данного вывода[1].

Происходящие качественные изменения в структуре рынка труда, обусловленные техническим прогрессом и внедрением прогрессивных технологий в отраслях материального производства и сферы услуг, требуют от учреждений профессионального образования своевременно анализировать ситуацию на рынке труда, прогнозировать перемены в сфере занятости и гибко реагировать на эти перемены. От эффективной деятельности субъектов сфер образования и труда в этом направлении зависит степень сбалансированности спроса на квалифицированные кадры и их предложения на рынке труда. Обращая внимание на важность решения данной задачи, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своём Послании Маджлиси Оли Маджлиси намояндагон республики 23.12.2022г. отмечал: «Правительству страны необходимо на основе анализа состояния внутреннего и внешнего рынка труда разработать и реализовать проект среднесрочной программы подготовки профессиональных кадров начального и среднего этапов из числа молодёжи…»[2].

Данное высказывание свидетельствует о глубоком знании Президентом республики ситуации на внутреннем и внешнем рынках труда, где ощущается нехватка квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена, особенно технических и технологических направлений.

В условиях быстро меняющихся потребностей рынка труда в квалифицированной рабочей силе разного профиля и уровня подготовки особое значение приобретает правильный выбор из числа всевозможных вариантов дальнейших действий в той или иной ситуации наиболее оптимального, который бы способствовал устранению дисбаланса между спросом и предложением на рынках образовательных услуг и труда [10]. Следовательно, ситуационный подход [11] к выбору стратегии дальнейших действий учреждений профессионального образования и субъектов рынка труда приобретает особую актуальность. Значимость данного подхода возрастает с развитием международной интеграции и интернационализации в сферах образования и труда.

В целях выявления возможных ситуаций в процессе взаимодействия рынка образовательных услуг и рынка труда нами были изучены доступные опубликованные работы, посвящённые анализу состояния данных рынков [1, с.10]. В них изложены подходы различных авторов к исследованию теоретических и практических аспектов данной проблемы. В частности, Г.В.Антонов и И.Б.Омельченко в своей работе [1] на основе изучения зарубежного опыта пришли к заключению, что анализ должен фокусироваться на причинах несоответствия между спросом и

---

[1] См.: Таджикистан: 30 лет государственной независимости // Статистический сборник / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2021. С.702; Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2023. С.419.

[2]Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Таджикистан» от 23.12.2022г. URL: http://president.tj/ru/node/29824

предложением рабочей силы не только в целом, но и в профессионально-квалификационном разрезе. Р.Капелюшников в своей работе [4] на основе анализа соотношения спроса и предложения высококвалифицированной рабочей силы в России приходит к выводу, что в последующие десятилетия российская экономика может столкнуться с огромным переизбытком высокообразованной рабочей силы. На основе обобщения результатов исследования различных авторов, посвященных анализу состояния рынка образовательных услуг и рынка труда, нами выявлено, что наиболее характерными ситуациями, которые чаще всего встречаются в процессе взаимодействия указанных рынков большинства развивающихся стран, в том числе и Республики Таджикистан, являются следующие.

Ситуация первая. На рынке образовательных услуг наблюдается тенденция повышения спроса на приобретение так называемых, по выражению профессора К.Г.Кязимова, «модных специальностей» [6], потребность национального рынка труда в которых полностью или в значительной степени удовлетворена. Подобная ситуация чаще всего наблюдается в трудоизбыточных регионах мира, к числу которых относится и Республика Таджикистан. Достаточно отметить, что, согласно официально опубликованным данным, общее число выпуска специалистов учреждениями среднего и высшего профессионального образования в 2022 году составило 68500 чел., из которых 48100 чел. являлись выпускниками дневной формы обучения. При этом официально заявленная субъектами рынка труда потребность в квалифицированных работниках в конце 2022 года составила всего 18935 человек[1]. Приведённые данные показывают, что потребность национального рынка труда в специалистах, имеющих среднее или высшее профессиональное образование, составляет лишь 39,4% от общей численности выпускников дневной формы обучения в учреждениях профессионального образования. Даже если предположить, что не все субъекты рынка труда (особенно частные) представляют информацию в органы службы занятости о наличии вакантных рабочих мест, данный показатель в республике, особенно по специальностям экономического и юридического направления, остаётся сравнительно низким.

В случаях возникновения подобной ситуации по тем или иным специальностям учреждения высшего профессионального образования при выборе варианта дальнейшего действия сталкиваются с дилеммой (рис.1):

[1] См. Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2023. С.58, 93.

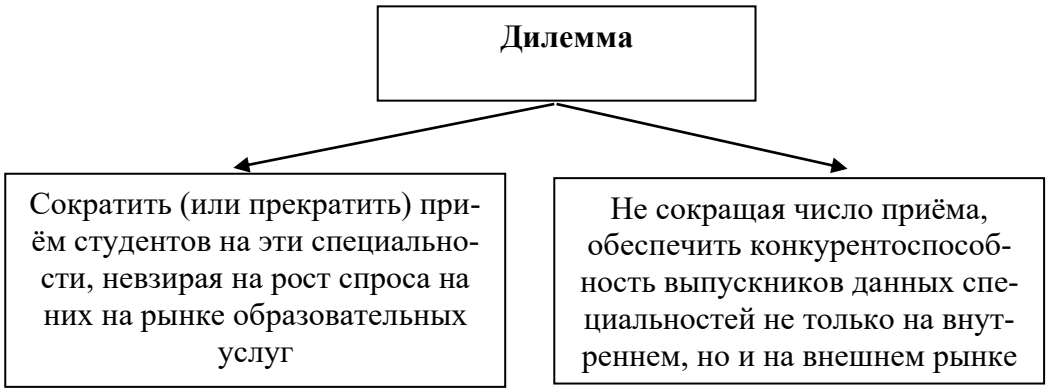


Рис.1. Возможные варианты дальнейших действий учреждений профессионального образования в ситуации превышения спроса на образовательные услуги над потребностью рынка труда

Каждый из указанных вариантов действия имеет свои положительные и отрицательные стороны, которые следует учесть при выборе наиболее оптимального. Положительные и отрицательные стороны первого варианта действия выражаются в следующем (рис.2):

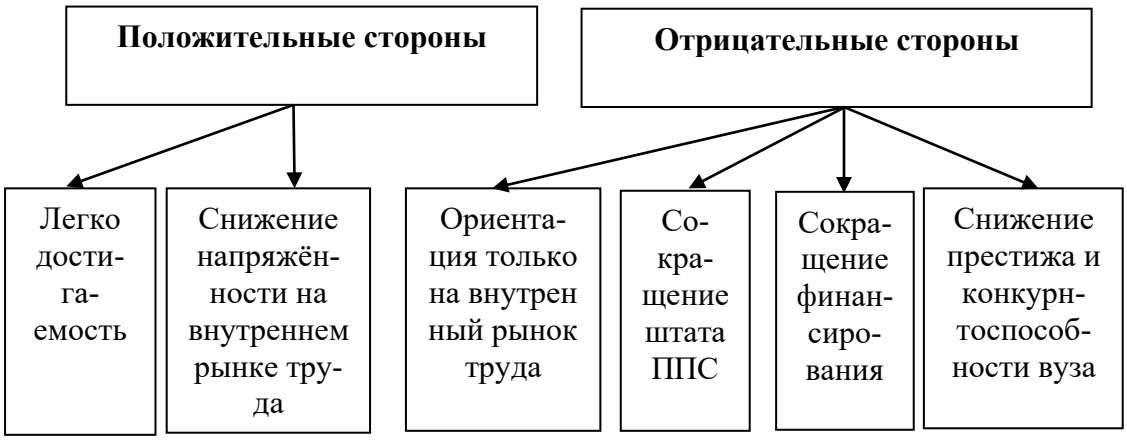


Рис.2. Положительные и отрицательные стороны первого варианта действия

Сравнительный анализ положительных и отрицательных сторон данного варианта действия с соответствующими показателями второго варианта (рис.3) позволяет нам выбрать из возможных вариантов дальнейших действий наиболее оптимальный, который в сложившейся ситуации способствует повышению конкурентоспособности выпускников соответствующего учреждения профессионального образования на мировой арене.

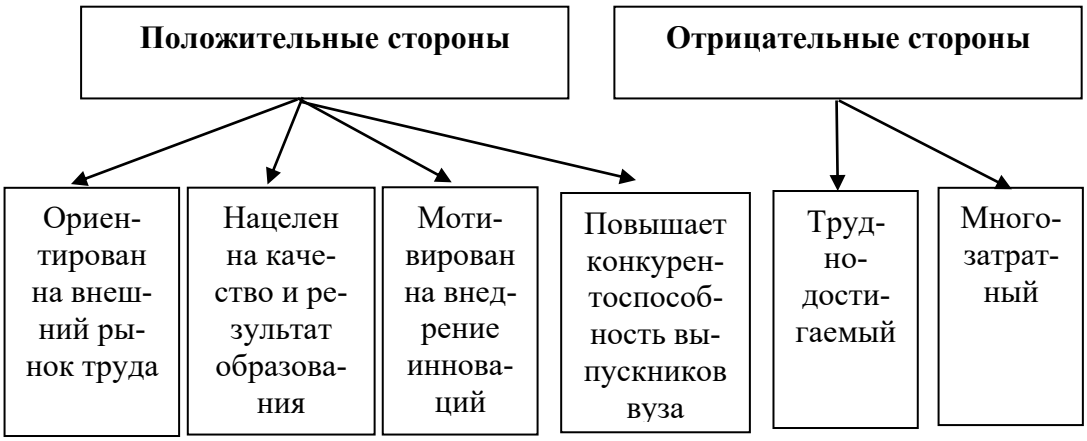


Рис.3. Положительные и отрицательные стороны второго варианта действия

Приведённые на рис. 2 и 3 перечни положительных и отрицательных сторон рассматриваемых вариантов действий показывают, что положительных сторон во втором варианте значительно больше, нежели в первом. Следовательно, с позиции интеграции учреждений профессионального образования в международные рынки образовательных услуг и труда выбор второго варианта является более предпочтительным. Однако своевременная и оперативная реализация данного варианта в ближайшей перспективе не под силу абсолютному большинству учреждений профессионального образования по причине недостатка у них соответствующих трудовых, технических и финансовых ресурсов.

Ситуация вторая. На рынке образовательных услуг наблюдается заметное сокращение спроса на приобретение специальностей инженерно-технического, технологического и физико-математического направлений (особенно на договорной основе), потребность в которых в условиях вступления страны на путь индустриального развития непрерывно растёт. По экспертным оценкам специалистов Министерства труда, занятости и миграции Республики Таджикистан, из общего числа вышеупомянутых нами официально заявленных субъектами рынка труда республики потребностей в квалифицированных работниках в конце 2022 года (18935 чел.) почти 80% вакантных должностей, указанных в их заявках, относились к инженерно-техническим и технологическим профессиям. Следовательно, потребность в квалифицированных работниках указанных профессий в 2023 году составила 15148 чел. При этом выпуск специалистов данных направлений учреждениями высшего и среднего профессионального образования для отраслей промышленности и строительства в 20210/2022 учебном году составил всего 10800 человек[1].

[1] См.: Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2023. С.419, 59.

Из вышеизложенного вытекает, что в настоящее время потребность рынка труда республики в квалифицированных специалистах вышеуказанных направлений удовлетворяется лишь на 71,3%.

Если учитывать, что не все субъекты рынка труда (особенно частные) представляют в органы службы занятости информацию о наличии вакантных мест, данный показатель окажется ещё ниже.

Основными причинами сложившейся ситуации на рынке образовательных услуг и труда республики являются:

- недостаточный уровень знания преобладающей части выпускников общеобразовательных школ, приобретённых ими в процессе изучения физики, математики и геометрии, который порождает их неуверенность в успешном продолжении обучения по вышеупомянутым специальностям учреждениях профессионального образования;
- недостаточное количество бюджетных мест, выделяемых на основе прогнозов Министерства экономического развития и торговли республики потребности в высококвалифицированных специалистах технического и технологического направления, включая заключённые между учреждениями высшего образования и негосударственными субъектами предпринимательства договора на их подготовку, что не способствует обеспечению потребностей национального рынка труда в полном объёме. План приёма по индивидуальным договорам с желающими продолжить учёбу по этим специальностям также не выполняется из-за дороговизны обучения и неплатежеспособности значительной части населения;
- сравнительно низкий уровень оплаты труда квалифицированных инженерно-технических работников (в сравнении с другими странами) снижает мотивацию выпускников общеобразовательных школ в выборе специальностей инженерно-технических и технологических направлений для продолжения обучения.

В данной ситуации Государственным органам управления образованием и учреждениям профессионального образования приходится выбирать из следующих возможных вариантов дальнейшего действия наиболее приемлемые:

1. Разработать эффективный механизм улучшения качества преподавания, обучения и мотивации учащихся общеобразовательных школ к освоению естественнонаучных дисциплин, необходимых для успешного продолжения обучения по инженерно-техническим и технологическим специальностям в учреждениях профессионального образования, принять меры по его оперативной реализации;

2. Увеличить количество выделяемых для специальностей инженерно-технического и технологического направлений бюджетных мест за счёт сокращения круга специальностей, по которым наблюдается превышение предложения над спросом на рынке труда;

3. Совместно с Министерством труда, миграции и занятости населения изыскать резервы увеличения размера заработной платы и предоставления всевозможных льгот квалифицированным инженерно-техническим работникам с целью повышения заинтересованности выпускников общеобразовательных школ в про-

должении обучения по специальностям инженерно-технического направления в учреждениях профессионального образования.

Применительно к условиям Республики Таджикистан из вышеуказанных возможных вариантов дальнейших действий второй вариант является наиболее приемлемым, поскольку он способствует повышению возможностей выпускников общеобразовательных школ из семей с низким уровнем доходов для продолжения обучения в учреждениях профессионального образования по специальностям инженерно-технического направления. Однако в процессе практической реализации данного варианта органы управления образованием и учреждения профессионального образования сталкиваются с трудностями организационного и финансового характера, к числу которых следует отнести:

1. Согласование предлагаемого плана приёма на бюджетные места учреждений профессионального образования в разрезе специальностей с Министерством экономического развития и торговли, не заинтересованного в признании своих ошибок в прогнозе спроса и предложения на квалифицированные кадры, а также с Министерством финансов, которое не заинтересовано в изменении утверждённых им текущих и перспективных финансовых планов;

2. Увеличение числа бюджетных мест по специальностям инженерно-технического направления требует дополнительных затрат средств, труда и времени на расширение действующих и создание новых учебных кабинетов и лабораторий, оборудованных согласно установленным нормам, что выходит за рамки ресурсных (особенно финансовых) возможностей преимущественного большинства учреждений профессионального образования.

Ситуация третья. На рынках образовательных услуг наблюдается относительное соответствие спроса на приобретение некоторых специальностей гуманитарного и педагогического направлений потребности в них на национальном рынке труда. Возникновение подобной ситуации, при прочных равных условиях, должно обеспечивать сбалансированность спроса и предложения квалифицированных кадров на данном рынке. Однако практика показывает, что в большинстве случаев и данная ситуация не позволяет устранить дисбаланс между спросом и предложением профессиональных кадров из-за непрестижности этих профессий и сравнительно низкого размера заработной платы.

Возникновение подобных ситуаций в той или иной степени характерно и для рынков образовательных услуг и труда других республик Центральной Азии и Российской Федерации. Следовательно, успешное решение данной проблемы требует их совместного усилия в поиске наиболее малозатратного механизма устранения вышеуказанного дисбаланса.

Считаем, что создание общедоступного сайта с общей информационно-аналитической онлайн-платформой на пространстве вышеупомянутых стран с предлагаемыми параметрами является наиболее оптимальным вариантом, не требующим больших затрат труда и средств (рис.4.).

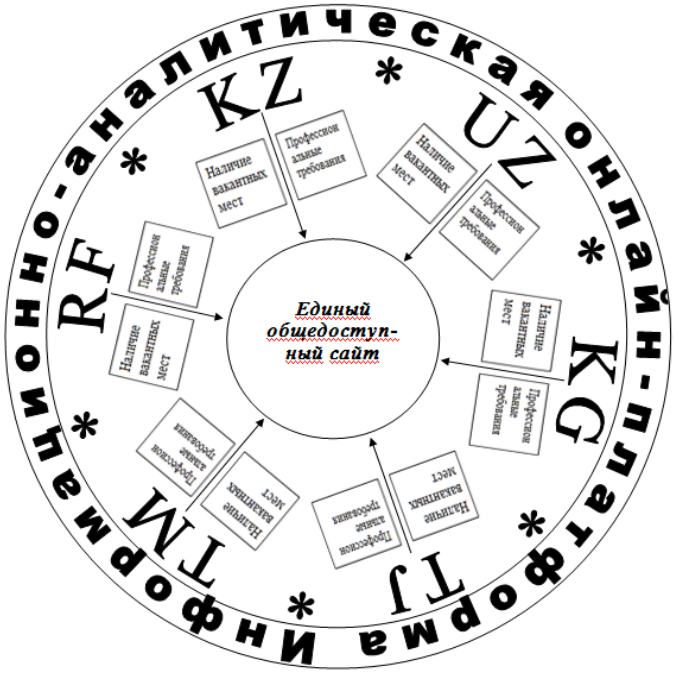


Рис. 4. Информационно-аналитическая онлайн-платформа на пространстве республик ЦА и РФ

Составлено автором

Размещение членами онлайн-платформы объективной информации о вакантных должностях с указанием предъявляемых профессиональных требований для приёма на работу, независимо от места проживания желающих, минимального размера заработной платы, условий труда и быта на общедоступном сайте будет способствовать выбору наиболее квалифицированных работников на конкурсной основе.

Таким образом, обобщение результатов анализа соотношений спроса на квалифицированные кадры различных профессий и специальностей и их предложения в условиях, характерных для Республики Таджикистан, позволило сформулировать следующие выводы:

1. Недостаточная координация деятельности Министерства образования и науки и Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан в области разработки планов приёма в учреждениях профессионального образования в соответствии с потребностью рынка труда является основной причиной сложившегося дисбаланса между спросом на квалифицированные кадры и их предложением.

2. Несоответствие качества образования международным параметрам не позволяет выпускникам учреждений профессионального образования Республики Таджикистан трудоустроиться по специальности за пределами нашей страны на конкурсной основе. Следовательно, достижение международных параметров ка-

чества образования должно быть включено в стратегические планы всех образовательных учреждений на ближайшую перспективу и строго контролироваться органами исполнительной власти.

3. Отсутствие эффективного механизма привлечения работодателей в образовательный процесс снижает уровень практической ориентации образования и не способствует формированию у студентов необходимых профессиональных компетенций. Следовательно, разработку действенного механизма взаимоотношений учреждений профессионального образования с субъектами рынка труда следует включить в число приоритетных задач каждого образовательного учреждения.

Литература

1. Антонова Г.В., Омельченко И.Б. Зарубежный опыт прогнозирования потребностей экономики в квалифицированных кадрах [Электронный ресурс.] // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2023. – Т.13, №11А. – С.426-442. – Режим доступа: http://publishing-.ru›file/archive-vak economy-2023-11/… (дата обращения: 22.12.2024).
2. Беликова Л.Ф. Молодёжный рынок труда и рынок образовательных услуг Свердловской области: проблемы взаимосвязи // Образование и наука. – 2002. – №6 (18). – С.68-83.
3. Гневашева В.А. Особенности современного формирования профессиональных компетенций молодёжи через систему высшего профессионального образования. // Образование и образованный человек в XXI веке. – 2013. – №4. – С.5-10.
4. Капелюшников Р. Спрос и предложение высококвалифицированной рабочей силы в России: кто бежал быстрее? Ч.I [Электронный ресурс] // Вопросы экономики. – 2012. – №2. – С.52-66. – Режим доступа: https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-2-52-66
5. Краснопевцева И.В. Профессиональный дисбаланс рынка труда квалифицированной рабочей силы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. -Н.Новгород, 2013. – №3(1). – С.315-321.
6. Кязимов К.Г. Рынок труда и занятость населения: учебник для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 214с.
7. Мариен Л.С., Мельникова Д.М. Разработка концепции прогнозирования потребности экономики в квалифицированных кадрах при переходе России на цифровую модель развития [Электронный ресурс] // Вестник РЭУ им Г.В.Плеханова. – М., 2019. – №6 (108). – С.62-69. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru›article/n/razrabotka-kontseptsii-…
8. Наумова О.Н. Исследование рынка труда и рынка образовательных услуг как фактора качественных преобразований в развитии системы образования // Гуманизация образования. –2009. –№2. –С.24-35.
9. Никулина Ю.Н. Взаимодействие рынка труда и рынка образовательных услуг региона: вопросы теории и практики: монография. – М.: Перо, 2015. – 215 с.
10. Сангинов Н.С. Качество образования как определяющий фактор интеграции образовательного комплекса страны в международный рынок образовательных услуг // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3(81). – С.372-384.
11. Солодухо Н.М. Методология ситуационного подхода в научном познании. [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. – 2005. – №8. – С.85-87. – Режим достуупа: https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=6474 (дата обращения: 13.07.2024).

SITUATIONAL APPROACH TO SEARCHING FOR A LOW-COST MECHANISM FOR BALANCING DEMAND AND SUPPLY FOR QUALIFIED PERSONNEL

Sanginov Nazrullo Sanginovich

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of economics and organization of entrepreneurship
Tajik state university of commerce
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Dehoti str., ½
Ph.: (+992) 93 444 55 11 (m.)
cpte@mail.ru

In the article the importance of the most optimal choice from among possible options for achieving a balance between the demand for qualified personnel of different professions and specialties and their supply is defined. The need for applying a situational approach to the analysis and planning of further actions of vocational education institutions and labor market entities aimed at successful employment of future graduates in the chosen specialty is substantiated. A comparative analysis of the ratio of demand for qualified personnel with primary, secondary and higher vocational education in the Republic of Tajikistan in the context of groups of specialties and their supply is carried out, the reasons for the emergence of certain situations are identified. Possible options for further actions of the structural divisions of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tajikistan, the Ministry of Labor, Migration and Employment of the Republic of Tajikistan with the involvement of relevant entities of the educational services and labor market are identified, in order to achieve a balance of supply and demand in these markets, indicating their positive and negative sides. It is proposed to create a single official publicly available website with a common information and analytical online platform in the space of the Central Asian republics and the Russian Federation. The comparative effectiveness of the information and analytical platform proposed by the author with a publicly available website is substantiated in the context of the progressive trend of integration and internationalization of the educational services and labor markets.

Keywords: Republic of Tajikistan; qualified personnel; labor market; educational services market; situational approach; demand; supply; information platform.

ДАРЁФТИ МЕХАНИЗМИ КАМХАРҶИ ТАЪМИНИ БАРОБАРВАЗНИИ ТАЛАБОТУ ПЕШНИҲОДҲО БА КАДРҲОИ СОҲИБТАХАССУС АЗ ДИДИ ВАЗЪӢ

Сангинов Назрулло Сангинович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисод ва ташкили соҳибкорӣ
Донишгоҳи давлатии тиҷорати Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, Деҳотӣ, ½
Тел.: (+992) 93 444 55 11 (м.)
cpte@mail.ru

Дар мақола аҳаммияти интихоби варианти беҳтарини ноил гардидан ба баробарвазнии байни талабот ба кадрҳои тахассусманди касбу ихтисосҳои мухталиф ва пешниҳодҳои онҳо аз ҷумлаи вариантҳои имконпазир муайян карда шудааст. Зарурати истифода аз диди вазъӣ дар мавриди гузаронидани таҳлил ва нақшагирии амалҳои ояндаи муасиссаҳои таҳсилоти касбӣ ва субъектҳои бозори меҳнат, ки ба таъмини муваффақонаи мутахасиссони оянда бо кор равона гардидааст, асоснок карда шудааст. Таҳлили қиёсии таносуби талбот ва пешниҳодҳои кадрҳои соҳиби маълумоти ибтидоӣ, миёна ва олии касбӣ аз рӯйи ихтисосҳои мухталиф дар Ҷумҳурии Тоҷикистон гузаронида шуда, сабабҳои ба вуҷуд омадани ин ё он вазъият ошкор карда шудаанд. Вариантҳои имконпазири амалиёти ояндаи сохторҳои таркибии ВМ ва И ҶТ ва ВММША – и ҶТ, бо ҷалби субъектҳои мувофиқи бозори хизматрасониҳои таҳсилотӣ ва бозори меҳнат ҷиҳати ноил гардидан ба тавозуни талабот ва пешниҳодҳо дар ин бозорҳо, бо нишондоди ҷонибҳои мусбат ва манфии он муайян карда шудаанд. Ташкил намудани сомонаи ягонаи дастраси умуми соҳиби онлайн-платформаи иттилоотию таҳлилии умумӣ дар фазои ҷумҳуриҳои Осиёи Марказӣ ва Федератсияи Россия пешниҳод карда шудааст. Самаранокии нисбии онлайн-платфомаи тавсияшудаи дорои сомонаи ягонаи дастраси умум дар шароити ҳамгироӣ ва байналмилалигардии бозорҳои хизматрасониҳои таҳсилотӣ ва меҳнат асоснок карда шудааст.

Калидвожаҳо: диди вазъӣ; талабот; пешниҳодҳо; субъектҳои бозори меҳнат; муасиссаҳои таҳсилоти касбӣ; платформаи иттилоотӣ; сомонаи дастраси умум.

УДК 338.46:330.322.3(575.3)

СОВЕРШЕНСТОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Фозилханов Дилшод Отаджонович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории и мировой экономики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 15 71
fozilkhonov@mail.ru

Салиева Хилола Шодибоевна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и менеджмента ДФ НИТУ МИСИС
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Назаршоева, 7
Тел.: (+992) 93 323 22 22 (м.)
shilola.86@mail.ru

В статье рассмотрены главные условия наполнения большого количества инвестиционных ресурсов, что является главным фактором экономического развития и повышения конкурентоспособности в процессе внедрения инноваций в инвестиционный рост. Изучаются условия расширения инвестиционной деятельности в сфере инновации как одна из приоритетных задач в современных условиях среди развивающихся стран, в том числе и для национальной экономики Республики Таджикистан. Целенаправленое инвестирование в инновационные проекты в сфере услуг – залог устойчивого обеспечения экономического роста страны и следовательно повышения благосостояния населения.

Приведены предпосылки совершенствования инновационной деятельности, исходящие из Послания Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Парламенту страны, Стратегии инновационного развития Республики Таджикистан на период до 2020 года, Программы среднесрочного развития Республики Таджикистан за 2021-2025 годы, Концепции цифровой экономики в Республике Таджикистан, а также законов и нормативно-правовых актов, которые регулируют отношения участников инновационного процесса.

Выделены барьеры, которые тормозят расширение привлечения инвестиций в инновационные проекты на предприятиях сферы услуг, меры поддержки внедрения в их деятельность результатов научно-технического прогресса, а также основные источники финансирования инновационных проектов. Рассмотрены показатели инновационного развития в Таджикистане в их сравнении с аналогичными показателями стран СНГ в рейтинге Глобального индекса инновации.

Ключевые слова: Республика Таджикистан; инвестиции; инвестиционные ресурсы; инвестицонная деятельность; инновации; инновационные проекты; инновационный потенциал; инновационное развитие; сфера услуг; национальная экономика.

Успешное развитие инновационной экономики определяется комплексным обеспечением всеми видами ресурсов, включая интеллектуальные, трудовые, капитальные, энергетические, сырьевые, информационные, материально-технические и др. Однако главным условием ее динамичной устойчивости является своевременное наполнение большого количества инвестиционных ресурсов, и в этом случае «они являются главными факторами экономического развития и повышения конкурентоспособности в процессе внедрения инноваций в инвестиционный рост. Привлечение инвестиций в развитие инновационных процессов в экономике является одной из важных задач государственной власти и управления всех уровней для всей территории Республики Таджикистан» [5, с.57].

Трансформацию социально-экономической жизни нашей страны невозможно представить без постоянного внедрения инноваций и инновационных продуктов. Активизация внедрения инновационных продуктов требует привлечения инвестиций, расширения инвестицонных ресурсов с целью увеличения воспроизводства. Целенаправленое инвестирование в инновационные проекты в сфере услуг – залог постянного обеспечения экономического роста страны, также повышения благосостояния населения.

Привлечение инвестиций в иновации подразумевает совокупность отношений, которые охватывают процесс организации и привлечения инвестиций в инновационные проекты. Иннновационные проекты, в свою очередь должны иметь практическое значение как для инвестров, так и для субъектов хозяйственной деятельности. Особую значимость реализация инновационных проектов имеет для населения, так как конечными потребителями результатов инновационных продуктов считаются люди.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своем Послании Маджлиси Оли Републики Таджикистан 28.12.2024 года выступил с важной инициативой: «… для расширения инновационных процессов и всестороннего использования возможностей цифровых технологий в различных сферах экономики объявить 2025-2030 годы «Годами развития цифровой экономики и инноваций»»[1]. В связи этим отраслевым ведомствам и министерствам было поручено представить Правительству страны план укрепления связи инновации с производством.

Следует отметить, что еще в 2015 году Правительство страны утвердило «Стратегию инновационного развития Республики Таджикистан на период до 2020 года», направленную на развитие научно-кадрового потенциала, технологии

[1] Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики». Душанбе 28.12.2024г. Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: https://prezident.tj/event/missives/49237

и инновационной деятельности с целью использования инновационных проектов в социально-экономических процессах.

На сегодняшний день в стране реализуется Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2021-2025 годы, в которой развитие цифровой экономики для расширения принципов инновационного развития, является одной из приоритетных задач.

По словам заместителя министра экономического развития и торговли Республики Таджикитсан А.А.Солехзода "... по состоянию на 1 июля 2024 года в стране реализуются более 230 документов стратегического планирования национального, отраслевого и регионального уровня, которые направлены на достижение целей и задач, обозначенных в Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года и исходящие из поручений Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона" [6, с.10].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что инвестиционная деятельность в сфере инноваций определена как одна из важнейших задач страны. Юридические гарантии субъектам инвестиционной деятельности обеспечивают нормативно-правовые документы, в том числе законы, которые регламентируют механизм организации, привлечения и реализации инвестицонных проектов на территории Таджикистана.

Так, в статье 1 Закона Республики Таджикистан "Об инвестициях" отмечается, что "инвестиционная деятельность – инвестиционный процесс, включающий, этапы подготовки, исполнения и управления инвестиционными проектами, связанными с инвестицией"[1]; в статье 1 Закона Республики Таджикистан "Об инвестиционном соглашении" раскрывается понятие инвестицонного проекта: "Это коммерческий проект, предусматривающий существенный объем инвестиций, включающий высокую степень финансовых, технологических, экологических и иных рисков и являющийся стратегически важным для развития определенной отрасли экономики Республики Таджикистан и повышения уровня жизни народа Таджикистана»[2].

Таким образом, регламент отношений инвестицонной деятельности всесторонне охвачен и юридически закреплен нормативно-правовыми актами Республики Таджикистан, что, в свою очередь, защищает интересы как внешних, так и внутренних инвестров на территории нашей страны. В нашем случае речь идет об инвестициях в сфере инноваций сферы услуг.

Как показывает практика, при инвестировании инновационных проектов в сфере услуг хозяйствующие субъекты должны предпринять следующее:

- определить основные направления инновационного развития, которые

[1] Об инвестициях: Закон Республики Таджикистан от 03.03.2016 года, №196. URL: https://www.andoz.tj/docs/zakoni/l_%E2%84%9620_investment-RT_ru.pdf

[2] Об инвестиционном соглашении: Закон Республики Таджикистан от 28.02.2013 года, №468 (в редакции Закона РТ от 30.05.2017г. №1435). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=59050

обеспечивают инновационную составляющую в процессе их деятельности;

- обеспечить поэтапное внедрение инновационных проектов с целью совершенствования технологии производственного процесса и оказания услуг;
- предусмотреть, что реализация инновационных проектов должна быть выгодной и эффективной, так как они должны быть направлены на снижение расходов и увеличение прибыли предприятия, в том числе сферы услуг;
- инновационные проекты могут быть реализованы в том случае, если учитываются все возможности предприятия сферы услуг.
- принять во внимание возможности будущих покупателей инновационных товаров и услуг;
- добиваться расширения результатов детяельности (производство товаров, оказание услуг) после внедрения инновационных проектов;
- учитывать потенциал конкурентов на рынке;
- принять во внимание влияние института государства через изменения законодательства и правил “игры”;
- учитывать внешние факторы влияния, такие как мировая стабильность.

Исходя из вышеперечисленного, можно выделить ряд барьеров, которые тормозят расширение привлечения инвестиций в инновационные проекты на предпритиях сферы услуг (см. рис. 1).

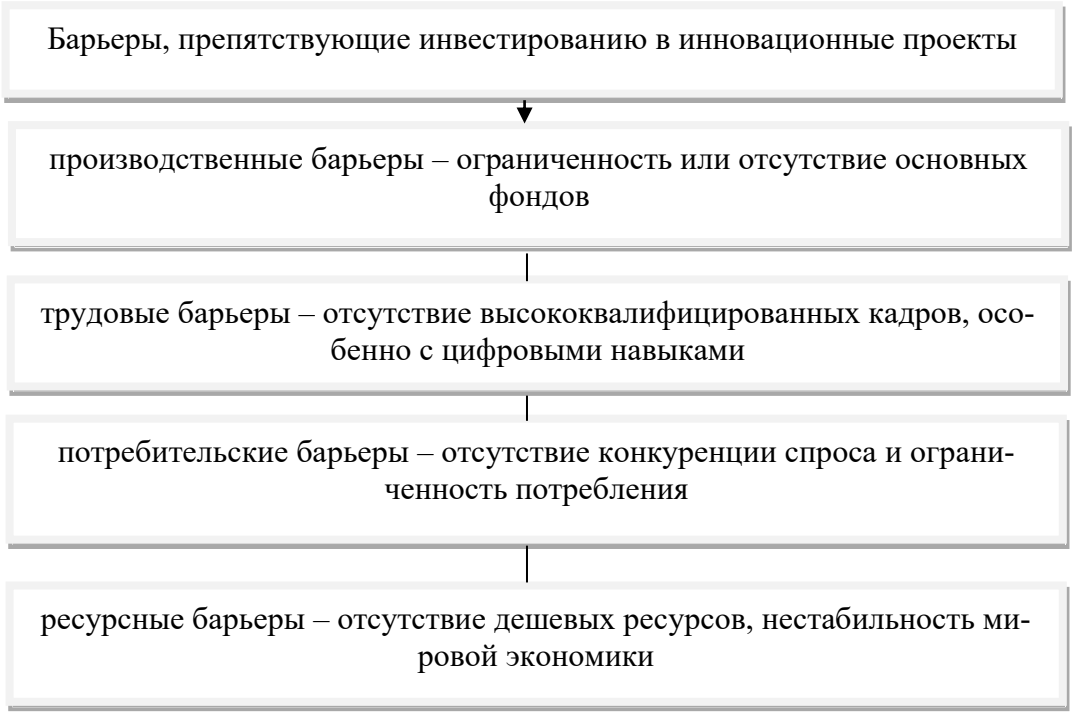


Рис.1. Барьеры, препятствующие привлечению инвестиций в инновационные проекты на предпритиях

Исходя из перчисленных барьеров, можно предложить следующие меры

поддержки внедрения результатов научно-технического прогресса на предприятиях сферы услуг:

- оборудование процесса производства и оказания услуг инновационными технологиями;
- совершенствование цифровых навыков и знаний работников отрасли;
- улучшение качества производимой продукции и оказания услуг с привлечением достижений науки и техники;
- снижение производственных затрат за счет эффективного использования ресурсов.

Стоить отметить, что переход на инновационный путь развития социально-экономических отношений требует постоянного совершенсиования отношений субъектов национальной экономики. Предпосылкой формирования инновационной системы, начиная с давних времен, является внедрение результатов научно-технических достижений в прозводственный процесс и в процесс осблуживания. Поэтому в качестве участников инновационных процессов выступают органы управления научных и образовательных учреждений, промышленность, финансовые и другие сферы экономики, которые во взаимосвязи создают обновленную продукцию – товары и услуги.

Хотелось бы отметить, что внедрение инноваций в производственном процессе требует финансовой поддержки субъектов хозяйственной деятельности. Основные источники финансирования инновационных проектов можно представить нижеследующим образом (см. рис.2):

Рис. 2. Основные источники финансирования инновационных проектов [10, с.97-98]

Общепринятые перечисленные на рисунке 2. источники финансирования инновационных проектов условно можно разделить на две формы инвестирования: государственные и негосудартсвенные источники финансирования.

В целях дальнейшего расширения принципа инновационного развития, в 2019 году Постановлением Правительства Республики Таджикистан принята «Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан», которая определяет главный тренд инноваций – перевод экономики на цифровые рельсы, что позволит дать толчок трансформации существующих и развитию новых видов производства, а также получить цифровые дивиденды в таких областях, как рост ВВП, создание новых рабочих мест, сфера услуг и повышение качества жизни населения. В среднесрочном периоде процесс цифровой трансформации планируется сосредоточить в области цифровизации энергетической отрасли, агропромышленного комплекса и сектора телекоммуникаций, в соответствии с их стратегической важностью для развития страны. «Учитывая современные вызовы в области цифровизации, в Концепции поставлена цель создания основ нецифровой (укрепление нормативной и законодательной базы и регулирование кибербезопасности) и цифровой (широкополосный доступ в интернет по всей стране и оптимизация всего процесса предоставления услуг при помощи цифровых технологий) трансформации в стране. Поэтому данная концепция соответствует национальным интересам Республики Таджикистан и ее широкое использование может создать необходимые условия для нахождения собственной ниши в глобальных инновационных процессах по эффективному использованию природного капитала и повышению конкурентоспособности страны» [4, с.9].

Концентрируя свое внимание на вышеназванном, можно отметить, что государство, как крупный субъект экономики, в случае отсутствия возможности содержания и инвестирования в гигантские проекты секторов национального хозяйствования, вправе предоставлять, конечно же на условиях аренды, своё имущество в частный сектор. В таких случаях полный либо частичный контроль над деятельностью этих объектов осуществляется по согласованию сторон. Подобные модели сотрудничества можно наблюдать и в сфере услуг [8, с.22]

Другим немаловажным критерием определения инновационного потенциала страны является Глобальный индекс инновации (Global Innovation Index, GII). Глобальный индекс инновации – это инструмент, который разработан для измерения уровня инновационной активности и способности страны к инновациям (диаграмма 1).

Источник: Global Innovation Index Database, WIPO, 2024. URL: https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024 (дата обращения 06.01.2025)

Как видно из диаграммы, Республика Таджикистан имеет самый низкий уровень инновационного развития среди стран СНГ. Анализ показателей инновационного развития в Таджикистане и их сравнение с аналогичными показателями других стран выявляет значительные трудности (затраты на научные исследования и разработки в Таджикистане составляет 0,12% от ВВП, а в развитых странах 1-3% от ВВП, и в них доля прироста ВВП за счёт использования инноваций составляет 70-80%), которые необходимо преодолеть для создания эффективной и современной инновационной системы в стране.

В настоящий момент большинство государств в своих программах считают расходы на НИОКР одним из основных элементов модернизации экономики. Поэтому в качестве примера для реального выражения инвестиций указаны именно эти расходы. Для оценки влияния инвестиций в образование на мировой рынок высокотехнологичной продукции было рассмотрено количество грамотного населения и количество получивших высшее образование. Данный подход также обеспечивает возможность оценить это влияние как на рынок, так и на экономику государства в целом, анализируя динамику результирующих показателей. Уменьшение же количества специалистов на рынке в целом сильно повлияет на всю экономику государства, а понижение их квалификации особенно сильно отразится на рынке высокотехнологичной продукции [1, с.170].

Факторы образовательной структуры повлияют на качественные характеристики работающего населения. Уровень образования безработных граждан определяет «востребованность» отдельных типов работодателей и структуру мер по стимулированию предложения рабочей силы [9, с.51].

Превращение имеющегося в Республике Таджикистан научно-технологического потенциала в действенный фактор экономического развития предполагает необходимость выработки и реализации государственной политики комплексной поддержки инновационных процессов. «При этом первоочередной задачей является создание особо благоприятных институциональных условий для формирования отечественной инновационной системы» [2, с.209].

Совершенствование инновационной политики может способствовать развитию предпринимательской деятельности в стране, обеспечить благоприятную среду для привлечения инвестиций в инновационные проекты, а также сближает научно-технический прогресс с производственным процессом. В свою очередь это обеспечивает постоянную эффективность и результативность деятельности субъектов хозяйственной деятельности, минимизирует затраты выпускаемой продукции, либо оказание услуг, дает возможность предлагать населению конкурентоспособные отечественные товары.

По мнению Р.М.Мирбобоева, к проблемам формирования инновационной экономики Таджикистана можно отнести: «недостаточную вовлеченность научного и научно-технического потенциала в инновационные процессы; отсутствие развитой инновационной инфраструктуры; низкие темпы формирования современной системы подготовки кадров в области инновационной деятельности; несоответствие реального состояния системы информационно-коммуникационных технологий требованиям, предъявляемым к организации современной информационной системы в сфере инновационной деятельности; отсутствие налаженной системы введения в хозяйственный оборот результатов научных исследований и коммерциализации научно-технических разработок; неразработанность мер по стимулированию создания малых инновационных предприятий и инновационного предпринимательства; слабое использование потенциальных возможностей международного сотрудничества для поддержания инновационных процессов в стране» [3, с.23].

Таким образом, привлечение инвестиций в инновационные проекты является постоянной задачей государства как основного субъекта экономической деятельности и остальных субъектов в ближайщем будущем. Как показывает опыт многих стран, в условиях постоянного развития и появления новых форм и методов производства продукции и оказания услуг, интенсивности научно-технического прогресса обеспечение стабильного и устойчивого функционирования национальной экономики зависит от совершенствования производства наукоемких и выскотехнологических продуктов и услуг, создания условий для формирования инновационного климата в стране с целью увеличения инновационного потенциала Республики Таджикистан.

Литература

1. Иванченко А.Г. Влияние инвестиций в науку и образование на мировой рынок высокотехнологичной продукции / А.Г.Иванченко, Д.С.Ушаков // Молодой ученый. – 2018. – №17(203). – С. 167-171.

2. Комилов С.Дж. Теория инновационного развития: монография. – Душанбе: Шарки озод, 2019. – 264 с.
3. Мирбобоев Р.М. Интеграционные процессы в формировании индустриально-инновационного сценария развития национальной экономики // Социально-экономические подходы к инновационному развитию экономики Республики Таджикистан: материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ, 2024. – С.20-27.
4. Саидмуродзода Л.Х. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года: принципы реализации и инновационные ориентиры // Социально-экономические подходы к инновационному развитию экономики Республики Таджикистан: материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ, 2024. – С.4-9.
5. Салиева Х.Ш., Давлатова С.Д. Инвестиционные аспекты улучшения водопользования в сельском хозяйстве региона // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – Душанбе: ТНУ, 2023. – №8. – С.57-63.
6. Солехзода А.А. Стратегическое планирование перехода к новой модели развития Республики Таджикистан // Социально-экономические подходы к инновационному развитию экономики Республики Таджикистан: материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ, 2024. – С.10-15.
7. Степанова И.П. Инновационный менеджмент: курс лекций / Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В.Плеханова». – Саратов, 2014. – 124 с.
8. Фозилханов Д.О. Развитие государственно-частного партнерства в сфере бытовых услуг: опыт развитых стран // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – №2(74). – С.21-29.
9. Фозилханов Д.О. Социальное партнерство как институт развития рынка бытовых услуг: монография. –Душанбе: РТСУ, 2020. – 101 с.

SUPPORT OF INVESTMENT ACTIVITIES OF INNOVATIVE PROJECTS IN THE SERVICE SECTOR IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Fozilkhanov Dilshod Otajonovich

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of economic theory and world economy
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992 37) 227 15 71
fozilkhonov@mail.ru

Salieva Khilola Shodiboevna

Candidate of economic sciences,
associate professor of chair of economics and management,
Branch of the national research technological university «MISIS» in Dushanbe
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Nazarshoeva str., 7
Ph.: (+992) 93 323 22 22 (m.)
shilola.86@mail.ru

The article deals with the main conditions for filling a large number of investment resources, which are the main factors of economic development and increasing competitiveness in the process of introducing innovations into investment growth. The factors of expanding investment activities in the field of innovation are studied, which is one of the priority tasks in modern conditions among developing countries, including for the national economy of the Republic of Tajikistan. Targeted investment in innovative projects in the service sector is the key to the constant provision of economic growth of the country and, consequently, an increase in the welfare of the population.

In the article the prerequisites for improving innovation activities based on the Address of the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon to the Parlament, the Strategy for Innovative Development of the Republic of Tajikistan until 2020, the Medium-Term Development Program of the Republic of Tajikistan for 2021-2025, the Concept of the Digital Economy in the Republic of Tajikistan are presented, as well as laws and regulations that govern the relations of participants in the innovation process.

The barriers that hinder the expansion of investment in innovative projects at service enterprises, measures to support the implementation of the results of scientific and technological progress at enterprises, and the main sources of financing for innovation projects are highlighted. The indicators of innovation development in Tajikistan with similar indicators of the CIS countries in the Global Innovation Index rating are considered.

Keywords: Republic of Tajikistan; investments; investment resources; investment activities; innovations; innovative projects; innovative potential; innovative development; service sector; national economy.

ТАКМИЛИ ФАЪОЛИЯТИ САРМОЯГУЗОРИИ ЛОИҲАҲОИ ИННОВАТСИОНӢ ДАР СОҲАИ ХИЗМАТРАСОНӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Фозилхонов Дилшод Отаҷонович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи назарияи иқтисодӣ ва иқтисоди ҷаҳонӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 15 71
fozilkhonov@mail.ru

Салиева Ҳилола Шодибоевна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёт ва менеҷменти
Филиали донишгоҳи миллии таҳқиқотии технологии «МИСИС»
дар шаҳри Душанбе
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯчаи Назаршоев, 7
Тел.: (+992) 93 323 22 22 (м.)
shilola.86@mail.ru

Дар мақола шартҳои асосии пур кардани миқдори зиёди захираҳои сармоягузорӣ, ки омилҳои асосии рушди иқтисодӣ ва баланд бардоштани рақобатпазирӣ дар раванди татбиқи инноватсия дар рушди сармоягузорӣ мебошанд, баррасӣ карда мешаванд. Омилҳои тавсеаи фаъолияти сармоягузорӣ дар соҳаи инноватсия омӯхта мешаванд, ки ин яке аз вазифаҳои афзалиятнок дар шароити муосир дар байни кишварҳои рӯ ба тараққӣ, аз ҷумла барои иқтисодиёти миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад. Сармоягузории мақсаднок ба лоиҳаҳои инноватсионӣ дар соҳаи хизматрасонӣ гарави таъмини доимии рушди иқтисодии кишвар ва дар баробари ин боиси баланд бардоштани некӯаҳволии халқ мегардад.

Заминаҳои такмили фаъолияти инноватсионӣ, ки аз Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, “Стратегияи рушди инноватсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2020”, “Барномаи рушди миёнамуҳлати Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2021-2025”, “Консепсияи иқтисоди рақамӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон”, инчунин қонунҳо ва санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, ки муносибатҳои иштирокчиёни раванди инноватсиониро танзим мекунанд, оварда шудаанд.

Монеаҳое, ки тавсеаи ҷалби сармоягузорӣ ба лоиҳаҳои инноватсиониро дар корхонаҳои соҳаи хизматрасонӣ, тадбирҳои дастгирии ҷорӣ намудани натиҷаҳои пешрафти илмию техникӣ дар корхонаҳо, инчунин манбаъҳои асосии маблағгузории лоиҳаҳои инноватсиониро бозмедоранд, қайд карда шуданд. Нишондиҳандаҳои рушди инноватсионӣ дар Тоҷикистон дар муқоиса бо нишондиҳандаҳои шабеҳи кишварҳои ИДМ дар рейтинги индекси Ҷаҳонии инноватсия баррасӣ гардиданд.

Калидвожаҳо: Ҷумҳурии Тоҷикистон; сармоягузорӣ; захираҳои сармоягузорӣ; фаъолияти сармоягузорӣ; инноватсия; лоиҳаҳои инноватсионӣ; иқтидори инноватсионӣ; рушди инноватсионӣ; соҳаи хизматрасонӣ; иқтисоди миллӣ.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 25.09.2024 г. Подписано в печать 30.09.2024 г.
Формат 60х84$_{1/8}$. бумага и печать офсетная. Гарнитура
литературная. Объем 43,3 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №165

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30